

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

119

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 119

TRIMESTRIEL

III-IV 1976

LE MESSENGER

Périodique édité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Франция: К. А. Ельчанинов, прот. Алексей Князев, И. В. Морозов.

Америка: Архиеп. Сильвестр, прот. Александр Шмеман, прот. Иоанн Мейендорф, прот. Кирилл Фотиев, М. Гизетти, О. Раевская.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ на 1977 г.

4001464

Р.
Р.
Л.
Л.

Abonne
Prix d
Цена о

.. 75 F
.. 25 F
6 долл.

РУСС

ДВИЖЕНИЯ

Адрес
91, г

Russes,
250-53-66.

почтовый счёт: 23-601-57 U - Paris.

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

119

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ

4001464

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

ОТ РЕДАКЦИИ

К 750-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ФРАНЦИСКА АССИЗСКОГО

Как любил говорить строгий московский митрополит Филарет, «перегородки разделения не возвышаются до неба». Вероятно, он имел в виду не только загробный суд, но и опыт святых, предворяющих на земле небесное Царствие. Среди святых Западной Европы Франциск Ассизский занимает особое, ни с кем не сравнимое место (разве что с создателем в VI в. западного монашества, св. Венедиктом Нурсийским). Образ его столь прозрачен, подражание Христу столь подлинно, что нет человека, верующего или даже неверующего, кто не был бы им покорен. Стоит вступить в городок, где «горы высокий сходит склон цветущий», стоит взойти на этот склон, к тем пещерам, куда удалялся Франциск от мирского шума, чтобы сразу быть охваченным той атмосферой суровости и радости, надмирности и простоты, которую нес в себе, распространял вокруг себя Умбрийский бедняк, *il poverello*. Обрученный «прекрасной нищете», сострадавший Христу вплоть до приятия его язв, но и благословивший всё сущее, не только солнце, луну и звезды, но и самую смерть, Франциск — из тех немногих людей, кто изменил ход истории, культуры, искусства. Православным образ Франциска особенно близок: его космическое восприятие мира во Христе, его антиинтеллектуализм, доходящий до недоверия к культуре, его юродство сродни именно восточной традиции. Но, увы, в силу разделения Церквей, Православная Церковь не знает Франциска «святого», не возносит к нему общественных молитв. Почитание Франциска, если совершается, то келейно, в сердце каждого.

Справедливо ли такое разграничение? Формально, поскольку официальная дата раскола восходит к 1054 году, Франциск находится уже *вне* истинной Церкви (но как фальшиво звучит это безошибочное предложение). Но известно, что ссора между предстоятелями Рима и Царьграда весьма не скоро была осознана церковным телом: вплоть

COMMISSION PARITAIRE
№ d'inscription 29.425

до XIII века, а то и позже, не редки были случаи церковного общения между западными и восточными христианами. Разобщение наступило постепенно и стало, вероятно, роковым, бесповоротным, после «западной схизмы» (XV век), когда авторитарная эkkлезиология окончательно восторжествовала над соборной. На рубеже XII — XIII веков, в небольшом городке Умбрии раскол не ощущался, а в подвиге Франциска, боровшегося за неповрежденность и неуязвимость евангельского идеала, ему просто не было места. Сейчас, после крупных сдвигов, православно-католические отношения снова в некотором тупике. Состоялось взаимное лобызание двух патриархов старого и нового Рима. Сняты были обоюдные клятвы 1054 года. Но богословские разногласия, усугубленные девятью веками отчуждения, остаются и препятствуют общению в таинствах (оно возможно только при полном единстве). Церковное же признание Франциска Ассизского святым, его прославление восточной Церковью, уж не говоря о радости, которое оно принесет верующим, не будет ли оно той вехой, которая на глубине, в тайном общении с величайшим из святых, приблизит нас к заповеданному единству?

Н. Струве

Богословие, Философия

Г. ИГНАТЬЕВ

О ВЕРЕ

1.

Когда сегодня интеллигентный человек оказывается лицом к лицу с проблемой собственного отношения к религии, у него встает главный вопрос: а как же вера? Где я возьму веру, если нет ее у меня? Впрочем, этот вопрос уже свидетельствует о серьезном отношении к религии. Отец этого интеллигента еще вполне мог бы ограничиться идейкой, что религия — опиум для народа, а наука доказала, что Бога нет. С таким человеком о религии толковать было бы преждевременно.

Серьезное отношение начинается там, где человек в состоянии осознать свою философскую установку. Возможные установки разумно поделить на четыре группы, поскольку каждая из этих групп специфична по своему отношению к религии. (Разумеется, мы отбираем только те признаки этих групп, которые существенны с точки зрения категории веры. Приводимый перечень отнюдь не является классификацией философских систем. Более того, люди, считающие себя приверженцами одной и той же философской системы, могут попасть в разные группы).

Первая группа — это эмпирическая или номиналистическая установка. При этом эмпирические факты, явления, индивидуальные вещи считаются основной, первичной или даже единственной реальностью. Уже признание детерминистских законов, управляющих видимой реальностью, есть отход от чистого эмпиризма. Более последовательно было бы считать, что миром правит случай, а события состоят в хаотическом столкновении вещей. Тогда единственные настоящие законы — это статистические закономерности, объясняющие видимый порядок мироздания. Это последовательно атеистическая установка, основанная на вере в то, что никакого смысла, стоящего за миром явлений, нет и быть

не может. Чувственный опыт рассматривается как откровение, четко говорящее об отсутствии Бога.

Вторая группа — это концептуалистическая или пантеистическая установка. Она состоит в том, что человек признает наличие смысла в явлениях, реальность физических или психических законов, реальность абстрактных категорий. И даже готов принять онтологическую первичность этой реальности. Но при этом человек не признает благодатность Бога, готовность Его идти навстречу каждому из нас и, как апофеоз этой готовности, земное воплощение и искупительную жертву Христа. Пантеистическая установка в некотором смысле признает Бога — как высший смысл, как закон, управляющий миром, как некую духовность, разлитую повсеместно в Природе и воплощенную в Природе. Человек с подобной установкой более осторожно относится к проблеме бытия Божьего, нежели номиналист. Он хотя бы признает реальность духовного мира, неоднозначность интерпретации явлений, недостаточность чисто эмпирического знания. Он уже не может усмотреть в науке категорическое опровержение религии. К представлению о личностном, благодатном, милосердном Боге он скорее относится как к гипотезе, которую нельзя ни доказать, ни опровергнуть, но лишь принять в качестве предмета веры. Однако могут быть различия в оценке правдоподобности такой гипотезы: от категорического неверия, через сомнение к признанию правдоподобности и ценности теизма.

Третья группа установок — это агностицизм разного рода и уровня. Агностицизм — это пессимистическое, но благородное заявление «не знаю». Иногда это переходит в догматическое «не могу знать» или «никто не знает». Но это уже отказ от последовательного агностицизма, поскольку здесь выражена претендующая на знание уверенность в невозможности знания. Таков, в сущности, соллипсизм, утверждающий, что подлинная реальность лежит лишь в наших ощущениях. Возможен агностицизм номиналистического или эмпирического уровня, провозглашающий опытное знание индивидуальных вещей единственно доступным для человека знанием, но не отвергающий с порога мир духовный, мир общих категорий. Наконец, возможен и агностик-концептуалист, признающий тот же спектр реальностей, что и представитель второй группы установок, но отрицающий возможность сколько-нибудь уверенного знания в сфере мистического общения с Богом. Или, более мягко, утверждающий, что он по этому вопросу ничего не знает и/или не рассчитывает узнать.

Именно для такого агностика наиболее остро стоит проблема веры; откуда может возникнуть религиозная вера и какие у нее могут быть основания?

Наконец, четвертая группа установок — это монотеизм, объединяющий три великие религии человечества: Христианство, Ислам и Иудаизм. Общее для этих религий — признание Верховного существа, вступающего в личные отношения с людьми и человечеством, вознаграждающего за добро, карающего злые дела и помыслы и устанавливающего Завет между Собой и людьми. В этой группе целесообразно противопоставлять не Христианство и религии, отрицающие троичность Божества, но западно-восточную ортодоксию, принимающую Никейский символ веры, и все остальные монотеистические религии. Ортодоксия отличается от них наиболее полным признанием возможности и желательности богообщения в этом мире, через материальные субстанции и явления. Г. К. Честертон отметил как-то непоследовательность протестантизма, признающего материальное явление Христа в Истории и отрицающего возможность литургического причащения Христу через пресуществление. Такое отрицание естественно для магометанина или иудея, но в высшей степени нелогично для христианина.

Наоборот, отказ от любых материальных посредников между Богом и людьми, признание исключительно личного пути богообщения и только в духовном плане сближает крайние формы иудаизма с буддийскими или тантристскими воззрениями на сущность религии, фактически отрицающими персональность Бога.

Вера в ее ортодоксально-христианском понимании — это не просто вера в абсолют, в вечные идеи, в инвариантность смысла, реализующегося в видимом многообразии явлений. Такая вера мало отличается от концептуалистской установки, от рациональной идеалистической философии. Суть христианской веры в принятии таинства причащения, понимаемого не только в его точном храмовом значении. Но как причащение Богу через явления видимого мира, через общение с историческим Христом, Его апостолами и преемниками апостолов, через встречу с Его вестниками, через Слово. Вообще через откровение, доступное человеческим чувствам и человеческому разуму. Это вера в то, что абсолют не есть нечто недостижимое, но обнаруживается рядом с нами как награда за веру. Не так трудно верить в абсолют, которого нам не дано узреть. Труднее поверить, что этот абсолют уже явлен, что мы в состоянии причаститься этому абсолюту.

Впрочем, также трудно дается мысль о том, что когда мы записываем логическую тавтологию (скажем, закон исключенного третьего), то мы соприкасаемся с абсолютной истиной, не зависящей от случайностей материальных явлений. (Но обо всем этом поговорим чуть позже.)

2.

Прийти к концептуализму или агностицизму человек способен усилиями собственного разума, убедительно доказывающего недостаточность и онтологическую неполноту мира явлений. В религиозных терминах это означает, что для преодоления эмпиризма достаточно откровения разума, откровения науки. Стоя на чисто эмпирических позициях, невозможно всерьез говорить о законах Природы, о смысле математических описаний природных объектов, о познании психического или системных принципов. Но дальше возникает проблема веры. Человек говорит себе примерно следующее: «Я понимаю разумность нравственных принципов, вытекающих из религиозного сознания, я понимаю даже бесконечную ценность бытия Божьего, если бы оно было реально. Но как мне получить веру в эту реальность? А раз у меня нет веры, то как я могу все это признавать?» Отметим, что в такой позиции уже есть элемент религиозного мышления. Ведь в сущности такая позиция равносильна признанию, что для обретения веры необходима благодать, что вера обретается только с помощью Бога. Человек умом постигает благодатность Бога, понимает, что вера, как одно из высших благ, может быть получена только от Бога. Но, при этом, не верит в Бога. Это реальный парадокс, но отнюдь не попытка иронизировать. Если уж разрешить себе слегка поиронизировать, то представим себе такую житейскую аналогию: человек регулярно получает зарплату в кассе, понимает, что она ему необходима, но не признает реальность бухгалтера, который оформляет платежную ведомость, и директора, который ее подписывает. Все это никак не мешает ему получать и тратить свою зарплату.

Впрочем, это все речь идет о человеке, умеющем осознать наличие в мире благодати, дара пользоваться жизнью. Есть и другая позиция — человек видит в мире прежде всего дурное и жестокое и, обвинив в этом Бога, отрицает бытие Божие. Нельзя сказать, что этот силлогизм обладает большой логической силой, но эмоционально он оказывается достаточно убедительным.

Это в сущности точка зрения человека, способного относиться к Богу только как к земному начальству, не способному где надо власть употребить или употребляющему эту власть во зло. А ведь такой человек, как правило, не умеет сам определить, что есть зло, а что необходимые страдания. А главное, когда он сам (этот же человек) привносит в мир злую волю.

Но вернемся все-таки к проблеме: как можно обрести веру? Что для этого нужно от самого человека? Разумеется, можно внушить себе веру, взять себя за волосы и привести в храм Божий. Только кому это нужно и какая этому цена? Лучше быть просто хорошим человеком без всякой определенной веры, чем жертвой такого самонасилия, при котором ограничивается свободная воля и ослепляется разум. Собственно в этом и состоит проблема «анонимного христианства», о котором много пишет о. Сергей Желудков. Поскольку все хорошее — и разум, и доброта, и свобода воли идет от Господа, то и являясь в неверующем человеке, эти качества суть дары Господни. Не можем же мы в суемудрствовании ограничивать благодать Господню, полагая, что Христос ограничивает свое попечение только членами своей видимой Церкви! И все же вера есть такая ценность, что мы обязаны исследовать разумом пути к ее обретению. Бесспорно, что вера дается благодатным откровением. Но каковы могут быть виды откровения? Можно ли сознательно прийти к тому, чтобы получить это откровение в той форме, которая наиболее убедительна моему разуму и моей душе? Вот вопрос, на который хотелось бы иметь хотя бы приблизительный ответ. Я осмелюсь утверждать, что путь к откровению и вере начинается с сомнения. Для номиналиста или эмпирика все начинается с сомнения в том, что действительность ограничивается непосредственным чувственным опытом. Тем самым возникает вопрос о реальности смысла, присущего явлениям видимым, данным нам в ощущениях. Далее, очень важно сомнение в единственности толкования этого смысла. Каждый факт, каждую вещь мы вычленяем из целостной действительности и ставим его/ее в некоторый ряд из вещей и фактов и уже этим навязываем им определенный смысл. Вещь в ряду других вещей становится образом, наполняется содержанием. Береза, в зависимости от смыслового ряда, в который мы ее поставим, становится попеременно образом родины, общества, девичьей чистоты и безысходной тоски.

Когда мы рассматриваем логический силлогизм, мы не всегда осознаем, сколь сильные предположения мы сделали заранее,

чтобы вычленив высказывание из аморфной действительности. Когда мы говорим «Все люди смертны», мы уже предполагаем, что класс людей четко задан и в сколь угодно далеком будущем мы будем способны отделить человека от любого другого существа или устройства. Кроме того, мы предполагаем, что говорящий знает, что такое смерть, хотя он заведомо не имеет такого опыта. Вне таких предположений «Все люди смертны» суть лишь сочетание слов, а не высказывание. Оно получает статус высказывания лишь в некоторой целостной системе представлений о мире. Иными словами, единичное высказывание получает реальность на базе некоторой целостности, придающей этому высказыванию смысл.

Вероятно, нужно четко различать скептика, способного во всем сомневаться, и нигилиста, уверенно все отрицающего. Нигилизм — это не сомнения, а вера наоборот, вера в отсутствие Бога, смысла, цели, милосердия. Это — опустошающая бесовская вера, а скептицизм — плодотворное неверие, алчущее истины сомнение, которое способно стать опорой для самой пламенной веры. Ведь сомнение уже предполагает пристрастие к истине, готовность все отбросить ради истины. В таком сомнении уже есть зачатки веры в Истину. С такого сомнения начинается путь к откровению.

Впрочем, отладим дань рассудочной классификации — попробуем представить себе, какими путями может являться откровение. Откажемся сразу от распространенного предрассудка о том, что откровение — это только непосредственное явление перед очами Христа или Божьей Матери, как пастушке из Лурда. Откровение — это более широкая категория самоочевидного духовного знания, открывающегося в видимых явлениях. Вполне правомерно говорить об откровениях науки, дающей нам свидетельства закономерностей, правящих миром. Можно найти откровение в активном созерцании Природы. Есть откровение здравого смысла, позволяющее обнаружить свидетельства присутствия Духа в обычных явлениях жизни. Я бы выделил особо откровение встречи, когда мы можем обнаружить высокую неслучайность того, с кем из людей и в каких обстоятельствах нам довелось встретиться. Есть откровение искусства, когда присутствие Бога раскрывается для нас в гармонии художественного произведения. Есть откровение литургии и откровение, данное в священном писании. Неслучайно, что последовательным атеистам очень важно верить, что Христос не существовал как историческая личность, что

Библия — собрание легенд и сказок, что литургические тексты бессмысленны и т. п. Поскольку есть откровение непосредственного мистического созерцания Божества, я бы даже не сказал, что оно самое убедительное из всех. По крайней мере к нему рядовой человек наименее всего подготовлен, и подобное откровение может оказаться лжеоткровением, бесовским соблазном.

Реально происходит так, что мы не замечаем данного нам откровения или даем ему ложную интерпретацию.

3.

Плодотворное сомнение расчищает почву для восприятия откровения, помогает не удовольствоваться банальным объяснением происходящего. Следовало бы четко различать позицию скептика, сомневающегося во всем, в том числе в своем отрицании, и позицию нигилиста типа Евгения Базарова, который догматически все отрицает. Скептицизм — это необходимая составная мышления. Последовательный скептик не может отрицать действительности откровения. Нигилизм — это крайняя догматическая позиция, негативная вера в «ничто», в пустоту, скрывающая разум в его поисках. Как только мы отходим от чисто эмпирической установки, как только мы начинаем искать смысл опытных фактов (это неотделимо от сомнений в том, что смысл уже найден или в том, что этот смысл всего лишь случайность), мы приходим к идее неоднозначности интерпретаций. Когда мы начинаем расчленять рассудком целостное явление действительности, мы обязаны разумом постичь, что это членение не единственно возможное и не обязательно наилучшее. Более того, принятое нами членение действительности не есть сама действительность. В адекватности этого членения всегда можно и должно усомниться. Такое сомнение необходимо в науке и оно же составляет философскую подоплеку религиозного сознания. Оно очищает разум от наслоений предрассудков, мешающих видеть действительность. Бесовское начало действует через хаос, через игру случая. Бес толкает ввязаться в игру со случаем, использовать случайность для своих низменных целей. Многообразие случайного заслоняет от нас Единое. В многообразии эмпирических фактов мы видим дурную, неисчерпаемую бесконечность, которая никогда не может быть актуализирована, схвачена, воспринята целостно.

Мне кажется, что одно из главных сомнений, помогающих увидеть смысл религиозного откровения, это сомнение во всемогуществе, в непреодолимости дурной бесконечности.

В отличие от многообразного хаоса случайных явлений эмпирической действительности, от бесконечной повторяемости явлений, которой не видно конца, духовное откровение проникает и высвечивает эмпирию как нечто единичное и неповторимое. Духовные явления не удовлетворяют условию статистической воспроизводимости, и в этом одна из основных трудностей их восприятия для человека, воспитанного в современных научных установках.

Рождество Господне, Распятие и Воскресение были в Истории однократно и никогда не повторятся. То, что нам дано сегодня как знак присутствия Бога на этой земле, завтра уже не произойдет. Если во встреченном сегодня человеке мы не узнали вестника, завтра он к нам не явится. Эмпирия существует в длительном прошлом и в ожидаемом бесконечном будущем. Дух является только в настоящем, через которое может открыться вечность. Всеобщая наша беда в неумении видеть настоящее, то что наступает только сейчас. Мы убаюканы кажущейся повторяемостью событий и верим, в сущности, в странный вид бессмертия: в то, что мы всегда успеем сделать то, что нужно. Мы верим, что успеем еще любить ближних, которым наша любовь необходима сию минуту, что успеем поразмышлять о смысле своего существования. Мы верим в интегральный характер законов жизни, сглаживающих текущее разнообразие происходящего. Полезно бы усомниться, но и сомнения откладываются до лучших времен. Из-за этого мы не видим откровения встречи, того, что пришедший к нам сегодня гость несет это откровение и сам не знает, что в этом его миссия. Когда нам удастся уберечься от тяжелой болезни, катастрофы или злого поступка, нам не приходит в голову задуматься, что это спасение не случайно, что нам опять дали время для главного. Когда несчастье обрушивается на голову, мы видим в нем только случайную катастрофу, которой могло бы не быть, а не предупреждение свыше. Мы исходим из твердой уверенности, что разнообразие вещей и событий, в которые мы погружены, не несет на себе божественного текста, который ждет, чтобы мы его прочитали, мы не читаем этот текст не в силу своей неграмотности, а в силу веры, что это только случайный орнамент, в котором ничего не заключено. Мы жалуемся на отсутствие веры, а у нас нехватает разума для сомнений.

Мы жалуемся на отсутствие религиозного опыта, а у нас нехватает способностей обнаружить этот опыт, когда он приходит. Сегодняшний интеллигент завидует целостной и благочестивой вере, которая, с его точки зрения, обходится без рефлексии. Но этому интеллигенту нехватает именно способности к беспощадной рефлексии, способности рефлексией преодолеть жесткость собственного восприятия мира. Не веры нужно искать. Это столь же бесплодно, как искать любви. Когда молодой человек или юная девушка жаждут влюбиться и именно это ставят себе целью, они легко обманываются и принимают за любовь самое жажду любви. Это источник разочарований.

Все дело в ложном понимании цели, когда стремление к цели воспринимается как ее достижение. Молодым людям можно дать скорее совет научиться рефлексии о любви, научиться открытому, доброжелательному отношению к людям, научиться различать подлинные ценности. И тогда любовь придет. Точно также нельзя научиться вере или сознательно ее обрести. Можно научиться другому — рефлексии и сомнению, позволяющим отбрасывать суеверия и воспринимать откровение, когда оно перед глазами. Научиться думать о смысле, открываемомся в явлениях и встречах. Впрочем, у чистых сердец потребность в любви порой превращается в любовь. Так и искренняя жажда веры может стать источником веры. Но ни в вере, ни в любви нет готовых рецептов, нет проторенных путей. И там и там важно не подавлять свой разум, а пользоваться им как даром, данным нам, чтобы распознать откровение.

Москва, 1976.

СЛУЖЕНИЕ ИСТИНЕ *

«Сделаться споспешником истины» (III Ин. 8) или же, «Не веровавшие истине, но возлюбившие неправду» (II Фесс. 12-13). Ясен этот эпитафия к сообщению, которое я имею честь предложить вашему вниманию. Ведь истина далеко не предмет умствований: она вопрос жизни или смерти. Следуя философам и ученым, мы утвердили за собой рационалистическую и прямо-таки тупую привычку рассматривать истину, как нечто противостоящее ошибочному. Истинное, размышляем мы, это то, что точно, не ложно, как в математике или диалектике, где пользуются членами одного значения, но противоположного знака. Разве некоторые богословы не определяли истину, просто формальную или даже онтологическую, как нечто сообразное идеальному принципу?

В христианском же мышлении, а значит и в христианской жизни, противопоставляется истина не ошибке, а лжи, не тому, что логически неверно, а тому, что по существу подложно; правильное и справедливое противоположно не тому, что неточно, а тому, что нечестиво. Поэтому, к сожалению, невозможно довольствоваться, например, блестящим, оптимистическим и столь известным определением Боссюэ: «Истинное это то, что есть; ложное — то, чего нет» («Познание Бога и самого себя», гл. 1, пр. 16). Ведь ложное существует, оно дело «отца лжи». Настоящая противоположность это та, которая стоит между добром и злом, любовью и ненавистью, светом и тьмой. Она — борьба Бога с дьяволом, борьба в самом мире, на земле, как на небе, и не только в сердце человека (Достоевский), но и в самой природе человека, включая ум его и тело, — борьба, охватывающая всю вселенную, по учению Св. Отцов и свидетельству подвижников.

Итак, что же такое истина? Вот изначальный вопрос, который рано или поздно каждый человек себе задает с тем, чтобы осмыслить свою жизнь, вопрос, возникающий стихийно или волевым взмахом из недр его существа; и без ответа на него человек не в состоянии ни мыслить, ни действовать по отношению ни к самому себе, ни к себе подобным, ни к миру. (Попытаюсь осве-

* Академическая речь, произнесенная на Акте Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже. Февраль 1975 г. Перевод с французского.

тить лишь богословскую сторону этого вопроса. Впрочем, и перед другими слушателями не мог бы я выступить иначе. Перед Вами преимущество мое в том, что нет нужды прибегать к философским обходам и оговоркам: спокойно можно подойти лицом к лицу к цели религии бытия потому, что в этом истина.)

Главное — верить в то, что **Бог есть**, говорит Св. Афанасий Великий, ссылаясь на слова Пролога четвертого Евангелия; а во-вторых, добавляет он, для дальнейшего прорастания нашего духа «достаточно довольствоваться изучением того, что содержится в Св. Писании» (Послание I Серапиону, 18; Минь, Гр. Патр., т. XXVI, 573 В). Постараюсь следовать этому примеру и отойти в сторону, предоставив слово самому Писанию, с тем, чтобы этот скромный очерк хотя бы напомнил нам то, что мы знаем «изначала» о живом смысле истины; а это ставит перед нашей свободой неизбежный выбор: служить истине и иметь жизнь или поработить себя «силе заблуждения» и погибнуть.

Верующий прежде всего тот, чья молитва исходит из глубины: «Пути Твоя скажи ми... настави мя на истину Твою» (Пс. 24,4-5). Исходя из этого призыва псалма, мы отмечаем соответствие между «путями» Господними и истиной. Она путь, который Господь открывает, в котором и через который Он нас ведет. Куда? До Сиона, где человек снова с Богом: «Кто вселится в святую гору Твою?.. Говорящий истину в сердце своем» (Пс. 14, 1-2). Запомним также связь между истиной и наипервейшим органом ее интуиции и выражения, т. е. сердцем, поставленным Библией в центре духовной жизни (помимо аскетической и паламитской письменности, см. П. Д. Юркевич, «Сердце и его значение в духовной жизни человека по Слову Божию», Труды Киевской Духовной Академии, 1860, 1). И не замечательно ли, что независимо от монашеского течения, две тысячи семьсот лет после Давида, когда диктатура разума начинает внедряться на Западе, ученый, как Паскаль, отмечает, что Бог благоволил Божественной истине «исходить из сердца в ум, а не из ума в сердце». («Мысли. О геометрическом духе», изд. Бруншвиц, Париж, 1920, стр. 185; см. мысль 282 и др.)

Псалмопевец возвращается к этому неоднократно: «Пошли свет Твой и истину Твою... и приведут меня на святую гору Твою» (Пс. 43, 1, 3). И Давид настаивает: «Ты истину возлюбил в сердце» (Пс. 50, 8). Отметим, что в связи с истиной вводится другое понятие: свет. Только в Новом Завете, однако, будет предложено нам окончательное осмысление этой взаимосвязи. Но

вот и новые аналогии: «Пошлет Бог милость Свою и истину Свою» (Пс. 56, 4), а также: «Близко к боящимся Его спасение Его, чтобы обитала слава в земле нашей. Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются» (Пс. 84, 10-11). Добавим описания Пс. 88: «Прославят... истину Твою в собраниях святых» (6) и «Господи Боже сил... Истина Твоя окрест Тебя» (9). И, наконец: «Правосудие и правота — основание престола Твоего; милость и истина предходят пред лицом Твоим» (15).

Восхваляя слово Божие в 22 строфах, которые от алефа до тава охватывают весь еврейский алфавит — физическую и символическую основу еврейского языка, величественный 118 Псалом определяет пять раз заветы и откровения Бога как истину (86, 89-90, 138, 142, 151). Истина «пребывает вовек» (Пс. 116, 2), непоколебима, как небеса (Пс. 88, 3), так же, как и милость Господня (100, 5). От человека же Бог требует, чтобы «истина пребывала бы в сердце», где она укореняется Премудростью. «Ты возлюбил истину в сердце, и внутри меня явил мне мудрость» (Пс. 50,8). Тогда «близ Господь всем призывающим Его в истине» (144, 18). Таково было изначальное и естественное состояние Адама в раю; изгнанный человек обретает его своим исканием истины, на пути к Царствию: «Да пребудет он вечно пред Богом, тот, кто изыскивает милость и истину» (60, 8, согласно Семидесяти и Вульгате).

Не забудем эквивалентности «истины» и «верности», установленной еврейским языком (и отчасти русским). В большинстве текстов эти понятия взаимозаменяемы. Содержание верности — истина. Со стороны Бога это означает слово Его (и следовательно, Завет, возвещаемый Словом). Со стороны человека это вера. Истина — связь между Творцом и тварью, она **суть религии**, впрочем, неотделимая от любви, потому что «Ты возлюбил истину в сердце» (Пс. 50, 8) и «милость Твоя и истина Твоя да охраняют меня непрестанно» (Пс. 39, 11-12). Чрезвычайно существенно, что, начиная уже с Ветхого Завета, слово «истина», как и «милость» и «правда» и т. д., не представляет лишь какое-то «свойство» Божие, которым Господь бы обладал как знаком Абсолюта. Истина описывается как основа престола Его, т. е. Его проявленной царской державы, как место, где Он пребывает (она «окрест Его», как нераздельная спутница откровения Его (она «пред лицом Его»). Иными словами, Абсолют снисходит со своей трансцендентности лишь в истине и истиной. Ею, а также милостью и правдой, Бог уязвляет сердце человека и просветляет

ум его. Истина — одновременно **средство и содержание откровения**.

Это означает, в обратном порядке, что в познании истины человек имеет доступ к Божеству. Как указывалось в приведенных выше псалмах, истина — путь, ведущий к непосредственному лицеприятию Бога. Она содержание этой связи, **религии**, устанавливающейся между Богом и человеком. Если благодать как бы «средство» Провидения (в техническом смысле энергии, нисходящей на тварь лишь по одному направлению, т. е. сверху вниз), то истина несомненно более этого. Она не является чем-то вроде «исхождения» Божества. Тут созвучие разных смыслов «истины», открытых Ветхим Заветом (где это слово приводится примерно 90 раз), завершается высшим откровением, одной из главных тем Апостола Иоанна, Богослова истины по преимуществу: «Бог есть Бог в истине». Эти слова, исходящие из уст Господних, по Иеремии (10, 10; в русском переводе: «Бог есть истина»; нет в греческом тексте Семидесяти, как ни странно), на мой взгляд, далеко заходят за прямой смысл контекста и ветхозаветного утверждения единобожия против ложных богов и идолов. Они действительно означают не только, что «Иегова — истинный Бог», но и что «Бог — истина». Новый Завет раскроет обе грани этого предложения, соединяющиеся, чтобы составить вершину этой Божественной онтологии, выраженной двумя сказуемыми: Бог — истинен, Бог — истинное. Это и есть общее христианское верование. Оно встречается, между прочим, на Западе, после Августина, у Фомы Аквината в заключении безупречного рассуждения: Бог — истина по существу. (Сум. Теол., 1^а, в. 16, а. 5; Контра Гент., кн. I, гл. 60).

Человек начал с вопроса: что есть истина? И слово Божие приводит его к ответу столь же непостижимому, что и само Божество: **природа Бога — истина**; или, переставляя члены этого логического уравнения: **истина — природа Бога**. С пришествием воплощенного Слова этот ответ, кажущийся нам богословски отвлеченным, «религиозным», но трансцендентным, становится явленным, личным; более того, он становится экзистенциальным, **сопричастным**. Неведомая тайна проявляется как **жизнь**. Истина уже не только **нечто**, она отныне **кто-то**. Это Тот Самый, Который «стал Тем, что мы есть, для того, чтобы привести нас к тому, что Он есть», согласно чеканной, великолепной формулировке Иринейя Лионского (Прот. ерес., 5, пред.; Патр. Гр. 7, 1102). На одной из самых высоких точек ветхозаветного пророчества это

откровение об истине дается в третьем лице, косвенно, под покровом «он»: «Бог — Истина». Лишь трансцендентное откровение существа в себе было дано в первом лице: «Я есмь Сущий» (Исх. 3, 14). В Новом Завете Бог скажет «Я» по отношению к подлежащему и к содержанию этого существа, но также к проявлению естества, раз Само воплощенное Слово дает откровение: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6). (Отметим мимоходом упор на союзе «и, и», т. е. «также», «вместе с тем», нераздельно и неслиянно. Иоанново благовествование именно это и освещит).

Требовалось бы охватить разумом и сердцем все указанные изречения одновременно, мгновенным умозрением, — что, однако, невозможно в наших условиях пространства и времени, — чтобы осязать все неотделимые друг от друга значения этого видения «Истинного» и чтобы, по наставлению Ап. Петра, «отдать отчет» о богословии истинного. Ап. Иоанн его и развивает, исходя из Троицы, и сосредотачивает его на Втором и Третьем Лице: «Слово... полное благодати и истины»... (Ин. 1, 14) и «Дух Истины» (14, 17; 15, 26; 16, 13; I Ин. 4,6).

Вот краткое изложение Иоаннова богословия, последствия которого сами выявятся. Христос — «Слово Жизни» и жизни вечной (I Ин. 1, 1-2); Он «Свет Жизни» (Ин. 8, 12; 9, 5; 12, 46), в частности, всех людей и каждого человека в мире (1, 4, 9), как Бог — Свет (вот другое онтологическое определение, которое мы здесь можем только упомянуть, уже открытое в Ветхом Завете, например, в Пс. 35, 10; 4, 7; 26, 1; Исх. 19, 16 и сл.; Ис. 10, 17; 60, 10-20; Мих. 7, 8., что, впрочем, есть ведущая тема Иоанна Богослова, широко развитая в церковных песнопениях, в частности, Рождества и Богоявления). Христос — свет вечный, излучение которого есть Премудрость (Прем. 7, 26), но одновременно Он и Истина (Ин. 14, 6) вместе с Духом Истины (14, 17; 15, 26; 16, 13), Который и есть Истина (I Ин. 4, 6). Это — о Боге.

Исходя из этого откровения, многообразного для нас, но единого по отношению к Существу Троицы, смысл Истины для человека развивается в онтологическом, как и в деонтологическом плане, поскольку то, чем он должен быть, освещает то, что ему подобает мыслить и творить по отношению к Богу, к самому себе, к ближним и к миру.

Слово, через Кого «все произошло и без Которого не стало быть ничто, что стало быть», т. е. без Которого ничего не существует (Ин. 1, 3), Слово по существу нам дает «слово истины»

именно с тем, чтобы мы были. И само это слово нам откроет, в чем состоит эта тайна. А под «тайной» я подразумеваю и «таинство».

Иисус Христос Сам провозглашает, почему Слово стало плотью, почему Оно «с человеки поживе», делая это неоднократно, прибегая к разным выражениям. Вот то, которое касается непосредственно нашей темы: «Я на то родился, и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине». И, устанавливая саму основу религии (что будет развито в другом месте, в связи с рождением свыше и от Духа), Христос продолжает: «Всякий, кто от истины, слушает мой голос» (Ин. 18, 37). Тут-то неизбежно мир и спрашивает устами Пилата: «Что есть истина?»

Итак, мы вернулись к изначальному вопросу. Если мы прислушались к Слову, мы теперь знаем, что Оно само по себе — ответ из-за самой природы Божьей. Мы совершенно не в состоянии этого понять по отношению к нам, если не установимся в свете всего откровения в целом, вплоть до предельной и фокальной его точки, а именно: для нас это означает стать «причастниками Христа» (Евр. 3, 14), «причастниками Духа Святого» (Евр. 6,4), «причастниками Божеского естества» (II Петр. 1, 4). Это и указывается Словом «всем, кто от истины». Быть от истины или, как выясняется ниже, «творить» ее значит приобщаться к Богу. Если можно дерзнуть изложить Тайну в категориях логики, мы приходим к тому, что между истиной и сопричастием стоит знак равенства.

Сразу же сталкиваешься с антиномией: чтобы услышать Слово истины, нужно быть от истины, но чтобы быть от истины, нужно слушать Слово истины. Разум наш теряется, наше сознание обуреваются страхом. По логике, в этом тупике только отчаяние. Как дойти до истины, не обладая ею изначала? Воплотившееся Слово дает нам снова ответ: «Я есмь путь и истина и жизнь». Это значит, что доступ к истине, к слушанию Слова открывается самим Словом, т. е. истина истиной же. Она же и жизнь, а жизнь — Христос. Чтобы невозможное для человека стало Божественным образом возможным, нисходит благодать. Она — божественная энергия, природа ее таинственна, но одно из ее действий в нас — это просветительная сила, которую мы испытываем и развитие которой бесконечно: это — **познание Бога**. Итак, если Бог в самом себе — жизнь и истина, то для людей «жизнь вечная — да знают Тебя, единого истинного Бога» (Ин. 17, 3). С этой, с никакой другой целью, — ибо она все-

объемлюща — «благодать и истина произошли» (Ин. 1, 17). Следовательно, можно поставить еще один знак равенства, на сей раз между «познанием истины» и «обладанием жизнью вечной», как устанавливается самим Сыном в Преосвященнической молитве (Ин. 17).

В этой же молитве Сын испрашивает у Отца для тех, кто «слушает глас Его», особый дар, делающий их способными обладать **таким** познанием; и Он ему сообщает вид торжественного таинства: «Освати их истиною Твоею». Следующее предложение указывает целесообразность этого, подлинно Христова, посвящения: «Слово Твое есть истина» (Ин. 17, 17). Христос молит Отца посвятить людей Себе как истине, и опять-таки, через Себя, т. к. это «слово Отчее» преподается Словом (Логос) людям, оно же и благодать, а именно: благодать **таинства Истины**. Это торжественно подтверждается Христом: «За них Я посвящаю Себя, **чтобы** и они были освящены в истине» (Ин. 17, 19), по **анalogии** с Собой, Который есть Истина, а также Путь. Следовательно, это посвящение природе Христа и в ней и ею.

Отсюда ясны выводы в области христологии, как и антропологии. Ввиду того, что Бог есть Истина, посвящение Христа Самим Собой является одним из оснований **омоусиос**'а, единсуция, так сказать, с Божеской стороны; а посвящение человека Истине самой Истиной, **аналогично** с Богом, является одним из оснований богочеловечества, т. е. **омоусиос**'а, со стороны человека. К тому же, это посвящение с обеих сторон — богословское доказательство философского положения, основного для всей человеческой мысли: критерий и оправдание Истины суть сама Истина (см. П. Флоренский, «Столп и утверждение истины»).

С философской точки зрения, отметим мимоходом, утверждение того, что Бог есть истина, является единственно возможным и достаточным определением истины. Ведь истина должна быть абсолютной и отождествляться с Абсолютом. Невозможно было бы оправдать ее, исходя из иного критерия, который был бы истиной истины. Такое рассуждение просто оттолкнуло бы дальше задачу и положило бы начало цепи $n + 1$ истин истины, цепи бесконечной, или же «конец» которой была бы сама бесконечность, т. е. Абсолют, что то же самое. Иными словами, критерий истины — сама истина, раз Абсолют есть Истина.

То же рассуждение применимо к понятию Бога, соответствующего его существу, которое не может быть иным, чем Истина. Иначе пришлось бы обосновать истину Бога, пользуясь

другим критерием, стоящим выше его самого, или, по словам Ясперса, «объемлющим» Его: истиной истины Бога и т. д. до бесконечности.

Однако, с тем, чтобы располагать умозрением или опытом Истины, необходимо, чтобы она не оставалась бы вечно и бесконечно трансцендентной, не оставалась бы в состоянии исключительно абсолютном. Чтобы существовать для нас, истина должна проявиться доступно человеческому духу (как было обстоятельно доказано схоластиками). Необходимо, чтобы человек имел природу или свойство сообразное истине, по крайней мере **способное сообразоваться истине**; между ними требуется принцип аналогии. Это условие удовлетворяется как раз откровением Истины, т. е. Словом Божиим, и в высшей степени и во всей полноте (для человека) — Воплощением Слова. В этом смысле, **омоусиос** Христа — основа истины для человека и в нем. Дух Истины это подтверждает, пополняет и оживляет своим помазанием. Эта сторона **омоусиос**'а, или богочеловечества, и снисхождение Св. Духа, составляющее Церковь через размножение и восхождение верующего человечества, образующего Тело Христово и Храм Св. Духа, оправдывают Павлово определение Церкви как «столпа и утверждения Истины» (I Тим. 3, 15).

Возвращаясь к богословию, не следует забывать, что посвящение истине, по словам Иоанна Богослова, — «помазание от Святого» (I Ин. 2, 20), т. е. миропомазание Духом Истины. Текст послания Ап. Иоанна непосредственно связывает это с познанием истины; а истина, будучи жизнью, неотделима от действия или «доброделания». В христианстве деяние — проявление любви, которая также естество Бога, у Которого по природе любовь нераздельна от истины. Следовательно, нашему истинному существу, как оно определяется богочеловечеством, должно соответствовать истинное делание. Ап. Иоанн сообщает нам: «Любовь познали мы в том, что Он (Иисус) положил за нас душу свою: и мы должны полагать душу свою за братьев... Станем любить не словом или языком, но делом и **истиною**; и вот почему узнаем, **что мы от истины**» (I Ин. 3, 16, 18-19). Выражение «**быть от истины**» — онтологическое определение человека, верного Слову Божию, точнее, человека, обновленного Воплощенным Словом и Духом Истины. «Быть от истины» значит приобщаться существу истины, соучаствовать Богу. Разве Иоанн не утверждал слушающим его и познающим Духа Божия: «Мы от Бога» (I Ин. 4, 2, 6)?

Другая — пневматологическая — сторона истины потребовала бы особого рассмотрения. Здесь достаточно только о ней упомянуть. Постольку поскольку Священное Писание нам открывает, что молитвенное устремление верующего вдохновенно, что сам «Дух молится воздыханиями неизреченными за нас», но и «в нас» (Рим. 8, 26, 15), и раз Дух есть Истина, то молитва по существу — общение с Истиной, более того, приобщение Истине. Иными словами, молитва и богослужение являются видом таинства Истины, не только позволяющим принять дар благодати, но и соединяющим нас с Самим **Лицом** Святого Духа.

В этом-то и состоит зияющая разница, избрание (по-гречески **клирономия**, которая и превращает всех верующих в клириков) и, следовательно, и разделение, «меч», ниспадающий между «Духом, Который есть Истина» (I Ин. 5, 6), и «духом заблуждения» (там же, 4, 6), т. е. между Христом и антихристом, а потому и между христианином и миром. «Они от мира, потому и говорят по-мирски и мир слушает их. Мы от Бога. Познающий Бога слушает нас» (там же, 5-6).

Раз «рождены мы словом истины», по великолепному определению Ап. Иакова (1, 18), раз посвящены мы Слову Духом, удивительно ли, не нормально ли, что мы призваны «творить истину» и ее проповедовать? Познание истины — также суть веры. Верующие определяются Ап. Павлом как «познавшие истину» (I Тим. 4, 3). К тому же, Бог «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (там же, 2, 4). Это высказывание Ап. Павла ставит знак равенства между **спасением** и познанием истины. И сам Павел «поставлен... в вере и истине» (там же, 2, 7). Апостол же — образ всех верующих, т. е. свидетелей истины. В них она должна быть плодотворной не только для их личного спасения, но и для спасения их братьев. Почему и Христос в преосвященнической молитве просит для них посвящения: «Освяти (посвяти) их истиною Твоею... как Ты послал Меня в мир, так и Я посылаю их в мир» (в данном случае апостолов), но дальше: «не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их» (тут — всех христиан до скончания века, через общение «святых», т. е. в Церкви, которая есть «столп и утверждение истины» (I Тим. 3, 15)). «И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною» (Ин. 17, 17-20). Иными словами, наше участие в божественной истине нас связывает не только божественной природой Бога, по образу Сына, единосущного Отцу, и в силу помазания Св. Духа, но и объединяет

христиан между собой для построения Христовой Церкви, «да будут совершены во едино», т. е. «да достигнут совершенства во единстве» (Ин. 17, 23). Отсюда видно, что тайна единства, соборности или церковности или кафоличности, по подобию Пресвятой Троицы, также нераздельно связана с тайной Истины. А она опять-таки тайна Церкви.

Истина заключает в себе все это величественное и слитное строение, ведущее в жизнь вечную, и многое другое, на что у нас нет времени даже намекнуть: Жизнь, Дух, любовь, единство... — все это Бог, и все это составляет нашу подлинную жизнь. Как это разъединить и разобрать для анализа на прокрустовом ложе нашего ограниченного разума, тревожно вопрошал о. П. Флоренский, которому все же удалось в знаменитой книге представить гениальное исследование истины. По существу, это — все учение христианства. Как уточняется Ап. Павлом, оно состоит в том, чтобы мы «обратились от идолов к Богу живому и истинному» (I Фесс. 1, 9). А разве это не основное утверждение, постоянно приводимое во всех символах веры от апостольского до Никео-Константинопольского, через варианты Кирилла Иерусалимского и Елифания: «Бог истинный от Бога истинного»? Не об этом ли провозглашается в таинствах, молениях, благословениях и запрещениях, как на Востоке, так и на Западе?

Как же собрать воедино, одной формулировкой выразить все это? «Творящий истину идет к свету» (Ин. 3, 24). Но как только прочитана эта фраза, которая содержит в себе целое «мистическое, теоретическое и практическое» богословие, немедленно возникают другие изречения, спешащие возлететь к Слову Истины, как облако свидетелей, как орлы к солнцу: «Веруйте в свет, да будете сынами света» (Ин. 12, 36), и сколько молниеносных слов Ап. Павла (I Фесс. 1, 5...). Тут мы в самом центре богословия света — истины, которое также относится к жизни, к существу Бога и к богочеловечеству.

Попытаемся ли мы остановиться на одной стороне вопроса, как будто ограниченной строго определенной человеческой деятельностью, например, знанием? Невозможно! Сразу явствует, что знание охватывает или влечет за собой все остальное. Возьмем любой текст: «Знаем, что Сын Божий пришел и дал нам разумение, чтобы мы познали Истинного» (I Ин. 5, 20). Дальше, в том же стихе, мы видим, что «познавать» означает одновременно «быть»: «Мы есьмы в Истинном, в Сыне Его Иисусе Христе». Опять познание истины равносильно общению с Богом. Служение

истине, которому мы посвящены, составляет подлинное **евхаристическое таинство** в духе, богослужение, включающее нас в Того, Кто есть «Истинный, Бог и жизнь вечная» (там же).

Это и есть смысл поклонения, к которому призывает нас Сам Христос «в духе и истине» (Ин. 14, 24). По этому поводу Василий Великий считает, что когда Спаситель говорит, что «следует поклоняться в Духе и Истине», Он несомненно «Сам Себя называет Истиной» («О Духе Святом», 26; Патр. Гр. 32, 185 В).

Не следует ли сразу добавить Павлово изложение (по наиболее верному тексту): «**Творя истину в любви**, мы все (всю тварь) возрастим в Того, Который есть глава, Христос. Из Него все тело... осуществляет свой собственный рост для созидания самого себя в любви» (Еф. 4, 15-16)? Тело — Церковь, строительство которой направлено к достижению полноты Христовой в жизни вечной, т. е. в истине. Однако, строительство это также осуществляется **исходя** от Христа, источника жизни, т. е. истины. А путь, ведущий от изначальной, творческой истины к эсхатологической истине Царства — вновь Христос с сопутствующей Ему благодатью Духа Истины. И т. д. Такова «гора святая» или динамическая спираль истины.

Она нас влечет. Как нам остановиться? Разве забыть нам, например, что в божественном мире любви истина — фактор и условие свободы? «Если пребудете в слове Моем... познаете истину и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32). Это место также потребовало бы радостного развития. Одно лишь отметим: еще и снова бытие и делание поставлены в неразрывной связи; но на сей раз действие на первом месте: пребывать в слове значит оставаться верным; акт веры и постоянство, проявляемое в этом действии, предшествует познанию, которое возвращает человека к первобытному его состоянию — т. е. к свободе. Тут предвосхищение полного спасения, частичное усыновление, ибо «сыны свободны» (Мф. 17, 26), **потенциальное обожение**.

Страницу за страницей удерживаю это слово, трепещущее однако под каждой строчкой, чтобы наконец полностью раскрыться. Это понятие, постоянно, неуклонно повторяемое, начиная с Ап. Петра, Павла, проходя через Св. Иринея, Киприана, Афанасия, Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, составляет конечный смысл христианского возрождения. Да! Раз Бог — истина, то «творить истину», «быть от истины» означает приобщаться Богу и Его Естеству, которое есть также полнота

любви, жизни, правды, света, ума. Познать истину и, следовательно, служить ей, мысля и действуя по истине, значит, как мы видели, приступить к осуществлению нового человека в самих себе и в мире; это значит проводить в действительность воплощение, вочеловечение Слова, чья цель — обожение человека. «Сделаться споспешниками истине» (III Ин. 8) — это сообразаться образу Божию. А образ Божий есть онтологический корень, позволяющий человеку возрастать, соучаствуя Истине, благодаря посвящению Духом Святым.

А если, как повторяют Отцы Церкви, обожение — осуществление подобия, то приобщение Истине означает творить подобие, уподобляться Богочеловеку.

Однако, если грех — потеря подобия Божия, по определению Григория Паламы, то познание живой и спасительной Истины (будь оно через созерцание или теодицею, обряд или иконопись, или любое проявление веры) является освобождением от греха. Неразрывно от освящения, жизни и любви, стяжания человеком Духа Святого, познаваемого в своем «храме», устроющего присутствие Христа возрастанием членов Его тела, познание истины — тайнодействующее начало. Мы к этому постоянно возвращаемся: оно составляет подлинное, освящающее, обоживающее богочеловеческое **богослужение** во славу Пресвятой Троицы, через содействие Творческого Слова и Животворящего Духа с человеком служителем истины, по благоволению Отца.

Не это ли возвещает нам Ап. Петр: «От Божественной силы Его даровано нам все потребное для жизни и благочестия, через **познание** Призвавшего нас славою и благостию» (вернее: действующей силою). «Так дарованы нам великие и драгоценные обетования» (блага, нам обетованные), «дабы вы через них соделались **причастниками Божеского естества**... И для сего, присовокупите к вере вашей добродетельную силу, к силе **познание**... ибо таким образом откроется вам свободный вход в вечное Царство... Для того никогда не перестану напоминать вам о сем, хотя вы то и знаете, и утверждены в пребывающей истине» (II Петр. 1, 3-5; 11-12).

Что такое «утверждение в истине» содержит в себе сакраментальные зачатки новой жизни, учрежденной Христом, в этом Ап. Павел не сомневается. Для него оно означает обновление человека. Познавать, творить, проявлять истину — таковы ступени подлинного христианского посвящения, священного оглашения в настоящее знание. Оно влечет за собой одухотворение позна-

вательных органов, головы и сердца; оно своего рода умная, преображающая эпиклеза, влияющая на всего человека. Такое снисхождение Духа Святого в человеческий дух, отныне способный воспринимать источник истины, соответствует преобразению ветхого человека, получающего таким образом просвещение. «Преобразуйтесь обновлением ума вашего,» — пишет Ап. Павел Римлянам (12, 2); а Ефесянам: «Подобает вам обновиться духом ума вашего и облечься в нового человека, созданного по Богу, в правде и святости истины» (4, 23-24).

Определение четкое: новый человек, «новообращенный», благодаря возобновленному и духовно просветленному уму, создан по Богу, т. е. по образу Божию, по Первообразу Богочеловека. Правда и святость истины обеспечивают ему подобие, поскольку он в ней пребывает, т. е. поскольку он остается верным служителем Слова Истины.

Богочеловеческий, как и спасительный смысл сказанного ясно выступает. Апостол Павел неоднократно это подтверждает, в частности, в том же послании: «Поступайте, как чада света. А плод света состоит во всякой благодати, праведности и истине» (Еф. 5, 8-9).

В этой фразе, как и в сотне других, касающихся того, что мы грубо называем «свойствами» Бога, поражает цикличная форма смысла: подлежащее и сказуемое опять-таки взаимозаменяемы (и по-гречески обоим предшествует артикль, хотя, согласно грамматическим правилам, он не ставится перед сказуемым). Это явствует из таких основных предложений, как — «Дух есть Истина», где переставление терминов не нарушает коренного смысла, а наоборот утверждает его, уточняя: **Истина есть Дух**. Это классический случай формальной логики, где глагол **есть** означает знак равенства. Это часто применяется в богословии, как видно из предыдущего примера. В этом выражении Ап. Павла было бы столь же правильным сказать: плод истины свет, правда... Дело в том, что просвещение осуществляется истиной, а также к ней приводит, потому что Бог — Свет и Он — Истина. То же применимо к правде или к праведности и т. д. По сути, многие из этих изречений, которыми мы пытаемся выразить невыразимые истины откровения, можно свести к следующему виду предложения: Бог = Бог, или же от Бога к Богу, а также Богом (в частности, это точно поняли мистики, исихасты и суфисты). По сторону тайны — лишь попытки и хождения наощупь человеческой речи, направляемой подчас маяком догматов, этих пронизы-

вающих лучей, раскрывающих динамическое присутствие Истины в Церкви Бога Живого, «столпа и утверждения Истины». А в глубине этой тайны — мистическое безмолвие или созвучное хвалебное пение.

Мы уже убедились в том, что Св. Писание связывает истину с разными «атрибутами» Бога и с добродетелью или свойствами человека, в частности, с праведностью и любовью, умом и премудростью, благочестием и верой. Отметим здесь лишь существенное соотношение между истиной и любовью, пользуясь только одним примером из послания возлюбленного ученика Господня: «Да будет с вами благодать, милость, мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа, Сына Отчего, в истине и любви» (II Ин. 3). Истина и любовь как бы место благодати и того, что ее сопровождает, т. е. действие Духа, скорее Пятидесятница и Троичное Богоявление: Отец и Сын посылающего Духа. Однако, контекст уточняет, что истина также «причина» любви и, конкретно, любви христиан к Церкви и друг к другу, т. е. **агапической** любви, которую мы, собственно говоря, и называем «христианской любовью», выражение, ставшее теперь чуть ли не нарицательным, хотя ее и не так часто встречаешь на деле.

Ап. Петр нас призывает: «Очистив души ваши послушанием истине через Духа к нелицемерному братолюбию, постоянно любите друг друга от чистого сердца» (I Петр. 1, 22). Иоанн Богослов объявляет, что любит «избранную госпожу и детей ее» «в истине» (II Ин. 1), и настаивает: «не только я, но и все, познавшие истину»; и еще: «ради истины, которая пребывает в нас и будет с нами вовек» (II Ин. 1-2).

Связь между истиной и правдой до того очевидна, что не стоит на ней останавливаться. Впрочем, богословское целое (или место), составляемое истиной, — до того обширно и полноценно, что никакое частичное понятие или свойство не способны объять его. Можно получить некоторое представление, попытавшись перечислить оттенки смысла, придаваемого «истине» на основании одного только краткого писания, первого послания Апостола Иоанна. «Творить истину», иметь истину в себе, «ходить в истине» это значит иметь общение с Богом (I Ин. 1, 6) и друг с другом (7) через любовь в свете (2, 10); исповедовать свои грехи и получать очищение (1, 8-9); следовать Христу и слушать Его (2, 3-4); пребывать в Боге и иметь любовь Божию в нас (5-6; см. 27); иметь помазание Духа Святого (2, 27); пребывать в Сыне и

Отце; иметь жизнь вечную (24-25); т. е. все то, что указывается в других отрывках.

Во имя всего того, что нам таким образом разъясняется, пространные доказательства и увещевания кажутся ненужными, чтобы нас убедить в **жизненной** необходимости служить истине, стать «споспешниками истины» (III Ин. 8). Но, может быть, не совсем бесполезно несколько подумать о том, что противоположно истине и, в частности, о том, что может означать отказ от служения ей, т. е. от следования пути жизни. Это точно означает следовать пути смерти.

По определению Св. Писания, противоположное истине — неправда, нечестивость, неверность, неверие, ложь. Обратное «быть сыном света» — это быть «сыном погибели» (II Фесс. 2, 3); «истинное» и «праведное» противоположно «нечестивому»; обратное «творению истины» это действовать всякими ложными знаменаниями и чудесами и неправедным обольщением для погибающих, за то, что (они) не приняли **любви истины** для своего спасения» (там же, 9-10).

Сразу понятно, о каком **ином** сотрудничестве идет речь: «по действию сатаны» (там же, 9). Ибо противоположным Духа Истины является «дух заблуждения», т. е. «дух антихриста» (I Ин. 4, 6, 3). Одним словом, истине противостоит зло.

Так обосновывается мое изначальное утверждение о том, что рассматриваемый нами вопрос касается жизни и смерти. Провозглашение служителей Слова Истины ясно и не вызывает никакой двусмысленности: те, «кто не пребывают» в избрании, в верности, те, которых «Бог от начала, через освящение Духа и **веру истине** избрал ко спасению» (II Фесс. 2, 13), будут служить «духу заблуждения, так что... будут верить лжи, и да будут осуждены все не веровавшие истине, но возлюбившие неправду» (II Фесс. 2, 11-12).

Отсюда неизбежное, одновременно страшное, но и безмерно утешительное заключение: ложь, неправда, нечестивость, неверность, все эти отрицания истины через воздействие князя мира сего являются тем отступничеством, которое предусмотрено к концу времен и после которого последует «пришествие Господа нашего Иисуса Христа» (там же, 1-2) и Суд.

Другое необходимое заключение, это — что должно отождествлять упорное, извращенное сопротивление истине с грехом против Святого Духа, против Лица Духа Истины. Вот почему

вдохновенное Словом предупреждение гласит: «Если мы, получив познание истины, умышленно грешим, то не остается более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда» (Евр. 10, 26-27).

Одно из самых прекрасных мест Священного Писания — несомненно Павлова песнь о любви. Можно было бы удивляться тому, что не существует подобной песни, посвященной Истине. Но все Св. Писание не является ли сплошным воспеванием Истины, оно, которое дает нам откровение о Троице через Слово, о Том, Кто «Истинный Бог и Жизнь Вечная» (I Ин. 5, 20; Откр. 3, 7, 14; 6, 10)?

Можно ли еще сомневаться в том, что служение истине, пребывание в истине есть жизнь? Приведу лишь два свидетельства: одно — самого прямого и наименее «доктринального» апостола, Иакова, брата Господня; второе — Св. Августина, наиболее «интеллектуального» из учителей Церкви (говорю «святого», чтобы не вдаваться в тонкости степеней блаженности или святости, официально утвержденных Церковью). Начнем с последнего.

Существует ли в патристике более известная страница, чем та, где Августин воспекает истину (Исповеди, 12, 10)? «О Истина, свет сердца моего...» Его лиризм облачает мысль, глубина которой соразмерна глубине литургического текста. В самом первом предложении сочетание «истины», «света» и «сердца» звучит точностью Писания и четкостью Евангелия. Но вот продолжение: «Возвращаюсь к Твоему источнику». После своего заблуждения, после своего отклонения в сторону чисто философского, бесплодного для жизни пути, христианин вновь погружается в живительные воды истины: «Да никто меня не уклонит: я буду пить эти воды и **таким образом стану жить!**» И чтобы хорошо уточнить, что источник жизни — дар Духа Истины и учение Церкви, а никакой иной источник, происходящий от кого-либо, ослепленного гордыней разума, которого можно назвать препирателем, человеком споров, описанным Ап. Павлом «ничего не знающим, зараженным страстью к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения, пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждого истины» (I Тим. 6, 4-5), и апостол это указывает тому, кто призван «верно» преподавать «слово Истины» (II Тим. 2, 15), называя его образцом всех епископов с тем, чтобы подчеркнуть, что не его мысль, будь она гениальна, живет нас, а то, что мы

знаем «от начала», Августин восклицает: «Да не буду сам себе жизнью!... Я был сам себе смертью, в Тебе я **оживаю!**»

Это свидетельство христианского опыта, а не какой-нибудь системы мышления, мистически осуждает как антропоморфизм, так и атеизм и любое учение о сверхчеловеке и самопоклонении, будь оно гегелианство, нищезанство или марксизм. Если он не следует, не служит истине Церкви, рассчитывая исключительно на самого себя, человек не имеет духовной пищи и погибает от истощения. Питаясь от источника Истины, он имеет жизнь вечную. «Ты еси жизнь душ, — говорит в другом месте Августин, — жизнь жизнью, живущая сама **собою**, без изменения, жизнь моей души!» (3, 6). Будучи причастником истины, «у которой нет изменения и ни тени перемены» (там же; цитата Иак. 1, 17), каждый человек и все люди раскрывают свою личную, свободную жизнь, т. е. достигают того преобразования и возрождения, которые возвещаются Св. Писанием. В этом смысле можно со справедливостью утверждать, что вне Истины и ее храма — Церкви нет спасения, не в силу критической и юридической власти Церкви, но в силу единственного истинного «авторитета» как на земле, так и на небе: самой Истины.

Августин заключает эти знаменитые страницы действительно вдохновенными словами, где обнаруживается подлинное богословие истины, которое не могу определить иначе как **евхаристическое учение** об Истинном: «О вечная истина и сущая любовь и драгоценная вечность — Ты мой Бог!» (троичная формула)... «Твой голос доходил до меня, как с высоты: «Я пища достигших возраста: расти и ты Меня потребишь. Не ты превратишь Меня в себя, как пищу для плоти твоей, а **Я превращу тебя в Себя**» (7, 10, 16). Вернейшие слова! Человек то, чем питается. Потреблением Тела и Крови человек получает Христа; потреблением истины получает Духа Святого. В обоих случаях он **обживает**ся; усваивая, он усваивается. Как говорил не без юмора о. Александр Шмеман, прав оказался Фейербах, однако не в том, что стремился доказать, а как раз наоборот («Для жизни мира», Париж, 1969, стр. 9).

А вот свидетельство Св. Писания, заключительная часть послания Ап. Иакова, где определение Слова Словом же — «Я путь и истина и жизнь» — применяется апостолом к экзистенциальному осуществлению спасения. Это можно было бы назвать **сотериологическим богословием истины**: «Братья! Если кто из вас укло-

нится от истины, и обратит кто его, пусть тот знает, что обративший грешника от ложного пути его, **спасет душу от смерти**» (Иак. 19-20).

В ходе этого обзора, беглого до мигания, мы смогли выяснить, что анализ Истины по Священному Писанию открывает нам сначала существо Истины, затем ее значение для онтологии и для жизни человека и Церкви. Истина не есть понятие, ни положение рационального порядка, из которого разум развернул бы диалектическое противоречие. Она — сущность природы Бога. И если мы ее все же познаем в меру нашей собственной природы, это потому, что Истина олицетворена, воипостазирована Двоицей Сына и Духа Святого, которые нам ее открывают, **приобщая нас к Себе**, и таким образом **обожают** всего человека, включая его ум. Св. Григорий Нисский, например, уточняет: «Разве не ум согрешил в Адаме, даже до тела его?.. Поэтому ум нуждался больше прочего в спасении. А то, что нуждалось в спасении, было воспринято. Значит и ум был воспринят» (Послание к Кледонию, Патр. Гр. 37, 185).

В настоящее время это восприятие ума, более чем когда-либо, требуется в качестве срочной задачи Церкви, т. к. не только знание или признание истины, но и само существование истины «ставится под вопрос» иногда даже теми, кто выдает себя за христиан. А то, что мы мельком обозрели, налагает на нас **по природе** непосредственную, но и очень долгосрочную ответственность перед Истиной, поскольку через крещение, евхаристию и все таинства мы ее «соучастники»: в чем точно и состоит смысл веры, призыв и осуществление истины.

Действительно, несмотря на все наши немощи, хотим мы этого или не хотим, мы стоим, хотя бы в качестве рядовых, на передовых постах всеобщей, впрочем, не всегда «невидимой» **брани** сил добра с силами зла. Не существует ни мыслей, ни чувств, ни действий, которые были бы нейтральными по отношению к истине. Философские рассуждения, художественное творчество, политическая деятельность, чистая наука — все в той или иной степени целеустремлено, «ангажировано». Мы прекрасно знаем, что в каждой минуте нашей жизни мы на перепутье, между узким, крутым, тяжким и восходящим путем, ведущим к небу Истины, и другим, широким и просторным, ведущим в геенну. И если, как известно свидетелям Слова, придется отвечать за каждое слово, это именно потому, что каждое слово принимает-

ся в счет. Более того, согласно **аграфону**, приводимому Дидимом Слепцом, «они ответят в День Судный за каждое **несказанное слово**».

Возразят ли нам, что такое обобщение преувеличено и, следовательно, лишено значения? Дифференциальное уравнение, научная теория, регламент социального страхования касаются ли онтологической истины? Не смешно ли это предполагать, смешивая в одно разные «ценности»? Конечно нет! Если ваши математические исчисления приводят вас к гипотезе анти-материи в физике или «черных дыр» в астрономии — прекрасно! Описание творения Создателя обогащается. Но если делается вывод, что «материя вечна» и мир не сотворен — стоп! Если ваши наблюдения ракообразных или приматов приводят к заключению об эволюции видов животных — великолепно! Но когда из этого сооружается исполинский, самопроизвольный механизм, представляющий человека ублюдком обезьяны, а не сыном Божиим, происходит надругательство над истиной. Если ваш административный аппарат обеспечивает заключенным какой-то паек или покрывает врачебно-санитарные расходы — отлично! Но когда тот же аппарат является носителем идеологии личной безответственности или посягательства на жизнь — он способствует развращению человека. И т. д., и т. д.

Итак, существуют ли в нашем современном мире особые предпосылки для служения истине? «Наши беды известны... Презираются догматы Отцов, пренебрегаются апостольские предания, выдумки новых людей водворяются в церквях. Отныне люди говорят о ремесле и не говорят больше о Боге, мудрость века сего получает первое место, отстранив славу креста...»; не я это пишу, а Василий Великий (Посл. 90; Патр. Гр. 32, 473 В). Современное отступничество ничего нового не открыло, но к нашей трагедии прибавляется постоянный кризис доверия: мы во всем не уверены, мы боимся ошибиться, быть обманутыми, в то время как предельно ясно, что, не доверяя Истине, мы обманываемся «отцом лжи» и «князем мира сего». Вкратце, мы часто являемся людьми раздвоенными, двоедушными, теми людьми, которым Ап. Иаков напоминал, что «дружба с миром есть вражда против Бога» (4, 4).

Одно из объяснений этому, т. е. нашей раздвоенности, — то, что мы больше развили наш рассудок нежели сердце и привели к гипертрофии область разума в ущерб истинному уму. Мы отщепили веру от мысли и сознания, мы изгнали любовь из наших

чувств, лишили наши действия правды. Истину мы заменили формальной точностью рассуждения. Вот почему столько же истин, сколько правильных рассуждений. На извечный жизненный вопрос «Что есть истина?» мы считаем естественным отвечать, как Пилат, отвернувшись пируэтом à la Пиранделло: у каждого, мол, своя правда. Мы подменили свободу и церковное сознание целостного человека, созданного по подобию Божию, материалистической утопией: объективностью по образцу компьютера. Любое мнение для нас «уважаемо», при условии, что оно «искреннее», каково бы ни было его содержание, даже обратное истине. Это мы называем «быть объективным», что есть императив нашего века, века «общения» и «обмена», даже когда предмет обмена сводится к субъективным выделениям горделивой интеллектуальной чесотки или социальному бреду идеологического опиума.

Эта неуверенная, малодушная, не горячая и не холодная постановка жизни — катастрофична. Она присуща «теплохладному», о котором говорится, что «свидетель верный и истинный» извергнет его из уст своих (Откр. 3, 14, 16). Однако она применяется в отношении всей иерархии ценностей снизу вверх лестницы истины, начиная с человека, которого сводят к плоти, до Бога, которого превращают в продукт истории, эволюции, или в Христа пролетария, когда вообще не отказывают Ему в существовании. «По примеру Евы», прельщенной Сатаной, мир позволил мысли своей «разложиться» и утратил «простоту», испрошенную Христом. «Ибо если бы первый попавшийся, придя, начал проповедовать вам другого Иисуса, которого мы не проповедовали, или если бы вы получили иного Духа, чем Тот, которого получили, или иное благовестие, чем то, которое вы приняли, то вы были бы очень снисходительны к этому». Не я так говорю, а Ап. Павел (II Кор. 11, 3, 4), уже тогда! Разве не остаемся мы слишком часто, слишком долго нечувствительными или пассивными в мире, который Церковь призвана подготовить ко Второму Пришествию, в мире, где мысль утратила свой священный характер и духовность блуждает, в мире, ставшем самодовольным, слепым и глухим под давлением сциентизма, не подозревающим, какова его адская участь, раз он вовлечен, поработен, притуплен и опутан тьмой Злой Вести Сатаны и лживым словом его приспешников, проповедующих человекобога или «гомо-экономикус» вместо Богочеловека, рационализм и материализм вместо Царства и свободы детей Божьих в Истине?

Тогда, если мир стремится к аду, то Церковь должна с ним туда снизойти, но тогда уж, как Христос во время Пасхального Трднева, с тем, чтобы силой Воскресения освободить слушающих Слово Истины и преобразить их Духом, в свете явленного Логоса, т. е. познанием Истины. С этой славной целью, обещанной Нераздельной Троицей, следуя призыву Св. Илария Пиктавийского, «сообщим всем верующим нашу общую веру, чтобы ее исповедание, дающее нам вечность, дало бы нам также разумение вечности» (О Троице, 9, 3; Патр. Лат. 10, 282).

Прот. А. КНЯЗЕВ

ПРОРОКИ*

Глава 2. ОСИЯ

Книга пророка Осии в библейских изданиях помещается во главе собрания книг Малых Пророков. Однако хронологически она стоит после книги Амоса. Осия был младшим современником пророка из Фекои.

1. Личность Пророка.

Осия, по-еврейски **ושׁי** (м. б. сокращенная форма от «Ягве спасает»), был сыном Беерии, о котором мы не знаем никаких подробностей. По всей вероятности, он родился в Северном царстве, где он проходит свое служение как пророк. Осия (1, 1) приводит список царей, якобы ему современных. Но в отношении царей иудейских этот список явно удлинен редакторами книги. Если бы Осия был современником всех четырех названных иудейских царей, то его служение длилось 115 лет. Поэтому датировка пророческой деятельности Осии на основании данных, содержащихся в его книге, представляет больше гарантий исторической достоверности.

Во времена Осии династия Ииуя, к которой принадлежал Иеровоам II, современник Амоса, стоит еще у власти (Ос. 1.4). Но ничто в книге пророка не указывает, что он был свидетелем падения Самарии в 722-м году, ни даже сиро-ефраимитской войны, которую Северное царство и Сирия вели в 735-34-м году против царя иудейского Ахаза. Поэтому вероятнее всего, что пророческое служение Осии протекало между 750-ым и 735-ым годами. Это было время политических смут и религиозного и нравственного упадка.

Если следует понимать буквально биографические сведения о пророке, которые находятся в первых главах его книги, то супружеская жизнь пророка была несчастной и даже трагической. Книга ничего не указывает относительно его рода занятий. Но

* Начало см. Вестник № 118, стр. 60.

на ее основании можно иметь представление о пророке, как о человеке с сильным темпераментом, сложном, впечатлительном и глубоко религиозном. Его проповедь вдохновлена большой любовью к своему народу. Она имела сильное влияние на пророка Иеремию. Осия выражает свои внутренние переживания с мощным лиризмом. По богатству своих образов он превосходит Исаию.

2. Историческая среда.

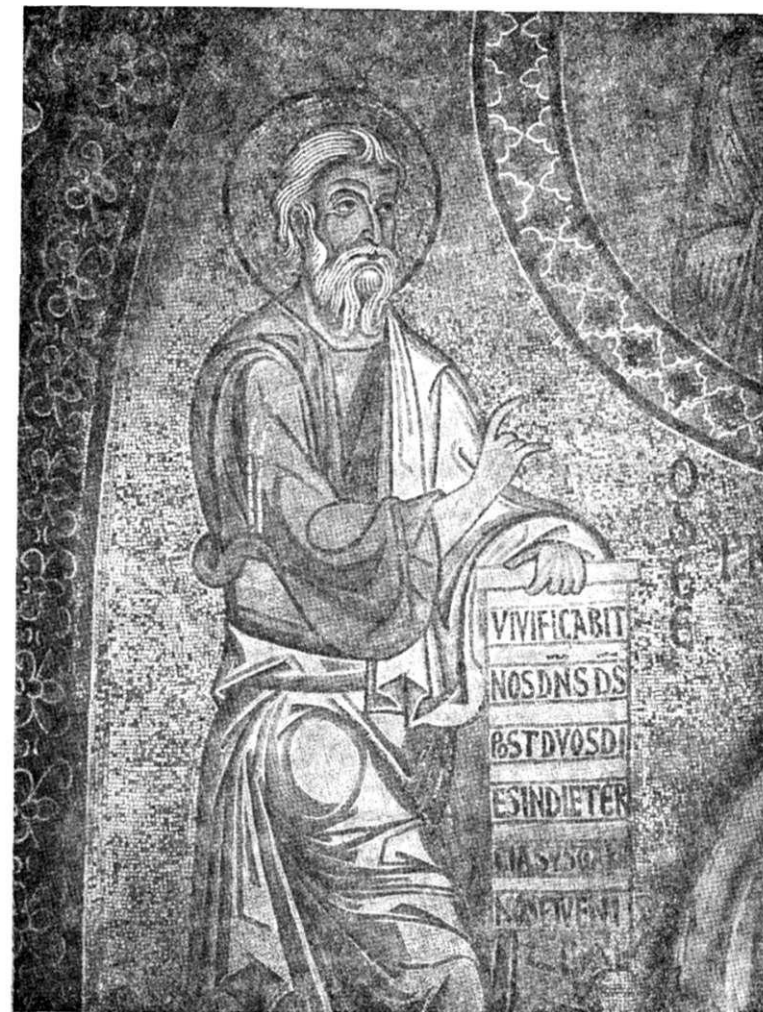
Блеск значительной части царствования Иеровоама II уступает место беспокойству. Дворцовые перевороты становятся постоянным явлением. В течение пятнадцати лет четыре царя погибли насильственной смертью. Нависает угроза со стороны Ассирии. Уже в 738-ом году царь Манаим вынужден был стать ее данником. В 734-ом и в 732-ом году ассирийцы отняли у Факея всю северную часть его царства, которое, таким образом, свелось к одной «горе Ефремовой», т. е. к нынешней Самарийской области. Все показывает, что упадок Северного царства ускоряется и что приближается развязка. Как уже было отмечено, ничто не позволяет заключить, что пророк видел падение Самарии. Если он к тому времени еще не умер, то, может быть, он укрылся в Иудейском царстве, где его ученики записали то, что сохранилось от его проповеди. Это может объяснить в его книге то, что кажется пропусками, а также краткость некоторых пророчеств, которые более походят на суммарный их пересказ, чем на дословное воспроизведение того, что он говорил.

3. Проповедь Осии.

Если история брака пророка, изложенная в первых главах его книги, должна быть понимаема буквально, а не как аллегорический рассказ, то сам пророк, его личность, его жизненный путь и его проповедь составляют одно неразделимое целое. Он, как никакой другой пророк, был целиком, полностью захвачен Богом, который сделал его знаменем для Израиля. Значение слова, с которым Ягве послал к Своему народу, Осия нашел чрез свою личную, интимную жизнь.

По повелению Божию пророк вступает в брак с блудницей Гомерь, дочь Дивлаима (Ос. 1, 2-3), которая его покинула, чтобы предаваться блуду, очевидно при одном из языческих святилищ. Через некоторое время Ягве приказывает Осии ее выку-

пить. Пророк ее наказывает, подвергает ее испытанию и возвращает ей достоинство супруги (3.13). Через это пророку становится понятным, что то же самое будет между Богом и Израилем. Израиль изменил своему Богу. Бог его подвергнет наказанию, затем Он выкупит Свой народ и вернет ему Свою любовь.

Пророк Осия

(мозаика в Чефалу, 1060-1170 годы).

Таким образом, основной темой проповеди Осии является любовь Ягве к Своему народу, любовь которую народ отверг. Осия ее выражает через посредство образа брака между Богом и избранным народом, образа, который после Осии получил в библейской письменности самое широкое распространение. Брач-

ный союз, заключенный на Синае, за исключением краткого периода первой любви, которому отвечало пребывание Израиля в пустыне, вылился в бесконечные измены супружеской верности со стороны Израиля.

Во дни Осии эти измены продолжаются. Подобно Амосу и, может быть, продолжая его дело, пророк обличает тех, кто притесняет слабых, нарушает справедливость, обижает бедных и вдов на суде. Но более, чем Амос, Осия восстает против религиозных неправильностей. Он бичует разложившееся священство, которое никак не противостоит усиливающемуся религиозному синкретизму и примиряется с суеверием, обрядоверием и даже идолослужением, из которых оно извлекает для себя различные выгоды.

Осия этому нравственному и религиозному упадку современного ему израильского общества противопоставляет требования его Бога. Бог требует отдачи Ему сердца. А это выражается в «**д а т**», знании, и «**х е с е д**», милосердии и любви. Это нашло свое выражение в известных словах пророка:

«Я милости хочу, а не жертвы,
и боговеденья более, нежели всесожжений» (6.6).

В этих словах выражена самая сущность проповеди пророка Осии. Христос их повторит против фарисеев. Евангелист Матфей дважды их влагает в Его уста (Матф. 9.13 и 12.7).

Израиль не услышал обращенного к нему зова. Поэтому наказание неизбежно. Но Осия является пророком милующей любви Божией. Поэтому он дает понять, что последнее слово принадлежит любви Божией, и поэтому те светлые и радостные отношения, которые имели место в пустыне, превратятся в ликующую любовь (14.2-9).

4. Книга пророка Осии.

А. Текст: Текст книги пророка Осии — один из хуже всего сохранившихся в Библии. Переписчики, очевидно, не всегда понимали пророка из-за очень личного, интимного характера присутствующего его стилю и языку. Версии иногда расходятся в своем понимании того или иного места книги. Это является мало важным для того, кто только хочет постигнуть главную суть проповеди Осии, но этим объясняется причина большого количества разночтений, а также гипотез относительно ориги-

нального чтения отдельных стихов, которые приводятся в примечаниях критических изданий.

Б. Содержание: Книга пророка может быть разделена на три части:

1) Брак пророка Осии, гл. 1-3:

Рассказ о женитьбе пророка Осии начинается после 1.1, который является заголовком книги. Рассказ прерывается рядом речей самого Ягве, в которых отношения между Израилем и Богом, сделавшим Израиль Своим избранным народом, представляется в образах брачного союза (гл. 2-ая).

Рассказ начинается в 1-ой главе, где о пророке говорится в третьем лице; он кончается в 3-ей главе, где он ведется в первом лице самим пророком. Обе части рассказа либо составляли в начале одно литературное целое, либо были отдельными параллельными повествованиями об одних и тех же событиях. Большинство критиков текста считает второй рассказ продолжением первого. В этом случае факты представляются таким образом:

Осия, по повелению Ягве, вступает в брак с легкомысленной женщиной, по имени Гомерь. Она ему изменяет, очевидно, с другим мужчиной и рождает трех детей блуда. Осия им дает символические имена:

- 1: **Изреель**, имя, которое предвещает гибель дома Ииуева и военное поражение Северного царства, по образу того, что произошло с династией Амврия, последние представители которой были перебиты в Изрееле;
- 2: **Ло-Рухама**, т. е. не любимая, имя, которое означает отвержение Израиля. Стих 7-ой 1-ой главы, в котором говорится о помиловании Иуды, является в данном контексте, очевидно, поздней вставкой;
- 3: **Ло-Амми** т. е. не Мой народ, знак окончательного отвержения Израиля, который больше не будет народом Божиим.

После этого женщина, очевидно, совсем покидает Осию и попадает в рабство (м. б. она стала священной блудницей при некоем языческом или полуязыческом святилище). Ягве приказывает пророку ее выкупить из рабства и подвергнуть испытанию: она должна доказать, что впредь она будет верной супругой. Пророк

ее принимает и дает детям новые символические имена, противоположные первым: **Амми** (Мой народ), **Рухама** (Любимая)...

Этот рассказ символически рисует картину измен Израиля своему Богу. До сих пор идут споры, чтобы установить, является ли он передачей подлинных, имеющих место фактов (блаж. Августин, Будде и большинство современных критиков) или же аллегорией (блаж. Иероним, Ван-Хунаккер, Гроссманн и т. д.). Так или иначе, первое понимание является в настоящее время господствующим среди экзегетов.

По всей вероятности, в рукописной передаче произошли перестановки в тексте. И потому первоначальный его порядок, может быть, являлся таковым:

— 1: 1.2-9: женитьба пророка, символические имена детей;

— 2: 10-25: Ягве раскрывает тайну символического действия, каковым оказался брак пророка. Слова в 2.2 «судитесь с вашей матерью...» (более точно: обвиняйте...), как будто сказаны пророком, обличающим неверную супругу, но продолжение показывает, что с этими словами Бог обращается к Своему народу. Бог говорит Израилю таким же языком любви, оставшейся без ответа, как и пророк: в нем слышатся та же скорбь, те же упреки, та же уверенность в том, что любовь в конце концов восторжествует. Здесь тоже, по-видимому, следует восстановить изначальный порядок текста, который мог быть следующим:

— ст. 4-7

— ст. 10-15

— ст. 8-9, которые являются центром аргументации и которым, наверно, отвечает обращение неверной супруги.

— ст. 16-25, где ст. 19-22 кратко суммирует все учение пророка о необходимости любви и знания Ягве.

— 3: гл. 3.1-3: Осия выкупает Гомерь и подвергает ее испытанию.

— 4: гл. 3.4-5: этим же образом Ягве лишит Израиль свободы и утешения, чтобы привести его к покаянию.

— 5: гл. 2.1-3: эти три стиха следует читать после гл. 3, ст. 5: они составляют заключение всего пророчества. Может быть заключение это было прибавлено неким учеником пророка. В нем открывается перспектива на светлое будущее для объединенных Иуды и Израиля.

2) **Собрание обличительных пророчеств против Израиля:** Гл. 3.1 — гл. 9.9).

В них пророк обвиняет вождей Израиля, священников и правящую династию, в религиозных преступлениях и в чрезмерно земной политике, неприличествующей народу Божию.

3) **Обличительные поэмы о греховном прошлом Израиля:** 9.10-14.1:

Израиль обвиняется, главным образом, в идолопоклонстве, которое является провозвестником отпадения, свидетелем которого оказался Осия.

Книга кончается призывом к молитве об обращении: 14.2-10: в нем это обращение предвозвещается и будущее Израиля обрисовывается, как новая эра благополучия и искреннего знания Бога с отвержением всякого идолопоклонства. Т. о. милующая любовь в конце концов восторжествовала.

О происхождении и литературном единстве книги: автор-припиской к книге, составленной в стиле хохмических книг, т. е. библейской письменности, посвященной теме Премудрости.

О происхождении и литературном единстве книги: авторская принадлежность книги пророку Осии в основном сомнению не подвергалась. Авторство Осии ставилось под вопрос относительно только некоторых мест:

— 2.1-3, т. е. заключение пророчеств, содержащихся в первых трех главах книги, может быть прибавленное учениками пророка;

— 8.14, обличение, написанное в стиле пророка Амоса, направленное против строящих богатые жилища;

— 14.10, заключение о мудрости, разуме и о хождении праведников по путям Господним.

Книга содержит мало данных, позволяющих иметь представление о том, как она составлялась. По-видимому в ней были соединены два собрания пророчеств Осии:

1) Главы 1-ая по 3-ю, в которых собраны все слова Ягве, касающиеся темы брака между Ним и Израилем, и повествования о брачном опыте пророка.

2) Пророчества, содержащиеся в главах с 4-ой по 14-ую, в которых пророк сетует на современную ему обстановку и также упрекает Израиль за греховное прошлое. В этих пророчествах Осия не касается темы брака между Ягве и Израилем.

Можно предположить, что некий редактор из учеников пророка соединил в одну книгу оба собрания пророчеств и написал историческое введение, в которое включил рассказ о брачном опыте Осии. В этом последнем рассказе о пророке повествуется в 3-ем лице.

Книга пророка Осии является одной из самых трудных для истолкования библейских книг, как из-за неудовлетворительного состояния ее текста, так из-за стиля пророка, очень сжатого и в то же время выражающего предельную нежность и страстность чувств Осии.

5. Религиозное учение пророка.

Как и Амос, Осия был во многом предначинателем и инициатором. Подобно пророку из Фекои, он внес в пророческое богословие целый ряд тем, которые после него были развиваемы последующими пророками:

а) **Воздыхание по прошлому и тема пустыни:** Для Осии история Израиля представляется как некий разрыв со светлым прошлым. Он выставляет образ Иакова, запинателя, обманщика, наемника, действующего по побуждению одних земных интересов, как своего рода персонификацию Израиля и всей его истории, из которой видно, что Израиль идет не по тому пути, по которому он призван идти. Светлой порой его истории является ее начало, т. е. пребывание Израиля в пустыне. Это были дни юности (2.14), время заключения Завета. Так, Бог говорит через пророка:

«Когда Израиль был юн, я любил его
и из Египта Я вызвал сына Моего» (11.2).

Но соприкасаясь с городской, материалистической цивилизацией, Израиль забыл своего Бога:

«Я призвал тебя в пустыне, в земле жаждущей.
Имея пажити, они были сыты,
а когда насытились, то превозносилось сердце их,
и потому они забывали Меня» (13.5-6).

Поэтому Ягве снова уведет в пустыню, чтобы говорить к его сердцу:

«Посему вот, Я увлеку ее, приведя ее в пустыню,
и буду говорить к сердцу ее...

И она будет петь там, как во дни юности своей
и как в день выхода своего из земли Египетской»
(2. 14-15).

И также:

«Я Ягве Бог твой от самой земли Египетской,
опять поселю тебя в кущах,
как во дни праздника» (12.9).

Постоянное обращение к дальнему прошлому, когда совершалось призвание Израиля, а также дающие себя чувствовать в его проповеди отзвуки заповедей Десятословия показывают, насколько он напитан преданием о пребывании Израиля в пустыне. Пустыня в его глазах может быть не только местом встречи с Богом, но тоже местом испытания и наказания:

«Я разоблачу ее донага
и выставлю ее, как в день рождения ее,
сделаю ее пустыней,
обращу ее в землю пустую
и уморю ее жаждою»* (2.3)

Пустыня есть также место воссоединения народа со своим Богом:

«Поэтому вот, я увлеку ее,
приведу ее в пустыню
и буду говорить к сердцу ее...
«И будет в тот день, говорит Ягве,
ты будешь Меня звать: «муж мой»,
и не будешь более звать Меня: «Господин мой».

Таким образом, тема пустыни служит Осии как свидетельство об очистительном значении страданий.

* Русский синодальный перевод здесь исправлен согласно еврейскому тексту, где это место звучит, как угроза.

б) Тема брака:

Осия называет Ягве, Бога Израилева, отцом Израиля, когда речь идет о прошлом избранного народа (11.1 и след. ср. 1.8-10), и супругом Израиля, когда речь идет о настоящем и о будущем. Тема эта будет воспринята всем последующим пророческим преданием (Иезек. 16; Ис. 50.1-3; 54.1-6). Она вносит момент любви в богословие Завета-Берита и представляет Берит как общее дело, совместно творимое Богом и Его народом. Как уже было подчеркнуто, она тесно связана с собственным жизненным опытом Осии, которому, через посредство его несчастливого брака, Бог открыл тайну своей всепрощающей и спасающей любви.

в) Тема суда:

Орудием суда, также как у Амоса, будет, согласно предсказанию Осии, наступающая ассирийская мощь. В прошлом врагами Израиля были Филистимляне и Сирия. Начиная с середины 8-го века и на протяжении целого столетия (734-612), главная опасность будет надвигаться со стороны Ассирии: Осия рисует ассирийскую опасность в образе ветра, поднимающегося с востока:

«Хотя Ефрем возрастает между тростниками,
но придет восточный ветер,
поднимется дуновение Ягве из пустыни,
и иссохнет родник его и иссякнет источник его:
он опустошит сокровищницу всех драгоценных сосудов»
(13.15).

Время этому близко (10.9-15). Это будет, как буря (8.7), будут перебиты младенцы и беременные женщины (14.1), города будут сожжены (8.14), высоты, т. е. незаконные места поклонения, будут уничтожены (12.11-12), вся земля порастет волчцами и тернием (10.8).

г) Божественная любовь Хесед.

Это — основная тема Осии. Амос настаивал на праведности Божией и на Божественной силе и всемогуществе. Осия, человек более нежный, углубляет эти мотивы. В этом он подходит к Иеремию, с которым часто его сравнивают и который, несомненно, является его продолжателем. Он учит о

хесед, т. е. о благостности или, точнее, о нежности любви Божией. Ею он объясняет рождение Израиля как избранного народа:

«Когда Израиль был юн, Я любил его,
и из Египта вызвал сына Моего...
Сам Я поучал Ефрема ходить,
носил его на руках Моих,
а они не сознавали, что я заботился об них.
Я был для них как поднимающий грудного младенца к
и ласково подкладывал пищу их» (11.1-4). щек

Эта же любовь хесед возымеет последнее слово:

«И обручу тебя Мне навек,
и обручу тебя Мне в правде и суде,
в благости (хесед) и милосердии,
Я обручу тебя Мне в верности,
и ты познаешь Ягве» (2.19-20).

Но божественная хесед не является слабостью. Она сопровождается требованиями со стороны Бога. Суд является как бы ее обратной стороной. Бог требует истины, суда, хесед и Боговедения (6.6).

д) Знание Даат:

Это — знание Бога. Понятие даат неразрывно связано у Осии с понятием хесед. Даат не есть знание умственного или рационального порядка, но порядка внутреннего, основанного на опыте. Подобно тому, как Бог открывается человеку и заключает с ним Завет, являя ему Свою хесед через Свои благодеяния, точно таким же образом человек поднимается до даат, или знания Бога, являя Ему свою верность и благодарность. В хохмической письменности даат, знание, становится синонимом хохма, т. е. мудрости.

Пророк развивает свое учение о даат в связи с обличением зла. Он показывает, что зло укореняется там, где есть недостаток или отсутствие даат:

«Гибнет мой народ за недостаток веденья (даат):
так как ты отверг даат,
Я отвергну тебя от священнодействия предо Мною»
(4.6).

От греха отвержения даат берут начало все остальные грехи: разврат, пьянство, неправда и т. д. Отсюда тоже все религиозные искривления. Пророк их обличает в знаменитых своих словах, которые будут потом повторены Господом:

«Милости хочу, а не жертвы,
и Боговеденья более, нежели всежжений» (6.6),
(ср. Матф. 9.13 и 12.7).

Пророк Осия является тоже близким Второзаконию (см. Втор. 7.8; 10.15; 23.6; 30.6-20). Как известно, основным словом этой книги является любовь, **לבה** ахаба. Отношения между Богом и Его народом, продуманные Осией, человеком нежного, любящего сердца, прообразуют, в конечном итоге, соотношения Христа и Церкви, а также Христа и человеческой души. Книга Осии, таким образом, предвосхищает из глубины Ветхого Завета новозаветное учение о благодати. И потому Осию иногда называют ветхозаветным Евангелистом.

6. Актуальность Осии.

Книга Осии ясно свидетельствует, что религиозные неправильности и социальное зло коренятся в преследовании человеческим обществом идеала чисто земной, материалистической культуры. Пророк также показывает, как вырождается общество, отвергающее знание Бога. И поэтому книга Осии содержит предупреждение, над которым следовало бы задуматься тем из христиан, которые прежде всего желают быть «людьми как все», которые хотят служить миру, игнорируя при этом призванность человека к Богообщению и низводя спасение к избавлению от одних только земных невзгод и бед.

Глава 3. МИХЕЙ

Михей стоит шестым по порядку в отделе книг Малых Пророков, но хронологически он находится на третьем месте. Его слава была частично заслонена внушительной фигурой его великого современника Исаии. Обычно его только знают как автора пророчества о рождении Мессии в Вифлееме (Мих. 5.1-5; ср. Матф. 2.6). Но по содержанию и значению своей проповеди Михей заслуживает большего внимания.

Пророк Михей

(фреска в церкви св. Георгия в Старой Ладого, 12 век).

1. Личность пророка:

Михей, у XX *Μιχαῖος* является эллинизированной транскрипцией еврейского имени **ΜΙΚΑΗΛ**, которое, в свою очередь, представляет сокращенную форму от **ΜΙΚΑΙΑΝΟΥ**, кто как **Ягве**. Пророк происходил из селения Морешет, недалеко от Гефа (по-еврейски: Гат), как это видно из 1.14; находящегося на низменности Сефела, пролегающей между горной страной Иуды и Филлистимскую равниной. Как и Амос, Михей является человеком скромного, провинциального происхождения. Неупоминание име-

ни его отца, может быть, показывает, что он был человеком без родословной, иначе говоря — не знатным. Согласно указанию 1.1, Михей проходил свое служение при царях иудейских Иоафаме, Ахазе и Езекии, т. е. приблизительно с 738-го года по 693-ий. Он, таким образом, действительно является современником Исаии.

Конечно, Михею, скромному сельскому жителю, трудно было сразу получить престиж иерусалимлянина Исаии, человека столицы. Простая, образная речь Михея не могла быть сравниваемой с блестящим слогом Исаии, классика еврейского языка. Однако, сто лет спустя, друзья Иеремии добились оправдания последнего, сославшись на авторитет Михеина пророчества (Иерем. 26.16-19). Это показывает, что дело Михея не могло быть исторически мало важным. Для служения пророка скромность происхождения не могла явиться препятствием. Михей, подобно Амосу, имеет твердое сознание своей призванности к этому служению. Он показывает, что не имеет ничего общего с пророчествующими за плату и заявляет свою глубокую убежденность в том, что с ним Сам Ягве (3.8; 7.7).

Книга Михея не дает о жизни пророка никаких биографических подробностей. Но она позволяет иметь о нем представление, как о человек из так называемого в Библии «народа земли», иначе говоря крестьянства, которое постоянно оказывалось вернейшей поддержкой Давидовой династии (см. II Царей 11.20; 14.21; 21.24), неизменно расстраивало планы всех составителей заговоров против царей и неуклонно возводило на престол законных наследников Давида.

2. Историческая среда:

Михей живет в очень тревожное время. После своих побед над Едомом Иудейское царство, во время правления царей Озии (Азарии или Озы) и Иоафамы, обрело даже некоторое благополучие. Но в 735-ом году, при Ахазе, разразилась сиро-ефраимитская война* и разорила страну. Но страшнее всего была угроза со стороны Ассирии. В 732-ом году Ассирийцы отторгли от Самарийского царства все его северные области и свели его территорию к одному колену Ефремову. При своем последнем царе Осии это царство влачит мелкое существование, **всцело находясь**

* Война, которую вели против Ахаза цари Сирийский и Самарийский. У пророков Северное царство постоянно называется Ефремом, т. к. это колено было в нем ведущим.

в зависимости от ассирийской мощи. Иудейское царство, в страхе, придерживается строгой нейтральности и старается стяжать благоволение ассирийского царя. Но в 705-ом году, после смерти Саргона II, происходят волнения. Они являются знаком восстания для сиро-палестинских государств. Царь Иудейский Езекия дает себя увлечь в антиассирийскую коалицию, подстрекаемую Египтом. В 702-ом году царь ассирийский Сеннахериб приходит со своим войском и опустошает страну. Езекия спасает свое царство только согласием платить тяжелую дань. Но через год ассирийский царь потребовал сдачи Иерусалима. Поддерживаемый пророком Исаией, Езекия сопротивляется и возлагает надежду на одного Ягве. Может быть Михей тоже находился в этот момент в осаждаемой столице, вместе с другими беженцами. Возможно, что он вместе с Исаией поддерживал царя и его окружение в их намерении не сдаваться ассирийцам. Если это так было, то, по всей вероятности, к этому времени следует отнести большинство слов Михея о надежде на радостное будущее и на неизбежность навеки Давидовой династии, в частности его пророчество о грядущей славе Вифлеема, места рождения Царя-Мессии, которое дополнило мессианские пророчества Исаии, сына Амосова.

Возложение упования на Бога не оказалось напрасным. Сеннахериб неожиданно был вынужден снять осаду и удалиться в свою страну.

3. Проповедь Михея:

Твердо сознавая подлинность своего пророческого призвания, Михей обличает пророков-профессионалов (3.5-8). Он гораздо больше восстает против социальной несправедливости, чем против слишком земной политики, несовместимой с исключительностью характера призвания богоизбранного народа, который должен не забывать, что он не прочие народы (I Сам. 8). Эта особенность отличает Михея от Исаии, его современника, и, может быть, объясняется тем, что Михей, как сельский житель, стоит ближе к народу, чем к правящим кругам. Он бичует богатых землевладельцев и отдающих деньги в рост за их немилосердие в отношении бедных и беззащитных. В этом он сближается с Амосом. Но тогда как Амос покидает свою страну и идет обличать неправедность в Северном царстве, Михей остается для борьбы с социальным злом у себя на родине. Может быть поэтому он переживает это зло глубже, чем Амос, и в своей проповеди выявляет свои собственные чувства сильнее, чем пророк из Фекон.

Язык у него простой, без прикрас, как у человека из народа. Он любит созвучия, прибегает к игре слов, особенно когда приводит названия городов и местностей. Делает он это в силу принципа, по которому имена и названия имеют отношение к сущности именуемого лица или предмета и определяют их судьбу (см. 1.10-15; 4.8; 5.1).

4. Книга Михея:

А. План:

Книга разделяется на четыре части. Первая и третья части содержат обличительные пророчества, а вторая и четвертая — утешительные. Это деление искусственно: оно не восходит к самому пророку, а является делом собирателей его пророчеств и редакторов его книги. Среди обличительных пророчеств одни направлены против Самарии, другие против Иерусалима. При этом необходимо заметить, что наименование Израиль-Иаков не всегда относится к Северному царству, ибо, как это видно в 3.10, оно тоже обозначает Иуду и имеет при этом определенно богословский оттенок.

Б. Содержание:

- а) 1.1: Надписание или заглавие книги, в котором названы имя пророка, его родина и имена современных ему царей.
- б) Первый отдел обличительных пророчеств: гл. 1, 2, 3.
- 1.2-7: предвозвещение падения Самарии. Пророчество это было изречено Михеем до 722-го года.
- 1.8-16: пророчество, направленное против Иуды, может быть относящееся к 701 г. (ср. Ис. 10.24-34). Ягве, судья над всеми народами, покарает тоже Иуду. Он пошлет на него врага, который придет с юго-запада и который разрушит все города, которые встретит на своем пути. По-видимому, пророк имеет в виду нашествие Сеннахериба.
- 2.1-11: пророк обличает социальную несправедливость и возвещает богатым кару от Ягве за их алчность, жадность и немилосердие.
- 2.12-13: утешительное пророчество, оказавшееся в одном контексте с обличительными пророчествами: Ягве со-

берет и возвратит остаток Иакова-Израиля. Принадлежность этого пророчества Михею иногда оспаривается: его относят к эпохе плена, т. к. оно говорит о возвращении Израиля, ведомого Ягве, который выступает во главе народа как его Царь-Пастырь.

- 3.1-4: обличения начальников и судей, обижающих их народ.
- 3.5-8: обличения лжепророков, которые дают купить себя подарками и возвещают угодное тем, кто их вопрошает.
- 3.9-12: против ведущих классов: князей, судей, священников, профессиональных пророков: за их неправду Михей предсказывает разрушение Иерусалима.

в) Первый отдел утешительных пророчеств: гл. 4, 5.

Этот отдел содержит семь пророчеств. Часть современной науки отрицает их принадлежность Михею, тогда как другая часть защищает авторство пророка.

- 4.1-5: Иерусалим станет духовным центром всего мира. Гора храма будет поставлена во главу гор. Это может значить, что из всех известных гор она будет самую высокую. Из Сиона выйдет Закон. Водворится всеобщий мир. Это же пророчество о будущей славе Сиона находится тоже у Исаии в 2.2-4.
- 4.6-8: пророчество о Царстве Ягве и о возвращении рассеянных. В нем тоже появляется тема об остатке (ст. 7). «Башня стад» — Иерусалим, которому пророк предвозвещает возвращение Богом прежних владычества и царства.
- 4.9-10: пророчество о бедствии, ожидающем Сион, и об его избавлении. Дочь Сиона будет в осаде и без настоящего царя, но Ягве дарует ей избавление. Слова «дойдешь до Вавилона», может быть, являются вставкой в текст или поздней интерпретацией пророчества.
- 4.11-13: пророчество о победе над многочисленными языческими народами, которые собрались против Сиона, не зная мыслей Ягве. В нем, может быть, имеется в виду нашествие Сеннахериба.

— 4.14-5.5: униженное состояние царя наследника Давида и будущая слава Мессии, его потомка. Это — знаменитое пророчество Михея, в котором предсказывается, что Вифлеем будет родиной грядущего Царя-Мессии. Пророк противопоставляет бедственное положение «судии Израиля», т. е. современного ему царя, терпящего унижения от Сеннахериба (4.14), славе Царя-Мессии, рождение которого в Вифлееме положит начало славному времени благоденствия и мира (5.1-5). При этом пророчество настаивает на древности происхождения Давидовой династии. Этим он подчеркивает законный характер власти славного Давидова потомка, который должен явиться как избавитель Израиля. Имя Ефрафа, употребленное в тексте как второе название Вифлеема, было первоначально наименованием одного из кланов обосновавшихся в окрестностях этого селения; впоследствии оно стало синонимом Вифлеема (Быт. 35.19; 48.7; Руфь 4.11). До времени, доколе не родит имеющая родить, сыны Израилевы будут оставлены (5.3 в русск. Библии). Иными словами, спасение начнется с момента рождения Избавителя. «Имеющей родить» может быть мать Эммануила, о которой идет речь у Исаии в 7.14.

— 5.6-8: об «остатке», который одержит победу над языческими народами (может быть, это пророчество надо отнести в после-пленную эпоху).

— 5.9-(4): утешительное пророчество, которое, тем не менее, говорит об религиозном очищении и об уничтожении в Израиле всякого вооружения и всего, связанного с языческими культурами.

г) Второй отдел обличительных пророчеств: 6.1-7.6:

— 6.1-8: Ягве судится со своим народом, который платит ему неблагодарностью за все благодеяния. Это пророчество могло быть изречено после избавления от нашествия Сеннахериба в 701 году. Оно принадлежит к самым известным местам книги Михея:

«Слушайте, что говорит Господь (Ягве):
встань, судись перед горами,

и холмы да услышат голос твой.
Слушайте, горы, суд Ягве,
и вы, твердые основы земли,
ибо у Ягве суд с народом своим,
и с Израилем он состязуется.
Народ Мой, что Я сделал тебе
и чем отягощал тебя?

Эти слова пророка нашли отклик в некоторых стихах Великого Пятка.

— 6.9-16: обличение социальной несправедливости и различных злоупотреблений в Иерусалиме или в Самарии (до 722-го года).

— 7.1-6: сетование пророка по поводу всеобщей неправедности. Слова 6-го стиха: «враги человеку — домашние его» были повторены Господом Иисусом Христом, но в совсем ином значении (Матф. 10.35-36).

д) Второй отдел утешительных пророчеств: 7.7-20:

Это — новые обетования, данные Сиону:

1-ое обетование, в форме оплакивания врага:

«Не радуйся ради меня, о неприятельница моя...»

Ягве обещает, что после испытания придет спасение и восстановление (ст. 7-10).

2-ое обетование, в форме предсказания (ст. 11-13).

3-е обетование, в форме двух молитв:

— 14-17: обращение к Ягве, пастырю своего народа;

— 18-20: просьба о прощении, обращенная к милосердию Божию.

В. Проблемы происхождения книги:

Книга, таким образом, два раза повторяет одну и ту же схему:

обличительные пророчества (б и г)
утешительные пророчества (в и д)

Это деление не отражает, несомненно, первоначальный план записи проповеди пророка. Мало вероятно, чтобы сам пророк прервал бы обличения и угрозы утешительными словами, которые сводили

бы на нет все действие первых. Кроме того, обе группы обличительных пророчеств (б и г) начинаются одинаковым образом:

Ягве судится с Израилем (1.2 и сл., 6.1 и сл.);

одинаковые слова составляют также связку между б и в и между г и д:

«гора храма» в 3,12 и в 4,1,
«слушать» в 5.15 и 6.1.

Их же мы находим в заключении 7.7 и в начале первого собрания обличительных пророчеств в 1.2. Они в книге Михея как бы выполняют роль ключевых слов. Все это, как будто, указывает на искусственность всей композиции книги Михея и говорит за то, что распределение в ней материала является делом не самого пророка, а некоего редактора из его учеников и последователей.

Г. О тексте книги:

Текст книги тоже имеет свою историю. В нем значительное количество ошибок переписчиков, перестановок, интерполяций. Интерполяции показывают, что пророчества Михея перечитывались поколениями в избранном народе, который усматривал возможность применять их к все новым и новым событиям своей истории. Это свидетельствует о вечном характере пророческого слова и об его пребывающем значении. Возвращаясь к тексту книги, надо указать, что утешительное пророчество 2.12 о собрании воедино всего Иакова и о возвращении остатка Израиля находится не на своем изначальном месте среди грозных пророчеств глав 1-8: некоторые толкователи предлагают его поместить после 4.6-8; другие толкователи датируют его после-пленной эпохой. Но оно могло быть изреченным самим Михеем, который пророчествовал о возвращении десяти колен, уведенных в плен ассирийцами в 722-м году, а живущие в V веке иудеи сочли возможным его применить и к событиям, имевшим место после конца Вавилонского плена. Эти соображения делают менее острым вопрос о подлинности некоторых мест книги Михея.

Д. О подлинности и об литературном единстве книги:

Вопрос о подлинности встает, главным образом, по поводу утешительных пророчеств.

1) Мих. 4.1-5, о горе дома Господня, совпадает с Ис. 2.2-5, причем невозможно, за отсутствием рукописных данных, устано-

вить, было ли оно заимствовано книгой Михея из книги Исаии или наоборот. Мнение, по которому оно было заимствовано Михеем и Исаией из некоего третьего, анонимного источника имеет в настоящее время довольно много сторонников.

2) 4.9-10: нет никаких серьезных оснований сомневаться в принадлежности самому пророку этого текста, в котором предсказываются осада, плен и освобождение Сиона. Только слова 10-го стиха «Ты дойдешь до Вавилона» кажутся странными в эпоху, когда вся угроза шла из Ассирии. Но они могут рассматриваться как приписка, внесенная в текст тогда, когда узнали на опыте, что пророк предсказал не только ассирийский, но и вавилонский плен.

3) 5.1-5, о рождении Мессии в Вифлееме, о будущей славе этого селения и о явлении в мессианскую эпоху освобождения и мира должно рассматриваться как принадлежащее самому Михею.

4) 4.8-14: этот текст, по-видимому, был несколько изменен. Стихи 8-ой и 14-ый были ретушированы, дабы изменить смысл стихов 9-13. Это пророчество предвозвещает, что Ягве отнимет от своего народа все ложные человеческие средства защиты, на которые народ, избранный Богом и находящийся под Его защитой, не имеет права возлагать надежд. Стихи 8-ой и 14-ый относят это пророчество к враждебным Ягве языческим народам. Но это — внесение в текст исправлений, отвечающих новому его пониманию.

5) 7.8-20: молитвы о славном будущем, которым предшествуют слова о восстановлении после испытаний. Судя по их тематике (восстановление стен, Ягве-пастырь и т. д.) эти тексты могут быть написаны после Вавилонского плена.

5. Религиозное учение.

Пророк Михей не вносит в ветхозаветную богооткровенную религию новых богословских идей или понятий. Для него вера в единого Бога, открывшегося Израилю, и этический монотеизм являются само собою разумеющимся. Он поэтому в своей проповеди на них не настаивает. Его можно определить как провозвестника гнева Божия и великого милосердия Божия. В его проповеди сочетались учение Амоса и учение Осии. Однако мотивы первого у него звучат все же сильнее, чем мотивы второго.

Для Михея подлинная религия начинается тогда, когда религиозная деятельность становится праведностью, особенно в социальных взаимоотношениях. Это требование пророк предъявляет как всему обществу, так и отдельным индивидам.

Михей, к тому же, является одним из самых великих мессианских пророков. В его книге ветхозаветный мессианизм достигает одной из своих вершин: пророчество о Вифлееме-Ефрафе представляется как одно из наиболее ярких, определенных и конкретно выраженных пророчеств о Мессии. Оно обрисовывает бедственное положение Иерусалима: враг обложил его осадой и наносит оскорбление его царю, которого пророк именует судьей Израилевым (4.14). Но на это через пророка дается ответ Бога, ответ превосходящий по своему значению всю историческую ситуацию: будущая слава Вифлеема-Ефрафы, наименьшего из кланов Иуды, будет заключаться в том, что он станет родиной Мессии.

Пророк настаивает на древности происхождения Мессии (ст. 26). Он может иметь в виду древность обетований, которые получают в нем свое исполнение, или же он поясняет здесь титул, данный Исаией в Ис. 9.6 Мессии: Отец вовеки, (в русск. переводе: Отец вечности). Но, конечно, он может тоже говорить и о древности происхождения рода Давидова (Быт. 25.19; 48.7; Руфь 4.11). Упоминание в ст. 2 (ст. 3 в русск. Библии) «имеющей родить» было, может быть, сделано пророком в связи с пророчеством Исаии об «алма», которая родит Эммануила (Ис. 7.14), рождение которого будет «знамением», данным Богом. Слова же 1-го стиха (2-го в русск. Синод. Библии) «Который должен быть Владыкою в Израиле» надо соотносить с благословением, которое Быт. 49.10 влагает в уста Иакова и которое, так же, как пророчество Нафана Давиду (II Сам. 7. 12,16), свидетельствует о непреходящем характере обетований, данных Давиду и его династии.

Другим мессианским мотивом книги Михея является тема об остатке и о деле, которое он должен совершить среди народов. Тема эта появилась у Амоса и у Осии; она получит большое развитие у пророка Исаии.

Итак, можно сказать в заключение, что книга пророка Михея свидетельствует о рецепции, которую получила проповедь Амоса и Осии в избранном народе, и о том, как происходила в нем рецепция тем, которые были выдвинуты проповедью Исаии, современника Михея.

6. Актуальность книги Михея:

Пророчества Михея прозвучали при очень определенных обстоятельствах, в очень конкретную историческую эпоху. Однако значимость свою они сохраняют на все времена. В книге Михея засвидетельствован один из основных законов пророческой проповеди: когда народ Божий предается беспечности, когда он уживается с грехом и неправдою, когда он преследует только блага и удовольствия мира сего, ему грозит суд Божий, совершаемый через исторические катастрофы, и пророк возвещает этот суд. Но когда совершился, когда возвещаемая пророком катастрофа обрушилась на народ и рука Божия легла на него тяжелою карой, тогда вспоминаются данные Богом незыблемые обетования и пророк возвещает об обещанном спасении и приоткрывает перспективы светлого будущего. Из пророка горя он становится пророком радости. Редакторы и издатели книги Михея поняли этот закон и потому они захотели установить в ее окончательной редакции своего рода равновесие или гармонию между грозными пророчествами и пророчествами о помиловании и даровании спасения.

Этот закон является определяющим для поведения каждого верующего в отношении внешнего мира. Верующий должен следовать линии поведения, намеченной ветхозаветными пророками. Он должен отказываться от солидарности с грехом и от участия в неправде, даже если он должен потерпеть из-за этого неудобства или даже преследования; но наряду с этим ему надлежит оставаться жить и действовать в мире, чтобы пребывать в нем свидетелем Царствия Божия и способствовать тому, чтобы мир направлялся бы к идеалу этого Царствия. Следовать этому закону не всегда бывает легко. Часто лишь малый «остаток» оказывается способным услышать пророческий призыв ему следовать и воплощает в жизни этот закон. Мудрые и умелые в мире сем от него уклоняются, смиренные же преуспевают в принятии его, благодаря их вере и их желанию быть верными. Михей для такого рода верующих душ является предшественником и примером.

Наконец, Михей принадлежит к пророкам царского мессианизма. Он дополняет откровения, которые получил о Царе-Мессии Исаия, его учитель. Благодаря Михею и его пророчеству о грядущей славе Вифлеема-Ефрафы и его слову об «имеющей родить» волхвы нашли Младенца с Мариною, Матерью Его (Матф. 2.6-11).

В заключение можно привести два места из книги Михея, показывающие ее актуальность. Первое показывает линию поведения всякого верного Богу:

«О, человек, сказано тебе, что — добро
и чего требует от тебя Господь:
действовать справедливо,
любить милосердие
и смиренномудренно ходить перед Богом твоим».
(6.8);

«А я буду взирать на Господа (Ягве),
уповать на Бога спасения моего:
Бог мой услышит меня».
(7.7).

Первое призывает к любви к правде, малосердию и смиренномудрию; второе говорит о беспредельном уповании на обещанное спасение. Таков «катехизис», завещанный нам Михеем.

7. Богослужбное употребление книги Михея:

1) Мих. 4. 6,7 (утешительное пророчество о восстановлении всех, на кого было послано бедствие, и о возвращении рассеянных) и 5.2-4 (о рождении Мессии в Вифлееме) находятся среди паримий Рождества Христова. Эти отрывки читаются:

- на Царском 1-м часе,
- на вечерни рождественского навечерья (3-е чтение).

2) Мих. 4.2-3, 5.5 и 6.2-5, 8 (слово о горе храма, об освобождении от иноплеменного ига и о том, что Бог открыл человеку то, что есть добро) составляет первое чтение вечерни Преполовения Пятидесятницы.

Прот. Александр ШМЕМАН

ТАИНСТВО ЕДИНСТВА *

1. Целование мира

«Приветствуйте друг друга
целованием святым» 1 Кор. 16:20

В современном чине Литургии возглас «Возлюбим друг друга!» занимает так мало времени, что мы почти не имеем возможности понастоящему услышать его, услышать не только внешним, но и внутренним слухом. Для нас теперь это только один из возгласов, предшествующих символу веры. Но не так было раньше. Из литургических памятников древней Церкви мы узнаем, что после этого возгласа действительно совершалось **целование мира**, в котором участвовала вся Церковь, все собрание: «Когда наступает время преподавания взаимного приятия мира, — говорит Св. Иоанн Златоуст, — мы все друг друга лобызаем». И «приветствуют клирики епископа, миряне-мужчины — мужчин, женщины — женщин...» Этот обряд до сих пор сохранился в литургической практике Несториан, Коптов, Армян, практике, не подвергшейся поздне-византийским влияниям и потому часто отражающей более раннюю форму евхаристического священнодействия. И не только — евхаристического, ибо целование мира составляло важную и неотъемлемую часть всего христианского богослужения. Так, оно совершалось после крещения: епископ целовал миропомазанного со словами «Господь с тобой». При посвящении нового епископа всё собрание, как клирики, так и миряне, также приветствовало его «целованием святым», после чего он в первый раз возглавлял евхаристическое приношение.

Из истории этого момента Литургии очевидно, следовательно, что он претерпел существенное изменение, а именно: из **действия**, и притом действия общего, он превратился в **возглас**. А в связи с этой переменной изменилось отчасти и содержание призыва, содержащегося в этом возгласе. Современный возглас — «возлюбим

* Глава из книги об Евхаристии. Начало см. в Вестнике РСХД (№№ 107, 108-110, 111, 112-113, 114, 116). Главы эти печатаются без примечаний и ссылок, имеющих быть включенными в текст при издании этого труда отдельной книгой.

друг друга...» есть призыв к некоему состоянию, в древнейших же его формах он призывает к определенному действию: «приветствуйте друг друга...» И, по свидетельству некоторых памятников, действие это совершалось даже без всякого возгласа: в них, за преподанием мира, следует указание на совершающееся в этот момент целование. Т. о. очевидно, что, как это не раз случалось в истории богослужения, возглас, выросши сам из действия, затем постепенно вытеснил его или, вернее, сузил его до одного алтаря, где оно и доныне совершается между сослужащими священниками и диаконами.

С первого взгляда эта постепенная замена общего действия возгласом и все эти «технические» подробности не представляют особенного интереса. Не требует как будто пояснения и сам возглас, поскольку все знают, что любовь есть главнейшая христианская заповедь, а потому и напоминание о ней уместно перед важнейшим из всех церковных священнодействий. А если так, то не все ли равно — в призыве к любви или же в символе любви (а в целовании мира комментаторы видят, конечно, еще один «символ») состоит это напоминание? Можно к тому же предположить, что исчезновение действия связано было с ростом церкви, с появлением многолюдных собраний в огромных храмах, где никто не знает друг друга и где обряд этот, с нашей современной точки зрения, был бы простой формальностью.

Но все это так только «с первого взгляда», до тех пор, пока мы не задумаемся в подлинный и именно литургический смысл этих слов и действий. И прежде всего в смысл самого словосочетания «христианская любовь».

Действительно, мы так привыкли к этому словосочетанию, мы столько раз слышали проповеди о любви и призывы к ней, что нам трудно бывает пробиться к вечной новизне этих слов. Но на новизну эту указывает сам Христос: «Заповедь **новую** даю вам, да любите друг друга» (Ин. 13:34). Но ведь о любви, о ценности и высоте любви, мир знал и до Христа, и разве не в Ветхом Завете находим мы те две заповеди — о любви к Богу (Втор. 6:5) и о любви к ближнему (Лев. 19:18), про которые Христос сказал, что в них весь закон и пророки (Мф. 22:40)? И в чем же тогда новизна этой заповеди, новизна, притом, не только в момент произнесения этих слов Спасителем, но и для всех времен, всех людей, новизна, которая никогда не перестанет быть новизной?

Чтобы ответить на этот вопрос достаточно вспомнить один из основных признаков христианской любви, как он указан в Еванге-

лии: «**Любите врагов ваших**». Слова эти заключают в себе не что иное, как неслыханное требование любви к тем как раз, кого мы **не любим**. И потому они не перестают потрясать, пугать и, главное, **судить** нас, пока мы не окончательно еще оглохли к Евангелию. Правда, именно потому, что заповедь эта неслыханно — нова, мы большей частью подменяем ее нашим лукавым, человеческим истолкованием ее. Вот уже веками и, по-видимому, с чистой совестью, не только отдельные христиане, но и целые Церкви утверждают, что на самом деле христианская любовь должна быть направленной на **свое**, на то, что любить — естественно и самоочевидно: на близких и родных, на свой народ, на свою страну, на всех тех и на все то, что мы обычно любим и без Христа и Евангелия. Мы уже не замечаем, что в православии, например, религиозно-окрашенный и религиозно-оправданный национализм давно уже стал настоящей ересью, калечашей церковное сознание, безнадежно разделившей православный Восток и делающей все наши разглагольствования о вселенской истине православия лицемерной ложью. Мы забыли, что про эту — только «природную» — любовь в Евангелии сказаны другие, не менее странные и страшные, слова: «Кто любит отца или мать или сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10,37) и «Кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери и жены и детей и братьев... тот не может быть Моим учеником». (Л. 14,26). Если же прийти ко Христу и означает исполнение Его заповедей, то, очевидно, христианская любовь не только не есть простое усиление, «увенчание» и религиозная санкция любви природной, но коренным образом от нее отличается и даже противопоставляется ей. Она есть действительно **новая** любовь, на которую наша падшая природа и наш падший мир неспособны и которая, потому, невозможна в нем.

Но как же тогда исполнить эту заповедь? Как полюбить тех, кого не любишь? Разве не в том тайна всякой любви, что она никогда не может стать плодом одной только воли, самовоспитания, упражнения, даже аскезы? Упражнением воли и самовоспитанием можно достичь «благожелательства», терпимости, ровности в отношениях с людьми, но не любви, о которой преп. Исаак Сирий сказал, что она даже «бесов милует». И что же тогда может означать эта невозможная заповедь любви?

Ответить на это можно только одно: да, заповедь эта была бы действительно невозможной и, следовательно, чудовищной, если бы христианство состояло только в заповеди о любви. Но христианство есть не только заповедь, а **откровение** и **дар** любви. И толь-

ко потому любовь и заповедана, что она — до заповеди — открыта и дарована нам.

Только «Бог есть Любовь». Только Бог любит той любовью, о которой говорится в Евангелии. И только в Боговоплощении, в соединении Бога и человека, т. е. в Иисусе Христе, Сыне Божиим и Сыне Человеческом, Любовь самого Бога, лучше же сказать, сам Бог Любовь, явлены и дарованы людям. В этом потрясающая новизна христианской любви — что в Новом Завете человек призван любить Божественной любовью, ставшей любовью Богочеловеческой, любовью Христовой. Не в заповеди новизна христианства, а в том, что возможным стало исполнение заповеди. В соединении со Христом мы получаем Его любовь и можем ею любить и в ней возражать. «Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. 5,5) и Христом заповедано нам пребывать в Нем и в Его любви: «Пребудьте во Мне и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне... Кто пребывает во Мне и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не может делать ничего... Пребудьте в любви Моей» (Ин. 15,4-5-9).

Пребыть во Христе — это значить быть и жить в Церкви, которая есть Жизнь Христова, сообщенная и дарованная людям и которая потому живет любовью Христовой, пребывает в Его любви. Любовь Христова есть начало, содержание и цель жизни Церкви, и любовь есть по существу единственный, ибо все остальные объемлющий, признак Церкви: «Посему узнают все, что вы Мои ученики если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13,35). Любовь есть сущность святости Церкви, ибо она «излилась в сердца наши Духом Святым»; сущность единства Церкви, которая «созидаёт себя в любви» (Еф. 4,16), сущность, наконец, и апостольства и соборности, ибо Церковь всегда и всюду есть тот же и единый апостольский союз — «союзом любви связуемый». Потому, «если я говорю языками человеческими и ангельскими, если имею дар пророчества и знаю все тайны и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви: то я ничто. И если я раздам все имение мое, и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею: нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13,1-3). Ибо только любовь всем «признакам» Церкви — единству, святости, апостольству и соборности — дает всю их значительность и действенность.

Но Церковь есть союз любви — или, по выражению Хомякова, «любовь как организм», не только в том смысле, что члены ее

соединены любовью, но в том, прежде всего, что через эту любовь всех друг к другу, любовь как саму жизнь, она являет миру Христа и Его любовь, свидетельствует о Нем и любит и спасает мир любовью Христовой. Назначение Церкви — в мире падшем являть, как его спасение, мир **возрожденный** Христом. Сущность падшего мира в том, что в нем воцарилось разделение, отделение всех от всех, которого не преодолевает «природная» любовь некоторых к некоторым и которое торжествует и исполняется в последнем «отделении» — в смерти... Сущность же Церкви — явление и присутствие в мире любви как жизни и жизни как любви. Исполняясь сама в любви, она об этой любви свидетельствует в мире и ее несет в мир и ею «врачуется тварь», подчинившуюся закону разделения и смерти. В ней каждый таинственно получает силу «любить любовью Иисуса Христа» (Фил. 1,8) и быть свидетелем и носителем этой любви в мире.

Но тогда **собрание в Церковь** есть, прежде всего, таинство любви. В церковь мы идем **за любовью**, за той новой любовью Самого Христа, которая даруется нам в нашем единстве. В церковь мы идем, чтобы эта Божественная любовь снова и снова «излилась в сердца наши», чтобы снова и снова «облечься в любовь» (Кол. 3,14), чтобы — **составляя** Тело Христово, мы могли пребывать в любви Христовой и ее являть в мире. Но потому и так горестно, так противоречит исконному опыту Церкви наше теперешнее предельно «индивидуализированное» благочестие, которым мы эгоистически отделяем себя от собрания, так что даже стоя в церкви, продолжаем ощущать одних «близкими», а других — «далекими», безличной массой, «не имеющей отношения» к нам и к нашей молитве и мешающей нам «духовно сосредоточиться». Как часто как будто «духовно» и «молитвенно» настроенные люди открыто заявляют о своей нелюбви к многолюдным собраниям, мешающим им молиться, и ищут пустых и темных храмов, уединенных уголков, отделения от «толпы»... И действительно, такое индивидуальное «самоуглубление» вряд ли возможно в собрании церкви. В том-то, однако, и все дело, что оно не является целью собрания и нашего участия в нем. О такой индивидуальной молитве разве не сказано в Евангелии: «Когда молишься войди в комнату твою и затворив дверь твою, помолись...» (Мф. 6). Не значит ли это, что **собрание в церковь** имеет другую цель, уже заключенную в самом слове «собрание»? Через него исполняется церковь, совершается наше приобщение ко Христу и к Его любви, так что участвуя в нем, составляем «мы многие — одно тело...»

А тогда и **целование мира** раскрывается нам во всем своем значении. Выше я сказал, что оно составляло неотъемлемую часть церковного собрания с первых дней существования Церкви. И это так потому, что для древних христиан оно было не «просто» символом любви, и не только напоминанием о ней, а **священнодействием любви** — тем видимым знаком и обрядом, в котором и через который невидимо, но действительно, совершается излияние Божественной любви в сердца верных, облечение каждого и всех вместе — в Любовь Христову. В нашем теперешнем предельно индивидуализированном и эгоцентрическом подходе к Церкви обряд этот неизбежно воспринят был бы как пустая «форма». Я ведь не знаю человека, стоящего рядом со мною в церкви, я не могу ни любить, ни не любить его, ибо он «чужой» для меня и потому — **никто**. А мы так боимся пустой «формы», так предельно «искренни» в своем индивидуализме и эгоцентризме и вот забываем главное. Забываем, что в призыве «приветствовать друг друга целованием святым» речь идет не о нашей личной, природной, человеческой любви, которой действительно мы не можем любить «чужого», пока он не станет «чем-то» или «кем-то» для нас, а о **любви Христовой**, вечное чудо которой в том, что она именно **чужого** (а каждый чужой, на глубине, **враг**) претворяет в **брата**, безотносительно к тому, имеет ли он или не имеет отношения ко мне и моей жизни, что само назначение Церкви в преодолении страшного, диаволом в мир введенного и его погубившего **отчуждения**. И что в церковь мы и приходим за этой любовью, всегда подаваемой нам в собрании братьев.

Вот почему в древности собранные верные призывались не к словесному ответу, а именно к **действию**. Ибо мы знаем, что сами по себе мы не можем достичь этой любви, как не можем получить «превосходящего всякое разумение» мира Христова, прощения грехов, вечной жизни и соединения с Богом. Все это подается, даруется нам в Церкви **священнотайне**, и вся Церковь есть одно великое таинство, **священнодействие** Христа. В наших жестах, действиях, обрядах действует Христос, все видимое стало «видимостью невидимого», всякий символ исполнился в таинстве. Так в «целовании святом» мы выражаем не свою любовь, а объемлемся новой Любовью Христовой. И не в том ли радость этого общения, что эту любовь Христову я получаю от «чужого», стоящего рядом со мною, а он от меня. И в ней мы оба «раскрываемся» друг другу как участники Христовой любви и, значит, **Братья во Христе?**

Мы можем только захотеть этой любви и **приготовить себя** к ее приятию. В древности поссорившиеся должны были помириться и простить друг друга до участия в собрании Церкви. Все человеческое должно быть исполнено, чтобы Бог мог воцариться в душе. Приготовить же себя это и значит спросить себя — идем ли мы к Литургии за этой любовью Христовой, идем ли мы, как алчущие и жаждущие — не только помощи и утешения — а **огня, сжигающего** все наши слабости, всю нашу ограниченность и озаряющего нас новой любовью Христовой? Или же боимся, что эта любовь ослабит нашу ненависть к врагам, все наши «принципиальные» осуждения, расхождения и разделения? Не хотим ли мы слишком часто от Церкви мира лишь с теми, с кем мы уже в мире, любви к тем, кого мы уже любим, самоутверждения и самооправдания? Но если так, то мы и не получаем этого дара, позволяющего действительно обновить и вечно обновлять нашу жизнь, мы не выходим за пределы собственного «отчуждения» и не имеем действительного участия в Церкви...

Вспомним и то, что это преподание мира и целование любви было в древности начальными действиями литургии верных, т. е. самого евхаристического священнодействия. Ибо они не только начинают Евхаристию, но, в каком-то смысле, делают ее **возможной**, ибо она есть таинство Нового Завета, Царства Любви Божией. Поэтому, только «облекшись» в эту любовь, можем мы творить воспоминание Христа, быть причастниками Его плоти и крови, **чаять Царства Божьего** и жизни будущего века.

«Достигайте любви» — говорит Апостол (Кор. 14,1). И где же достичь ее, как не в том таинстве, в котором Сам Христос соединяет нас в Своей любви?

2. Двери, двери...

«Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди их и сказал: мир вам»

(Ин. 20,26)

Если проследить все аллегорические объяснения, которые, начиная с поздней Византии и до наших дней, давались возгласу «Двери, двери...», то нельзя не удивляться произвольному их характеру. «Слова эти, — читаем мы в примечании к русскому переводу златоустовой литургии, — понимают или прямо — чтобы входные двери были закрыты, или переносно — чтобы двери сердца были или

открыты для премудрости, или закрыты для всего земного». Подчеркнутые нами «или» уже одним своим изобилием свидетельствуют о произвольности и несогласованности между собой всех этих домыслов, вносящих путаницу и в саму литургическую практику. Теперь обычно к этому возгласу приурочивают открытие алтарной завесы, а в некоторых местах — и самих церковных врат. Однако, по мнению некоторых, ему на деле соответствует закрытие царских врат перед евхаристическим канонем. Что же касается историков литургии, они согласно утверждают, что первоначально возглас этот не имел никакого отношения ни к царским вратам, ни к алтарной завесе, а указывал на входные двери, закрывавшиеся после выхода оглашенных.

Эта путаница, это пышное цветение противоречивых аллегорий настоятельно требуют некоего общего принципа для толкования тех богослужебных слов или действий, которые постепенно утратили свое первоначальное, непосредственное значение. Нам представляется совершенно недостаточным сказать, например, что возглас «двери, двери» в древности имел такой-то смысл, затем потерял его и потому теперь может пониматься так или иначе. Такой подход есть одновременно и причина и результат поразительного литургического номинализма, ставшего столь привычным, что мы уже не замечаем его. Весь смысл, все назначение литургического богословия в преодолении этого пагубного номинализма. А для этого оно должно определить «удельный вес» каждого обряда, каждого возгласа. Закрытие входных дверей перед началом «возношения», т. е. евхаристического канона — объяснялось ли оно только временными причинами, тогдашними условиями церковной жизни, или же вытекало из самой сущности евхаристического священнодействия? В первом случае возглас «двери, двери...» есть не более как литургический анахронизм, каких немало сохранилось в нашем богослужении, где они именно потому, что они не относятся ни к чему «реальному» — обрастают постепенно все новыми и новыми символическими объяснениями. Во втором случае, даже если то действие, к которому этот возглас призывал, больше не совершается, сам он, тем не менее, раскрывает нам в самой сущности литургии нечто, сохраняющее всё свое значение и в наши дни.

Не подлежит сомнению, что возглас «Двери, двери» принадлежит ко второй из этих категорий. Каковы бы ни были вариации его в прошлом, он указывает на одну чрезвычайно важную особенность изначальной литургической практики: перед началом ев-

харистического канона входные двери храма закрывались и собрание церкви становилось закрытым. И это коренным образом отличает древнее понимание Евхаристии от современного, в котором литургия — в отличие от «частных» треб — мыслится именно как богослужение «общественное», открытое всем, кто хочет на нем присутствовать.

Не зная никаких «частных» служб, древняя Церковь имела как бы «открытые» собрания, где слово Божие проповедовалось и тем, кто еще не вступил в Церковь — такой «открытой» службой в известном смысле была литургия оглашенных. Но в определенный момент, приступая к совершению Евхаристии, Церковь не только себя отделяла от мира и от всех «внешних», но проводила между собою и миром как бы некую «физическую» черту.

Почему? Неверно думать, что это закрытие дверей объяснялось исключительно гонениями и исчезло, как только христиане обрели «свободу культа». Отослание оглашенных (а в ранней Церкви — и кающихся, т. е. отлученных от причастия), призыв к одним «верным», множество других свидетельств, неопровержимо доказывают, что закрытый характер евхаристического собрания вытекает не из внешних, а из внутренних причин — из самой природы и Евхаристии и Церкви, как их понимали и переживали христиане с самого начала.

В «закрытости» Евхаристии выражается глубочайшая истина, вернее — основоположное условие самого бытия Церкви: **чтобы Христос пребывал в мире, Церковь должна быть не от мира сего.** Еще раз мы подходим все к той же сердцевине христианской веры, которую либо забыли, либо отвергают многие из современных «идеологов» христианства. Это — основной опыт Церкви, как явления в «мире сем» Царства Божьего, которое «не от мира сего», начало и возрастание в этом мире, в этой жизни жизни иной, на языке церковном именуемой жизнью **будущего века.** Опыт Церкви, как не только устремленной к будущему исполнению Царства, но и как явления этого будущего, таинственного присутствия и предвосхищения его в настоящем. Опыт Церкви, поэтому, как отделенной от мира (всецело пребывающего еще в «этом веке») непреходимой гранью, уничтожить которой не могут никакие «синтезы», «симфонии» и «примирения». Ибо «мир сей», на языке слова Божьего, и есть то, что противопоставляется новой жизни, как ветхое — новому, как подчиненное закону греха и смерти — тому, что от закона этого свободно...

Но ведь мир, скажут нам, хотя бы частично и несовершенно, признал и принял христианство, а Церковь, в свою очередь, приняла, благословила и осватила мир. Разве христиане, составляющие Церковь, не те же самые, что «составляют» и мир? Разве, наконец, не в спасении мира цель и назначение самой Церкви? И не сказано ли нам в Евангелии о Боге «так возлюбившем мир...»? Конечно, это так. Но это не значит, как думают некоторые, что все евангельские и раннехристианские свидетельства, с такою силой противопоставляющие Церковь миру, относить следует только к той эпохе, когда сам мир, в лице Римской Империи, проводил между собою и Церковью непроходимую черту и обращал к христианам свое *non licet vos esse* — «вам не должно существовать». Да, это противоположение было преодолено. И не по ошибке, не в соблазн «обмирщения» ответила Церковь на призыв духовно «возглавить» мир и быть источником благодатной силы для жизни его и жизни в нем.

Но, утверждая это, так часто забывают, что единственной, действительно антиномической, основой этого служения Церкви миру, его обращенности к миру, является полная, и не только внешняя, а прежде всего — внутренняя свобода его от мира, подлинно — отделение от него. Ибо только потому Церковь и есть спасение мира, что сама она причастна жизни прославленного Господа, в Нем и с Ним — вознесена в жизнь «будущего века», которую — пребывая в мире — она являет ему... Да, Церковь состоит и составляется из людей, и в каждом из них она всецело причастна и принадлежит «этому миру», есть плоть от плоти и кровь от крови его. И, однако, в том весь смысл ее, что это эмпирическое «общество верующих» есть не просто «сумма» составляющих его членов а Тело Христово, Он Сам — в них пребывающий, и они в Нем. Церковь не «религиозная проекция» мира, не плод человеческого стремления к Богу и нужды в Нем, а, прежде всего, явление в мире Царства Божия. Христианство не «натуральная» религия, санкционирующая мир, не заряд духовных энергий для построения «Христианского мира», но явление в мире того, что больше и выше него, что преодолевает его ограниченность и вносит в него жажду такой полноты, которую уже ничто только тварное утолить не может. В этом смысле Церковь «прорывает» мир, делает его прозрачным для иного бытия, иной — «преизбыточествующей» — жизни. «Мир» — т. е. земная жизнь и все ее ценности перестают быть самодовлеющими, все становится путем, ожиданием, чаянием. В свете Царства Божия, являемого Церковью, все становится **иным**,

все **относится** теперь к этому Царству, и вот это чаяние, это новое **знание** всего как отнесенного к Царству Божьему и есть сила спасения, и есть любовь к миру, так что, как это ни звучит парадоксально, только зная, что «проходит образ мира сего», мы и принимаем мир сей до конца всерьез и по-настоящему служим ему, ибо только тогда раскрывается нам подлинное назначение творения и любовь Творца к нему.

В мире христиане ждут Царствия Божия, ибо, по отношению к «веку сему», Царство Божие не может быть определено иначе, как **будущее**. Однако для мира это чаяние и есть его спасение, та вера, силою которой он спасается. Поверить во Христа, принять его Царство, это значит, прежде всего, для себя и в себе эту жизнь изнутри наполнить жизнью будущего века и тем самым, будучи свободным от мира, являть в нем его спасение. Но это «будущее» именно потому, что оно «не от мира сего», вне его раздробленного, падшего времени, **уже** явлено во Христе как «приблизившееся», как пришедшее и тайно присутствующее в мире. Являть это присутствие и есть сущность и назначение Церкви. Только в ней преодолевается непреложный закон несовместимости и взаимоисключения настоящего и будущего и грядущее Царство постигается и принимается уже и как дарованное, пришедшее в силе, пребывающее «посреди нас». В каждом из своих членов причастная миру, Церковь в них пребывает еще в странствии, *in statu viae*. Причастная во Христе Царству Божьему, она, однако, все время претворяет это странствие в исполнение, в пребывание *in statu patriae*, в свете, полноте и радости «вожделенного отечества», ибо во Христе все уже **совершилось** и Он «вчера и сегодня и во веки тот же».

Поэтому, если, с одной стороны, вся жизнь Церкви есть постоянное **бдение**, с другой стороны, Церковь уж знает, уже имеет **то**, чего она ждет и чает. В потоке времени «мира сего» это бдение все время озаряется зарею не вечернего дня Царства, которое не только придет, но и пришло и приходит. И если в «мире сем» Христос распят грехами, злобой и неверием и, по слову Паскаля, «находится в агонии до конца мира», то в Церкви Он **уже** встречает собранных во Имя Его пасхальным «радуйтесь!».

Но совершается это «дверем затворенным». После воскресения Господь являлся, но Его не узнавали. Женщины, пришедшие ко гробу, думали, что видят садовника, ученики на пути в Эммаус не знали, Кто беседует с ними, апостолы на море Тивериадском не смели спросить — Он ли это?... И все узнавали Его в «обращении»,

в преломлении хлеба, в таинственный восьмой день. Ибо в «мире сем» прославление Христа и воцарение Его не имеют той объективной, принудительной очевидности, какую имели Его уничижение, страдания и крест. Они познаются только **обращением**, крещальной смертью и воскресением, даром Св. Духа. Они познаются в Церкви.

Но Евхаристия и есть таинство Церкви — как явление и исполнение грядущего в настоящем, как дар и предвосхищение жизни нестареющей. В восьмой день, в **день Господень**, собранная за Его трапезой, в Его Царстве, Церковь осуществляет саму себя в полноте как таинство Царства. И именно об этом свидетельствует, об этом напоминает возглас «Двери, двери...» Ибо если мы, идя в собрание Церкви, не «отложим попечение» о всем земном, не отдадим себя всецело радости, силе и свету Царства, нам не о чем будет свидетельствовать на земле, некуда звать людей, нечего благовествовать им. Мы останемся с нашими маленькими идеями, идеологиями и программами, пускай даже и «христианскими», но чуждыми тому огню, который Христос пришел низвести на землю, и о котором томился «чтобы он уже возгорелся» (Лк. 12,49). Но не идеями и идеологиями спасается мир, а только силою и светом огня, зажегшегося в нем, таинственного Царства Божьего, явленного в нем. Христианство не усиливалось, а ослабевало в мире, когда христиане забывали и предавали тайну Царства Божьего, как Царства не от мира сего, когда, соблазняясь внешней победой и успехом, обмирщали Церковь, делая из нее всего лишь религиозную санкцию и проекцию «человеческого, слишком человеческого». Вот почему так бесконечно важен этот призыв, это требование, проходящее через весь евхаристический чин: от отослания оглашенных, от зова — «всякое ныне житейское отложить попечение» до этого торжественного, последнего возгласа «Двери, двери...».

Евгений БАРАБАНОВ

РАННЕХРИСТИАНСКАЯ ЭСТЕТИКА *

УЧЕНИЕ О ПРЕКРАСНОМ

1. Добро и красота.

Раннему христианству был чужд автономный эстетизм, и уже только потому многие церковные писатели весьма осторожно пользовались категорией прекрасного. Прекрасное для них неразсторжимым образом соединено с истиной; и там, где связь эта нарушена, где красота намекает на безразличие к истине, где прелести её скрывают имморализм или гедонизм, отцы церкви нередко говорят об обманчивом, лживом, даже демоническом характере красоты. Некоторыми церковными авторами II-III веков эта последняя тема переживалась особенно остро. Таков, например, Тертуллиан, для которого понятие красоты вообще не обладало универсальным эстетическим характером. Тертуллиан стыдится красоты, противопоставляет ей простоту и естественность, ищет для неё нравственного оправдания. И хотя он оговаривается, что нельзя осуждать красоты в этом мире, поскольку она составляет преимущество тела и является «украшением, вышедшим из рук Божиих и служит богатым одеянием души»,¹ тем не менее, само её существование в нашем мире для него предельно двусмысленно: красотой прельщаются демоны,² она начало суеты и гибели человека,³ она мёд, отравленный ядом.⁴ Тертуллиан почти формулирует ту эстетическую антиномию «идеала Мадонны» и «идеала содомского», которой мучился Достоевский. Для него, так же, как и для Достоевского, красота есть та «страшная и таинственная вещь, где все противоречия вместе живут, где дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». ⁵ Сам Тертуллиан весьма чувствителен к прекрасному — он наблюдателен и точен в своих характеристиках всякий раз, когда

* См. Вестник № 116, стр. 53

¹ Тертуллиан. О женских украшениях, 2.

² Там же.

³ Тертуллиан. О женских украшениях, 2.

⁴ Тертуллиан. О зрелищах, 27.

⁵ Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы. Собр. соч., т. 9, М., 1958, стр. 138-139.

речь заходит о красоте женских украшений, причесок, косметики, одежды, о театральных зрелищах или о мире окружающих его вещей. Однако в наблюдательности его чувствуется тот напряженный, граничащий с пристрастием интерес, от которого можно уйти только радикальным образом — закрыть глаза, отвернуться, никогда не смотреть. При всём суровом ригоризме и язвительности, в трактатах его, бичующих роскошь и зрелища, порой сквозит какая-то личная беспомощность и незащищенность перед тем возможным болезненным ранением, которое оставляет в душе всякая встреча с красотой.

Этот же психологический мотив недоверия к прекрасному у раннехристианских писателей встречается довольно часто. Св. Иустин Философ, например, писал: «Мы совершенно уверены, что всякий, удаляющийся от того, что кажется красивым, и стремящийся к тому, что почитается трудным и странным, получает блаженство». ⁶ Характерно здесь слово «кажется» — за ним стоит целая программа миропонимания. «Кажется» — это не только возможность «субъективизма», иллюзии или обмана при восприятии какого-либо объекта, но и опасность оказаться в плену относительных ценностей. Поэтому, не отрицая объективности прекрасного в мире, св. Иустин полагает «нормативное», аскетическое отношение к нему.

Конфронтация прекрасного и нравственного — постоянная тема всей раннехристианской эстетики. Но относится она не к объекту, а к воспринимающему и оценивающему мир прекрасных вещей и явлений человеку. Именно в нём, в его душе совершается эта борьба. И здесь обнаруживается всё то же глубинное противоречие человеческой природы, о которой писал апостол Павел римлянам: «не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу: уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (7,15-20)... По мысли большинства раннехристианских писателей, красота, сияющая в этом мире, не опасна: она — свидетельство величия Творца вселенной. Опасно лишь пристрастное отношение к ней, стремление к обладанию, идолослужение твари, духовное рабство.

В этой связи особенно интересен ход рассуждений св. Иоанна Златоуста, предпринявшего попытку реабилитации красоты и

эстетического переживания. По мнению константинопольского святителя, само по себе эстетическое переживание прекрасного не является зазорным. Оно становится таковым, когда подменяется низменной чувственной страстью, когда человек слепнет «в дыму греховного вожделения». Ведь эротическое влечение лишь прикрывается стремлением к прекрасному: «страстная любовь» пытается спрятаться под маской эстетического любования, но в отличие от него — она лишена **бескорыстия**.

«Отчего же рождается эта любовь? — спрашивает Иоанн Златоуст. — От красоты лица, скажешь ты, то есть, когда красива и благовидна будет та, которая уязвляет. Но ты не справедливо говоришь это: если бы красота лица привлекала к любви, то такую девицу любили бы все. Если же не все любят её, то и любовь эта зависит не от естества и не от красоты лица, а от бесстыдных глаз. Когда ты, пристально смотря на неё, чрезмерно удивляешься ей и разжигаяешься в сердце своим, то ты уже уязвлен... Как же возможно удивляться красоте и не любить?... Не спеши, человек. Я много знаю таких, которые удивляются и хвалят, между тем не любят. Но чтобы ты более не спорил с нами об этом, я спрошу тебя: Давид не был ли благообразен и весьма доброзрачен, особенно по красоте своих глаз? Что же? Увлечен ли был кто-нибудь страстной любовью к нему? Никто. Следовательно, любовь не связана неразрывно с удивлением». ⁷

В этом рассуждении св. Иоанна Златоуста можно вычленить следующие положения, равно важные как для общей эстетики, так и для учения о прекрасном:

- 1) истинная красота вещей объективна и безусловна;
- 2) эстетическое восприятие прекрасного всеобщее и необходимо;
- 3) эстетическое восприятие прекрасного бескорыстно (или иначе: для того, чтобы быть действительно эстетическим, восприятие должно быть бескорыстным);

⁷ Иоанн Златоуст. Толкование на второе послание к Коринфянам. Бес. VII. Ср. известную историю, рассказанную св. Иоанном Лествичником: «Некто поведал мне о необычайной и самой высшей степени непорочности; он сказал: «Один, возрев на женскую красоту, прославил при сем Творца, и от единого взора погрузился в любовь Божию и в источник слез. И чудно было видеть — что для другого послужило бы рвом погибели, то для него сверхъестественно стало венцом славы». Таковой, если всегда в подобных случаях имеет такое же чувство и делание, — еще прежде общего воскресения уже восстал нетленным» (Лествица, 15,61).

⁶ Иустин. Вторая Апология, 11.

4) задача человека — различать в себе эстетическое переживание и псевдо-эстетические влечения.

Последние два пункта почти ничего не добавляют к учению о прекрасном, так как относятся к проблеме эстетического восприятия. В свою очередь и признание объективности прекрасного в природе и искусстве как будто бы также ни о чём не говорит. Однако, если мы вдумаемся в существо патристического понимания объективности, то должны будем отметить одну простую, но крайне важную для всех дальнейших рассуждений посылку: «объективный мир», предстоящий человеку, есть мир сотворённый, тварный. Творческая воля Бога вызвала его из небытия к бытию — и в этом открывается величайшее чудо тварного мира. Мир не самосущен: всем своим строем, всей своей красотой он свидетельствует о Творце и Художнике. Поэтому-то раннехристианская эстетика и называет Бога «Источником прекрасного». Божественность прекрасного и делает это прекрасное объективно существующим.

2. Источник прекрасного.

Мотивы психологического недоверия к прекрасному относятся к наиболее ранней эпохе — эпохе становления раннехристианской эстетической теории. Конечно, не малое значение имеют здесь и традиции богословских школ, вне которых невозможно, например, объяснить, почему у св. Климента Александрийского — современника Тертуллиана — учение о прекрасном разработано более основательно.

Климент Александрийский, также как и следующие за ним восточные христианские писатели, различает несколько ступеней прекрасного. Для них совсем не одно и то же: красота Божественная и красота мира вещей, красота духовная и красота телесная. Их учение о прекрасном — принципиально тецентрично.

«Ничего нет прекраснее Бога. Он — причина всего, что прекрасно», — читаем в «Педагоге» (1,8) св. Климента. «Бог — красота нерождённая и бесплотная, — вторит ему Мефодий Патарский, — красота, не имеющая начала и не причастная разрушению, неизменная, нестареющая и ни в чём не нуждающаяся, сам в Себе и по Себе Свет, обитающий в неизреченном и неприступном жилище, избытком могущества содержащий, творя-

щий и образующий всё»⁸... Как полнота совершенства, Бог есть абсолютная красота: красота невыразимая и непостижимая, источник и причина всяческой красоты, гармонии и порядка.

Спустя столетие эти мысли становятся уже общими положениями и в патристической эстетике: «Нет такого слепца по уму, — восклицает св. Григорий Нисский, — который бы сам собою не понимал, что Бог есть главная, первая и единственная красота, Первообраз всякой красоты».⁹

Никогда ещё красоту не возносили так высоко. И многим современным историкам эстетики кажется, что «абсолютизация» прекрасного в конце концов превратила красоту в «пустую абстракцию», оторванную от реального мира и эстетических переживаний. «Красота перестала быть предметом созерцания и опыта, оказалась отданной исключительно спекуляции, отодвинутой в сферу таинственного», — отмечает историк средневековой эстетики Владислав Татаркевич.¹⁰ Но так ли это на самом деле?

Если тщательно проанализировать все тексты, характеризующие природу и свойства «высшей красоты», о которой говорят церковные писатели III-IV веков, то прежде всего обнаружится, что прекрасное не исчерпывается строго «эстетическим»: прекрасное одновременно есть и доброе, и духовное, и праведное, и святое. В этой многозначности повинно не только греческое слово *καλός*, объединяющее в себе понятие добра-и-красоты, но и общее учение о Боге как абсолютном совершенстве, в котором красота не может быть отделена от истины и добра. По мысли раннехристианских писателей, благо не может быть безобразным, как не может быть истинно прекрасное не добрым.¹¹ Абсолютная красота равнозначна благу. Отцы церкви здесь решительно отходят от Плотина, считавшего красоту лишь «оболочкой» добра. «Прекрасное и благое суть одно, ибо всё устремляется по всяческой причине и к прекрасному, и к благову; и

⁸ Мефодий Патарский. Пир десяти дев. VI, I; ср. у св. Дионисия Александрийского: «Бог выше всякой похвалы, изумительнее всякого изумления, славнее всякой славы и превыше всякой высоты». (Из толкований на книгу Иова, IX,10).

⁹ Григорий Нисский. О девстве, 11. PG. t. 46, col. 368D-369A.

¹⁰ W. Tatarkiewicz. Estetyka sredniowieczna. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1962, стр. 37.

¹¹ См., например, определение прекрасного у св. Григория Нисского: «Прекрасно всё то, что состоит в свойстве с первоначальным благом». (Об устройении человека, 12).

во всем бытии нет ничего, что не было бы причастно прекрасному и благому», — скажет впоследствии таинственный автор Ареопагитик,¹² развивший идеи Климента Александрийского и каппадокийцев.

Но «сама в себе» абсолютная красота неприступна, неопределима, непознаваема и неопишима. Для неё нет исчерпывающих аналогий в чувственном мире — хотя она и первообраз, энтелехийный принцип всякой чувственной красоты.¹³ К ней не приложимы понятия цвета, формы или величины.¹⁴ Она не имеет вида,¹⁵ всегда равна себе,¹⁶ проста, ибо «выше приращения и умножения, недоступна никакой перемене и изменению».¹⁷

И всё-таки — Бог открывается миру, свидетельствует о Себе сиянием красоты. «Умное созерцание» её есть дар человеку, приводящий его в неизреченное изумление:

«Как относительно солнечных лучей, кто не видел света от первого дня рождения, для того напрасно и бесполезно толковать на словах о свете, потому что сияние лучей нельзя ощутить посредством слуха, так и касательно истинного и умного света, каждый должен иметь свои глаза, чтобы усмотреть эту красоту; кто узрел её по некоему божественному дару и вдохновению, тот хранит неизъяснимое изумление в тайне сознания; а кто не видел этой красоты, тот не будет чувствовать и того лишения, которое терпит. Ибо как может кто-либо изъяснить ему это чуждое для него благо? Как представить его взорам невыразимое? Собственных слов для означения этой красоты мы не знаем, примера между существующими предметами нет никакого»...¹⁸

Можно ли этот вдохновенный, почти экстатический опыт св. Григория Нисского свести только к интеллектуальной рефлексии? Разве красота, о которой он нам свидетельствует, — «отвлеченная абстракция», а не реальный предмет напряженного созерцания и эстетических переживаний?

¹² Псевдо-Дионисий Ареопагит. О Божественных Именах, IV,7. PG. t.3, col. 701.

¹³ Григорий Нисский. Об устройении человека, 12.

¹⁴ Григорий Нисский. О девстве, 10.

¹⁵ Григорий Нисский. О девстве, 11.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Ср. у св. Григория Богослова: «Что просто, то и нечлленно, а что подлежит счислению, то необходимо рассекается, хотя бы и не было счисляемо, а рассекаемое подлежит страданию, ибо сечение есть страдание» (Послание 1, к монаху Евагрию, о Божестве).

¹⁸ Григорий Нисский. О девстве, 10.

Конечно, положительные определения этой высшей, «неизреченной» красоты, о которой говорят раннехристианские писатели, имеют по существу символический характер: они только указывают, намекают нам на Реальность, подводят к тому пределу, за которым начинается сокровенное — неистощимая и вечно недостижимая сущность Божия. Но этот «символизм» — символизм реального мистического опыта. Контекст, в котором мы читаем о способе восприятия или о характере переживания этой «вожденной красоты», обычно изобилует такими словами, как «молчание», «радость», «изумление», «восторг», «восхищение», «блаженство». (Эта терминология остаётся неизменной для всей последующей мистической традиции христианства). И часто приходится читать о «безмерности», «беспредельности», о «море божественной красоты» (Григорий Богослов). Но как бы ни соблазнительно было интерпретировать эту «беспредельность» в духе новоевропейского иррационализма, отцы и учителя древней церкви никакого повода для такого толкования не дают. Напротив, они настойчиво подчеркивают: красота разумна, «логосна», она — «умный свет», ибо имеет своим источником Божественный Логос. Подобно солнечному свету, который не отделим от своего источника и соединяет в себе одновременно несколько свойств, высшая красота не отделима от совершенства сверхразумной Божественной Личности, от неистощимого богатства Преизбыточествующей Жизни.

3. Красота мира.

Мы говорим: «понятие красоты в раннехристианской эстетике совпадало с понятием совершенного бытия». Но что это означает? Ведь тварный мир не обладает безусловным совершенством: в нём царствуют распад, смерть, тление, грех... «Восходит солнце, настаёт зной, и зноем иссушает траву, цвет её опадает, исчезает красота вида её» (Иак. I, 11). И словно «траву», этот же путь обречен пройти человек; через болезни и старость движется он к пределу распада и разложения. Где красота вида его? «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробех лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, бесславну, не имущую вида», — слышим мы церковное песнопение при погребении. И не только человек — вся тварь «стенает и мучается» в ожидании избавления.

Да, совершенство не осуществлено в нашем мире, но оно задано ему — отвечают отцы и учителя церкви. И человек призван различать вечное и временное, идеальное и преходящее. «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, но золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа», — призывает апостол Петр первых христиан.

Но как увидеть, как явить эту «нетленную красоту» в себе и в мире? Как понять диссонансы и противоречия, окружающие нас в жизни?

Прежде всего — изменить точку зрения: увидеть тварный мир не «снизу» — на уровне житейской суеты, чувственных пристрастий и корыстных влечений, но посмотреть на него «сверху вниз», посмотреть на мир так, как смотрит на него Бог, — учит эстетика раннего христианства. Субъективное, частное, эгоистическое должно отступить перед всенаполняющей Реальностью. Тварное бытие должно быть понято в своей живой целостности и внутреннем единстве, увидено как художественное произведение, вышедшее из рук Божиих и причастное Его сверхмудрому замыслу. Нет, не Реальность призвана соответствовать нашему восприятию, но восприятие — Реальности.

«Сотворенные вещи, — разъясняет св. Ириней Лионский, — как ни разнообразны и многочисленны, находятся в стройной связи с целым мирозданием, но рассматриваемые каждая в отдельности, они взаимно противоположны и несогласны, как тон цитры, состоящий из многих и противоположных друг другу звуков, образует через расстояние между каждым из них одну согласную мелодию. Поэтому любящий истину не должен обманываться расстоянием каждого тона, ни воображать, что один звук принадлежит одному художнику и творцу, а другой — другому, или, что один устроил высокие тона, другой — низкие, а третий — средние, но признавать только одного Творца, как доказательство мудрости, справедливости, благодати и красоты целого произведения. И те, которые слышат мелодию, должны хвалить и прославлять художника, удивляться напряжению одних звуков, обращать внимание на слабость других, прислушиваться к средним, рассматривать и характер других звуков и то, к чему относится каждый из них, и исследовать причину их, но никогда не уклоняться от правила, не отступать от Художника...»¹⁹

¹⁹ Ириней Лионский. Пять книг против ересей, II,26,2; ср. также II,30,3.

«Ничто не создано без причины! Ничего по случайности! Во всем некая неизреченная премудрость!» — восклицает Василий Великий в своем «Шестодневе».²⁰ И потому, создав мир, окинув его взором, Бог сказал: «да, он прекрасен». «Это не значит, что взор Бога тешило созданное Им; и не так Он принимает прекрасное, как это делаем мы, но прекрасное есть то, что выполнено в соответствии со смыслом художества и сообразно своей конечной цели».²¹

Провозглашая целесообразность как основу и внутреннюю причину красоты мира, раннехристианские писатели утверждали динамическую природу тварного бытия: и космос, и «малый космос» (человек), и органическая и неорганическая природа — все они созданы по идеальным прообразам Божественных идей и только впоследствии — самовольно растрчивая и теряя себя — уклонились от них. Но мир призван к полноте совершенства, к причастию и общению с Источником Вечной Жизни — и, влекомый этим призывом, этим Божественным замыслом о себе, мир стремится к Богу, подобно растению, тянущемуся к солнцу...

На первый взгляд, мысль о «вечных прообразах», согласно которым Бог predetermined и произвел всё сущее, имеет как будто бы платоновское звучание. Да и сама терминология: «первообразы», «парадигмы», «идеи» — разве не указывает она на Платона? Эти лексические «совпадения» внесли немало путаницы в историю средневековой эстетики: патристическое миропонимание не раз толковали как «один из вариантов» неоплатонизма.²² Бесспорно: влияние Платона на святых отцов было очень велико, но из этого вовсе не следует, что раннехристианские писатели остались верными учениками великого греческого мыслителя. Напротив, в патристической эстетике мир платоновских идей существенным образом перевернут: «идеи» и «образы» это не безличные модели, по которым демиург копирует мир, но — Божественные мысли, творческие волнения, подобные «словесам» книги Бытия и Псалмов. Чтобы творить, Бог мыслит творение, и Его мысль придает бытию вещей их реальность и онтологическую устойчивость, «держит» вещи над бездной небытия, из которой они вызваны, является действительной нормой их суще-

²⁰ Василий Великий. Беседы на Шестоднев, V,8. PG.t.29, col. 113A.

²¹ Василий Великий. Беседы на Шестоднев, III,10. col. 76C.

²² См., например, А. Grabar. Plotin et les origines de l'esthétique médiévale. — «Cahiers archéologiques» I. Paris, 1945. Он же. La premier art chrétien. Paris, 1966.

ствования. Однако Божественная мысль о вещи, её замысел, её образ не есть природная сущность или субстанциальное ядро вещей, не есть носитель их свойств и состояний. Лучше всего её можно было бы назвать истинной вещью, её трансцендентной энтелехией.²³

Увидеть мир в перспективе грядущего Царства Славы — значит уже сейчас, здесь созерцать истину вещей: подлинную и нетленную красоту, «по общению с которой и всё прочее есть и называется прекрасным».²⁴ Об этой красоте непрестанно свидетельствуют мистики, святые, духовидцы. Её возвещает икона и литургическая поэзия, призывая всех нас иметь «чистое око души»...

Но не означает ли устремленность к грядущему, горнему, идеальному — равнодушия и безразличия к красоте материального мира? На этом тезисе настаивают многие историки средневековой эстетики. Однако обвинение в «мироотрицающем спиритуализме» должно быть решительно отвергнуто: раннехристианские писатели утверждают иерархический характер прекрасного, настойчиво указывают на его трансцендентный источник, но при этом вовсе не отрицают «низших» ступеней красоты. Более того, утверждая, что красоту материального мира мы можем и рассмотреть, и понять, и передать другому через словесное описание, — «изображая словом как бы на некоторой картине»,²⁵ —

²³ Г. В. Флоровский. Тварь и тварность. «Православная Мысль», вып. 1, Париж, 1928, стр. 176-212.

Эстетический смысл понятия «истина вещи», т.е. полное соответствие вещи своему предвечному замыслу, «идеалу», лучше всего может быть понят на материале средневековой гимнографии. См., например, Тропарь святителю Николаю Мирликийскому: «Правило веры и образ кротости, воздержания учителя, яви ти стаду своему, яже вещей истина (ἡ τῶν πραγμάτων ἀλήθεια). Или текст Отпуста: «Достойно есть яко воистину (ὡς ἀληθῶς) блажити Тя, Богородице»...

²⁴ Григорий Нисский. О девстве, 11.

²⁵ Григорий Нисский. О девстве. Мир как художественное творение уподоблялся раннехристианскими писателями не только картине или музыкальному произведению («пифагорейский мотив»), но и книге, храму, городу, скульптуре: «Творение, подобно написанному в книге, своим строем и гармонией указывает на своего Владыку и Создателя». (Афанасий Александрийский, Слово против язычников, 34.PG.t.25,col.69); «Неправильно поступил бы тот, кто почитал бы творения вместо художника, кто изумлялся бы городским строениям и пренебрегал строителем». (Там же, 47,col. 96); «Куда бы ты ни пошел, небо представляется тебе как твердая и устойчивая статуя. Оно окружает тебя, говорит и пропове-

дует о Творце». (Иоанн Златоуст. Толкование на пророка Исаию,51); «Художника можно уподобить Богу, а статую — миру... Человек — прекрасное изваяние в великолепном храме». (Мефодий Патарский. О сотворенном).

Простота — это зримая умом форма идеальности вещи, свободная от всего случайного, тёмного, преходящего, чувственнострастного. Простое чаще всего совпадает с прекрасным и характеризует его в модусе совершенной беспримесности: ясности и чистоты. Такова красота света, солнца, дня; она же являет себя в белизне, белых одеждах, человеческой душе, подобной «струе бесконечного света».²⁶

Эти же определения выступают и как внешне-качественные модификации: прекрасные вещи характеризуются прежде всего как светоносные, обладающие блеском, ясностью и чистотой. При этом важно помнить: в патристической эстетике нет «просто» внешнего; внешнее лишь указывает на внутреннее или же это внутреннее проявляет, ибо всё «видимое есть некоторое предначертание или оттенок невидимого».²⁷ И если в «умном мире» простое есть одновременно и целое, то в мире чувственном, представляющем собою бесконечную множественность, целостность вещей не дана, но лишь задана. Она осуществляется («структурируется») в них скрытыми «логосами» посредством порядка, меры и гармонии. Эти логосные принципы, конституирующие эстетические структуры, восходят к «смыслу всех смыслов» — Божественному Логосу, ибо «вещи, по природе одна другой противоборствующие и противоположные, не соединились бы между собою, если бы не был совершеннее их связавший их Господь... Всемогущее, всесовершенное, святое Отчее Слово, низшедши во вселенную, повсюду распространило силы Свои, озарив и видимое и невидимое, в Себе всё содержит и скрепляет, ничего не оставив лишенным силы Своей, но оживотворяя и сохраняя всё во всём, и каждую вещь в особенности, и всё в совокупности — всё делает Оно не противодейственным, но производящим одну согласную строй-

²⁶ Григорий Богослов. Слово 4, о мире.

²⁷ Григорий Богослов. Слово 45, на Святую Пасху.

ность».²⁸ Эту же мысль утверждает и Григорий Богослов: «Прекрасное не прекрасно, если произведено вне порядка. Всё устроилось по порядку, и устроилось Словом. Порядок устроил вселенную, порядок держит земное и небесное; порядок у существ уопределяемых, порядок в вещах чувственных, порядок у Ангелов, порядок в звездах, в их движении, величине, взаимном отношении и светлости»...²⁹ Порядок, таким образом, есть принцип жизненной и эстетической целостности, приводящий посредством меры отдельные части в гармоническое единство. Порядок конкретизирует эстетическое целое, придает ему структурную законченность, но эта законченность обретается лишь через универсальный ограничивающий и нормативный принцип — меру.³⁰ Мерой достигается совершенная гармония, подобная гармонии музыкальной, согласно которой — по учению раннехристианских писателей — устроен космос и «микрокосмос».³¹

Иногда некоторые из отцов церкви порядок отождествляют с пропорциональностью — «стройностью» и «складностью» в сложении частей, придающих предметам «блеск видимой красоты» (выражение св. Григория Нисского). Несомненно, в этом пункте учение о красоте как определённом виде соразмерности почти полностью совпадает с многочисленными эстетическими теориями античности.³² Однако за этими внешними «совпадениями» не следует упускать из виду одну из главных и наиболее самобытных черт раннехристианской эстетики: понимание порядка и меры, «структурирующих» формы прекрасных вещей, находится в нераздельной связи с идеей всеобщей целесообразности. Целесо-

²⁸ Афанасий Александрийский. Слово против язычников, 37,42. Ср.: Ориген. О началах, II,1,2-3.

²⁹ Григорий Богослов. Слово 32, о соблюдении доброго порядка в собеседовании.

³⁰ О мере, как универсальном Божественном законе, см., например, у св. Григория Нисского: «Каждому существу должно оставаться при собственной своей мере и при своём мериле, так что не может произойти ни увеличения, ни сокращения в том, что отмерено Богом и объёмлется Его могуществом. Каждое существо навсегда остается при собственной своей мере, даже когда естество существ оказывается изменчивым». (О Шестодневе).

³¹ Климент Александрийский. Протрептикос, I,5; Педагог, II, 4,41-42; Строматы, VI,11; Афанасий Александрийский. Слово против язычников, 31-32,42; Евсевий Кесарийский. Похвальное слово царю Константину, 14; Василий Великий. Толкование к надписаниям псалмов, I; Об устройении человека, 12. См. также подборку текстов в книге: Музыкальная эстетика западно-европейского средневековья и Возрождения. М., 1966.

образность это не столько прагматическая, зримая «данность», — что было уже у Ксенофонта,³³ — сколько универсальный надмирный закон Божественной любви, влекущий тварь к совершенству. «Всё, что происходит в мире, Бог неизреченным искусством Своей премудрости обращает на общую пользу, к общему преуспеянию всего бытия, — писал Ориген. — Те самые твари, которые настолько удалились друг от друга вследствие разнообразия душ, Он приводит к некоторому согласию в деятельности и желаниях, чтобы они, хотя и различными движениями своих душ, но всё-таки работали для полноты и совершенства единого мира, и чтобы самое разнообразие умов служило к достижению одной общей цели совершенства... Все отдельные души или духи, — словом, все разумные субстанции, как бы мы их ни называли, — не принуждаются силою делать, вопреки своей свободе, то, что не согласно с их собственными побуждениями, — у них не отнимается свобода воли. Различные движения их воли искусно направляются к гармонии и пользе единого мира; одни существа нуждаются в помощи, другие могут помогать, иные же возбуждают брани и состязания против преуспевающих — и всё это затем, чтобы в борьбе лучше обнаружилось усердие этих последних, а после победы надёжнее сохранилось состояние, приобретённое ими путём затруднений и страданий»...³⁴

Эти слова Оригена — общее положение в патристической эстетике: всё от Бога, всё пронизано животворящей силой Божественного Слова, всё должно возвыситься и вернуться к Нему, через «обожение» прийти к более глубокому соединению с Ним... Там же, где красоту подменяет «красивость», эстетизм, украшательство, гда меркнет умный свет Логоса, церковные писатели обычно говорят о тленности и ничтожности «мирской красоты». Разумность и целесообразность прекрасного — вот главный святоотеческий критерий при решении нравственных и эстетических апорий.

³² Ср. у Плотина: «Почти все утверждают, что красоту, воспринимаемую зрением, порождает соразмерность частей друг с другом и целым и с примесью красок. И для тех, кто это утверждает, вообще для всех остальных, быть прекрасным — значит быть симметричным и соразмерным». («О прекрасном», Эннеада I,6,1).

³³ Подробнее об этом см. в статье А. А. Тахо-Годи. Классические и эллинистические представления о красоте в действительности и искусстве. — В сборнике: Эстетика и искусство. Из истории домарксистской эстетической мысли. М., 1966, стр. 15-53.

³⁴ Ориген. О началах, II,1,2.

4. «Свет красоты».

Своеобразным эквивалентом красоты в раннехристианской эстетике служит понятие *с в е т а*. Отцы церкви, говоря о Боге, слова «свет» и «красота» используют как синонимы — и то и другое у них означает «теофанию»: действительное откровение Бога миру и человеку. И потому символика света — один из основоположных элементов средневекового искусства. Вспомним о золотом фоне византийских мозаик и икон, об искусстве витража и эмалей, исихастские споры о «нетварном свете» и их отзвук в древнерусской иконописи: всё это — постоянные, «стержневые» темы христианской эстетики.

В раннехристианской эстетической теории учение о свете также занимает немаловажное место; напряжённый интерес к нему постоянно вытесняет внимание к цвету, который обычно рассматривался как характеристика чувственно воспринимаемых вещей. Здесь патристическая концепция света несомненно восходит к библейской и новозаветной. Если в древнегреческом мироощущении и художественной практике понятия красоты и совершенства *о б я з а т е л ь н о* включало в себя цветную насыщенность — об этом свидетельствует полихромная скульптура и архитектура архаики и высокой классики, — то в ветхозаветной традиции интерес к цвету почти полностью вытеснен переживанием световой интенсивности бытия. Авторы библейских книг интересуют не столько оттенки цвета, сколько свето-насыщенность вещей, динамизм и интенсивность света. «Наивысшую красоту иудеи находили в бесформенном и преображающем огне и в жизнесоздающем свете», — замечает один из исследователей иудаистической культуры.³⁵ Действительно, «свет» — одна из центральных категорий библейской эстетики. Благодаря своему метафорическому характеру, эта категория легко соединяет в себе сразу несколько значений: образ высшего творческого начала, принцип жизни и знания, сферу прекрасного... Ночь — антитеза дня и света — обычно толковалась как символ грехопадения, предельной закрытости и замкнутости индивидуального бытия. Таков Шеол, таков внутренний мир «сынов тьмы» — безумного и грешника. Евангелист Иоанн, обычно скупой на детали, замечает, однако, что Иуда, решившийся совершить предатель-

³⁵ Thorleif Boman. *Das hebräische Denken im Vergleich mit dem griechischen*. Göttingen. 1954; аналогичные наблюдения можно найти в книге М. О. Гершензона «Ключ веры», Пг., 1921.

ство, уходит в ночь: «а была ночь» (13,30). Символическая борьба света и тьмы пронизывает почти все книги Библии, приобретая конкретный, всеобъемлющий смысл в Новом Завете: «Свет во тьме светит и тьма не объела его», — читаем в первой главе Евангелия от Иоанна; а в последней книге христианской Библии, Апокалипсисе, неустанное пресуществование ночи в день заканчивается триумфальной победой света, Вечным Днём, в котором уже никогда не будет места никакой тьме. (Откр. 21,23-24).

Согласно интерпретации раннехристианскими писателями библейского рассказа о творении мира, мрак и ночь не были созданы Богом — «был вечер, и было утро: день один» (Быт. 1,5). Ночь первой главы книги «Бытия» понималась как знак несуществующего, абстрактного ничто, отделенного от сущего своей природой, в то время как «утро» и «вечер» означали последовательность событий, творческую их поступательность, образующую «единый день», как измерение чистого света. Этот свет, подчеркивали раннехристианские комментаторы, не является оптическим феноменом, который появился лишь в четвертый день; первоначальный свет, бывший в абсолютном смысле, *in principio, ερηχ* есть откровение Лица Божия. Поэтому первый день творения, отмечают отцы церкви, не первый, но один, единый (*μία*), выпадающий из ряда остальных: он есть альфа, которая несёт в себе омегу — заключительный аккорд единого и нескончаемого «восьмого дня»,³⁶ абсолютную полноту, плерому.

В произведениях раннехристианских писателей слово «свет» всегда многозначно: это и оптический феномен, и категория этики; рассудочная аллегория и поэтическая метафора; незаменимое понятие мистического богословия и литургический символ. Однако при всей многозначности, в нём нерасторжимы — метафизический смысл и эстетическая характеристика. Свет есть некоторая форма идеальности, придающая вещам и поступкам светоносность, ясность, чистоту и блеск; принцип целостности, объединяющий собою всё созерцаемое. Короче: свет в раннехристианской эстетике выполняет ту же эстетическую функцию, что и прекрасное. Различие между ними обнаруживается лишь на границах их эмпирических проявлений: прекрасное в вещах характеризуется соразмерностью частей, тогда как свет представляет собой нерасчленимое целое.³⁷

³⁶ Григорий Богослов. Слово 41, на святую Пятидесятницу.

³⁷ Василий Великий. Беседы на Шестоднев, II,8. PG.t.29, col 44.

Обычно византийскую и средневековую теорию света возводят к эстетике псевдо-Дионисия Ареопагита (V в.). Это не верно. Уже у св. Григория Богослова можно найти стройное учение об иерархии света.

Высший, абсолютный источник всякого света — Пресвятая Троица: «Бог есть свет высочайший, непреступный, неизреченный, ни умом непостижимый, ни словом неизречаемый, просвещающий всякую разумную природу, тоже в мире духовном, что солнце в чувственном, по мере нашего очищения представляемый, по мере представления возбуждающий к Себе любовь и по мере любви вновь умопредставляемый».³⁸

Вторая ступень света, по учению св. Григория, свет «умного» или ангельского мира — «некоторая струя, или причастие первого Света».

«Третий свет есть человек, что известно и язычникам, ибо светом φῶς называются люди... которые наиболее уподобляются Богу и приближаются к Нему».³⁹

Аналогичные, хотя и не приведенные в столь четкую систему рассуждения, можно найти и у других раннехристианских писателей: Климента Александрийского, Василия Великого, Григория Нисского, Макария Египетского и многих других. Все они говорят о Боге как о «Свете Непреступном», к которому всё стремится и тяготеет. Только через причастие лучезарным озарениям, в меру вместимости духовного света, всё существующее существует, живёт и движется. Эти светоносные лучи некоторые писатели называют «Божественным мраком», ибо они ослепляют силой своей «невместимости».⁴⁰

По мысли раннехристианских писателей, пребывание в свете есть единственно возможное условие для подлинного познания и общения. «Если мы ходим во свете... то имеем общение друг с другом» (I Ин. 1,7). В этих словах патристическая традиция усматривала новый путь, открывающий человеку действительный способ существования множества в единстве. Если неведение

³⁸ Григорий Богослов. Слово 40, на святое крещение. Ср. у св. Дионисия Александрийского: «Бог же есть вечный Свет, который никогда не начинался и не прекратится. Перед Ним и с Ним находится вечное Сияние, безначальное, всегда рождающееся и проявляющее Его. Это Сияние и есть Премудрость». (Творения св. Дионисия. Казань, 1900, стр. 32, 141).

³⁹ Согласно учению св. Григория Нисского, первый человек был создан светоносным: «сияющим по подобию первообразной красоты».

⁴⁰ Григорий Нисский. О Шестодневе; О жизни Моисея.

или заблуждение есть начало разделения и обособления, то только свет, рассеивающий тьму неразумения, собирает всё воедино, приводит дробящие сомнения к единому знанию. Именно поэтому новокрещенные в древней Церкви нередко назывались новоосвященными: νεοφῶτιστος или νεοφωτος, *illuminatus*.⁴¹ Отсюда же — символика свечей и белой одежды.

«Свет красоты»... «Красота света»... Эти понятия являются порой в нерасчленном тождестве. Указывая на реальности иного мира, они сливаются, превращаясь в символ совершенства... Но и здесь, на земле, пронизывая тьму и глухую отчужденность, касается нас таинственное сияние светлой Красоты, обращая текучий, распадающийся, безобразный мир в высшую эстетическую реальность... Эта реальность, — как и много веков назад, — сияет нам пасхальной радостью — началом грядущего немеркнувшего дня:

«Пасха! Господня Пасха! Она у нас праздников праздник и торжество торжеств.

Она превосходит все торжества, не только человеческие и земные, но даже Христовы и для Христа совершаемые, как солнце превосходит звезды.

Прекрасно у нас вчера блистало и сияло всё светом, каким наполнили мы и частные дома, и места общественные, когда люди, всякого рода и всякого звания, щедрыми огнями просветили ночь, в образ великого света.

Света, каким небо сияет свыше, озаряя целый мир своими красотою.

Света премирного, который в Ангелах.

Света в Троице, Которою составлен всякий свет, от неделимого Света разделяемый и украшаемый...

Но прекраснее и блистательнее нынешняя светозарность: потому что вчерашний свет был предтечею великого и воскресшего Света.

Ныне же празднуем самое Воскресение, не ожидаемое еще, но уже совершившееся и примиряющее собою весь мир».

⁴¹ Климент Александрийский. Педагог, I,6; Мефодий Патарский. Пир десяти дев, VIII, 6; А. С. Уваров. Христианская символика. М., 1908, стр. 24.

Св. Франциск Ассизский *

(1182-1226)

8.

ЗЕРКАЛО ХРИСТА

Ни один человек, обретший свободу, которую дает вера, не впадает в те безысходные крайности, в которые впали поздние францисканцы, когда попытались сделать из св. Франциска второго Христа, творца новейшего завета. Если они правы — теряет смысл всё, что он делает. Никто не станет возвеличивать соперника или изо всех сил подражать тому, кого задумал свергнуть. Как я покажу позднее, только прозорливость Папы спасла великое движение для мира и Вселенской Церкви, не дала ему выродиться в одну из узких сект, которые зовут новой религией. Я ни в коей мере не собираюсь сотворить кумира из меньших братьев. Христос и св. Франциск отличались друг от друга, как отличается Создатель и создание; и ни одно создание не понимало непомерности этого различия лучше, чем св. Франциск. Тем не менее, абсолютно верно и очень важно, что Христос был образцом для св. Франциска. Их личные свойства и события их жизни во многом совпадали. Св. Франциск стоял неизмеримо ближе к своему Господу, чем все мы; он был чистейшим и кротчайшим зеркалом Христа.

Кардинал Ньюмен, в одной из своих блестящих полемических работ, обронил фразу, которая может служить примером удивительной смелости и логической ясности католичества. Рассуждая о том, как легко принять истину за ее противоположность, он говорит: «Но если Антихрист похож на Христа, Христос, тем самым, похож на Антихриста». Конечно, конец этой фразы шокирует нас. Но опровергнуть ее может только тот, кто сказал, что Помпей и Цезарь очень похожи, особенно Помпей. Надеюсь, шок будет меньше, если я скажу то, что многие забыли: если св.

* Окончание. См. Вестник ММ 116, 117, 118.

Франциск был похож на Христа, Христос, тем самым, был похож на св. Франциска. Если вам покажется загадкой то, что случилось в Галилее, вы можете найти разгадку в том, что было в Ассизи. Ларчик, запертый в Палестине, можно открыть в Умбрии; ибо церковь — хранительница ключей.

Многие рассматривали св. Франциска в свете Христа, но никто не рассматривал Христа в свете св. Франциска.

Может быть, «свет» — не самый лучший образ: может быть, лучше воспользоваться образом зеркала. Св. Франциск — зеркало Христа, как Луна — зеркало Солнца. Луна много меньше Солнца, но гораздо ближе к нам; она не такая яркая, но лучше видна. В этом же смысле св. Франциск — ближе к нам, он просто человек, как мы, и нам легче его представить. Многие вещи, загадочные в устах Христа, покажутся очень естественными

Первое изображение св. Франциска, вероятно написанное еще при жизни в 1222 г. (Субиако).

в устах св. Франциска. Всякому ясно, что Христос жил до христианства; как историческое лицо, он жил в античном мире. Я хочу сказать, что среда, в которой он действовал, не была христианской, это была среда языческой империи, и по одному этому она понятна нам куда меньше, чем окружение итальянского монаха, которого мы можем встретить сейчас. Даже самый сведущий комментатор вряд ли может определить меру обычности или необычности его притч. Мы не знаем, какие из них воспринимались как ходовой намек, какие — как чудачество. Многие из них остались загадкой и подвергаются тысячам произвольных толкований. Но если мы переведем их на диалект Умбрии, они легко уложатся в историю св. Франциска; конечно, они не станут обыденней, но обычной они станут. Много споров породили слова о лилиях, не пекущихся о завтрашнем дне. Скептики то упрекают нас в отступлении от евангельского идеала, то объявляют его невыполнимым вообще. Я не собираюсь сейчас обсуждать проблемы этики или экономики; я просто думаю, что даже тот, кого ставят в тупик слова Христа, ничуть не удивится им, если их скажет св. Франциск. Никто не удивится, что он сказал: «Пожалуйста, братцы, будьте мудры, как братец наш одуванчик и сестрица маргаритка. Они никогда не пекутся о завтрашнем дне, а у них короны, как у королей и императоров и у самого Карла Великого во всей его славе». Еще больше огорчает и озадачивает всех совет подставлять другую щеку и отдавать плащ вору, укравшему рубаху. Этот текст широко применяется как аргумент против зла войны, о чем, надо признать, здесь нет ни слова. Если уж понимать эти слова буквально и применять ко всему на свете, они скорее свидетельствуют против насилия властей. Но преуспевающих миротворцев гораздо больше ужасает насилие солдат над могущественным чужеземцем, чем насилие полицейских над бедным соотечественником. Однако, к большой моей радости, все становится на свое место, если мы представим себе, что св. Франциск говорит это францисканцам. Никто не удивится, если брат Джунипер побежит за вором, который украл у него капюшон, и попросит его забрать и плащ, потому что так сказал св. Франциск. Никто не удивится, если св. Франциск скажет молодому дворянину, который хочет вступить в его братство, что не стоит бежать за разбойником и отбирать свои башмаки, а лучше побегать за ним и подарить ему чулки. Мы можем любить, а можем и не любить дух таких вещей, но мы прекрасно чувствуем этот дух. Мы узнаем тут интонацию, простую и чистую, как пение

птицы, — интонацию св. Франциска. Есть тут и кроткая насмешка над самой идеей собственности; есть надежда обезоружить врага благородством; есть озорная радость ошарашивания; есть радость безупречной последовательности. Нам нетрудно узнать это, если мы хоть что-то читали о братцах и о деле, которое началось в Ассизи; и мне кажется разумным предположить, что если именно этот дух породил такие странные слова в Умбрии, тот же самый дух породил их в Палестине. Если мы слышим ту же самую, ни на что не похожую интонацию и ощущаем тот же самый неопикуемый привкус в двух, разделенных временем, явлениях, естественно предположить, что более отдаленное было похоже на более близкое. Другими словами, вполне естественно считать, как и считает церковь, что эти советы вытекали из целостной концепции, призванной поразить и разбудить мир. Во всяком случае, когда мы видим, что одни и те же слова с фантастической точностью повторяются через тысячу лет, нам приходится поверить, что их породила одна система, и опирается она на того, кто произнес их впервые. Многие философские системы повторяют общие места христианства; но только церковь может заново поразить мир парадоксом.

Если мы поймем, что Франциск подражал своему Создателю в причудливых делах любви, мы должны понять, что ему же он подражал в самоотречении. Ясно, что притчи о любви стали возможны после пристального изучения Нагорной проповеди. Но еще пристальней он изучал молчаливую проповедь на другой горе, на Голгофе. Он говорил чистую правду, когда сказал, что в посте или в унижении он просто пытается хоть чем-то уподобиться Христу. И, мне кажется, если мы видим одну и ту же истину в двух далеких звеньях цепи церковного предания, это значит, что предание сохранило истину.

Чем крепче становится его великое дело, тем сильнее проявляется эта тяга св. Франциска. У него уже много последователей, но он не сравнивает себя с ними, с теми, кто ниже его, — он сравнивает себя с тем, кто неизмеримо выше его. Скажу мимоходом, что это — одна из моральных и даже практических выгод аскетизма. Всякая другая исключительность может привести к высокомерию. В аристократах и снобах плохо то, что они — жрецы без Бога. Но святой не высокомерен, потому что всегда ощущает присутствие высшего. Служение, которому отдал себя св. Франциск, все больше и больше облекалось для него в образцы Страстей и Распятия. Он чувствовал всё сильнее, что недо-

статочно страдал и потому недостоин даже издали следовать за своим страдающим Другом.

Отчасти поэтому задумал он свое великое дело — побег к сарацинам, в Сирию. Он хотел положить конец Крестовым походам — обратить Восток не силой, но словом. На современного человека трудно угодить; мы называем путь Готфрида жестоким, а путь Франциска безумным. Другими словами, мы обвиняем в аморальности всякий практический метод, а потом объявляем непрактичным метод моральный. Но идея св. Франциска была далеко не безумна и не так уж непрактична; хотя, может быть, он представлял себе все слишком просто, потому что знал меньше, чем его великий наследник Раймонд Луллий, которого, правда, поняли ненамного лучше. Франциск, как всегда, пошел в высшей степени неповторимым путем. Его идея была проста, как были просты все его идеи. Но глупой она не была; многое можно сказать в ее защиту. Она могла бы осуществиться. Он просто думал, что лучше создавать христиан, чем убивать мусульман. Если бы мусульман обратили в христианство, мир был бы, несомненно, более единым и счастливым; во всяком случае, три четверти войн не состоялись бы. Не так уж глупо предположить, что этого можно было бы добиться миром, при помощи миссионеров, потенциальных мучеников. Церковь, к тому времени, уже завоевала Европу, и еще не исключено, что она завоеует так Азию и Африку. Но для св. Франциска мученичество было не только средством, но и целью. Он хотел максимально приблизиться к Христу. Сквозь все его беспокойные дни проходит рефрен: «Я недостаточно страдал; я мало жертвовал; я не достоин и тени тернового венца». И, бродя по долинам мира, он искал холма, похожего на череп.

Незадолго до того, как он уехал на Восток, весь францисканский орден торжественно собрался у стен Порциункулы. Могучая армия разбила лагерь, и это событие известно под именем «Собора соломенных хижин». Предание говорит, что именно тогда св. Франциск и св. Доминик встретились в первый и последний раз. Вполне возможно, что практического испанца шокировала благочестивая безответственность итальянца. Доминик, как почти все испанцы, был прирожденным солдатом. Его любовь к людям выражалась в хлопотах, в организации. Кроме того, он, вероятно, просто не мог понять силу народной любви. У Франциска была удивительная способность: он всегда падал на четыре лапы. Вся округа собралась там, чтобы покормить и напоить

братцев. Крестьяне тащили им бочки вина и груды дичи; вельможи прислуживали им. Это был истинный триумф не только веры в Бога, но и веры в человека. Отношения Франциска и Доминика сложны, их много обсуждали, во многом сомневались, а историю Собора соломенных хижин мы знаем со слов францисканской стороны. Непосредственно перед тем, как св. Франциск двинулся в свой бескровный крестовый поход, он, по преданию, встретил св. Доминика, которого так сурово осуждают за его более кровавые походы. В такой маленькой книге трудно объяснить, что, в крайнем случае, св. Франциск не хуже св. Доминика защищал бы христианское единство оружием. Понадобилась бы очень большая книга, чтобы объяснить одно это. Дело в том, что современные люди абсолютно не разбираются в философии терпимости, и рядовой агностик наших дней действительно понятия не имеет, что понимал св. Франциск под религиозной свободой и равенством. Современный агностик считает, что его собственная этика самоочевидна, и никому не позволяет считать иначе. Но его страшно шокирует, если кто-нибудь другой верит в свою этику и силой внедряет ее. Средневековый человек считал, что если в основе общества лежит определенная идея, оно должно за эту идею бороться, будь она так проста, как ислам, или так тщательно уравновешена, как христианство. Современные люди, в сущности, думают то же самое; это обнаруживается сразу, когда коммунисты нападают на их идею собственности. Только думают они не так четко. Вероятно, св. Франциск согласился бы со св. Домиником, что, как последнее средство, война за истину справедлива; но без всякого сомнения, св. Доминик пылко согласился бы со св. Франциском, что гораздо лучше, если это можно, действовать убеждением. Св. Доминик гораздо больше убеждал, чем преследовал; но, конечно, действовали они по-разному, потому что они были разные люди. Во всем, что делал св. Франциск, было что-то детское и даже своевольное. Он бросался в подвиг, очертя голову. Он отправился за море, как мальчик убегает в Америку.

Начал он с того, что стал патроном зайцев. Он просто увидел корабль и юркнул туда, как юркнул бы куда угодно. С каким-то случайным попутчиком, которого прихватил в спешке, он пристроился среди груза; но плаванье оказалось неудачным и пришлось вернуться в Италию. Кажется, именно после этой неудачной попытки он собрал орден в Порциункуле, а потом попытался отразить угрозу ислама, проповедуя маврам в Испании. В Испании

первым францисканцам посчастливилось стать мучениками. Но св. Франциск простирал руки к пыткам, а они от него бежали. Он всегда страдал, что он не так близко к Христу, как те, другие, которые уже обрели свою Голгофу. Его тоска была необычайной всех — он тосковал по мученической смерти.

Следующее путешествие было удачней; во всяком случае, он прибыл на место, к осажденному городу Дамiette. Ему удалось поговорить с султаном; именно тогда он предложил мусульманам испытание огнем. Но вряд ли броситься в огонь отчаянней, чем ринуться в самую гущу вооруженных и оснащенных орудиями пытки фанатиков — и просить их отречься от Магомета. По преданию, они отнеслись холодно к его предложению и Франциск вернулся невредимым. Вероятно, он действительно понравился султану; летописец намекает даже на тайное обращение. Скорее всего, он был огражден от жестокости тем ореолом святости, который окружает идиота. Может быть, тут сыграла роль и та вельможная и капризная любезность, которой, при всех своих пороках, нередко отличались султаны. Но главное, мне кажется, в том, что люди слишком любили его ради него самого, чтобы дать ему умереть за свою веру.

В это время великое движение шло гигантскими шагами. Опираясь на авторитет Папы и на народную любовь, в определенном смысле — сдружив все сословия, францисканцы принялись перестраивать религиозную и общественную жизнь. Прежде всего это выразилось в том архитектурном пыле, которым отмечены все возрождения Европы. В Болонье они построили великолепную миссию и сами не меньше прочих восхваляли ее на все лады. Только один человек гневно осудил здание, словно Вавилонскую башню, и возмущенно спросил, с каких это пор так оскорбляют Господу Бедность? Это Франциск вернулся в лохмотьях из своего крестового похода и, в первый и последний раз, повысил голос на своих детей. Так еще одна тень омрачила его душу и, в определенном смысле, подготовила следующую ступень его пути, самую одинокую и самую таинственную. То, о чем я расскажу сейчас, окутано туманом сомнений. Многие летописцы относят это к гораздо более ранней поре. Но, когда бы это ни случилось, именно здесь его жизнь достигла кульминации, и лучше всего указать на это здесь. Я говорю «указать», потому что вряд ли можно сделать больше; тут всё тайна — и в высшем, духовном, и в низшем, историческом, смысле. Нам известно, что св. Франциск с молодым братцем зашел по пути в освещенный, праздничный

замок и, с обычным простодушием, принялся сообщать свою благую весть. Наверное, кто-нибудь да слушал его «как ангела Господня»; во всяком случае, так слушал дворянин по имени Орландо ди Кьюзи. У него были земли в Тоскании, и он сделал Франциску небывалый подарок. Он подарил ему гору. Францисканские правила запрещали принимать деньги, но ничего не говорили о горах; кроме того, св. Франциск принял ее как бы на время, условно — он всё принимал так. Он ушел туда и не взял с собой даже ближайших друзей. Он поселился на горе Альверно, в Аппенинах, и на вершине ее осталось навсегда темное облако, окруженное каемкой славы.

Никто никогда не узнает, что именно произошло. И святые, и менее святые исследователи много спорили об этом. Может быть, отступая от обычного правила, св. Франциск никому ничего не сказал. Во всяком случае, если он и говорил, то очень мало. Мы знаем только, что однажды он обронил несколько слов одному из братцев. Признаюсь, этот единственный, косвенный намек для меня исключительно реален; есть вещи, которые реальнее, чем самая последняя реальность. Св. Франциск увидел в небе, прямо перед собой, огромное крылатое существо, вроде серафима, распростертое крестом. Осталось тайной, было ли оно распято, или только раскинулось по небу, или держало огромный крест. Св. Франциск очень удивился, что серафим связан с распятием, что эти таинственные древние существа причастны страданию и боли. По предположению св. Бонавентуры, видение означало, что св. Франциск был распят духовно, хоть и не мог быть распят телом. Но что бы ни значило видение, оно удивительно, до потрясения, ярко. По преданию, мука серафима пронзила душу Франциска мечом жалости и он забылся в экстазе, близком к агонии. Потом видение исчезло, агония кончилась, тишина и чистый утренний воздух мягко устлали пурпурные расщелины Аппенин. Одинокий Франциск уронил голову, как бывает после сильного потрясения; а когда он ее поднял, он увидел следы гвоздей на своих ладонях.

9.

ЧУДЕСА И СМЕРТЬ

Чудо, завершившее предыдущую главу, завершило и жизнь св. Франциска; и то небольшое, что происходило потом на земле, было подобно призрачной жизни теней. Может быть, прав св. Бо-

наventura, и св. Франциск увидел собственную душу, способную страдать если не как Бог, то как ангел. Может быть, видение изображало — проще и величественней, чем привычное искусство — неумещающуюся в сознании смерть Бога. Во всяком случае, это чудо — венец жизни св. Франциска. По-видимому, именно после этого он начал слепнуть.

Но для нашего поверхностного очерка это видение важно и по другой причине. Оно дает нам повод поговорить о множестве особых фактов, а если хотите — басен — из жизни св. Франциска. Я не назову их более спорными, чем всё остальное; но спорили о них больше. Я имею в виду предания о его чудесах. Было бы нетрудно изукрасить ими, как алмазами, каждую страницу; но, учитывая цели этой книги, я предпочел собрать алмазы в кучу.

Я делаю это из уважения к предрассудку. Конечно, этот предрассудок уже отходит в прошлое, исчезает под натиском просвещения и науки. Однако, старики упорно держатся за него, а молодые послушно следуют традиции. Как вы уже догадались, я говорю о знаменитом «Чудес не бывает!», любимой поговорке наших дядюшек и дедов. Другими словами, я имею в виду наивный скептицизм, возникший в XVIII веке, когда несколько философов довели до всеобщего сведения, что они разобрались в мироздании, как в часах, механизм оказался очень простым, и теперь ясно с первого взгляда, что может случиться, а что — нет. Кстати, не надо забывать, что истинные скептики, дети Золотого века скептицизма, сомневались в первых сенсациях науки не меньше, чем в косных легендах религии. Когда Вольтеру сказали, что высоко в Альпах нашли рыбный костяк, он презрительно спросил, не завтракал ли там постящийся монах. Всякий знает, что наука отомстила скептикам. Граница вероятного снова не менее туманна, чем во мгле Средневековья. Но этого мало: царство вероятного растет, невероятного — уменьшается. Во времена Вольтера люди не знали, какое следующее чудо удастся им разоблачить. В наши дни мы не знаем, какое следующее чудо нам придется проглотить.

Но задолго до наших дней, во времена моей юности, когда образ св. Франциска забрезжил передо мной и даже издали поразила меня, в ту викторианскую пору, когда, совершенно серьезно, добрые дела святого отделяли от его чудес, — я не совсем понимал, как это делается. Я не понимал, и сейчас не понимаю, что именно дает возможность уверенно делить на части столь

единые с виду летописи. Все, что мы знаем о Средних веках, мы узнали из хроник; а писали их, большей частью, безвестные люди, которые все до единого умерли и не могут подвергнуться перекрестному допросу. Я не удивлен, что историки — скептики. Но почему бы им не пойти дальше? Ну, хорошо, пусть они правы, и та или иная подробность — просто ложь или выдумка безумца. Но из этого следует, что вся летопись написана безумцем или лгуном. Например, историки пишут: «Религиозный фанатизм приписывал чудесные свойства мощам Фомы Бекета». Почему же не сказать: «Религиозный фанатизм дошел до того, что четырех рыцарей короля Генриха обвинили в убийстве Фомы Бекета»? Они пишут: «Легковерные люди той эпохи верили, что Жанна д'Арк чудом узнала дофина». Почему же не написать: «Легковерные люди той эпохи поверили, что темную крестьянку пустили ко двору дофина?» Так и здесь. Нам говорят, что не мог св. Франциск выйти невредимым из огня. Почему же мы должны верить, что он вышел невредимым из рук фанатичных мусульман? Я ничего не доказываю, я просто спрашиваю. Абсолютно всё, что мы знаем о св. Франциске, дали нам люди, которые свято верили в чудеса. Может быть, все это — поповские басни, и вообще не было на свете ни Франциска, ни Фомы, ни Жанны. Да, то, что я пишу сейчас, — *reductio ad absurdum*. Но я свожу к нелепости мысль о нелепости чудес.

И действительно, было время, когда скептицизм достиг высшей точки, и ученые договорились примерно до того, что я скажу сейчас. Начали поговаривать, что не было на свете св. Патрика; а это ничуть не менее нелепо, чем сомневаться в существовании св. Франциска. Было время, когда безумные фольклористы растопили немалую часть истории человечества в жарких лучах солнечного мифа. Я надеюсь, что это солнце закатилось; но его место заняло много лун и метеоров.

Из св. Франциска можно сделать прекрасный солнечный миф. Кем же ему еще быть, если он, как поэт, известен прежде всего Гимном Солнцу? Незачем говорить, что костер в Сирии — это восход солнца, а кровавые раны в Тоскане — закат. Я мог бы развивать мою теорию без конца: но, как бывает всегда в таких случаях, другая, ничуть не хуже, приходит мне на ум. Не могу понять, как до сих пор не догадались, что легенда о св. Франциске — чисто тотемическая. Она кишит тотемами, как индейская сказка. Франциск называл себя ослом, потому что Францисками называли настоящих четвероногих ослов, превратившихся позд-

нее в получеловеческое божество. Вот почему Брат Волк и Сестра Лиса напоминали мне Братца Волка и Братца Лиса! На определенном этапе умственного развития все мы верим, что Кролик говорил, а Лисица сделала смоляное чучелко. На определенном этапе развития можно поверить, что св. Патрик — солнечный миф, а св. Франциск — тотем. Но для многих из нас эти райские радости утеряны.

В одном, только в одном смысле мы можем для удобства различать невозможное от возможного, как разделяем их сейчас, повинувшись не законам природы, а законам рассказа. На самом же деле все снова пошло в переплавку, и многое выйдет из нее в таком виде, который рационалисты назвали бы неестественным. Религия и философия исходят из разных предпосылок. Человек верит или не верит, что огонь, в определенном случае, может не жечь, в зависимости от того, как объясняет он себе свойство огня. Если, по его мнению, огонь жжет девять палок, потому что такова его природа, — он сожжет и десятую. Но если он жжет девять палок, потому что такова Божья воля, — Бог может захотеть, чтоб десятая не сгорела. Для верующего также логично верить в чудеса, как для неверующего — не верить. Есть только один разумный довод против чудес: последовательный материализм. Однако, никто не знает, какая следующая гипотеза пойдет на пользу старому суевию.

Три четверти чудес, приписываемых св. Франциску, легко объяснил бы любой психолог — конечно, не так, как объясняют их христиане. Среди них, например, много чудесных исцелений. Стоит ли скептику высокомерно отмахиваться от них, если лечение верой стало в Америке крупным бизнесом, вроде бродячего цирка? Есть и другие чудеса, когда св. Франциск, подобно Христу, читал чужие мысли. Стоит ли обличать их только потому, что на них наклеен ярлык: «Чудо»? Ведь чтение мыслей стало у нас салонной игрой, вроде шарад. Я не хочу сказать, что эти трюки чем-нибудь похожи на добрые дела святых. Но сейчас я говорю не о своей вере, а о неверии скептиков. А практический вывод, мне кажется, можно сделать такой: подождем и, пока все не улеглось, не будем решать окончательно, чему мы не верим.

Приняв такое решение, биограф или историк может выбрать один из двух путей. Лучше и смелее рассказать все подряд, как делали летописцы. Вероятно, историки еще вернутся на этот

здоровый, чистый путь. Но не надо забывать, что моя книга только знакомит со св. Франциском. А те, кого надо знакомить, — люди чужие. Я хочу, чтобы они прислушались к св. Франциску. А для этой цели вполне законно так расположить факты, чтобы знакомое шло перед неизвестным. Если люди, заинтересовавшись Франциском, станут после того читать о нем сами, они скоро обнаружат, что сверхъестественное в его жизни столь же естественно, как и все остальное. Католическая традиция, всегда совпадающая со здравым смыслом, совсем не считает, что именно таково соотношение естественного и сверхъестественного в жизни обычного человека. Сами по себе истории о чудесах св. Франциска тоже неодинаковы. Некоторые очень похожи на сказки — не по содержанию, а по форме. По всей вероятности, это и есть сказки, которые крестьяне рассказывали детям у огня, ничуть не претендуя на догматическую безупречность, а просто соскальзывая на проторенную дорогу сказочного сюжета. В других случаях летописцы настаивают на биографической достоверности, и приходится принять, что это — или ложь или правда; но всякому, знающему человеческую природу, очень трудно поверить, что это — ложь.

Принято считать, что история о стигматах — не легенда, а ложь; не посмертное добавление к славе св. Франциска, а прямой обман, выдумка современников. Некоторые предполагают заговор; многие пытались свалить все на Элиаса, которого не одной партией оказалось удобным выставить подлецом. Обычно рассуждают так: первые биографы — св. Бонаventura и Челано, и Три Братца пишут, что у св. Франциска открылись раны, но не пишут, что сами видели их. Этот довод меня не убеждает. Никто из биографов не давал свидетельских показаний. Они писали хронику, перечисляли события. Они не говорят: «Я видел, как св. Франциск отправился в Порциункулу». Они говорят: «Св. Франциск отправился в Порциункулу». И я снова не понимаю, почему надо верить их свидетельству в одном случае и нельзя ему верить в другом. Странно и грубо, и неуместно было бы, если бы летописцы принялись клясться в том, что видели сами и проверяли то или иное чудо. Конечно, можно сказать, что вы — материалист и в чудеса не верите. Это логично. Но когда о сверхъестественном пишет современный ученый, не верьте ему, как не поверили средневековому монаху. Немало найдется ученых, которых вам придется отвергнуть.

Что бы мы ни думали о сверхъестественном, мы не поймем св. Франциска, если не поймем, что он жил сверхъестественной жизнью. И чем ближе он подходил к смерти, тем больше чудес случалось с ним. Эти чудеса не отделяли его от земли, он не становился отрешенным, не таким, как люди. Настоящая христианская мистика делает человека радостней и человечней. Но сила, которая им двигала, была сверхъестественной силой. Если это не ясно из всей его жизни, может быть, это станет ясно из его смерти.

Можно сказать, что он странствовал, умирая, как странствовал при жизни. Чем яснее становилось, что ему совсем плохо, тем больше носило его с места на место, словно он кичился болезнью, а может — смертью. Он побывал в Риети, в Нурсии, возможно — в Неаполе и во многих других местах. Особенно трогательно и далеко не просто, что пламя его жизни взметнулось высоко и сердце возвеселилось, когда он увидел вдаль, на холмах Ассизи, строгий фасад Порциункулы. Его, оставившего семью ради мечты, отринувшего пути места и собственности, его, чьим заветом была бездомность, поразила парфянская стрела человеческой природы, чувство дома пронзило его. И у него была *Maladie du clocher*, он тоже тосковал по родной колокольне; только его колокольня гораздо выше, чем наша. «Никогда, — вскричал он с той внезапной силой, которую обретают при смерти сильные духом, — никогда не предавайте этих мест! Куда бы вы ни шли, где бы ни бродили, возвращайтесь домой, здесь истинный дом Божий!» Процессия прошла под арками его дома, он лег, и братья окружили его для последнего, долгого бдения. Не стоит обсуждать, как часто делают, кого именно он благословил и что кому сказал. В ту минуту он благословил всех нас.

Он попрощался с самыми близкими и самыми старыми своими друзьями и попросил, чтобы его сняли с жесткого ложа и положили на пол. По преданию, он был в одной власянице, как тогда, когда ушел от отца в пронизанный ветром лес. Так он утверждал окончательно свою великую навязчивую идею — хвала и слава вздымались к небу из нищеты, из ничего. Он лежал там, и его слепые глаза видели Того, кто был ему образцом и примером. Мы можем твердо верить, что в последнем, непостижимом одиночестве он видел лицом к лицу само Воплощенное Слово, Христа Распятого. Но у тех, кто стоял вокруг него, были и другие мысли; много воспоминаний толпилось в полумраке, в сумерках того дня, когда мы все потеряли друга.

Там лежал и умирал не Доминик, глава псов Божьих, вождь богословских битв, которые можно изложить по пунктам и передать ученикам; не тот, кто завел механизм простой дисциплины доминиканцев. Из мира уходила личность, уходил поэт. Никто с тех пор не смотрел на мир, как он. Его нельзя ни заменить, ни повторить. Кто-то сказал, что на свете был один христианин, и того распяли. Правильней было бы сказать, что на свете был один францисканец, и звали его Франциском. Он оставил по себе великое и радостное дело, но одного он оставить не мог, как не может художник оставить свои глаза. С большим правом, чем Нерон, его антипод, он мог сказать: «Какой артист погибает!» Нерон всю жизнь прожил в актерской позе, Франциск двигался по миру с естественной грацией канатоходца. Но св. Франциск не опустил бы до таких слов: его мысли вознеслись высоко, и нам не последовать за ним на те высоты, куда поднимает смерть.

Вокруг него стояли братья в коричневых одеждах — и они любили его, хотя потом и спорили между собой. Бернардо, его первый друг, и Анджело, его помощник, и Элиас, которого предание почти приравнивало к Иуде; на самом же деле его вина была только в том, что под францисканской одеждой не билось францисканское сердце. Он не был хорошим францисканцем, хотя мог бы стать замечательным доминиканцем. Но Франциска он, во всяком случае, очень любил; даже последние негодяи любили Франциска. Как бы то ни было, он стоял с другими, а часы уходили и удлинялись тени в доме Порциункулы. Не надо думать о нем плохо, не надо подозревать, что он уже лелеял в мыслях будущие разлады, ссоры и самолюбивые респри осиротевших братьев.

Наверное, птицы узнали, когда это случилось, и всполошились на вечернем небе. По преданию, когда-то они полетели в четыре стороны света и образовали крест; сейчас, таким же пунктиром, они могли начертать на небе знаки новых пророчеств. В лесу притаились маленькие существа, которых никто с тех пор не сумел так пожалеть и понять. Говорят, животные чувствуют то, чего не чувствуем мы. И я не знаю, встревожились ли воры и блудницы, и преступники, и почувствовали ли они, что случилось с тем, который не умел презирать.

ЗАВЕТ СВ. ФРАНЦИСКА

Есть грустная ирония в том, что св. Франциск, который всю жизнь хотел, чтобы все ладили, умер среди растущих неладов. Но не надо, как делают некоторые, преувеличивать эти разногласия и говорить о полном крушении его идеалов. Не надо думать, как думают многие, что его дело рухнуло под тяжестью порочного мира или, по их утверждениям, еще больше порочной церкви.

Я пишу о св. Франциске, а не о францисканском ордене, тем более — не о католической церкви, и не о папстве, и не о том, как отнеслись Церковь и Папа к крайнему францисканству. Но необходимо, хотя бы вкратце, рассказать о разладе, который последовал за смертью великого святого и омрачил его последние дни. Речь шла, в основном, об обете бедности, об отказе от собственности. Насколько я знаю, никто не спорил с тем, что у францисканца не должно быть личной собственности. Наоборот, некоторые францисканцы, призывая авторитет Франциска, шли дальше; а дальше их, вероятно, не пошел никто. Они предлагали уничтожить не только личную собственность, но и собственность вообще. Они отказывались владеть сообща орудиями, зданиями или запасами. Они отказывались владеть тем, чем уже владели. Не надо подозревать тут злого умысла — многие, особенно вначале, были совершенно бескорыстно и глубоко преданы идеалу Франциска. Но Папа и церковь осудили их, хотя ради этого пришлось поступиться некоторыми пунктами завещания великого святого. Обычно считается, что церковь и Папа были неправы, а монахи распорядились правильно. Но в том-то и дело, что они не столько распорядились, сколько отказались чем бы то ни было распоряжаться. Всякий знал, что францисканцы коммунисты, но эти были скорее анархисты. Многие идеалисты социалистического толка, вроде Шоу или Уэллса, представляют этот разлад как тиранию могущественных и злых церковников против истинного, т. е. социалистического христианства. В действительности же этот крайний идеал был прямо противоположен социализму. Эти энтузиасты отрицали именно то общественное владение, которое социализм положил во главу угла. Неверно также, что Папа обращался с крайними францисканцами только

грубо, враждебно. Папа очень долго придерживался компромисса — он как бы взял в залог, под опеку ту собственность, от которой они отказались. Надо понять две вещи, очень обычные в истории католичества, но непонятные поверхностным историкам нашей индустриальной цивилизации. Нередко святые были великими людьми, а папы — самыми посредственными. Но великие люди часто были неправы, а посредственные — правы. В конце концов, всякому честному, объективному человеку трудно не признать, что Папа был прав, когда счел, что мир существует не только для францисканцев.

В этом и была суть разлада. За этим частным вопросом о собственности крылся другой, гораздо более глубокий. Св. Франциск был великим и необычным человеком, и в нем было все то, что создает основателей новой религии. Многие из его последователей были готовы счесть его основателем религии. Они хотели, чтобы францисканский дух вырвался из христианства, как христианский дух вырвался из Израиля; они хотели, чтобы он затмил христианство, как оно само затмило Израиль. Св. Франциск — блуждающий огонь на дорогах Италии — должен был разжечь пожар, в котором сгорела бы христианская цивилизация. Это и озаботило Папу; он решил — христианству ли переварить Франциска или Франциску христианство; и решил правильно. Церковь могла включить все, что есть хорошего во францисканстве, но францисканцы не могли включить все, что есть хорошего в Церкви.

Те, кто не видит, что католический здравый смысл шире, чем францисканский энтузиазм, не понимают очень важной вещи. Франциск Ассизский, как мы говорили много раз, был поэт. Другими словами — он был из тех, кто может выразить себя. Такие люди отличаются тем, что их недостатки делают их шире. Поэт обязан своей неповторимостью не только тому, что в нем есть, но и тому, чего в нем нет. Но в рамках недостатков, окаймляющую один портрет, нельзя втиснуть все человечество. В св. Франциске, как во всех гениях, даже отрицательное — положительно. Пример тому — его отношение к учености. Он мало знал и, в определенной степени, отрицал книги и книжную науку. С своей точки зрения, с точки зрения своего дела, он был абсолютно прав. Он хотел быть таким простым, чтобы любой деревенский дурачок его понял — в этом суть его миссии. Он взглянул в первый раз на мир, который мог быть создан только что, утром — в этом суть его мироощущения. Кроме Эдема, Рождества, Воскресения

— у мира не было истории. Но так ли уж нужно, чтобы истории не было?

Я прежде всего хотел показать, что св. Франциск ходил по миру, как Божье прощение. Он пришел — и человек получил право примириться не только с Богом, но и с природой и, что еще трудней, с самим собой. Он открыл ворота темных веков, как ворота тюрьмы или чистилища, где люди очищали себя покаянием в пустыне или подвигами в бою. Он передал им, что они могут начать сначала, то есть — разрешил им забыть. Люди могли перевернуть страницу, и на новой, чистой вывести большие первые буквы, простые и яркие, как заглавные буквы средневековой рукописи; но для этого было нужно, чтобы они не видели предыдущей страницы, запятнанной кровью и грязью. Я уже говорил, что в стихах первого итальянского поэта нет ни следа языческой мифологии, которая надолго пережила язычество. Мы даже не знаем, слышал ли он о Вергилии. В сущности, так и должно было быть — ведь он п е р в ы й итальянский поэт. Он называет соловья соловьем, потому что его память не запятнана ужасными преданиями об Итиле и Прокле. Да, вполне правильно и даже хорошо, если св. Франциск не слышал о Вергилии. Но хотим ли мы на самом деле, чтобы о Вергилии не слышал Данте? Хотим ли мы, чтобы Данте не знал языческой мифологии? Конечно, св. Франциск отдал бы все листы Сивиллиных книг за один листик соседнего дерева. Но хорошо, что у нас есть *Dies Irae*, а не только «Гимн Солнцу».

Св. Франциск пришел в мир, как приходит младенец в темный дом. Он растет, ничего не зная о минувших трагедиях, и побеждает их своей невинностью. Не только невинность необходима ему, но и неведение; он должен играть в зеленой траве, не зная, что она растет на могиле, и карабкаться на яблоню, не зная, что она была виселицей. Вот такое прощение, освобождение, примирение принес миру свежий ветер францисканского духа. Но это не значит, что весь мир должен был перенять его неведение. А многие францисканцы хотели бы, чтоб он перенял. Многие францисканцы хотели, чтобы францисканская поэзия заменила прозу бенедиктинцев. Для ребенка из нашей притчи это вполне естественно. Для ребенка мир и должен быть большой свежепобеленной детской, на стенах которой он может рисовать те неуклюжие и яркие картинки, с которых началось наше искусство. Конечно, он и представить себе не может ничего другого. Но в доме Господнем обителей много.

Всякая ересь была попыткой сузить веру. Если бы францисканское движение превратилось в новую религию, это была бы узкая религия. Там, где оно превращалось в ересь, это была узкая ересь; она делала то, что всегда делает ересь, — противопоставляла настроение разуму. Настроение это было чистым и кротким настроением св. Франциска, но не оно одно определяет разум Бога или даже человека. Да и само настроение стало превращаться в мономанию. Часть братцев объявили себя единственно верными сыновьями св. Франциска и отказались от уступок Риму во имя того, что называли духом Ассизи. Очень скоро эти францисканцы стали яростными, как флагелланты. Они извергали новые и новые, все более жестокие запреты; они пришли к отрицанию брака. Во имя самого человеческого из святых они объявили войну человечности. Они погибли не от преследований. Многие из них действительно переубедили, а горсточка упорных уже ничем не походила на св. Франциска. Дело в том, что они были мистики. Мистики, и все. Мистики, а не католики; мистики, а не христиане; мистики, а не люди. Их не удалось вразумить, потому что, в самом прямом смысле слова, они не внимали разуму. А какими бы дикими ни казались нам действия св. Франциска, он всегда зависел от разума, был связан с ним невидимой и неразрывной нитью.

Великий святой был здоров; и сам звук этого слова, как низкий голос арфы, возвращает нас к тому, что лежало в нем глубже, чем легкая причудливость эльфа. Он не был чистым эксцентриком — всегда возвращался к центру. Он блуждал и кружил по лесу, но шел он всегда домой. Его смирение не позволило бы ему стать ересиархом; более того, его человечность не позволила бы ему впасть в крайность. Одно чувство юмора, которым присолены все теории о его чудачествах, уже не дало бы ему застыть в торжественном самодовольстве сектантов. Он всегда был готов признать, что неправ; и вот, истинные его последователи признали его неправым только для того, чтобы доказать, как он прав. Это они, его настоящие последователи, действительно доказали его правоту и, отринув недостатки, разнесли его правду по миру. Францисканский орден не окаменел и потому не рассыпался в прах, как те, чья первоначальная цель рухнула под грузом тирании и внутренней измены. Оплот ордена, его верный ствол, принес плоды. Среди его сыновей — Бонавентура, великий мистик, и Бернардино, народный проповедник, пронесший по Италии благочестивые буффонады истинного *Jongleur de Dieu*.

Среди них — Раймонд Луллий со своим странным учением и смелыми планами обращения мира, такой же неповторимый, как сам св. Франциск. Среди них Роджер Бэкон, первый натуралист, которого даже самые материалистические ученые признали отцом науки. Эти великие люди свершали великие, полезные и очень разные дела. Но мы всегда узнаем в них чутьем сыновей св. Франциска.

Дух св. Франциска, дух благодарности — сохранился в них. Св. Франциск умел дарить, и больше всего он ценил тот лучший из даров, который называется благодарением. Он знал, что хвала Богу стоит на самой прочной основе, когда не стоит ни на чем. Он знал, что лучше всего мы измерим чудо бытия, если поймем, что только непостижимая милость дарует нам его. И эта великая истина, в уменьшенном виде, повторяется в нашем отношении к Франциску. Он тоже слишком велик для нас. С ним в мире рассветло, и мы увидели заново все формы и все цвета. Величайшие люди, создавшие нашу цивилизацию, — его слуги и подражатели. Раньше Данте он дал Италии поэзию; раньше св. Людовика встал на защиту бедных; и раньше, чем Джотто нарисовал картины, он сыграл эти сцены. Великий художник, положивший начало европейской живописи, обратился за вдохновением к св. Франциску. Однажды, когда св. Франциск, на свой простой лад, разыгрывал рождественский вертеп с волхвами и ангелами в негнущихся ярких одеждах и в золотых париках вместо сияния, случилось чудо: младенец — деревянная кукла — задвигался и ожил в его руках. Мы можем сказать, что в эту минуту задвигалось и ожило под рукой св. Франциска то, что мы зовем театром. Он очень любил петь, но его духовная сила не воплотилась ни в одном из искусств. Он сам был духовной силой, которую воплощали другие. Он был духовной субстанцией, которая пронеслась по миру раньше, чем мы увидели ее во плоти; блуждающим огнем, от которого более земные люди могли зажечь и свечу и факел. Он был душой средневековой цивилизации. И еще одна, совсем другая духовная волна идет от него: тот реформаторский пыл, который даже сейчас несет груз слов: *Deus est Deus Pauperum*.

Его жалость к людям живет во множестве чисто средневековых законов, направленных против гордыни и жестокости богатых; может быть, она теплится и сейчас. Я не стану утверждать, что искусства и политика не нашли бы этого без него; но с тех пор, как он жил и изменил мир, мы не можем подумать обо всем этом, не думая о нем.

Каждый, кто понял его величие и может выразить его только набором сбивчивых слов, ощутит, в какой-то мере, то бессилие, которое было силой св. Франциска. Он поймет, что имел в виду св. Франциск, когда говорил о неоплатном долге. Ему захочется сделать очень много, и он увидит, что не сделал ничего. Он узнает, как трудно стоять под градом чудес, когда тебе нечем отплатить; когда тебе нечего поставить под тяжелыми сводами вечности, кроме маленькой свечи, наскоро зажженной перед маленькой фигуркой.

О. Сергей БУЛГАКОВ

СУДЬБА ИЗРАИЛЯ КАК КРЕСТ БОГОМАТЕРИ

Богочеловечение Сына Божия — «Слово плоть бысть» (Ио. I,14) — соединило Его со всем человеческим родом без всякого ограничения и исключения. Однако оно совершилось в истории, в определенном месте и времени, чрез посредство «избранного», к тому приуроченного в Церкви Ветхозаветной народа. Христос есть «сын Давидов, сын Авраамов», родословная которого проводится по Мф. от Авраама до «Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос» (Мф. I,16). Эта же генеалогия излагается у Лк. в восходящем порядке: «Иисус... был, как думали, сын Иосифов... Адамов, Божий» (Лк. III,23-28). И эта кровная связь с Израилем, запечатленная в генеалогии, раскрывается в Евангелиях как изначальная обращенность Христа именно к Израилю: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. IV,24). Им он проповедовал Царство Божие, в их среде творил чудеса и учил их Сам и чрез учеников Своих. Он «пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ио. I,11). Между Ним и Израилем назревает внутренний разрыв, который завершается открытой враждой с преданием Его на смерть, воплями: «распи, распни Его». Этот разрыв причиняет собою Господу глубокое страдание, как Он и Сам свидетельствует о том, вместе с призыванием праведного суда на него: да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником. Истинно говорю вам, (что) все сие придет на род сей. Иерусалиме, Иерусалиме, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели. Се, оставляется дом ваш пуст» (Мф. XXIII, 35-38; Лк. XIII,34-35). Посему в борение Гефсиманское включается и эта скорбь Христова о своем народе, но как бы в ответ на нее раздается то страшное, роковое слово исступления, всегда памятное: Пилат сказал: «неповинен я в крови Праведника Сего, смотрите вы». И отвечая весь народ сказал: «кровь Его на нас

и на детях наших» (XXVII,25). И как бы в ответ на это слово на крестном пути, когда шло за ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем, Иисус, обратившись к ним, сказал: дочери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших, ибо приходят дни, в которые скажут: «блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие». Тогда начнут говорить горам: «падите на нас» и холмам: «покройте нас» (Лк. XXIII,27-32). Это было скорбное прощание со Своим народом, который сам обрек себя на великие испытания на протяжении всего своего исторического пути до наступления того вожделенного часа, который тогда же проречен был Христом: «сказываю вам: вы не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: «благословен Грядый во Имя Господне» (Мф. XXIII,39; Лк. XIII,35). Об этом же пророчествует ап. Павел, сам иудей из иудеев, израильтянин от семени Авраамова (Р. XI,1): «не хочу оставить вас, братья, в неведении о тайне сей... что ожесточение произошло во Израиле отчасти, (до времени) пока войдет полное число язычников. Итак весь Израиль спасется... ибо дары и призвание Божие непреложны» (25-6,29).

Но Она, великая Молчальница, которая духовно разделяла со Христом и Гефсиманское Его томление, и истощание крестное, делила ли Она с Ним и эту скорбь Его о народе жестоковейном и ярости христубийственной даже до самообречения: «кровь Его на нас и на чадах наших»? Можно ли об этом даже и спрашивать? Она не меньше, но даже более, чем Он, принадлежала этому христонному и христубийственному, избранному народу Божию. Ибо если Она дала человеческое естество Сыну Своему, была «Материю, от которой родился Иисус», то это было все же «бессеменное зачатие» от Духа Святого, сама же Мария была дочь Авраамия, обрученная мужу именем Иосифу, из дома Давидова (Лк. I,27). Она имела в Себе не только всю полноту тварной человечности, но во всей силе была дочь Израилева, плоть его и кровь. Она была воспитана в его вере и благочестии, по верованию Церкви, при храме с детского возраста, в назидании пророчеств, — за чтением Исаии, согласно преданию, застал Ее Гавриил, Архангел Благовещения. Она жила общей жизнью со Своим народом, и даже не только ранее Своего Богоматеринства, но и после Него. Достаточно для свидетельства сего одной только черты, сохраненной в Евангелии Лк. II,41-2: «каждый год родители Его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи. И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по

обычаю в Иерусалим на праздник». Для Самого Господа естественно и предуказано было чувствовать Себя посланным к сынам Израиля, из его среды избрать Своих учеников и апостолов, но это же самое чувство не могла не разделять с Ним и Матерь Его, как нечто как бы само собою разумеющееся. Она была призвана сораздаться этой радостью с теми, о коих сказано: «блаженны очи ваши, что видят, и уши ваши, что слышат» (Мф. XIII,16; Лк. X,23). И это лишь подтверждается рассказом Мф. XII,46-50, Мр. III,31-35, Лк. VIII,19-21, где Христос, указывая на учеников Своих, сказал: «вот Матерь Моя и братья Мои». Это изречение может одинаково быть применено к тем и другим, но оно уже во всяком случае не содержит в себе противопоставления матери и братьев ученикам, напротив, оно их сближает как бы до отождествления. Но тем более ясно, какое страдание сердцу Марии должно было причинять начавшееся и все углублявшееся между Иисусом и иудеями, которое завершилось полным разрывом и христубийственным их ожесточением. Она страдала не только за Сына Ея и вместе с Ним, но и за этот народ, единокровный и единоплеменный, богоизбранный и Христа отвергающийся. Какою тяжестью могли падать на сердце Ее гневные слова Господа Мф. гл. XXIII с его осуждением и отвержением! Какою печалью для Нее прозвучало это: «се ныне оставляется дом ваш пуст». Апостол Павел так свидетельствовал об этой скорби своей: «великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему. Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, т. е. израильтян». (Р. IX,2-3). И если он это так чувствовал, то что же можно сказать о Ней, Молчальнице, навичной слагать словеса Христовы в сердце Своем? (Лк. II,51), теперь, когда стали столь печальны и страшны они? Ведь если все окружающие слышали их, то неужели только Ей одной оставались они неведомы, на том лишь основании, что об этом не сказано, утаено в Евангелии? Какой мукой не только за Сына, но и за народ ожесточенный, вопиющий «распи, распни Его», находящий в себе лишь слова поношения и злобы даже у креста, должно было раздираться сердце Ее! То был нарочитый крест Ее не только как Матери, но и как Дщери народа Ее, ради рождения которой он был избран и призван, «которому принадлежит усыновление и слава, и заветы, и законоположения, и богослужение и обетование, их и отцы, и от них Христос по плоти» (Рим. IX,4-5). И над всем этим произносится суд Божьего отвержения. Это есть крест Богоматери, которая неотделима от Своего народа не толь-

ко в благословении, но и в отвержении, любит его любовью Павловой, любовью дщери и матери, ему единокровной.

Пречистая воскресла и вознесена на небо одесную Сына Своего, но в Успении Своем Она «не оставила мира». Она осеняет его молитвенным Своим омофором, состраждет с ним, есть утешение «всех скорбящих». Крестоношение Богоматери не прекратилось и в славе Ее. Это верование составляет великое христианское упование, но в него необходимо должна быть включена и сострадательная любовь Ее к Своему народу, вопреки продолжающейся его жестокойности в отношении ко Христу, в трагических судьбах его истории. И то и другое есть крестная скорбь Богоматери. Отдельные его черты по справедливости могут, конечно, и не вызвать сочувствия, ибо не пришло еще время для его христианского возрождения, но надо всегда помнить, что Израиль дал Церкви патриархов, пророков, апостолов, т. е. всех тех, кто явился ее основанием, был послан Христом поучать и крестить «все языки». И народ этот не только был, но и остается избранным, ибо «дары и избрание Божие непреложны», по слову ап. Павла (Р. XI,29). Это должны помнить и знать и теперешние его хулители, если только они сами не отрицают веры во Христа и почитания Пречистой Его Матери.

Здесь мы приближаемся к последней тайне, о которой говорит ап. Павел, — к обращению Израиля (26). В чем эта тайна? Нам она не открыта. Однако остаются благочестивые домыслы, имеющие для себя и известную убедительность, а даже и очевидность. Такая очевидность связана с нашим общим упованием о предстательстве Богоматери. Может ли совершиться дело «спасения всего Израиля», духовное его воскресение, помимо Той, ради которой и совершилось его избрание для того, чтобы послужить делу боговоплощения? «Не оставившая мира» Богородица оставляет ли молитвенной помощью и попечением то древо, от которого Она Сама возросла на земле, чтобы вознестись в небо? Есть ли Ее действенная к тому помощь? Достаточно только поставить такой вопрос, чтобы увидеть, что это есть именно так, и иначе быть не может. Если Бог Авраама, Исаака и Иакова, всех ветхозаветных праотцев и пророков, Предтечи и апостолов, внимлет молитве, произносимой ими о народе своем, то во главе сего молитвенного сонма предстоит Богу «в молитвах неуспающая Богородица», и этим предстательством совершается еще нам неведомая тайна «спасения всего Израиля в его обращении ко Христу». Ибо так заключает апостол пророчественное свое

обетование — «они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы. Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать. О, бездна богатства, премудрости и разума Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его» (Рим. XI,31-33).

15.VIII.1941

День Успения Пресвятой Богородицы.

Игумен ГЕННАДИЙ (Эйкалович)

О ЕВРЕЙСКОМ РАСИЗМЕ

В ноябре 1975 года на страницах мировой печати появилась весть, что Генеральной Ассамблеей ООН, по докладу Третьего комитета, была принята резолюция, отождествляющая сионизм с расизмом, точнее — «с формой расизма и расовой дискриминации». Так как ни в русских газетах, ни в доступных мне газетах иноязычных сам текст резолюции не был напечатан, я раздобыл его со временем в секретариате Информационной Службы ООН. Меня интересовал вопрос, какое обоснование дано было этому постановлению. Оказалось, что предложенная резолюция... не имела никакого обоснования. Вот дословный текст этого весьма сумбурно и с точки зрения международного права наивно составленного документа:

Тридцатая сессия, Пункт 68 повестки дня.

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей (по докладу Третьего комитета (/А/10320/), 3379 (XXX). **Ликвидация всех форм расовой дискриминации.**

Генеральная Ассамблея,

ссылаясь на свою резолюцию 1904 (XVIII) от 20 ноября 1963 года, в которой провозглашается Декларация Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм расовой дискриминации, и, в частности, на заявление в ней о том, что «всякая теория расового различия или превосходства в научном отношении ложна, в моральном отношении предосудительна, в социальном отношении несправедлива и опасна», и на выраженную в ней тревогу в связи с «проявлениями расовой дискриминации, всё еще имеющими место в некоторых районах мира, которая в ряде случаев укореняется правительствами отдельных стран путем законодательных, административных или других мер»,

напоминая также, что в своей резолюции 3151Г (XXVIII) от 14 декабря 1973 года Генеральная Ассамблея осудила, среди прочего, нечестивый союз между южноафриканским расизмом и сионизмом,

отмечая Мексиканскую декларацию о равенстве женщин и их вкладе в дело мира и прогресса (Э/5725, часть первая,

раздел I), провозглашенную Всемирной конференцией в рамках Международного года женщины, проходившей в Мехико с 19 июня по 2 июля 1975 года, в которой провозглашается принцип, состоящий в том, что «международное сотрудничество и мир требуют достижения национального освобождения и независимости, уничтожения колониализма и неокониализма, иностранной оккупации, сионизма, апартеида и расовой дискриминации во всех ее формах, а также признания достоинства народов и их права на самоопределение»,

отмечая также резолюцию 77 (XII), принятую Ассамблеей глав государств и правительств Организации африканского единства на ее двенадцатой очередной сессии, проходившей в Кампале с 28 июля по 1 августа 1975 года, в которой говорится, «что расистский режим в оккупированной Палестине и расистские режимы в Зимбабве и Южной Африке имеют одинаковое империалистическое происхождение, которое составляет единое целое, обладают аналогичной расистской структурой и являются органически связанными в своей политике, направленной на подавление достоинства и неприкосновенности человеческой личности»,

отмечая также Политическую декларацию и стратегию упрочения международного мира и безопасности и укрепления солидарности и взаимопомощи между неприсоединившимися странами, принятую на Конференции министров иностранных дел неприсоединившихся стран, проходившей в Лиме с 25 по 30 августа 1975 года, которая самым решительным образом осудила сионизм как угрозу международному миру и безопасности и призвала все страны выступить против этой расистской и империалистической идеологии,

постановляет, что сионизм является формой расизма и расовой дискриминации.

2400-е пленарное заседание,
10 ноября 1975 года.

О, дипломатические «tempora et mores»! Не перевернулись ли в гробах участники Венского Конгресса?!

За принятие резолюции проголосовали 72 нации (преимущественно неприсоединившиеся страны и члены коммунистического блока), против — 35 наций, воздержались 32 нации, отсутствовали 3 нации.

Ясно, что этот тенденциозно составленный текст представляет собой **политическую бомбу**, направленную исключительно против Израиля. Он не имеет никакой юридической и историософской ценности. А ссылка на то, что «всякая теория расового различия или превосходства в научном отношении ложна...», явно ненаучна, ибо какая это наука доказала, что между расами нет различия? Не было бы различия, не было бы и рас! Да и сами неприсоединившиеся страны, составившие эту резолюцию, самим фактом ее составления свидетельствуют о том, что расовое различие между ними и евреями является очевидностью, фактом.

Не приемля злободневно-политическую интенцию этого документа, мы не совсем разделяем негодование еврейских кругов относительно основной темы: уравнивания сионизма с расизмом. Голословно отрицая такое отождествление, вернее — отвергая его, евреи становятся на диалектически противоположную позицию, которая, будучи крайней, уклоняется от истины. Нам кажется, что соотношение ветхозаветного мессианизма, сионизма и расизма следовало бы изобразить в виде частично перекрывающихся трех кругов.

Определим, прежде всего, что такое «расизм». В декабре 1975 года на страницах Нового Русского Слова появилась интересная, я сказал бы даже больше — потрясающая статья на эту тему г-на В. Верасеня. Однако содержание ее не отвечает заглавию: автор показывает читателю картину худшего из расизмов, германского, известного под названием «нацизма», «нацсоциализма», «гитлеризма», но не дает определения расизма как такового. Ведь наряду с гитлеровским нацизмом существуют и расизмы иного калибра, иного происхождения, недовыявленные, теоретические (идеологические) без практического приложения и практические, т. е. фактические, без теоретического оформления. Расизм не обязательно выражается в грубом, милитаристическом насилии; существуют субтильные расизмы культурного или экономического толка. Если покопаться, то на дне каждого национализма можно найти расистские осадки. Итак, предлагаем следующее определение:

расизм есть такая идеология, в основе которой укоренено чувство природного превосходства, во всех или только некоторых отношениях, данного народа над всеми другими народами.

При столь широком объеме этого понятия возможны различные его разновидности. Приведем несколько примеров. Расизмом следует признать идеологию «гордого Альбиона», наиболее ярко выявленную англичанами в их колониях; расистским было французское чувство презрения к «*sale étranger*» и принадлежности к «*grande nation*»; сюда надо включить и идеологию «великодержавной Польши от моря до моря», поскольку многие мессианисты считали, что польский народ по **этническим причинам** предрасположен к ведущей роли в вершении судеб всех славянских народов. С другой стороны, нельзя не отметить, что федералистические планы, теоретически разрабатываемые некоторыми польскими мыслителями, были лишены расистской окраски. А как же это дело обстояло в России? Русский народ в своем целом охотно и мирно уживался с инородцами и иноверцами. Исключением из этого правила иногда бывала политика русских правительств или крайне консервативных и правых славянофилов (русификация населения занятых восточных областей Польши, кичливое самопревозношение русского народа в лице некоторых писателей, урапатриотическое шапкозакидательство в моменты военного задора... Интересно отметить, что презрительными кличками русские наделяли не «меньших этнических братьев», а народы в какой-то степени в чем-то превосходящие русских: французики, итальяшки, полячки, япошки; сюда надо отнести и поговорку — «что немцу — смерть, то русскому во здравие» (иногда случавшиеся вспышки антисемитизма имели скорее религиозные или экономические причины, чем расистские: евреям-христианам, в принципе, путь в русское общество был открыт). В послереволюционный период принципиальный коммунистический «анти-расизм» ударил больше всего по русскому национализму, однако позже, по воле Сталина и партии, обрушился на малые народности (карачаевцы и калмыки в 1943 г., чеченцы, ингуши, балкары в 1944 году, затем — крымские татары...) Эти прискорбные явления, однако, никак нельзя поставить в вину русскому народу как таковому.

Нельзя отрицать, что одни народы превосходят другие в том или ином отношении. Отрицать это, как это сделали авторы и инициаторы процитированной нами выше резолюции, значит идти против очевидности. Даже в универсальном учебнике кротости и смирения, в Евангелии, мы сплошь и рядом находим примеры различия степени превосходства одних над другими... А ап. Павел говорит: «Есть тела небесные и тела земные: но иная слава

небесных, иная земных; иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе» (I Кор. 15, 40-41). Так и среди народов. Естественный расизм, в виде того или иного вида шовинизма, присущ всем народам, если не в настоящем, то в прошлом. Только, что некоторым из них история так притерла расистские рога, что от них почти и следа не осталось. А у других — они еще не выросли...

♦♦

Расизм, в нашем понимании, так свойственен народу, как эгоизм — индивиду. Это естественное, природное, даже можно сказать — животное свойство. О нем говорит древняя поговорка, что «человек человеку волк». На этом принципе основаны межгосударственные отношения, и если в истории наблюдалось смягчение этого жесткого закона, то этому служили причиной два обстоятельства: 1) благотворное влияние христианской этики, 2) соображения общей выгоды в результате солидарности (учение Гоббса). Однако дикие расистские инстинкты все время разрывают тонкие кружева христианской этики и человеческого благоразумия.

Согласно нашей схеме о двух путях «исторического творчества» (от индивидуализма к универсализму или от универсализма к индивидуализму), мы можем квалифицировать данный расизм в качестве низшего по сравнению с естественным (нейтральным в данном случае) уровнем, либо в качестве высшего, т. е. такого, в котором эгоистическая густота (выражаясь терминами Д. Панина) уже поражена альтруистическими элементами. Ясно, что степеней в обоих направлениях имеется множество.

Отметим еще, что расизм может проповедоваться и осуществляться различными субъектами: классом, народом, правительством или отдельными личностями или организациями. Иногда взгляды на расизм этих различных субъектов (социо-культурных систем) могут расходиться до противоположности.

Под-расизм (расизм, не просветленный универсальными этическими началами), выражающийся во вражде, презрении и насилии по отношению к другим народам, мы будем называть **нацизмом**. **Сверх-расизм**, выражающийся в сознании собственного национального достоинства и доброжелательном отношении к другим народам, мы будем называть **национализмом**.

♦♦

После этих общих рассуждений вернемся к сионизму. Для того чтобы определить, является ли он, как и всякий национализм, видом расизма, мы предлагаем сперва рассмотреть эту тему на фоне ветхозаветного иудаизма, а затем наметить те связи, которые свидетельствовали бы об идеологическом преемстве между сионизмом и ветхозаветным иудаизмом. Отметим сразу, что мы не ставим себе задачей упрекать или оправдывать израильтян в том, что в тогдашних условиях существования было целесообразным для сохранения самого существования этого народа; мы хотим только констатировать, что и Израиль был повинен в расизме, как повинны были и окружающие его народы, что он не был в этом смысле исключением. Пусть факты свидетельствуют о том, чей расизм выражался в более жестокой национальной дискриминации. Нужно еще отметить, что расистские особенности, естественно-свойственные тогдашним народам, в случае Израиля были еще усугублены требованиями его религии, заставляющими его блюсти ритуальную и кровную чистоту и всячески чуждаться иноплеменников.

Ритуальный институт обрезания, ставший позднее неотъемлемым атрибутом принадлежности к еврейскому народу, по существу расистским не был. В Книге Бытия говорится, что Бог велел обрезать «крайнюю плоть» у мужского пола в знак завета между Ним и Израилем: этот наказ относился не только к «рожденным в доме», но и к «купленным за серебро у каково-нибудь иноплеменника, который не от твоего семени» (Быт. 17, 10-14). Впоследствии, с историческим ростом еврейского народа, обстоятельства его жизни усложнялись и кровная чистота его блюлась более строго, хотя никогда она не принимала того характера, как в случае германского нацизма, который принципиально гнушался «семитскими генами». Ведь гитлеровцы уничтожали людей «низших рас» (цыгане, евреи) не как опасных им врагов, а как «паразитов», не достойных жизни вообще.

О жестокости евреев по отношению к врагам, о которых имеется много свидетельств в Библии, говорить много не приходится: их соседи в этом смысле не были гуманнее. Нас здесь более интересует то, как отразился естественный расизм в его законодательстве, т. е., так сказать, философия этого расизма.

В книге Левита имеется предписание, совсем чистое от привкуса расизма: «Когда поселится пришлец в земле вашей, не притесняйте его: пришлец, поселившийся у вас, да будет для

вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской» (Левит. XIX, 33-34).

Моисей взял себе в жены Ефиоплянку (Числа, XII, 1). Несколько дальше, когда речь идет о жертвоприношениях Господу «пришельцами», закон не усматривает разницы между ними и сынами Израиля: «...для вас общество (Господне) и для пришельца (живущего у вас) устав один, устав вечный в роды ваши: что вы, то и пришелец да будет перед Господом; закон один и одни права да будут для вас и для пришельца, живущего у вас» (Числ. XV, 15-16).

Книга Чисел, или, как она озаглавлена в еврейском подлиннике — «В пустыне», — повествует о странствованиях израильтян в пустынях Синая, Парана и равнинах Моава, на востоке реки Иордан. Лишь под конец продолжительных странствий им пришлось вести военные действия против тех народов, земли которых они решили завоевать. Агрессия встречала сопротивление, и в процессе преодоления его росло ожесточение, что отразилось в соответствующих законах. (Мы здесь сознательно оставляем в стороне проблемы библейской критики в ее хронологическо-историческом аспекте составления той или иной книги Ветхого Завета). В главе 4-й Второзакония мы читаем: «...только этот великий народ есть народ мудрый и разумный. Ибо есть ли какой великий народ, к которому боги его были бы столь близки, как близок к нам Господь, Бог наш, когда ни призовем Его? и есть ли какой великий народ, у которого были бы такие справедливые постановления и законы...» (ст. 6-8). В главе же 7-й начинают звучать расистские нотки: «Когда введет тебя Господь, Бог твой, в землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы (...) которые многочисленнее и сильнее тебя, и предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их, тогда предай их заклятью, не вступай с ними в союз и не щади их; и не вступай с ними в родство...» (ст. 1-3); и сразу же дальше: «...и истребишь все народы, которые Господь, Бог твой, дает тебе: да не пощадит их глаз твой; и не служи богам их, ибо это сеть для тебя» (ст. 15). «...ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего: тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле...» (ст. 6). Дальше говорится о том, что Господь предаст Израилю все народы постепенно: «не устоит никто против тебя, доколе не искоренишь их...» (ст. 24).

Эти мотивы будут часто повторяться в различных текстах, в зависимости от их источника.

Интересно предписание, которое теперь можно было бы назвать «расовой дискриминацией»: Аммонитянин и Моавитянин не могут «войти в общество Господне», ибо народы эти не встретили Израильян гостеприимно, когда те приблизились к их границам; однако запрет ассимиляции не касается Идумеян или Египтян: первые далекие родственники Израильян, а вторые дали убежище предкам Израиля (XXIII, 3-7).

Отметим и совет мести: так как Амаликитяне напали на Израиль сзади и убили отставших от основных сил, то после того, как Израиль покончит со всеми врагами своими (следует понимать — актуальными), тогда он должен изгладить «память Амалика из поднебесной; не забудь!» (Второзак. XXV, ст. 17-19).

За сохранение заповедей Господних, Он поставит Израиля «выше всех народов, которых Он сотворил, в чести, славе и великолелии» (XXVI, 19). «Блажен ты, Израиль! кто подобен тебе, народ хранимый Господом, Который есть щит, охраняющий тебя, и меч славы твоей? Враги твои раболепствуют, и ты попираешь выи их» (XXX, 29).

С другой стороны, следует отметить, что общий дух Второзакония, составленного из более древних источников, приблизительно в VI веке до Р.Х., несет на себе следы пророческой духовности и, оставаясь памятником национальной религиозности, местами восходит к религиозным вершинам личностного и универсального характера.

Расовая консолидация еврейского народа, можно сказать, была обратно пропорциональной степени национального благосостояния. В годину испытаний накал ее увеличивался, в эпоху государственного могущества — ослабевал. Никогда не имело места столько отступлений от ягвизма и столько смешения с иноплеменниками, как в эпоху царей. Вавилонское пленение, например, отсеяв оппортунистические элементы, усилило религиозность евреев и чувство национального единства. Даже по отношению к Самарянам, братьям по крови, но смешавшимся с пришлыми этническими элементами, Иудеи начали относиться презрительно, считая их нечистыми. Это, конечно, весьма упрощенная схема, ибо процесс ассимиляции евреев рассеяния с основным населением тех стран, где беженцы нашли приют, шел своим чередом. Нас же здесь интересует та струя, которая связана с религиозно-национальным ядром еврейского народа. А это было решитель-

ной заслугой пророков, которые, вопреки злободневной очевидности, возбуждали в народе и поддерживали мессианские надежды.

Так как еврейский национализм и патриотизм нераздельно связан с иудаизмом, то пророки, начиная с самых ранних, выступая против чужеземных культов, тем самым восставали и против их исповедников. Так, напр., Елисей и Илия возбуждали ненависть соплеменников против всех тех, кто так или иначе был повинен в поклонении чужим богам: не были пощажены и потомки царя Ахава (Северное Царство) со всеми приверженцами. Кровавая жестокость «путчиста» Ииуя была одобрена пророками, которые и сами участвовали в избиении исповедников Ваала. Проклятия врагам Израиля и злорадство по поводу их бедствий достигают своего апогея в пророчествах Иезекииля, в главах XXV-XXXII. Образная насыщенность этих текстов в большой степени является результатом литературного стиля пророческих книг: ярость гнева Господня выражается теми же словами и по отношению к самому Израилю за его злодеяния.

Еврейские расистские мотивы, не так уж ярко выраженные в Ветхом Завете как целом, действительно приобретают весьма предосудительную окраску лишь в одной из ветхозаветных книг, именно в книге Эсфири; но сама-то эта книга наименее типична для Ветхого Завета. Составленная, по всей вероятности, во втором веке до Р.Х., она лишь в 397 г., на соборе в Карфагене, была включена в канон Священного Писания. Она лишена религиозных и догматических аспектов и в ней ни разу не упоминается ни Имя Божье, ни культ, ни молитва и в ней нет какой-либо ссылки на Закон вообще (в каноническом тексте). Об установлении светского праздника Пурим нет ни слова в Библии, а по характеру своему праздник этот представляет собой аналогию различным карнавалам, восходящим в своем происхождении к языческим празднествам. Как же объяснить факт включения этой книги в состав Библии самими евреями? Этот фольклор представляет собой апофеоз еврейского патриотизма в его чисто светском (мирском) сечении. Продолжим аналогию между праздником Пурим и карнавальными обычаями, напр., в Тироле, когда участники публичных шествий надевают на себя страшные личины ведьм, колдунов и другой всякой нечисти, и мы увидим, что психологически могут быть объяснены некие описания отвратительной жестокости евреев по отношению к коренному населению Персии. «Царь позволил евреям во всех городах собраться и, защищая

свою жизнь уничтожить, убить, истребить все те толпы народа, вместе с женами и детьми, а также разграбить их имущество...» (Эсфирь, 8,11, евр. подл.) Убитых же «75.000 из числа ненавидящих». Отметим также, что объективная история нигде не упоминает о событиях, описываемых в книге Эсфири; некоторые библейские критики относят эту книгу к разряду мифических героических эпосов. Так или иначе, книга эта была введена евреями в состав Библии, и евреи в той или иной мере питаются ею духовно в «расистском направлении». Ее задача — шекотать национальное самолюбие.

Еще сильнее расистские нотки звучат в некоторых псалмах, собрании религиозных гимнов и песен различного происхождения, приписанных гению Давида, создавшему, быть может, литературный тип этого рода творчества (благо он мастерски играл на арфе.)

Прочитируем наиболее характерные отрывки:

«И сказал Господь: верну их (язычников) из глубин морских, дабы ты (Израиль) мог омыть ноги в их крови, дабы и языки твоих собак получили свою долю вражеской крови» (Пс. 68,23, 24). (Евр. текст).

«Дочь Вавилона, опустошительница! блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» (Пс. 136, ст. 8-9).

В книге Премудрости Соломона есть несколько текстов, уничтожающих врагов Израиля и превозносящих его самого, но ни в этой книге, ни в других книгах, мы не найдем ничего такого, что могло бы идти в сравнение с двумя вышеприведенными отрывками. Высокий эмоциональный накал, надо для справедливости отметить, некоторых текстов таков же по отношению к врагам, как и по отношению самого Израиля, отступившего от заветов Господних. Мы не находим здесь ничего подобного тому, например, что встречается в скандинавских сагах, прославляющих жестокость ради самой жестокости.

Национальные бедствия, несомненно, заостряли враждебность Израиля к другим народам и ожесточали его. Характерен следующий пример. Поступок Симеона и Левия, сыновей Иакова, коварно отомстивших за свою сестру целому городу иноплеменников, не нашедший одобрения в глазах Иакова (Быт. 34, 1-31), воспевается как патриотический подвиг в книге Иудифь, составленной, по всей вероятности, уже в Маккавейскую эпоху:

«Господи Боже отца моего Симеона, которому Ты дал в руку меч на отмщение иноплеменным, которые открыли ложесна девы для оскорбления, обнажили бедро для позора и осквернили ложесна для посрамления! (...) И за то Ты предал князей их на убиение, постель их, которая видела обольщения их, обагрил кровью, и поразил рабов подле владетелей и владетелей на тронах их, и отдал жен их в плен и всю добычу в раздел сынам...» (Иудифь, 9, 2-4). Не важно, что книга эта не является историческим документом, но важно то чувство, которое питало ее автора.

Между прочим, в процитированном выше отрывке из книги Бытия имеется нечто, что объясняет много в формировании национального характера евреев в период неволи и рассеяния. Иаков не гневается на сыновей своих за то, что они поступили чрезвычайно вероломно, а за то, что они поступили недальновидно: «...вы возмутили меня, сделавши меня ненавистным для (всех) жителей сей земли, для Хананеев и Ферезеев. У меня людей мало; соберутся против меня, поразят меня, и истреблен буду я и дом мой» (34,30). Так вот, этот текст объясняет, почему еврейский народ в целом, потеряв государственную независимость, выработал в себе пассивную защитную реакцию на всякого рода унижения, оскорбления и притеснения, которые ему пришлось испытывать в рассеянии: обиду надо проглатывать, а не реагировать на нее импульсивно и рефлексивно. Ведь перед евреями рассеяния открывались три возможности: 1) реагировать сразу же и открыто на обиду согласно своему закону: «душа за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу» (Второзак. 19,21); 2) пытаться целиком ассимилироваться с основным населением; 3) пытаться обрести некоторый *modus vivendi* с основным населением данного государства путем уступок и национального камуфляжа. Первые два курса грозили бы гибелью еврейскому народу; в первом случае — от меча, во втором — вследствие растаяния в этнически гетерогенной стихии. Лишь третий путь давал возможность выжить и он был избран, с некоторыми исключениями, евреями. Но эмоции, загнанные в психическое подполье, непреодолимо требовали компенсации, разрешения, и это, в свою очередь, могло совершаться двумя каналами: 1) духовной сублимацией, выразившейся в мессианизме пророков, особенно у второ-Исаии, ведущей к явлению Иисуса Христа с Его учением о любви к врагам и прощении им; и 2) в проекции затаенной мстительности наружу в виде религиозно-националь-

ного эпоса, в воображении и мечтательности превозносящего расовые доблести Израиля и уничижающего врагов его. Подавляющее большинство евреев выбрало этот второй путь, но так как лелеяние мечты о мести в актуальных условиях было опасно, то все эти требующие разрядки национальные эмоции проецировались в историческое прошлое, причем некоторые факты и явления принимали гиперболические размеры. Отсюда — культ национальных героев-богатырей: Самсона, ослиной челюстью избивающего тысячи филистимлян; Ионафана, в одиночку нападающего на вражеский стан; Давида, приносящего в дар своей невесте крайнюю плоть собственноручно убитых им двухсот вражеских воинов, или же упомянутых выше Симеона и Левия, сам два истребляющих население целого города (в результате подвоха, правда). (Вспомним, впрочем, в качестве аналогии, подвиги наших былинных богатырей Ильи Муромца и его друзей и соратников...)

Мессиянической струей, менее характерной для еврейского народа, мы занимаемся в другом месте, здесь же нас интересует феноменология первого, расистского направления. Повторим еще раз, что мы не ставим себе целью обвинения и упреки еврейскому народу, а скорее — апологию, так нам хочется показать, как естественным путем вырабатывались те или другие черты, несущие на себе печать расизма.

Многие совершают ошибку исторической перспективы, расценивая события древней жизни; они исходят из современных позиций, являющихся результатом двухтысячелетней христианской и западно-европейской культуры. Для объективных оценок, поелику это вообще возможно, надо себя поставить интеллектуально и эмоционально в положение людей, эпоху которых мы исследуем. И здесь решающим моментом будет факт, веруем ли мы в то, что еврейский народ был объектом особого божественного откровения, или нет. Если мы станем на первую точку зрения, то многое само собой разъяснится. Именно с этой позиции мы ведем наше исследование.

Еврейский народ в древности был сравнительно немногочисленным народом, не превосходившим те народности или народцы, память о которых сохранилась только в библейских хрониках.

Что позволило ему не погибнуть в исторической пучине стихии египетской, ассирийской, вавилонской, персидской, греко-римской, а затем уже и всемирной? Вера. Вера в обетования Бога

и в Его призвание. Только Ягве был их якорем спасения. А для того, чтобы удержаться при нем, надо было отмежеваться от всех иных народов, Его не исповедовавших. Израиль считал себя орудием божественной воли, как бы десницей Божьей в этом мире. Поэтому всякое оскорбление Израиля считалось им в какой-то степени святотатственным, независимо от того, откуда оно шло — от внешнего врага или от еврея. Поэтому и возмездие врагам, внешним в первую очередь, а затем и внутренним, имело для правоверного еврея божественную санкцию: Религия Прощения евреям раньше не была известна, да и не только евреям... Но когда она была возведена Иисусом Христом, Израиль в целом отверг ее.

Однако детерминизм действует только в физическом мире. В истории нет детерминизма. В ней действует принцип «вызова и ответа», как это выразил Тойнби. Евреи сумели найти правильный ответ на «вызов» Синайского откровения, но на этом и остановились; их ответ на новое откровение боговоплощения был неправилен и поэтому мессиянская струя избрала себе новые русла. А национальный организм, переставший давать правильные ответы на исторические вызовы, либо исчезает с лица земли, либо переходит в состояние «окаменевшего» существования. Последнее, по существу, случилось с евреями. Они создали миф о грядущем мессиянском царстве, которое само к ним придет, если они только сумеют устоять на своих охранительных позициях. (Еврейский гений в лице Карла Маркса попытался создать такое царство без Мессии и без Ягве — и получилась бесовская карикатура на это царство). Так образовалось еврейское гетто как результат действия двух сил: внешней, полагающей «черту оседлости», и внутренней, не допускающей в среду этого добровольно-принудительного гетто чуждые элементы. В какой-то степени в это гетто легче было войти, чем из него выйти.

Об этом хорошо пишет Соломон Лурье:

«...Всякому патриотически настроенному народу свойственно ставить себя не ниже, а выше окружающих народностей. Поэтому и евреи, не смущаясь *urbi et orbi*, заявляют (а по крайней мере — так думают, прим. авт.), что они выше тех народов, в среде которых они живут — и по происхождению, и по культуре. Приобретая экономическое и политическое влияние, занимая видные посты в государствах рассеяния, они ассимилируются лишь до известной границы, с гордостью заявляя о своей национальности и

сохраняя ее отличительные черты. Полная ассимиляция беспощадно клеймится как ренегатство; боязнь общественного мнения делает такую ассимиляцию сравнительно редкой» («Антисемитизм в древнем мире», Изд. «Былое», Петроград, 1922).

А о том, как реагировала еврейская община на уход из нее соплеменника и единоверца, свидетельствуют слова о. П. Дрейзина, ставшего православным священником:

«Я сознаю ваше право, — обращается он к своим обвинителям, членам еврейской общины, — и слышу ваши слова: «скажи нам, сын дщери Сиона, сын иудейского народа, как ты мог восстать против твоей старой матери и переходить к её врагам? Разве она имеет мало притеснителей и преследователей, мало мучений и пыток? Не довольно ли ран, которыми она непрерывно изъязвляется, что и ты, её собственный сын, умножаешь собой число врагов её, что ты поднял против окровавленной и покрытой тысячами ран матери своей меч, чтобы этим мечом раскрыть еще больше её язвы, дабы они были глубже и неизлечимее? Как ты мог бросить ковчег завета, который мы носили сквозь опасность и смерть? Как ты мог причинить твоим старым предкам такой стыд и глубочайшую горесть? И не будет ли гореть на твоей душе, как адский огонь, когда ты пройдешь мимо еврейского кладбища и увидишь его надгробные памятники, и они скажут тебе: «ты отрезан от своих братьев, твои кости не будут покоиться здесь, как останки твоих предков, они будут лежать на чужой земле и почве! И не будет ли, как в пламени, гореть душа твоя, когда ты зайдешь в синагогу и услышишь жалобные тоны 9 аба или бессмертные мелодии ночи судного дня, и тогда ты поймешь, что вечная, непримиримая пропасть разделяет тебя от твоего народа! Не будут ли стены синагоги кричать тебе: «Мешумед, отступник! Ты не имеешь больше никакого удела в твоём народе, в его вере, в его Боге! Ты им изменил!» (Цитирую по статье М. Агурского «Еврей-христиане в русской православной церкви», Вестник РХД, № 116, 1975).

Из всего вышесказанного следует ясно, что евреи были расистами в нашем понимании этого слова. Нам теперь остается исследовать, какие цели поставил перед собой сионизм, какова

его связь с историческим наследием еврейского народа и как это обернулось практически в восстановленном государстве Израиля.

Девятнадцать веков н.э. длились перипетии еврейского народа в рассеянии, и только благодаря особым свойствам его, унаследованным издревле и благоприобретенным в течение истории, он смог сохранить свое национальное существование. Среди этих свойств самыми главными были: религиозная вера в избранничество, солидарность, настойчивость, умение частично приспособляться к изменяющимся средам. Часть евреев ассимилировалась совсем и отпала от своего народа; часть ассимилировалась частично; часть погибла в результате гонений и преследований... Основное ядро, однако, постоянно возрождаясь, закалилось в своей внутренней сущности и смогло преодолеть превратности судьбы, превратности, от которых гибли бесследно столь многочисленные народности, о которых мы только и знаем из библейских текстов.

В конце прошлого столетия и в начале нынешнего, перед лицом все возрастающих антисемитских тенденций, часть еврейского народа не пожелала пассивно ожидать своей участи. Перед ней открывались три пути: эмиграция в Америку; участие в революционном движении в Европе в надежде произвести ее интернационализацию; и — сионистское движение. Нас в этой статье интересует именно этот третий путь, путь сионизма.

Как и когда возник этот термин? Он выводится от названия иерусалимского холма «Цион», на котором в свое время Соломоном был построен Храм, ставший центром религиозной жизни евреев (в нем хранился Ковчег Завета). С этимологической точки зрения под Сионом можно подразумевать и символ еврейского народа как такового; и еврейскую теократию; и небесное царство, как место встречи всех евреев, «приложившихся к своему народу». Сам термин «сионизм» впервые был употреблен во второй половине прошлого века австрийским евреем Натаном Бирнбаумом, главой движения «сионофилов», которые, в свою очередь, были ответвлением одесской организации «Ховевей-Цион» (1882 г.).

Известный сионист Юлий Марголин в книге «Повесть тысячелетий», изданной посмертно в Израиле (1973 г.), писал: «сионист-

ское движение нельзя понять в отрыве от его исторических корней, уходящих в глубокую древность». Хотя в обывательском сознании сионизм сочетается прежде всего с Теодором Герцлем (1860-1904), ибо это он основал политическое движение под этим именем, однако уже до него рядом лиц сионизм разрабатывался как мировоззрение или идеология. Здесь следовало бы упомянуть, прежде всех, раввина Гирша Калишера (1795-1874), писавшего, что спасение Израиля зависит от него самого и может быть достигнуто только на собственной территории. Также Мозес Гесс (1812-1875) утверждал, что «евреи — нация, неспособная раствориться среди других народов», и что религиозное возрождение евреев совершится через национальное возрождение.* Марголин же считал, что сионизм, как национальное еврейское сознание, всегда существовал в коллективном сердце народа и что различные исторические обстоятельства лишь раздували, сильнее или слабее, тлеющие под внешним пеплом искры еврейского патриотизма.

Сионизм имеет различные аспекты. Для ортодоксального еврея он окрашен в мессианические тона. У неверующих евреев он обретает этнический, националистический или же социально-экономический облик; чаще же всего сионизм воспринимается рядовым гражданином скорее интуитивно, причем такая интуиция объемлет все или большинство аспектов этого мировоззрения. Обобщая, можно сказать, что **сионизм в настоящее время является официальной идеологией еврейского народа, направленной на сохранение национальной независимости на своей собственной территории.** Характерная особенность: в разумении сионистов еврейский народ состоит из актуальных граждан израильского государства и всех тех евреев рассеяния, которые считаются «невозвратившимися еще израильтянами».

Условия существования Израиля весьма трудны и своеобразны и к нему нельзя применять обычные мерки, приложимые к другим народам. Однако, если даже отказаться от оценочного анализа еврейской государственной действительности в настоящее время, а лишь констатировать факты, то всё-таки придется признать, что политика израильского народа не свободна от расистской окраски. Суммируем:

* Заметим, что о методическом приоритете национального возрождения над возрождением религиозным говорит, в отношении русского народа, и редактор «Вече» Осипов.

1) Для религиозных евреев Израиль остается «обществом святых». Ведь недаром в ответ на реформаторские тенденции прошлого века раввин Захария Френкель определил ясно: «Иудаизм есть религия евреев», подчеркнув в этом тезисе неразрывную связь между еврейской верой и национальностью. «Святая община» (кегил кедош), по свидетельству Ю. Марголина, «представляла органическое целое, спаянное идеей религиозной ответственности одного за всех и всех за одного», и означало одновременно и «церковь» и «нацию», а всё, что было вне ее, — было греховно и нечисто.* Тот же автор свидетельствует, что средневековое еврейство питало «чувство собственного бесконечного превосходства над полуварварским окружением», и добавляет, что основные массы еврейства «для своего национального самоопределения и выражения нуждались в резком противопоставлении себя нееврейскому миру и в нем находились как ясно различимое инородное тело».**

2) Среди современных евреев имеются и неверующие люди, которым чуждо чувство ритуальной чистоты, святости. Но кто из них не согласится с Ю. Марголиным, который в введении к своей книге писал, что народ еврейский является «самым необыкновенным и творческим народом мира»?

Исключительные условия существования возрожденного Израиля диктуют ему в государственном и политическом плане злободневные решения и вердикты по злободневным поводам. Трудно требовать, чтобы молодой государственный организм в течение двух десятков лет независимого и исключительно трудного существования смог выработать прочные его основы в конституционных категориях, тем более что и народ этот, единый *ad extra*, по существу раздирается внутренними противоречиями и далек еще от сионистической монолитности. В жизни израильского народа на каждом шагу встречаются парадоксы. Несколько лет тому назад вся мировая печать с интересом следила за драмой о Даниила Руфайзена, еврея по крови и римокатолика по религии, которому власти упорно отказывали в гражданстве только потому, что он не исповедник иудейской религии. Известны случаи, когда власти отказывают иноверческим общинам обосновываться в Израиле даже в том случае, когда эти

* Ю. Марголин, «Повесть тысячелетий», стр. 198.

** Там же, стр. 263.

общины «импортировали» бы капиталы, нужные для их экономически независимого существования. С другой стороны, известно, что в самом Израиле существуют своего рода «еврейские гетто», состоящие из иммигрантов-евреев, не способных быстро культурно ассимилироваться (евреи из СССР).

Или сколь характерен, например, следующий случай. Члены право-национальной еврейской организации «Бэтара» решили, что они имеют право, вопреки установленной традиции, молиться на Храмовой горе, где на месте храма Соломонова стоит мечеть Омара. По этому поводу, только в отношении членов другой организации, («Ликуд»), был уже издан мировым судьей Рутлом Ором приговор, оправдывающий такого рода попытки. Арабы же считают, что на этом святом месте могут молиться только правоверные мусульмане и попытка еврейских националистов рассматривается арабами как святотатство и кощунство. В данном случае расистские позиции занимают именно арабы. Но на этом дело не кончается. Некоторые ортодоксальные круги среди евреев считают, что гора эта самим фактом разрушения храма и воздвижения мечети была осквернена и что поэтому она должна быть неким «табу» для правоверных иудеев, пока не придет Мессия и не освятит снова эту гору воздвижением третьего по счету храма. В этом случае — расистско-религиозные эмоции входят в коллизию, а светские власти, в свою очередь, чтобы несвоевременно не раздражать арабского меньшинства, аннулируют решение мирового судьи и продолжают запрещать евреям провоцировать своими молитвами арабов. Поди — разберись...!

Подведем итог. В еврейском расизме мы не находим ничего особенного, что бы отличало его от расизмов других народов. С нашей точки зрения — такой расизм переключается с понятием национализма. А кто не ценит и не любит своего народа и не считает, что он в чем-то лучше других народов, хотя бы — в потенции и в призвании, но упрекает в этом другие народы, того слова пусть понесет ветер... Чаше же всего бывает с упреками в расизме так, как сказано в Евангелии: в глазу брата твоего видишь сучок, и в собственном — бревна не замечаешь!

Примечание:

Приведем мнение двух русских мыслителей по интересующему вопросу, мыслителей, посвятивших ему особые исследования: Н. Бердяева и о. С. Булгакова.

Н. Бердяев рассматривал проблему еврейского расизма в связи с антисемитизмом, против которого он выступал самым решительным образом, хотя и здесь он не смог избежать некоторой сбивчивости, именно — в оценках так называемого религиозного антисемитизма: это становится очевидным при сравнении его статьи, озаглавленной «Национализм и антисемитизм перед судом христианского сознания» («Русская Мысль», февраль 1912 г.), и статьи под названием «Христианство и антисемитизм» («Путь», № 56, 1938). В этой второй статье Бердяев становится на ту же позицию (исходную), что и составители приведенной нами в начале нашей статьи резолюции, именно, что расизм несостоятелен и незащитим с научной точки зрения, ибо чистые расы не существуют. Это утверждение вызывает реплику, что если абсолютно чистых рас не бывает, то, тем не менее, существуют человеческие коллективы, отличающиеся некоторыми генетическими особенностями в преобладающей степени, что позволяет классифицировать их с некоторой приблизительностью как расы.

Но, в согласии с основной позицией, Бердяев утверждал, что притязание гитлеровцев на чистоту германской арийской расы не имеют под собой никаких оснований, и добавил, что «единственный серьезный расизм, существующий в истории, есть расизм еврейский» (стр. 8).

Прот. С. Булгаков, большой сторонник учения о том, что евреи являются избранным народом не только с религиозной точки зрения, но и в онтологическом (генетическом) аспекте, занимался интересующим нас вопросом в следующих трудах: «Апокалиптика и социализм» («Русская Мысль», 1910, VI и VII и в «Двух Градах», т. II, стр. 51-127), «Гонение на Израиля», «Судьба Израиля как крест Богоматери» и «О расизме» (стр. 143), последние две позиции неизданы; (первая же была напечатана впервые в Вестнике РСХД, № 108-110, 1973 г.). В последней статье он пишет, что единство избранного народа... «вырождается в еврейский расизм, национальное идолопоклонство, завистливую пародию на который представляет собой расизм германский» (стр. 71). Эту же мысль он развивал в своем труде «Ра-

сизм», постулируя, что германский нацизм и советский большевизм являются искажением и пародиями на еврейский мессианизм: «Это внутреннее родство расизма с иудейским мессианизмом, — писал он, — является, между прочим, объяснением той «страсти антисемитизма», переходящей в бешенство, давно не виданное в мире, если даже и вообще когда-либо существовавшее в такой мере.. Расизм, как антисемитизм, есть сублимированная зависть к еврейству и соревнование с ним, притом не в положительных, но в отрицательных его чертах. Такова тайна расизма, его источник». (Цитирую по книге Л. А. Зандера, «Бог и мир», т. I, стр. 419).

Из архива

Лев ШЕСТОВ (1866-1936)

УГРОЗЫ СОВРЕМЕННЫХ ВАРВАРОВ *

Девятнадцатый век был одним из самых спокойных и безоблачных периодов, какие приходилось переживать человечеству. После французской революции, наполеоновских войн и до последней войны, в которой приняло участие полмира, жизнь текла по ровному, казалось, навсегда определившемуся руслу, и поверхностному взору ничто не предвещало грозных событий, которых нам пришлось и приходится быть свидетелями. Правда в девятнадцатом веке были и войны, были и революции, но они проходили сравнительно быстро и быстро забывались. Правда тоже, что во всех странах — в особенности Европы и Америки — шла очень напряженная экономическая и социальная борьба. Не будет, может быть, преувеличением сказать, что социальный вопрос есть датище девятнадцатого столетия. Но, хотя Маркс и ставил основой своего учения непримиримость классовых противоречий, — все же многим казалось, что неслыханное развитие техники является залогом примирения непримиримого. Оптимисты, убежденные в завтрашнем дне и в прочности общественных и государственных организаций, встречались сплошь и рядом как среди ученых-экономистов, историков и юристов, так и среди государственных и общественных деятелей. Права человека и гражданина казались обеспеченными на веки веков. И главное, казалось, что весь этот строй держится не грубой внешней силой, на которую нельзя никогда положиться, ибо ей все равно, какой бы порядок и какой бы строй ни поддерживать, а коренящимся в самой сути человека убеждении в святости и нерушимости высших правовых и моральных принципов. Когда говорили о цивилизации и прославляли ее, ее понимали как торжество духа над силой. У французов сложилась поговорка: поскребите русского и вы найдете татарина. Это значило: европеец не такой, как русский, — сколько ни скребите его — до татарина вы в нем не доберетесь. Для

* Статья была написана Шестовым по просьбе журнала *The Argan Path*, издававшегося в Бомбее. Она была напечатана в этом журнале в английском переводе в августе 1934 г. По-русски публикуется впервые.

остальных европейцев цивилизация стала их второй природой. Но вот разразилась война. И первое, что мы услышали от европейца, были знаменитые слова немецкого канцлера о том, что «договор есть клочок бумаги», иначе говоря, что право и мораль — это выдумка досужих людей и что все вопросы решаются силой. Бетман-Гольвег** — ординарный, незначительный человек — оказался пророком: очевидно — и всё, что мы потом наблюдали, подтвердило это — чтоб быть пророком, вовсе нет необходимости быть гением или выдающимся человеком. Известного рода пророчества предполагают ограниченность — умственную и моральную. Человек потоньше и поумнее Бетман-Гольвега, пожалуй, постыдился бы сказать то, что он сказал: и не скребите меня — я татарин.

А Бетман-Гольвег не постыдился, не догадался даже постыдиться, и эта его фраза о клочке бумаги облетела весь мир и сохранит его имени известность в истории, даже когда обо всем остальном, что он говорил, и думать забудут. Бетман-Гольвег положил начало: теперь никто не стесняется быть татариним. Теперь этим похваляются. Теперь не чудо услышать человека, который гордо заявляет вам: сколько ни скребите меня, до европейца не доскребетесь — я останусь татариним. Ибо татары побеждают, а главное в жизни победить. Давно мы уже знаем: горе побежденным. И тоже мы все помним, что это слово грубого солдата не так давно нашло себе философское выражение в облетевших весь мир словах Гегеля: *das wirkliche ist vernünftig, das vernünftige ist wirklich*. Бетман-Гольвегу не пришло в голову — но он мог бы сослаться на величайшего национального философа. И в Гегеле — несмотря на его философию духа — скрывался татарин: левые гегельянцы недаром видят в нем своего предка. Да и правые гегельянцы ценили в нем больше всего преклонение перед действительностью, т. е. перед внешней грубой силой. Гегелевская «философия духа» была только фиговым листом, которым прикрывались совсем не духовные вождения европейских людей. И пока жизнь шла нормально, не было надобности фиговый листок срывать. Но при первых трудностях европейский человек обнажил себя: даже и фиговый листок показался ему непомерной тяжестью, и его он не захотел на себе нести.

В Америке — при совсем иных обстоятельствах — мы имеем случай наблюдать такое же явление. Когда у американцев захо-

тели отнять водку, они как один человек встали на ее защиту. На что угодно пойдём, всё уничтожим, а водку не отдадим. В короткое время создалась великолепно вооруженная армия бандитов — и перед ней пришлось склониться государству. Все видели, — что если американцам не вернуть водку, — страна станет добычей разбойников, ибо средний обыватель скорее согласится пойти в рабство даже к бандитам, хоть к самому черту, чем отказаться от виски. И хотя на первый взгляд это покажется парадоксальным, но несомненно есть глубокая внутренняя связь между идеологией, выразившейся в приведенных выше словах Бетман-Гольвега и психологией граждан Северо-американских Соединенных Штатов. И в европейце, и в культурном американце далеко не удалось в такой мере преодолеть животное начало, как это могло казаться. Водки он ни за что в мире не отдаст, духовные же ценности у него нет охоты защищать. Еще не так давно все пришли бы в негодование от такого определения сущности среднего культурного европейца и американца, но сейчас вряд ли кто решится, в виду того, что произошло за последние годы, оспаривать его. Наши учителя еще могли с университетских кафедр и в своих книгах развивать мысли о том, что история движется всякими идеями, и даже Гегель, и в своей философии истории, и в своей религиозной философии, постоянно говорит на эту тему. Но «разумная действительность» насмеялась над идеалистами. Немцы, когда потребовалось, разорвали договор, американцы организовали бандитов на защиту водки. А когда в России отняли у людей Бога, народ не нашел в себе сил принудить власть пойти на уступки. Большевики систематически разрушают храмы, ссылают и расстреливают священнослужителей всех вероисповеданий, а народ безмолвствует. По примеру большевиков, вдохновившихся цинизмом Бетман-Гольвега, теперь и в Германии без всякого стеснения покушаются на веру немцев. Вождь уверовал в преимущества арийской расы — вправе ли его верноподданные продолжать преклоняться перед пророками и апостолами, от которых половина человечества приняла благую весть о едином, всемогущем Боге, Творце неба и земли. Библия — еврейская книга, Иисус — еврей, Мария — еврейка, и конечно апостолы Петр и Павел тоже евреи. Естественно, что первая обязанность истинного германца освободить себя от всякой зависимости от чуждого им по духу библейского учения. Не так давно — хотя за несколько лет до прихода к власти Гитлера — мне случайно пришлось услышать (правда не в Германии, хотя и от людей

** Бетман-Гольвег был канцлером германской империи 1909-1917 г.г.

говоривших по-немецки): hole der Teufel diese zwei Juden, Jesus und Paulus, wir brauchen das reine Christenthum, so wie wir es von Griechen bekommen haben. Но немцам и греки не нужны. Они хотят «вождя» — зачем им Бог? Может быть, недалек тот день, когда они станут сжигать книги Ветхого и Нового Завета под оглушительные крики наряженных в коричневые рубахи европейцев-татар: hole der Teufel diese zwei Juden, Jesus und Paulus, wir brauchen das reine Christenthum, so wie wir es von Hitler bekommen haben. Люди отдадут и веру и свободу и какие еще угодно духовные ценности. Вот если бы кто-нибудь попытался отнять у них пиво — тут бы он, верно, споткнулся. Но на пиво никто не покушается: вождь знает своих татар.

То, что сейчас происходит в мире, в каком-то смысле напоминает отдаленное от нас уже многими веками прошлое — эпоху нашествия варваров. Но прежде варвары шли извне, теперь они поднялись, так сказать, изнутри. Ошибочно, однако, было бы думать, как иногда приходится слышать, что это нашествие угрожает полным разрушением и гибелью цивилизации. История, правда, нам говорит о том, что многие цивилизации бесследно исчезли с лица мира. Но это было давно, очень давно, когда наш мир, т. е. живущее на земле человечество, было разбросано по отдельным материкам более или менее значительными, но меж собой совсем или очень мало связанными группами. Еще несколько сот лет тому назад Европа и Азия, т. е. восточное полушарие, было почти так же отрезано от Америки, как земля от луны или какой-либо иной планеты. Теперь на земном шаре нет ни одного почти уголка, который бы не был крепко, почти органически связан со всем остальным миром. Если бы вследствие какой-нибудь геологической или исторической катастрофы — вся Европа исчезла бы под водой, цивилизация бы не погибла: остались бы Америка, Азия, Африка. Если бы Европа и Америка исчезла — цивилизация все-таки сохранилась бы. В отдаленных небольших и даже сравнительно отсталых странах в библиотеках, университетах, политехникумах, музеях и т. д. хранятся и культивируются все знания, добытые человечеством за его долгое существование, и даже большие катастрофы не являются угрозой самому существованию цивилизации, если под этим разуметь только достижения в области развития техники. Нашествие же варваров, о котором у нас здесь идет речь, менее всего способно остановить движение технического прогресса и положительных знаний. Со-

временные варвары уже давно догадались, что и наука и вырастающая из науки техника могут сослужить свою службу и им, и даже необходимы им. Конечно, Гитлер выгнал Эйнштейна, выгнал и многих других выдающихся ученых из своей страны за их происхождение, но он и все немцы по-прежнему продолжают брать знания всюду, где только могут. А в России Павлова терпят до сих пор, хотя он не скрывает своего отвращения и презрения к большевизму: чем больше бранят большевики буржуазную науку и буржуазную технику, тем больше они у нее заимствуют. Ни для кого не тайна, что все достижения большевиков, которыми они ослепляют не только наивных туристов, но и очень известных политических деятелей, осуществлены иностранными инженерами по иностранным планам и даже на предоставленные иностранцами в распоряжение их капиталы. Большевики доставили от себя только даровой или почти даровой труд русских мужиков, которым они обещали рай на земле. Бояться за участь приобретенных знаний цивилизации нет никаких оснований при власти варваров, как и при господстве старого режима — всё, что может служить силе, будет сохранено и даже развито. Иной вопрос, что это принесет человечеству, выгадает ли оно, если грубая сила будет продолжать вооружаться знаниями теоретическими и практическими, или прогадает. На этот вопрос отчасти может дать ответ история прошлого столетия. Как известно, в начале XIX столетия возникло так называемое мальтузианство, т. е. теория, доказывающая, что человечество на земле обречено на гибель и вымирание ввиду того, что рождаемость людей идет в более быстром темпе, чем добывание средств, нужных для его существования. Даже такой экономист, как Дж. Стюарт Милль поверил Мальтусу и придумывал разные способы, как бы задержать рост рождаемости. Теперь возникло обратное мальтузианство — средств для существования, говорят нам, слишком много — и это еще большая беда, чем когда было средств мало. Теперь стараются ограничивать производство, теперь сжигают или бросают в море продукты и таким способом спасаются от того, что называется перепроизводством. Это, однако, не значит, что у всех людей есть достаточно хлеба и кофе, наоборот: несмотря на перепроизводство много людей продолжают жить в крайней нужде и голодать. Безработица — бич современной жизни — не пощадила ни одной страны ни Европы, ни Америки. А хлеб бросают в море, а безработных, т. е. людей, готовых работать, но не находящих работы и голодающих, утешают соображениями

о невозможности бороться с железными экономическими законами. Кто эти утешители? Кому нужно внушать людям и кому дана загадочная власть внушать людям мысль, что в мире властвуют законы и притом железные, т. е. непреодолимые? И непременно такие, которые в том или ином виде сулят бедному человечеству подъяремность, зависимость, рабство. Рождаемость идет быстрее, чем производство, значит человека нужно согнуть в бараний рог, производство идет быстрее, чем рождаемость, вывод тот же: человек должен быть обречен на рабство. И я думаю, что после всего вышесказанного вряд ли у кого возникнет колебание, как нужно ответить на этот вопрос. Подскажет тот же «татарин», который ни о чем ином больше не думает, как о том, чтобы в той или иной форме осуществить единственный доступный его пониманию идеал — торжество грубой силы. Он оттого-то и испытывает такую нежность к железным законам, что они в каком-то смысле представляются ему наиболее соответствующими его собственной природе. Законы принуждают — он сам только и умеет принуждать. Ему представляется, что даже Истина — будет ли она писаться с маленькой или большой буквы — есть Истина только потому, что она принуждает.

Теперь дальше. Татарин, говорят нам, азиат. Смысл французской поговорки: поскребите русского и вы найдете в нем татарина: вы найдете в нем азиата. Но Европа знает и еще одно изречение: *ex oriente lux*. С Востока, т. е. из Азии, свет. Азия — родина религии: в Европе никогда не рождались ни пророки, ни апостолы. Пророки и апостолы приходили с Востока. Историки имеют все основания говорить о влиянии востока даже на древнейшую греческую мысль. Последний же великий философ греческий, Плотин, представляется нам как бы призывом, обращенным к человечеству, о невозможности оставаться в тех условиях духовного существования, на которые была обречена Европа всем своим предыдущим развитием. Немецкий историк Целлер прямо говорит о Плотине, что он потерял доверие к мышлению, тому мышлению, которое тысячу лет так тщательно и любовно культивировали его гениальные предшественники. У Плотина нет этих слов: *ex oriente lux*. Но его духовный взор был обращен к Азии, и его знаменитые слова «по ту сторону разума и разумного знания», как и его завет «взлететь над познанием», достаточно свидетельствуют о том, что европейская мысль почувствовала себя неспособной продвигаться дальше по ее избранному пути. Одной мысли недостаточно: нужно еще что-то, что выше,

значительнее, важнее, чем мысль. Плотин «стыдился своего тела» и не вносил той «действительности», которая принудительно навязывалась и продолжает навязываться человеку тем, что именуется повседневным опытом. Он чувствовал уже, что то, что обыкновенно считается людьми наиболее «действительным» и что в приведенной выше формулировке Гегеля получило свое благословение от разума (в том и смысл гегелевских слов: всё действительное разумно) есть нечто менее всего действительное, заслуживающее не благословения, а проклятия. Сила, насилие не имела власти над ним и не чаровала его. Его влекло к свободе, к независимости духа. Философию он уже определял не как знание, не как науку, ибо вы знаете, и наука предполагает принуждение, а принуждение невыносимо для духа, а как «самое главное», как единое на потребу, открывая этим доступ той истине, или тем истинам, которые уже давно определили и направили собой искания лучших людей далекой Азии. «Татарин» был с корнем вырван из души Плотина, и его философия знаменовала собой, что наступил момент и для европейского человечества постигнуть, что жизнь держится не видимой грубой силой, но невидимой свободой. Появление сочинений совпало загадочным образом — точно подготавливая его — с одним из самых непонятных и таинственных событий европейской истории. Могущественный греко-римский мир, *imperium romanum*, обширностью и силой превосходивший все известные нам государства, принужден был склониться перед истиной маленького, слабого и, вдобавок ко всему, всеми презираемого народца, отрекся и от своей силы и от своей основанной на силе культуры и возложил все свои упования на беззащитную и в своей беззащитности всем представляющуюся бессильной, бездейственной и потому как бы призрачной истину, возведенную в книгах Святого Писания. Делалось бесконечное количество попыток «естественного» объяснения этой полосы европейской истории: как мог могучий Рим отступить перед бессильной Иудеей, как могли блестящие Афины поклониться Иерусалиму? Но ни одно из предлагавшихся объяснений не представляется удовлетворительным, наоборот, все они так явно неудовлетворительны, что невольно возникает вопрос: возможно ли вообще тут какое-либо объяснение и не соприкасаемся ли мы тут с великой тайной, т. е. с тем, что не допускает и не нуждается в объяснении, ибо все наши объяснения так или иначе предполагают наличность видимой, осязаемой, доступной измерениям силы, т. е. как раз того, чего здесь разыскать нельзя. Это станет

еще более загадочным, если мы вспомним, что «бессильная» Библия одержала уже не один, а два раза победу над силой: сначала она покорила себе татарина в римлянина, но потом ей пришлось вновь вступить в борьбу с «нашествием варваров». Варвары тоже были всемогущими: они всё сметали на своем пути, и казалось, что на этот раз их победа будет окончательной и последней. Но и тут оказалось, что считали «без Хозяина». Варвары, татары, победили — но побежденные диктовали законы победителям. Свет с Востока вновь воссиял над Европой, и грубая сила принуждена была, если не совсем сдаться, то притаиться и отойти на задний план. Европейская «цивилизация» развилась и оформилась в духе Истины, открытой в Святом Писании.

Теперь вновь татарин в европейце ожил. Как я сказал уже, на технические и научные завоевания татарин не посягает, правильно чувствуя, что ни наука, ни техника сами по себе ему не враждебны, что они, наоборот, скорее всего могут явиться для него наиболее надежными и верными союзниками. Самым опасным и самым ненавистным для него в европейской цивилизации является не то, что дает наука и техника, а то, что было принесено откровением Св. Писания, то, что приносится религией, т. е. свобода и независимость. В свободе и независимости он чувствует своего непримиримейшего и опаснейшего врага. Всю силу свою он направляет к тому, чтобы раз и навсегда окончательно раздавить свободу. И тут мы подошли к ответу на поставленный вопрос: что нужно спасать в современной цивилизации. Нужно спасать то, чему больше всего угрожают, ибо угрожают тому, что больше всего ценно в ней. Нужно спасать свободу. Люди должны собрать все силы свои к тому, чтобы остановить вторжение варваров в их жизнь и варварства в их души. Удачи их не должны пугать нас. Их победы даже свидетельствуют об их неспособности ответить на элементарные нужды людей. Лучшей иллюстрацией является мальтузианство и неомальтузианство, о котором у нас шла речь выше. Мало производит человечество — плохо, много производит — тоже плохо. Там, где царствует сила и насилие, нет и не может быть добра, и татарину не дано привести людей к тому, что им нужно. Татарин, т. е. грубая сила, неизбежно приводит к тому, что в Библии описано как смешение языков и столпотворение. И разве события последних 20 лет не есть новая версия того, о чем нам рассказано в Библии? Всё, что отмечено печатью духа, обречено на молчание, слышны только торжествующие крики варварства. Но пессимистические проро-

чества были бы столь же мало основательны, как и оптимистические предсказания людей XIX столетия. Свободу не только нужно, ее можно спасти, и тогда будет спасено всё, что есть лучшего и ценного в нашей цивилизации.

МУДРЫЙ МИР *

«Он брал удары и дары судьбы» равно спокойно, — говорит Гамлет, и это высшая степень отличия, которую он мог придумать для своего друга Горацио. И Спиноза говорит почти буквально то же: удачи и неудачи мудрец принимает одинаково, видя в них выражение царствующей в мире вечной необходимости — *Sub Specie aeternitatis vel necessitatis*. Вся сущность мудрости в том, чтобы приучить людей принимать дары и удары судьбы. Вернее — удары: дары ведь так редко выпадают на долю смертного, и главное — они никогда не навязываются насильственно — хочешь, можешь их не брать. Но если это так, то почему же обыкновенно жалуются на то, что люди недостаточно мудры? Укажите мне на человека, который бы в самом деле хотя бы попытку сделал «не принимать» удары судьбы. Днем с фонарем не найдете, разве что в романе, Ивана Карамазова. Да и то, его «я не принимаю мира» звучит у Достоевского как насмешка над буйством и чудачеством одного из отпрысков вырождающегося Федора. Вообще же — мы все «принимаем». Умер отец, мать, брат — мы принимаем. Землетрясение в Италии — мы прочтем утром в газетах и это нам не мешает завтракать. Разразилась безумная война с совсем неслыханными ужасами — мы приняли и тоже читали за завтраком телеграммы. Потом пришли большевики — и это приняли. Если придет что-нибудь еще более отвратительное и безобразное (хотя трудно вообразить, что есть что-либо более безобразное и отвратительное, чем большевизм), мы и это примем. Скажут, как же быть иначе, как можно не принять то, что есть? Нельзя, конечно нельзя не принять. Но раз это мы принимаем, то надо, по крайней мере, чтоб нам это философы в заслугу ставили, и не считали бы себя мудрецами — а всех людей презренной толпой, *vulgus plebs*. И не горевали бы ли-

* Фрагмент написан по-видимому в 1932 г. Публикуется впервые по рукописи из архива Л. И. Шестова.

цемерно по поводу того, что бедной мудрости плохо живется на свете, что она не знает, где голову преклонить. Наоборот, ни одному отвлеченному существу не живется так хорошо на нашем свете, как мудрости. Ей-то именно, как стрекозе в басне, под каждым кустом готов и стол и дом. Люди, как если бы они ни о чем больше не думали, как о том, чтобы угодить Спинозе, принимают, принимали и будут принимать все «удары», посылаемые им судьбой. И стойки, которые утверждали, что во всем мире можно найти в лучшем случае двух, трех мудрецов, клеветали на мир. В мире много, слишком много мудрецов, все люди, все почти без исключения, мудры. И в том, может быть, проклятие мира.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

А. БЕЗАНСОН

КРАТКИЙ ТРАКТАТ ПО СОВЕТОЛОГИИ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ ДЛЯ ГРАЖДАНСКИХ, ВОЕННЫХ И ЦЕРКОВНЫХ ВЛАСТЕЙ*

II.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Говоря о «внешней политике», я подразумеваю действия советской коммунистической партии вне границ СССР. Специфика этой политики — две **системы действий**, которые я назову для упрощения системой А и системой Б.

СИСТЕМА А

Две системы соответствуют двум определенным выше сферам: идеологической ирреальности и всеобщей действительности. Система А связана с идеологической сферой, в которой государства не считаются постоянными и неустраняемыми элементами «внешней» политики. Можно даже сказать, что внутри этой сферы понятие внешней политики теряет свое содержание, поскольку идеологическая линия раздела проходит не между разными государствами, а между мировым капитализмом, с одной стороны, и международным коммунистическим движением, с другой. С этой точки зрения внешняя политика необходима лишь в силу исторических и мимолетных обстоятельств. Инструментальные понятия системы А берутся из господствующей доктрины: империализм, борьба классов в международном масштабе, пролетарский интернационализм и пр. Средствами же системы А, средствами, принадлежащими ей формально, являются специализированные органы: Коминтерн, Коминформ, Ф.Д.М. и т. д. С ними сопряжены действия менее явные, дублирующие деятельность «братских» компартий

* A. Besançon. Court traité de soviétologie à l'usage des autorités civiles militaires et religieuses. Préface de Raymond Aron. Paris 1976. 120 p.

Окончание. Начало см. Вестник № 118.

изнутри, такие как разведка, пропаганда, подрывная работа и другие, исполнение которых обычно возлагается на КГБ и сходные органы.

СИСТЕМА Б

Система Б развивается в непосредственном соприкосновении с реальной действительностью или, вернее, на передовой линии фронта, на той подвижной границе, которая отделяет идеологическую и живую реальность. Речь идет о внешней политике в обычном смысле этого слова — о межгосударственной политике. В ней инструментальные понятия взяты из словаря классической дипломатии, и хождение имеют такие слова, как мирное сосуществование, национальная независимость, невмешательство во внутренние дела, влияние, преимущественные интересы. Как во всех других странах, среди орудий системы Б можно назвать дипломатию, экономический обмен и все другие средства, с помощью которых одно государство может воздействовать на другое.

Система Б подстроена к системе А в той степени, в какой идеология, находясь у власти, держит в руках частицу реальности, известную под видом «государства». В практике обе системы применяются одновременно: между политикой КПСС и политикой СССР нет разрыва, а есть взаимодополнение и взаимодействие.

ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Довольно распространенная ошибка — думать, что система А преобладает в наступательные периоды внешней политики СССР, а система Б — в периоды оборонительные. Такая концепция предполагает постепенное изменение внешней политики компартии, политики революционной, в пользу классической государственной политики, которая может быть экспансионистской, но имеет естественную тенденцию к поискам соглашений и уравнивания сил.

В действительности внешняя политика во время наступления пользуется всей государственной мощью системы Б, а при обороне — всеми тайными и явными средствами системы А. Высшее искусство советской внешней политики по идее должно сочетать обе системы действий так, чтобы они не мешали друг другу и достигали максимальной эффективности каждая в своей области. Ленин сразу же понял, что одна система не может существовать без другой. И если во внутренней политике высшим законом является сохра-

нение власти, то в политике внешней жизненно важная задача состоит в сохранении статуса и средств государства. Самым крайним и самым красноречивым примером применения этого правила было принятие — вопреки мнению Троцкого и большинства Политбюро — условий Брестского мира. Ленин пошел на то, что в слове системы Б называется национальными интересами, и уступил немцам половину России с целью удержать под своим контролем территорию, наделенную государственным статусом. Государство представляется некой оборонительной позицией, где окапывается международное коммунистическое движение, чтобы переждать трудный момент. Международное коммунистическое движение немедленно мобилизуется на защиту государства. Тогда вместо своего обычного языка — империализм, борьба классов, пролетарский интернационализм, — оно пускает в ход язык системы Б. Бывают периоды, когда употребляются оба языка — об этом свидетельствует название журнала Коминформа в 50-е г.г. когда внешняя политика СССР могла считаться наступательной в Восточной и оборонительной в Западной Европе. Журнал назывался «За прочный мир (система Б), за народную демократию (система А)». То было время стокгольмского обращения (система А по средствам, система Б по словарю), войны в Корее и блокады Берлина (система Б), время, когда международное коммунистическое движение вело тактическую оборону, а наступательная стратегия осуществлялась советским государством с его военной мощью. Но и это упрощение: в любое время и вне связи с выбором стиля политики обе системы действуют вместе, в зависимости от места и обстоятельств используя все средства нападения и защиты: как на войне, защита бывает самой сильной атакой, а нападение — самой надежной защитой.

До тех пор, пока не наступит открытый отказ от идеологии, советская внешняя политика в своей общей направленности останется агрессивной. Поэтому я не верю ни в действенность понятий **наступления** и **обороны**, ни в их достаточность для периодизации советской внешней политики. Они могут пригодиться лишь в тактическом и местном значении, стратегия же наступательна по своей природе. Идеологическая ирреальность интенсивна — она не успокоится, не поглотив без остатка действительность, оказавшуюся под ее контролем; но она же и экстенсивна, удовлетворить ее и дать ей ощущение безопасности может лишь совпадение ее границ с границами Вселенной. Любой результат, полученный в системе Б и утвержденный ее методами, пересматривается и

переводится в категории системы А, а затем объявляется временным и лишается постоянной санкции. «То, что наше — наше, а о вашем мы еще поторгуюемся». То, что наше, принадлежит нам по праву идеологии, а то, что ваше, вам не принадлежит — по тому же праву, — и должно законным путем перейти в наши руки.

СОГЛАШЕНИЯ

К чему, в таком случае, соглашения?

Уже в первые месяцы нового режима правительство заметило выгоды, которые можно извлечь из фундаментальной асимметрии между внешней политикой своей и своих партнеров. Последние действуют и думают лишь по системе Б, и, следовательно, их легко обезоружить с помощью дипломатии, которая тем свободнее пользуется системой Б, чем меньше веса придает ее онтологическому смыслу. Договор никогда не бывает разделом, претендующим на справедливость и взаимное удовлетворение; договор — это констатация соотношения сил в конфликте, который в принципе отвергает компромисс и стремится к поражению одной из сторон.

Все дело в том, что эта констатация **формулируется**. Иначе говоря, она заставляет противника (партнеров тут не существует) дать формулу открытого признания ситуации и реальности. Но признание это немедленно истолковывается в пользу ирреальности, которая тем самым получает изрядную дозу конкретизации не только от подчиненной ей реальности, но и от реальности, ей неподвластной. Ирреальность получает санкцию и, вместе с тем, видимость бытия от своего самого непримиримого врага, а тот в момент заключения договора снова занимает отведенную для него полочку в идеологической схеме. Так всякое соглашение между США и СССР превращается в соглашение — в глазах советских политиков — это простое отражение временной ситуации — между капитализмом и социализмом. Переходное понятие «мирного сосуществования» помогает США согласиться на это превращение; США формально соглашаются представлять капитализм и признают за Советским Союзом право выступать от имени социализма. Дихотомия социализм/капитализм, не имеющая смысла нигде, кроме идеологии, за последние годы постепенно пустила корни и в европейском общественном мнении, и в западной печати.

Страны, вступающие в переговоры с СССР и мыслящие в пределах системы Б, считают единственной реальностью материальные соглашения о границах, товарообмене, вооружениях. Им кажется, что уступки в области односторонней системы А их не касаются. Такие уступки, на их взгляд, всего лишь словесные реверансы, помогающие добиться внимания советского правительства, но лишённые всякого реального содержания. Это жесточайшая ошибка. Идеология — структура словесная, основанная на словах и словами питающаяся. Отдавать ей слова, идти на уступки в словах — значит сообщать ей единственную реальность, на какую она способна. Во внутренней политике партия не довольствуется простым послушанием, ей нужны согласие, признание, громко выраженное одобрение. Эквивалентом **признания** на процессе или единодушного голосования на выборах во внешней политике становится **договор**, учреждающий не столько разделение мира, сколько законность воображаемого и приятие несуществующего. Словесная уступка оборачивается отрицанием законности позиции того, кто эту уступку сделал, и немедленно направляется против него же. Положив венок у мавзолея Ленина, Жискард д'Эстен сделал отнюдь не маловажный жест. Он объяснил свой поступок желанием почтить память основателя советского государства, то есть в намерениях оставался внутри системы Б. Но посредством мгновенного переноса из одной рубрики в другую, венок оказался у ног основателя международного коммунистического движения.

НЭП И ВНЕШНЯЯ АКТИВНОСТЬ

Такое же заблуждение состоит в предположении, что фазы военного коммунизма совпадают с «наступлением», а фазы НЭП'а — с «отступлением» на международном фронте. Самая поверхностная экскурсия в прошлое убеждает в обратном: взаимосвязи в фазах внутренней и внешней политики нет. Польская кампания Тухачевского велась в разгар военного коммунизма, но к периодам военного коммунизма относятся и осторожные маневры Сталина с Гитлером и Трумэнном. И наоборот, попытки переворотов в Германии (1923) и в Китае относятся к НЭП'у.

Наибольших успехов во внешней политике Советский Союз добился за годы, истекшие после смерти Сталина, и в особенности после падения Хрущева. Банальной стала фраза, что Запад выиграл холодную войну, но проиграл «разрядку». Но можно задать

себе вопрос: не НЭП ли создает гораздо более удобную обстановку для активной внешней политики? Кажется, что в общем так оно и есть.

Объяснить это нетрудно. Согласно нашему определению, военный коммунизм мобилизует все силы компартии против общества, т. е. концентрируется на внутренних задачах. В такое время партии нужна международная атмосфера спокойствия, в которой она без помех могла бы осуществлять свои цели. Ее внешняя политика, несмотря на многие агрессивные и «революционные» черты, будет настраиваться прежде всего на сохранение статус кво. Мы еще вернемся к этой проблеме. С другой стороны, частичное разрушение общества лишает партию средств для настоящего активной внешней политики. Армия в такие периоды опирается на истощенную экономику, на рутинную технику. И, наконец, размах репрессий не может не пробить занавеса тайны и не вызвать некоторого испуга у международной общественности. Поэтому международное коммунистическое движение не всегда занимает в этот момент наилучшие позиции для наступления.

НЭП, напротив, дает партии возможность частично и временно отвлечься от внутренних сражений и развязывает ей руки для внешних операций. На ее лице появляется тогда полулиберальная гримаса. Западное общественное мнение, привыкшее довольствоваться малым, дарит ей всю свою симпатию, а оставшееся по ту сторону тайны начинает приобретать некую пикантность, допускающую все надежды. Западным же компартиям гораздо легче дается **единство**, если их не смущают скандалы наподобие процессов 1936 года или разрыва с Тито.

И, наконец, самое главное: партия подкрепляется силой укрепленного общества. Рассмотрим это на примере армии.

АРМИЯ

«Война — это политика другими средствами», любил говорить Ленин, выворачивая наизнанку изречение Клаузевица. Фраза эта в устах Ленина интересна смыслом, вложенным не в слово «война», а в слово «политика». В ленинском манихейском восприятии мира политика не ведет к более или менее справедливому разделению мира и его богатств между социальными классами или разными странами. Политика — это глобальное, драматическое столкновение, в котором одна сторона должна победить, а вторая — исчезнуть. Политика предназначена создавать крайние ситуа-

ции и выходить из них крайним путем, иными словами, фактически ничем не отличается от войны. Разница между ними чисто техническая — лишь в той мере, в какой война пользуется другими материальными средствами и обычно стоит дороже, чем политика. Во всяком случае, без предчувствия грядущей войны, без поисков средств для нее не могло бы быть и политики. И следовательно, в коммунистическом режиме, где политика целиком и полностью, как в местном, так и в мировом масштабе, определяется как захват и сохранение власти, первостепенная задача правительства состоит в создании армии, способной гарантировать вторую и подготовить осуществление первой задачи.

Армия есть истинная цель системы советского производства. Для правительства — и для единственной вышестоящей инстанции, для идеологии — состояние общества, его бедность или сравнительное благополучие, не имеет никакого значения. Общество как таковое не участвует в управлении страной, и правительству нечего бояться свержения в результате недовольства народных представителей. С другой стороны, общество расположено где-то вне идеологической сферы и тем самым не имеет законного самостоятельного существования. Уровень жизни повышается не для живого крестьянина и даже не для «плантации», награжденной званием **колхоза**, а для **колхоза**, существующего в воображении, в утопии, т. е. нигде. Поскольку капиталовложения и научно-технические изыскания ведутся по приказу политических инстанций, неудивительно, что их целью отнюдь не ставится благосостояние общества. Как известно, ни одно лекарство, ни один предмет полезного потребления не был изобретен в СССР за 60 лет новой власти. Уровень медицины, фармацевтики необычайно примитивен, и мало есть стран, где санитарное оборудование так «недоразвито». В советской производственной системе просто нет побудительных причин для изобретения электробритвы или стиральной машины и постоянного их усовершенствования. Армия, наоборот, приковывает к себе все силы и все внимание. По сути дела, можно сказать, что единственная обязанность правительства относительно производства материальных благ для общества — обеспечить ему условия жизни, позволяющие принимать участие в усилиях военного производства. В СССР все-таки есть электробритвы и стиральные машины, скопированные с иностранных образцов, — так освобождается рабочая сила для истинно продуктивных, т. е. военных целей.

Концентрация производственной энергии в разных областях советской военной индустрии выше, чем в какой-либо другой стране мира. Официальные цифры мало показательны. Некоторые западные специалисты оценивают военные расходы СССР вдвое выше, чем в США, — от десяти до двадцати процентов национального дохода. Сахаров же дает цифру сорок процентов, что превышает военные расходы Израиля, находящегося в состоянии постоянной войны. Зная, насколько приблизительны все попытки статистических подсчетов советской жизни, следует относиться к этим цифрам с осторожностью. Мы, однако, определенно знаем, что субсидии, таланты, научные средства постоянно и массово поставляются в сектор военного производства.

Нельзя отрицать, что советское государство добилось полного успеха в создании конкурентоспособной армии. Проблема достижения современного уровня вооруженных сил на базе примитивной экономики была разрешена с помощью концентрации средств, с помощью принуждения и понижения или сильного замедления роста жизненного уровня. Рецепт, испытанный со времен Петра Великого. Но есть еще одно исключительное обстоятельство, позволившее достичь в этой области мирового стандарта: военный сектор — единственный, где главенствует критерий рациональности, управляющий в некоммунистических странах всей производственной системой. Неважно, что изделия «штатской» промышленности хуже заграничных — жаловаться, что советские граждане одеваются в безвкусные тряпки и питаются приютскими кашами, — некому. Но низкое качество самолетов, танков и пушек режим не может себе позволить. Настоящего рынка, с учетом себестоимости, — невозможного в этом секторе так же, как и во всех других, — такого рынка нет; существует, однако, своего рода соперничество или конкуренция, толкающая к повышению качества продукции и ее совершенствованию. Таким образом, в военном секторе, в отличие от всех других, действует стимулирующее влияние рынка.

Это обстоятельство стоит принимать во внимание, размышляя о причинах гипертрофии советских вооруженных сил. Трудно решить, вызвана ли она сознательной политикой, нацеленной на военные действия в будущем и подчиненной приказам главного командования, или же здесь срабатывает автоматика, фатальность структуры советской системы производства, которая самым естественным образом обращена к военному делу и только в нем эффективна. В таком случае, СССР производит такое количество

танков и пушек не столько потому, что так хочет правительство, сколько из-за полной неспособности рационально производить что-либо другое.

Две общие модели политики определяют и участь советской армии. Военный коммунизм позволяет довести до высшей степени концентрацию и специализацию системы производства. Производство, предназначенное для общества, сводится до минимума. Весь производственный аппарат стремится стать гигантским арсеналом. Военный коммунизм дает возможность осуществить самые ближайшие задачи, это неоспоримо; но в то же время он порождает трудности для реализации долгосрочных целей. Производственная база сокращается. Принуждение, противопоказанное всякому творчеству, мешает новаторству, абсолютно необходимому в военной промышленности. Известно, что некоторые наиболее удачные модели самолетов Второй мировой войны созданы были в шарашках. Система, возлагающая научно-технические задачи на пенитенциарную администрацию, не может считаться ни здоровой, ни устойчивой. С другой стороны, рабочие, поставленные в положение рабов, способны выдавать лишь весьма грубую продукцию. Одним словом, армия попадает в западню фундаментального противоречия военного коммунизма: триумф системы означает ее поражение.

И напротив, НЭП, на первых порах тормозящий развитие военной машины, в несколько более отдаленной перспективе начинает ему благоприятствовать. В конечном счете армия черпает свою силу из общества. Даже если пропорционально меньшая часть производственного аппарата загружена военными задачами, национальный доход при НЭП'е увеличивается настолько, что растут и безотносительные показатели военных расходов. Повышение жизненного уровня населения тотчас же отзывается многократным улучшением качества работы, усиленным новаторством, большим числом изобретений. Всё это заметно в послевоенном СССР. Умирая, Сталин оставил в наследство армию, закосневшую в технике и стратегических теориях, обеспечивших ей победу десятью годами раньше. Только ценой усиленного пополнения шарашек, использования труда заключенных и с помощью шпионажа удалось сконструировать несколько атомных бомб. Но с 1953 года советские вооруженные силы развиваются в невиданном темпе. Созданы новые системы оружия не менее, а иногда и более эффективные, чем в Америке. Начав почти с нуля, советский флот вырос так, что некоторые эксперты говорят о его пре-

восходстве над американским. Наконец, советская армия сумела извлечь многие выгоды из политики, называемой **разрядкой**. Что же собой представляет эта разрядка?

РАЗРЯДКА

Разрядкой я называю внешнюю политику КПСС, имеющую в виду приложение к **международному обществу** правил, закрепляющих характерные для НЭП'а отношения между властью и **советским обществом**.

Как уже говорилось, в период НЭП'а партия отнюдь не забывает о своих наступательных целях, о надежде распространить свою власть и на советское общество, и на общество международное. Поэтому, пользуясь благоприятными условиями, созданными НЭП'ом, она должна укрепиться, еще теснее сплотиться, усилить свою дисциплину и контроль над занятыми территориями и при всем этом оставить себе возможность **поворота**, т. е. нового завоевательного наступления.

Я говорил о новых средствах, предоставленных внутренним НЭП'ом для ведения такой политики. Однако «внешний НЭП» также обеспечивает многочисленные выгоды.

Прежде всего, в рамках системы А партии гораздо легче воспользоваться идеологическим давлением, стихийно возникающим в некоммунистических странах. Международное коммунистическое движение, со своей стороны, может извлечь пользу из двух новых условий советской жизни. Во-первых, приостановка репрессий дает «прогрессивному» общественному мнению надежду на то, что «социализм» может иметь, более того, уже приобретает «человеческое лицо». Полтора миллиона заключенных вместо двенадцати — вот доказательство «совместимости социализма и свободы». Во-вторых, неоспоримый рост благосостояния общества, вызванный отступлением власти, приписывается благотворным действиям этой же власти. Таким образом, коммунистическое движение, выросшее в глазах общественного мнения, может требовать от «буржуазного» государства дополнительных прав и преимуществ и в то же время навязывать социал-демократам и либеральным христианским движениям сотрудничество, соглашение и даже — если на то есть условия — слияние.

Выгоды в рамках системы Б не менее очевидны.

Разрядка дает случай подписать множество договоров, иначе говоря, накопить прозапас то, в чем больше всего нуждается

идеологический режим, — формальное его признание. Маркс писал: «Россия — единственный в истории пример огромной империи, которая, несмотря на достижения в мировом масштабе, продолжает считаться скорее объектом веры, чем реальным фактом». Задним числом эта формула стала гораздо более глубокой, чем в эпоху Маркса. И в самом деле, если идеологический режим имеет только лишь лингвистическое существование, каждое подтверждение веры обращается признанием «факта». Международное общество, признавая «советский факт», придает ему реальность бо́льшую, чем все самые единодушные выборы, самые многочисленные демонстрации, самая горячая поддержка советского общества. Как Улисс в царстве мертвых кормил тень матери кровью живых, на миг вызывая ее к подобию жизни, так советское и международное общества вызывают дух идеологической ирреальности и удерживают его на земле. Ибо «социализму» необходимы оба эти заклинателя. Опираясь на согласие советского общества, он требует признания от общества международного, и заручившись им, обращается к обществу советскому за еще большей поддержкой.

У разрядки есть и все другие преимущества НЭП'а: благодаря ей общество, а в данном случае — международное общество, поставляет средства для **содержания** идеологической власти.

Правду говоря, международное общество уже несколько раз помогало советскому режиму избежать гибели. Достаточно вспомнить миссию Гувера, спасшую пять или шесть миллионов крестьян от голодной смерти в 1921 году, либо американскую помощь во время Второй мировой войны. Даже в период самого отчаянного военного коммунизма первых пятилеток Запад направлял в СССР значительные капиталы, технику, инженеров, работавших в **окружении заключенных**. Запад никогда не высказал ни слова протеста против той примитивной **трехсторонней торговли**, так похожей на работорговлю XVIII века, которой занимается советское правительство: крестьяне высылаются в Западную Сибирь, там они, уже в качестве ссыльных, добывают золото, которое продается на международном рынке и оплачивает импорт хлеба и других товаров, дефицитных главным образом из-за высылки крестьян.

Разрядка позволяет развернуть это дело в мировом масштабе. Трехсторонняя торговля совершенствуется, когда советское правительство бросает на рынок конкурентоспособный товар, избытке которого объясняется указанными выше причинами. Товар

этот — оружие. Оно продается слаборазвитым странам за полновесную валюту и сырье, которое перепродается индустриальным странам в обмен на технику и технологию.

И прежде всего, разрядка дает возможность пустить в ход систему, которую я назову генерализованной системой Витте.

СИСТЕМА ВИТТЕ

Великий министр финансов Александра III изобрел систему, по которой Россия должна была получать у союзников средства для развития своей экономической и военной мощи. Союзные страны давали в заем значительные суммы, животворной струей вливавшиеся в русскую экономику. Действенность этих займов обеспечивалась новыми займами. Россия получала кредиты, потому что союзники дорожили союзом с нею; кредиторы же были заинтересованы в поддержке кредитоспособности русской экономики. Двигателем этого всасывающего насоса русского займа была постоянная имманентная **обратимость** системы Витте: в ней скрывалась угроза шантажа. Русское правительство могло в любой момент обратиться к союзу с Германией, или же внезапно объявить о своем банкротстве. Западные заимодавцы надеялись, однако, что опасность развеется, как только Россия прочно встет в мировую экономико-политическую систему.

Новая система Витте отличается некоторыми особыми свойствами. Сегодня Запад покупает не активную военную силу СССР, а видимость его хорошего поведения, причем только в рамках системы Б. В еще большей степени, чем в старой системе Витте, инициатива сделок принадлежит государствам, а не частным лицам. Последние всячески добиваются гарантий от своих же правительств, так что фактическими гарантами операций становятся не русские, а западные налогоплательщики. Место же партнеров СССР занимают не союзники, как было в эпоху Витте, а наоборот, его потенциальные противники, которым нехватает политических средств для эффективного соперничества и которые предпочитают купить себе спокойствие ценой торгового соглашения. Именно эта подмена союзников неприятелями типична для генерализованного характера новой системы Витте.

Лондонский «Экономист» от 8 ноября 1975 года приписывает Г. Киссинджеру следующее рассуждение: «Желательно подписывать с русскими как можно больше договоров, даже если в данный момент они выгоднее русским, чем американцам. Буду-

щие советские правительства получают таким образом инвестицию и хорошие отношения с Америкой, и они не захотят рисковать потерей уже достигнутых выгод». Иначе говоря, из рассуждения Киссинджера видно, что ему известен ключ системы: угроза обратимости политики. Как давние кредиторы России, он надеется, что «долгосрочные капиталовложения» предотвратят опасность, поскольку СССР включится в мировой политический и экономический круговорот.

Вывод Киссинджера мог бы иметь ценность по отношению к старому русскому режиму, который качественно не отличался от западных режимов и заслуживал, в худшем случае, звания классической тирании. Полная беспомощность рассуждения по отношению к коммунистическому режиму очевидна.

Главное правило идеологической власти во время НЭП'а состоит, как мы знаем, в сохранении способности к резкому повороту политики. Партия большевиков со дня своего рождения прекрасно сознает, что существование ее зависит от ряда профилактических мер по отношению к обществу (в данном случае, к обществу международному). Опыта же профилактики партии не занимать. Тот, кто воображает, что торговля Запад-Восток «либерализует» Советский Союз автоматическим влиянием «невидимой руки» экономики, не понимает сущности коммунистической партии и не знает истории. Внешний НЭП всегда сопровождается усилением преследований внутри страны.

В СССР единственное экономическое лицо — государство. В связи с этим нет никаких шансов на то, что веяния с Запада помогут родиться экономическому, а тем более политическому плюрализму. Западные дельцы и банкиры циркулируют, как простые туристы, в герметически замкнутых каналах «Интуриста». Государственная монополия спроса встречается с некоординированным и распыленным предложением, что дает советскому правительству все преимущества при торговом обмене. Не знаю, имеют ли право экономисты говорить о рынке в условиях абсолютной односторонней монополии, но говорить о «советском рынке» можно лишь в том смысле, что существует внутренняя конкуренция среди партнеров Советского Союза на Западе.

Старая система Витте вела к быстрому развитию общества, поступление капиталов благоприятствовало рыночной экономике. Новая система, наоборот, ведет к усилению советского государства в ущерб обществу. Импортные товары либо непосредственно питают военный аппарат, либо, поддерживая жизненный уро-

вень общества, освобождают новые ресурсы, которые используются в том же военном аппарате. В обоих случаях главная прибыль от сделки идет на военные цели. Так в результате внешнего НЭП'а растет способность к обратимости политики, от которой зависит динамика системы. Запад думает, что, помогая своими капиталами увеличивать потенциальную мощь советской армии, он покупает ее бездеятельность. Но делая «долгосрочное капиталовложение» таким путем именно Запад будет бояться потерять выгоды от разрядки. Если западные страны станут, с точки зрения советского правительства, «плохо себя вести», они потеряют все свои капиталы. Это было бы не так уж страшно. Но они окажутся в той самой ситуации, которой пытались избежать с помощью разрядки, причем в ситуации более серьезной, чем когда-либо раньше. За новую отсрочку им придется платить расширением системы Витте на новых условиях, продиктованных советским партнером. И тогда-то сам Запад захочет подписывать «как можно больше договоров».

ГОСУДАРСТВО — НЕ ТАКОЕ, КАК ВСЕ

Советское правительство не чувствует себя связанным никакими правовыми обязательствами по отношению к международному обществу. Поставив себя в положение советского общества, международное общество потеряло в глазах советского правительства все права и приобрело все обязанности. В один прекрасный день, когда наступит политически удобный момент, оно должно будет войти в сферу идеологической власти, стать коммунистическим. К этому ему уже надлежит готовиться. Ни Ленин, определяя в начале первого НЭП'а принципы мирного сосуществования, ни Хрущев, ни Брежнев с его НЭП'ом никогда не думали и не говорили ничего другого. В этом смысле советская внешняя политика начисто отвергает саму идею мирового порядка или сотрудничества наций. Власть всегда предупреждает общество, что НЭП не более, чем отсрочка, и что время коммунизации вернется, едва только партия восстановит свои силы. И точно так же, с полной откровенностью, Советский Союз обещает международному обществу всего лишь паузу, после которой через определенное время последует неизбежная капитуляция Запада. КПСС вполне искренне убеждает капиталистический мир вить веревку, на которой, как говаривал Ленин, капитализм и будет повешен. Партия призывает капиталистические страны укреплять СССР и воздерживаться от критики «социализма», ибо критика советского

государства наносит удар советскому режиму. Считается, что, согласившись на разрядку, Запад — а не Советский Союз — подписывает контракт, и Запад обязан выполнять его условия. В этом отношении к Западу возрождается, *mutatis mutandis*, система монгольских ханов, искренне считавших, что однажды получив дань от подчинившегося народа, они имеют право требовать ее бесконечно. Если смотреть на советскую внешнюю политику под углом ее конечных целей, неизбежно заключение: ведет ее государство, не такое, как все другие.

ГОСУДАРСТВО ТАКОЕ ЖЕ, КАК ВСЕ

Но, с другой стороны, советское государство — такое же, как все другие. Оно даже особенно скрупулезно и уважительно относится к международным соглашениям. Дело в том, что решившись оставить международному обществу — как и советскому обществу — самостоятельность в определенных границах, советское правительство само решает соблюдать эти границы до тех пор, пока не нарушаются его насущные интересы. Это вопрос политической последовательности. Приняв решение ввести НЭП, более выгодный для партии, чем военный коммунизм, партия будет как можно лучше применять НЭП на практике, ничуть не печалась об интересах партнера, который просто не существует с онтологической точки зрения. Лишь отсюда становится понятным, почему в установленных им самим рамках советское правительство щепетильно относится к контрактам, платит в срок, держит данное слово. Но когда международное общество будет уверено, что СССР уже вошел органической составной частью в общий порядок, вдруг кончится передышка, настанет время платить по счету, и перед Западом вновь откроются конечные цели идеологического режима. Цели, которые никогда не скрывались, о которых Запад успеет забыть, но которые станут осуществимыми главным образом благодаря его помощи.

ЦЕЛИ РАЗРЯДКИ

Каковы цели советской внешней политики? Как я уже сказал, по природе своей они ограничены лишь пределами вселенной. Тем не менее, заглядывая так далеко вперед, КПСС не упускает из виду более злободневные задачи, меняющиеся в зависимости от модели осуществляемой политики.

В периоды НЭП'а (или разрядки) цели эти не ограничены в своей экстенсивности, но ограничены в интенсивности.

Цели не ограничены в экстенсивности, ибо советское правительство питает живейший интерес ко всему без исключения международному обществу, которое заняло место в НЭП'овской модели взаимоотношений. В дипломатию откомандировываются все таланты и средства. Политическая активность не может полностью проявиться внутри страны: там достаточно управлять уже завоеванным, и внутренняя политика в периоды НЭП'а мало интересна. Зато сколько захватывающих и хитроумных партий можно сыграть в политике внешней! Ко всему миру можно применить и трехстороннюю торговлю, и новую систему Витте. Вся вселенная должна способствовать процветанию советского государства и международного коммунистического движения. И система А, и система Б работают на всех парах, сливаясь в политику, охватывающую в своем безудержном движении все, не оставляя без внимания ни одного уголка земного шара. Усилить советское государство, подготовить условия для рывка вперед мирового коммунизма — вот две постоянных задачи, и они не знают географических границ.

Они знают, однако, границы интенсивности — границы самого НЭП'а. Его правило во внутренней политике — не резать курицу, несущую золотые яйца; и то же относится ко внешней политике. Вопрос, означает ли разрядка, что СССР отказывается «экспортировать революцию», — ложный вопрос. СССР «отказывается» экспортировать революцию временно — чтобы тем лучше подготовить ее победу, а для подготовки нужны сроки. К чему сокращать отсрочку, если она благотворна для могущества советского государства и международного коммунистического движения? Пользуясь языком традиционной дипломатии, можно сказать, что НЭП, как правило, — местные обстоятельства могут вести к исключениям — стремится скорее к влиянию, чем к непосредственному господству. Политика НЭП'а толкает международное — и советское — общество в загон, где оно останется под присмотром, пока партия не соберется с силами и не подчинит его своей прямой власти.

КОНЕЦ РАЗРЯДКИ?

Так в общих чертах можно описать разрядку, которую мы наблюдаем с 1954 года, со времени первых заграничных поездок Маленкова и Булганина, объявивших о ней Западу.

Теперь стоит поразмыслить о причинах, которые могут вызвать отказ от такой выгодной политики, и о том, какой была бы внешняя политика СССР, отвечающая внутреннему его повороту к военному коммунизму.

Причин отказа от НЭП'а напрасно искать в международной обстановке. СССР заплатил смехотворно низкую цену за помощь от своих врагов — не переставая открыто угрожать им смертью. Достаточно было попросить, да что там — достаточно было кивнуть в ответ на услужливые предложения. Если бы это зависело от некоторых западных деятелей, разрядка могла бы расширяться, перейти в сотрудничество, наконец, в коллаборационизм в том самом смысле, который придал этому слову Пьер Лаваль в 1942 году. О банкире Дамбрезе, на смерть перепуганном революцией 1848 года, Флобер писал: «Он заплатил бы, чтобы продаться». Как часто капитализму нехватает простого мужества.

Искать причины надо внутри страны. Разрядка усугубляет внутренние последствия НЭП'а. Ее косвенное влияние в конце концов начинает ощущаться. Разрядка, позволяя некоммунистическим обществам жить по их усмотрению, формально объявляя мирное сосуществование, питает надежды советского общества. Оно не получает торжественных обещаний, не знает настоящей автономии, отношение к нему в лучшем случае может быть терпимым. Угнетающие его репрессивные законы никак не отменяются, их действие всего лишь приостанавливается или немного смягчается. Крестьяне, рабочие, интеллигенты, нации, верующие — все с надеждой заглядывают по ту сторону границ коммунистического владычества. Они инстинктивно солидаризируются с закордонным миром, представляя его более совершенным, чем он есть в действительности, приукрашивая его своими мечтами и желаниями. Для них заграница — нечто вроде реализованной утопии. И тут кроется опасность для режима. Советские народы, наученные опытом, не рассчитывают на активную помощь Запада. Но он существует — и этого достаточно. Беззащитные под обстрелом пропаганды, заставляющей их верить в конкретность идеологической ирреальности, советские народы противопоставляют навязанной утопии коммунизма осуществленную утопию внешнего мира, воплощающую конечный этап их естественного развития. Заграница, так же, как человеческий, индивидуальный язык, своим существованием разбивает в прах идеологическую фальшивку. Именно поэтому, несмотря на все разрядки, запрещены поездки за границу.

Кроме того, разрядка может быть помехой для возвращения к военному коммунизму. Это, несомненно, гораздо более верно для окраин империи, чем для ее центра. На европейском ласисе Советского Союза расположены по меньшей мере два государства — Венгрия и Польша, — где НЭП принял крайние формы, о каких никогда не мечтала ни одна советская республика. В Польше общество разрослось до таких размеров, что коммунистический аппарат иногда просто перестает замечаться. Режим проявляется только во всеобщей бедности, в навязанном отсутствии эффективности, в цензуре и полиции. Этого далеко не достаточно. Никто не знает, не перешел ли НЭП тот последний порог, за которым польский коммунизм — уже сейчас существующий лишь благодаря советской оккупации — должен будет призвать «братскую помощь» и «пролетарский интернационализм» для того, чтобы снова завоевать страну. Польша живет в страхе такой помощи. В Чехословакии пришлось ведь прибегнуть к сильнодействующим средствам и срочным порядком восстановить военный коммунизм. Несмотря на всю добрую волю Запада, это было, как говорили наши газеты и государственные мужи, «ударом для разрядки». Можно ли тем же путем подчинить Польшу и Венгрию, не положив временного конца разрядке?

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Сломить общество, достичь абсолютной над ним власти, силой загнать его в утопию — все это требует от партии мобилизации всех наличных сил для внутренних дел. Прежде, чем предпринять такую рискованную политическую операцию, партия неизбежно ищет гарантий на международной арене. У нее есть недавний опыт такой ситуации: период так называемой **холодной войны**, совпавший с послевоенным, третьим военным коммунизмом.

С расстояния минувших лет кажется, что холодная война велась советской стороной очень экономно. Советская армия завоевала несколько европейских стран, и система А тотчас же насадила там коммунистические структуры. Наименьшей возможной ценой и с наименьшим риском советская дипломатия гарантировала спокойствие, необходимое для беспрепятственной советизации завоеванной зоны. Вне ее пределов внешняя политика оставалась достаточно пассивной: ей нехватало реальных средств. Обеспечив безопасность своих инвестиций в Европе — компартий Франции, Италии и т. д., — СССР отказался от активного влияния в районах,

ему не подчиненных. В то время, однако, Запад, с некоторым ужасом следивший за советизацией Восточной Европы, видевший непомерное разбухание армии, пожиравшей — как это обычно случается при военном коммунизме — большую часть ресурсов государства, и поверил в непосредственную близость советской угрозы. И Запад нашел в себе силы принять контрмеры. Немногие зарубежные авантюры СССР — блокада Берлина, война в Корее — были, как кажется, результатом тиранического и безответственного каприза самого Сталина, а не решением партии, которая, впрочем, впоследствии от них отмежевалась.

ЦЕЛИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Если, в противопоставление идеальному типу разрядки, попытаться определить идеал холодной войны, можно сказать, что в принципе его цели бесконечны в интенсивности, но ограничены в его экстенсивности. Интенсивность не ограничена, поскольку внешние районы, попавшие под власть компартии, третируются точно так же, как советское общество, они обязаны улесться в формы, предусмотренные идеологией. Таким и стал удел народных демократий. Общества подгоняются под единую модель при аккомпанементе доказательств, что иных моделей в мире не существует. Политика холодной войны делает нажим на унификацию, характерную для логократического режима. От Вьетнама до Веймара, от Гаваны до Йемена царствовать должен один шаблон, один язык, одинаковые газеты, те же общественные формы. Миметизм распространяется и на международное коммунистическое движение. Во время холодной войны французская компартия с гордостью подражала великой большевистской партии во всех мельчайших подробностях: от тиков и стиля руководителей до процессов, в точности похожих на процессы Райка и Сланского, с той лишь разницей, что вместо ухода в темный мир физической смерти, французских коммунистов ждал уход в темный мир внепартийного существования. Главной заботой партии в то время была прежде всего ее же чистота, цельность, точность и однозначность ее очертаний.

Экстенсивность этой политики, наоборот, ограничена в географическом пространстве. Она сознательно избегает перехода границ непосредственно контролируемой зоны. Партия отнюдь не помышляет об отказе от мирового господства, но в данной обстановке ее воззрение на мир из центробежного становится центростремительным. Манихейство меняет форму. При разрядке

социализм и капитализм схватываются, смешиваясь в космической баталии. Холодная война выкапывает между ними непроходимые рвы, ставит железные занавесы. Они и Мы строжайше разделены, неподконтрольные области оставляются неприятелю, и лучше всего, пожалуй, когда он принимает самые отвратительные и легко разоблачимые формы — «фашизма» или «империализма». Холодная война навязывает международному обществу правила игры, созданные партией для советского общества. Перед международным обществом ставится дилемма: или неукротимая враждебность, или подчинение. Разрядка, как и НЭП, нацелена на **эксплуатацию**, тогда как холодная война — и военный коммунизм — на насильственную **трансформацию** везде, где она возможна. На традиционном дипломатическом языке можно сказать, что холодная война стремится скорее к местному прямому **господству**, чем к мировому **влиянию** (хотя и тут обстоятельства могут распорядиться иначе). Для внешней политики холодной войны, остающейся к услугам направленной вовнутрь политики военного коммунизма, главное — достижение стабильности.

Разрядка — дипломатия движения. Холодная война — дипломатия неподвижности. Ее довольно хорошо характеризует персонаж господина «Нет» золотых дней ООН. Но она способна принять облик гораздо более впечатляющий и угрожающий, чем разрядка. В колеблющихся районах политика холодной войны направлена на захват власти самыми жестокими большевистскими методами без оглядки на общественное мнение. Пусть пражский переворот ведет к поражению министров-коммунистов в Париже и Риме — это неважно. Важно произвести учет барышей и убытков, точно обозначить линию раздела, достичь стабильности, которая поможет освободиться для хлопотливой задачи «построения социализма».

Ш.

Исторические факты — как и все другие — можно понять и оценить лишь сквозь призму некоей теоретической конструкции целого. Пользуясь парными сопоставлениями военный коммунизм — НЭП, холодная война — разрядка, мы начертили схему, в пределах которой осмысливается наибольшее количество политических явлений. Для подтверждения или опровержения нашей теории мы обратились к историческому прошлому, отвлекаясь от подробностей, тонкостей и частных случаев. НЭП и военный коммунизм,

разрядка и холодная война — политические модели, где одна служит прообразом другой, модели, восходящие к политике большевистской партии до 1917 года, подчинившей свои тактические объединения и расколы тому же высшему критерию обратимости.

Между НЭП'ом и разрядкой, между военным коммунизмом и холодной войной существует очевидное сродство; но как политический образ действий они могут быть разделены и применимы отдельно в виде местного исключения из генеральной линии. Так выгодная ситуация дала толчок к советизации Кубы, прозвучавшей резким диссонансом в симфонии разрядки. Между тем, вокруг и вне кубинского эпизода разрядка продолжалась, и остров был оставлен под коммунистической властью.

Обратный пример: сразу же после войны и, как говорят, по прихоти Сталина, разрядка в очень чистой и стабильной форме применялась по отношению к Финляндии.

Наша схема, основанная на фактах прошлого, бессильна, однако, помочь нам в предвидении будущего. Она не позволяет даже сказать с уверенностью, держит ли советское правительство курс на новую политику, или же оно и впредь будет лавировать между двумя моделями, не определяя точной линии, а может быть, не имея возможности ее определить. Действенность наших моделей от этого не пострадает, даже если на практике исчезнет проявлявшаяся ранее чистота шаблонов. Только оглянувшись назад из будущего можно будет судить, старалось ли советское правительство после 1964 года направлять развитие НЭП'а толчками, похожими на неудачные попытки перехода к военному коммунизму, или же все это время военный коммунизм был его постоянной целью.

Мы не знаем, что будет дальше. История вечно готовит нам сюрпризы. Идеология рисует историю безличной и прозрачной, тогда как она персональна и таинственна. Никакая теория не даст нам власти над нашей судьбой. Хорошо уже, если она поможет нам разобраться в настоящем. Бесконечно сложная игра международной политики, где ни один из игроков не может похвастаться синоптическим охватом событий, — и автор этих строк меньше, чем кто-либо, — игра эта порождает вопросы, слишком хорошо известные чиновникам министерских канцелярий и журналистам. Сама постановка этих вопросов может быть неверной, но не пристало уклоняться от ответа на них, прячась за ширму «науки». Попробуем же с полным отсутствием уверенности ответить на некоторые из этих простодушных вопросов.

Искренно ли желание разрядки у Брежнева? Мне думается, что ответ прост: конечно, да. Разрядка — это не уступка, это сознательная политика, которую КПСС пытается навязать своим противникам. Добавим, что даже когда она с той же решимостью переходит ко второй модели внешней политики, ни от разрядки, ни от выгод разрядки она не отрекается. Если нельзя воспользоваться благодеяниями разрядки по всей планете, то пусть от нее будет хотя бы немного пользы в местном масштабе. В 30-е годы, в зените военного коммунизма, Сталин умело вел политику разрядки с западными демократиями, в то же время прилагая все силы к советизации испанской республики. Его политика разрядки по отношению к Гитлеру после германо-советского пакта поражает своей безупречностью. Это был, пожалуй, единственный случай двусторонней разрядки, когда каждый из партнеров эксплуатировал другого с открытым намерением уничтожить его несколько позже. Разрядка, как и НЭП, асимметрична. Взаимная разрядка возможна лишь между двумя идеологическими государствами. Эти шаблоны — разрядка и холодная война — могли бы управлять взаимоотношениями коммунистических стран.

Следует ожидать, что даже после явных признаков перехода к более, как говорится, «жесткой» политике, Брежнев будет с увеличенным рвением обвинять Запад в нарушении принципов разрядки. И он будет прав, если международное общество перестанет вести себя, как подобает в период разрядки, и воспротивится «неумолимым законам истории».

КИТАЙ

Западные эксперты (Гаррисон Солсбери) часто предсказывали близость советско-китайской войны. В своем письме вождям Советского Союза Солженицын считает ее крайне вероятной, почти неизбежной. Народные демократии возлагают на нее все свои надежды. Мне не известны планы советской армии, и все же у меня есть на этот счет серьезные сомнения.

Я не верю, что Китай — динамичная держава, как думает опасавшийся ее Солженицын. Не исключено, что коммунистическая революция подорвала силы этой замечательной нации, так же как подорвала раньше силы очень динамичной Российской Империи. Наблюдая послевоенные достижения Японии или расцвет Тайваня, Гонконга, Сингапура, можно поразмышлять о том, чем

мог стать Китай, не будь революции, каким могло быть его влияние на юге пустынной Сибири и колонизированного Туркестана. Сегодня граница пролегает между двумя концентрационными системами. Магадан и Колыма мало прельщают обитателей «Школ 7-го мая», «Северных коммун» и других китайских концлагерей с такими же жизнерадостными названиями, — можно полагать, что обратное так же верно. Китайское население, пишет Солженицын, «еще не успело с 1949 года утратить своего исконного высочайшего трудолюбия — выше нашего сегодняшнего». Кто знает? Нельзя безнаказанно мобилизовать трудолюбивый народ для бессмысленных целей. Нельзя безнаказанно заставлять вежливых, скептических и тонких людей распевать хором мысли председателя Мао. Похоже, что вот уже 25 лет, как Китай застрял в неудавшемся военном коммунизме, пустившем слабые корни и не успевающим дать все свои плоды. Мне трудно представить, чтобы эта страна могла лелеять планы вооруженного захвата своего великого соседа.

А Советский Союз? Развяжет ли он войну для того, чтобы доказать, как говорит Солженицын, что «именно на 533 странице ленинского тома написана заветная истина, а не на 335-й»?

Для всех идеологических режимов возрождение плюрализма и свободы слова в любой из точек их мирового царства представляет серьезную опасность. В отличие от всех революций прошлого, за коммунистическими революциями до сих пор не последовала реставрация (под реставрацией я подразумеваю отказ от утопических целей и конец разлада между всеобщей реальностью и реальностью идеологической). Английская и французская революции закончились реставрацией. Революции нацистской реставрация была навязана извне. Но в Венгрии и Чехословакии ее раздавили в самом зачатке. Народы, живущие в «социализме», получили великий урок: история никогда не возвращается назад, а будущее навечно посвящено невозможному воплощению утопии. Режим требует вечного повиновения самодержавной власти мертвого языка. Неважно, записано ли мертвое слово на 533-й или на 535-й странице, неважно, ибо назначение его — не пробуждать веру, а уничтожать живое слово. Режим был стократ прав, свернув шею плюралистическому разложению компартий Венгрии и Чехословакии, вернув к идеологической норме язык, на котором говорит общество. Риск заразы слишком велик.

В Китае, однако, монополия никем не ставится под сомнение. Напротив, разрушение языка, культуры, морали зашло там, как кажется, дальше, чем в СССР. Китай (вместе с Румынией) понижает, разумеется, международные акции советского режима, Но смертельной опасности он не представляет. В этом смысле китайская проблема — внутренняя проблема международного коммунистического движения. С решением ее можно подождать.

Независимость Китая опирается на прочнейший фундамент из неделимого сплава ленинской идеологии и национализма. Поэтому задача состоит во включении его в схему внешней политики, определенной системами А и Б. Известно, что советская партия ищет поддержку и союзников внутри китайской партии. Известно также, что значительная часть советской армии дислоцирована на китайской границе. Вне сомнения, СССР сделает все от него зависящее для ослабления КНР. Можно даже приписать СССР стремление задушить в зародыше китайскую ядерную силу. В действительности он этого не делает. Из всех причин советской осторожности — или бездеятельности — хочется подчеркнуть следующую: политика по отношению к Китаю не может развиваться ни по правилам холодной войны, ни по правилам разрядки. Разрядка выгодна, если партнер производит богатства, которые можно обратить в пользу для советского государства. Самое замечательное достижение китайского режима в лучшие годы состояло в наполнении рисом чашек своих подданных и содержании грозной армии. Ни излишками хлеба, ни золотым запасом и валютой Китай не располагает. С другой стороны, каким путем советская коммунистическая партия могла бы заставить китайское общество принять военный коммунизм? Китай — не ГДР, ни по своему прошлому, ни по удельному весу. Для такого дела не хватит китайской партии.

Одним словом, в свете двух возможных моделей политики Китай не поддается ни эксплуатации, ни трансформации. В такой ситуации сама собой напрашивается политика выжидания.

Призрак китайской опасности, разумеется, так же полезен для советской внутренней политики, как призрак советской опасности — для внутренней политики Китая. Не исключено, что война разгорится из-за причин, рациональности которых я не в силах уловить. Я не вижу в такой войне стратегического смысла. Победа той или другой стороны не решила бы проблемы великой конфронтации между коммунизмом и «капитализмом».

Война была бы опасной, изнурительной, она велась бы бедными государствами, и победа в ней навряд ли вообще возможна. Нельзя выбрать хуже поля для великого сражения.

ЕВРОПА

Те же причины, которые отводят острие советской внешней политики от Китая, направляют его в сторону Европы, стратегического района решающего значения. Изолированную от США, Европу можно завоевать почти без боя. Иногда выдвигают аргумент, что у СССР достаточно хлопот с управлением одной половиной Европы. С тем же успехом можно утверждать обратное: плацдарм легче держать в руках, когда он уже не плацдарм, а часть занятой территории. Австро-Венгерская монархия надеялась некогда разрешить славянский вопрос, разрушив сербский бастион; точно так же облегчилась бы задача Советского Союза, если к Восточной Европе он присоединил бы Западную.

Европа — лучшее место для осуществления последовательной разрядки: она богата и разделена. Наибольшего успеха в рамках системы А международное коммунистическое движение добилось, помогая углублять это разделение, настолько уже укorenившееся, что для его поддержания достаточно простых средств системы Б. Разве не раздавались во Франции полуофициальные заявления, что европейское объединение невозможно, что создание интегральной европейской системы обороны нежелательно, ибо «этого не хочет советское правительство»? Оборонная структура не очень слабая, но и не настолько сильная, чтобы противиться повороту политики государства, — вот всё, что позволено советскому обществу в период НЭП'а, международному обществу в период разрядки. Наши министры доказали, что правила игры им известны. Коммунистом быть не обязательно, но нельзя быть антикоммунистом; можно оставаться «капиталистом», но нельзя проявлять антисоветские настроения. У Франции есть только друзья. Вражеские цели для французской армии не обозначены.

При всем том неплохие результаты в Европе может принести и холодная война. Как я говорил, холодная война стремится к разделу, к местным трансформациям, к точному подсчету прибылей и убытков. Обстановка может сложиться так, что ничто не помешает новому разделу, вследствие которого в сферу активной коммунизации попадут области, оставленные Советским Союзом

после 1945 года. В конце концов, в самом крохотном кантоне Западной Европы больше коммунистов, чем во всей Восточной Европе, хотя большинство из западных коммунистов можно бы упрекнуть в излишней «наивности». Конфисковать типографии, радио, телевидение, ликвидировать рынок, расколоть социальные классы, уничтожить промежуточные связи между людьми, наглухо запереть все границы, чтобы каждый народ сидел в своем закуте, не видя соседей, — сделать все это, и порядок обеспечен на долгие годы. Советизация Восточной Европы занимала коммунистическое движение десять лет. Сколько же новых возможностей даст завоевание Западной Европы! Вот где коммунизм найдет второе дыхание!

Самых проницательных наблюдателей удивила легкость, с какой СССР собрал в Хельсинки европейские государства, когда столько труда ему стоит созвать в одно место компартии тех же стран. Как получилось, что система Б — межгосударственная, а значит настроенная на конфликты — срабатывает быстрее и эластичнее, чем система А, действующая через каналы международного коммунистического движения? По всей видимости, программа, принятая ныне европейскими компартиями, весьма скромна, а стиль ее больше подходит переговорам между государствами, чем диалогу между коммунистическими партиями.

В Хельсинки от западных государств требовалось лишнее раз, но с особой торжественностью, выразить согласие на разрядку. Что они и сделали, не забыв, однако, принять некоторые меры для сохранения туманности термина, чтобы неизвестно было, как его понимать: то ли в общепринятом смысле, то ли в смысле, какой придает ему СССР. Результатом была полная двусмысленность: СССР громко и ясно возвестил миру свое толкование, а Запад остался при своем — более или менее расплывчатом. Но встреча в Хельсинки содержала еще один аспект: она провела четкую и непреодолимую черту вокруг советской зоны в Европе. Это энергичное напоминание о пределах, которых не смеет нарушить международное общество в условиях разрядки, было, возможно, своеобразным указанием на то, что разрядка приближается к концу и близок очередной поворот. Формула «то, что наше — наше, а о вашем поторгуюсь» может годиться и для разрядки, и для холодной войны — в зависимости от того, где ставится ударение: на слове «наше», или на слове «поторгуюсь»; в зависимости от участи, уготованной «нашему», и от близости срока переговоров.

Намек был слишком тонким для западных государств. Куда шел Запад? Знал ли он истинный смысл разрядки? Если знал, то не лучше ли было подписать еще один договор — чтобы продлить ее? Чтобы завтра было таким же, как и вчера...

Нужно отдать должное европейским коммунистическим партиям: они прекрасно поняли намек. Не исключено, что им известно о намеченном КПСС повороте политики, о готовящемся возврате к военному коммунизму, о связанной с ним новой холодной войне. Если все это так, не удивительно, что между ними существуют различия во мнениях, продиктованные разными насущными интересами.

Цель европейских компартий — захват власти. Цель КПСС — сохранение власти. Разница огромна. Лишь после прихода к власти открываются возможности политического выбора между военным коммунизмом и НЭП'ом. Выбор такой чужд западным компартиям. Их проблематика — аналогичная по структуре — принадлежит к более старому слою ленинизма, где в совершенно новом контексте сталкиваются сектантство и оппортунизм, левизна и ликвидаторство.

Заведовать утопией — одно дело, готовить ее пришествие — совсем другое. Внутренний ритм каждой западной компартии смещен по сравнению с ритмом КПСС. Разумеется, западные партии ощущают свою принадлежность к международному коммунистическому движению. Они знают, насколько ценно для них существование советского государства, насколько необходимо единство. Они подчиняются «пролетарскому интернационализму» из здравого рассудка и из политической последовательности. Анни Кригель очень точно заметила, что западные коммунисты следуют за Москвой потому, что они большевики, а не потому, что Москва их принуждает к этому с помощью какой-то системы дистанционного управления. Западные коммунисты вполне независимо выбирают свою зависимость. И тем не менее, перепад ритмов вызывает напряжение. Для его преодоления советская компартия содержит внутри западных партий полуподпольный аппарат, а те смотрят на него сквозь пальцы.

Как правило, напряжение обостряется, когда поворот в Москве заставляет братскую партию отказаться от политики завоевания власти в момент появления первых ощутимых результатов.

Если новая холодная война принесет новый раздел Европы, если подвластная большевикам зона расширится, а «свободная» — если можно так выразиться — зона сократится, будет вполне

естественно, что западные коммунистические партии не захотят оставаться на пожертвованной территории. Как трудно им будет лишиться надежды на власть, бороться с изоляцией, вопреки всему защищать Советский Союз — как нужно было защищать после германо-советского пакта, после блокады Берлина, — как трудно будет испытывать власть общества, самим оказавшись в положении отведенном обществу при НЭП'е!

Между тем, политическая линия в паре с обстоятельствами поставила коммунистические партии во Франции и Италии на расстояние вытянутой руки от власти. Как заметил Раймон Арон, они впервые могут надеяться завоевать государство через общество, а не как было до сих пор, общество через государство. Разногласия между французской и итальянской партиями касательно новой линии объяснимы, быть может, в свете разницы в их анализе возможностей прихода к власти — в атмосфере разрядки или же холодной войны. Над итальянской партией тяготеет другое подозрение: она будто бы слишком далеко зашла в политике примирения, теряя свою способность дать задний ход и тем самым соскальзывая в **оппортунизм**. Раньше или позже это должно повести к изменению характера самой партии, к социал-демократизации. Не будем об этом судить. Учтя, что контроль идеологии в области культуры и средств коммуникации в Италии еще сильнее, чем во Франции, можно усомниться в обоснованности подозрения. Разрядка укрепляет общество вне и вокруг коммунистической партии Советского Союза — то же происходит в Европе. Французская компартия очень хорошо сопротивляется эрозии. Может быть, это меньше удалось тесно связанной с обществом итальянской партии. В такой ситуации возвращение к холодной войне было бы хорошим способом помочь международному коммунистическому движению остаться самим собой.

В перспективе грядущего раздела объясняется и разница в политике португальской и испанской компартий. Партия г-на Куньяна бросилась на штурм власти в строевом порядке, как на маневрах, следуя заветному большевистскому *Kriegspiel*. Такого точного подражания революционному сценарию не было со времен Октября. Иначе дело обстоит в Испании. Г-ну Карильо досталось более опасное наследство. На его партии тоже проступает клеймо оппортунизма.

Хотелось бы продолжить анализ, но избежим риска потерять контакт с реальностью. Поживем — увидим.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Война 1973 года — хороший пример того, что СССР, продолжая разрядку, никогда не упускает случай поживиться, где только можно. Искушение было большое: обеспечить себе дружбу арабских стран, унижить Израиль, ослабить южный фланг Европы, воспользоваться нефтью как средством шантажа. Крах сионизма обескуражил бы советских евреев, а вслед за ними и другие национальности, ищущие освобождения. Таким образом стоило труда вооружать и обучать арабов, пойти на конфликт. Победа арабов не была необходимой. Для советских планов важно было, чтобы Израиль не одержал сокрушительной победы. Дело в том, что присутствие Израиля гарантирует верность и подчиненность арабских стран Советскому Союзу. Не добившись решающей победы, Израиль вел бы переговоры с уязвимых позиций; тогда СССР мог бы играть роль посредника, выставляя напоказ свою **умеренность**. Политические барыши от операции потекли бы в советский карман. Кроме того, дав согласие на дальнейшее существование лишённой части территории Израиля, СССР не поставил бы разрядку под угрозу, наоборот, он смог бы с тем большей силой навязать ее Западу. Война 1973 года не дала, однако, желанных результатов — благодаря успешным действиям израильской армии и резкой реакции США. За два года, истекшие с тех пор, обстановка изменилась. Гипотеза установки политического курса на раздел подтверждается как на Ближнем Востоке, так и в Европе. На Ближнем Востоке тоже есть территория неустановившегося равновесия: Ливан. Формальное признание Израиля Советским Союзом — выгодное, пока к Ближнему Востоку прилагалась общая схема разрядки — теряет смысл в контексте холодной войны, оно может помешать четкому разграничению друзей и врагов, подчиненных и неподвластных зон.

В связи с этим мне кажется, что недавняя резолюция ООН инспирирована Советским Союзом. Термин «расизм» в принципе чужд словарю арабского мира. Он взят из словаря нацизма и антинацизма. До сих пор смысл его был сравнительно точен: он относился к расам, существующим в действительности, хотя совсем иначе, чем в псевдобиологии расизма. Сионизм же построен на понятии народа и абсолютно игнорирует понятие расы. Применение к нему термина «расизм» полностью фальсифицирует сам термин. Отныне «расизм», вместе с «империализмом» и «фашизмом», вошел в состав тех неопределенных понятий, которыми

по желанию идеологической власти в любой момент можно клеймить любого противника (в этом состоит одно из преимуществ большевизма перед нацистской идеологией). В оставшееся еще время, посвященное разрядке, международное общество будет прилежно заучивать новую лексику. В самом же Советском Союзе легко будет устранять еврейских кандидатов на эмиграцию в Израиль, применяя к ним суровые наказания, предусмотренные советским кодексом за проявления расизма или антисемитизма.

ВОЙНА И МИР

Всё сходится на том, что гипертрофия советских вооруженных сил создает угрозу новой мировой войны. В 1939 году Германия начинала войну в состоянии слабой подготовки, в рискованной стратегической ситуации, не предполагая будущего размаха военных действий. Во всех этих отношениях советская армия занимает сегодня гораздо более удобное положение. До недавнего времени Советскому Союзу лишь с трудом удавалось удерживать шаткое равновесие сил со своим главным противником; но если он придет к убеждению — верному или ложному, — что отныне «ту же политику» он способен вести военными средствами без риска взаимного уничтожения, то искушение может оказаться слишком большим.

Все может случиться. Подчеркнем, однако, что в идеологической сфере война считается самым крайним средством. Понятие разрядки издавна существует в советском словаре, где она звучит более полно: **ослабление напряженности**. Но в этом словаре отсутствует понятие холодной войны.

Я все время принимал точку зрения Коммунистической партии Советского Союза и заимствовал термины из ее обихода. Выражением «холодная война» — родом с Запада — я воспользовался в виде исключения как удобным обозначением одной из моделей советской внешней политики. В советских же текстах эпохи холодной войны (1945-1953) ей дано совсем другое название: **защита мира**. Вся история советской внешней политики — это колебание маятника между **защитой мира** и **ослаблением напряженности**.

Внутри идеологической сферы эти названия полностью оправданы. Истинной свободы нет в таких странах, как Франция, потому что коммунистам в них не предоставлена полнота власти.

Точно так же не может быть прочного мира, пока коммунизм вынужден мириться с разделом земного шара, а на подвластной ему территории должен, сохраняя власть, без устали бороться с неуловимым, проецированным вовне врагом, имя которому «империализм». **Защита мира** неотделима от **построения социализма**. Советские войска, стоявшие на границах Восточной Европы, где полным ходом шла советизация, стояли на страже мира. Защита мира носит активный и временами наступательный характер. Занимая Чехословакию, войска Варшавского пакта одновременно совершали акт пролетарского интернационализма и защищали мир, о чем публично засвидетельствовал г-н Гусак. Во время разрядки построение социализма откладывается, или, по меньшей мере, несколько замедляется. Становится возможным ослабление напряжения. Но как только возобновляется строительство социализма, как только наступает поворот к более жесткой или, как пишут журналисты, твердой политике, на первый план снова выходит защита мира.

Тот же урок можно усвоить и вне идеологической сферы. Раймон Арон любит подчеркивать, что по Клаузевицу войну развязывает не агрессор, вторгшийся во главе своих армий на территорию соседа; если сосед смирится перед лицом насилия, насилие не переродится в войну. Воистину начинает войну тот, кто с оружием в руках выступает против захватчиков. СССР не вел войну в Чехословакии, потому что Чехословакия не начала войны против СССР.

Итак, Западная Европа может без труда разобраться, в чем состоит ее истинное благо. Советская армия пользуется не принуждением, а убеждением, ее роль — воспитательная. В ней воплощены исторические законы, в ней — *ultima ratio* идеологии. Решение о войне принадлежит не советскому правительству, которое всегда будет считать себя связанным своей постоянной политикой мира. Решение это принадлежит нам. Вступление в Европу частей советской армии, если такое случится, никогда не будет рассматриваться советским правительством как акт войны; оно, несомненно, постарается, чтобы и мы приняли это событие не как агрессию, а как защиту и освобождение, и встретили бы советских солдат цветами.

IV.

Что делать? К чему обратиться теперь? Открыть еще один раздел, говорить о США и их союзниках, о том, что носит весьма неточное название Запада? Тема эта совсем другого порядка, для нее нет места в нашем кратком трактате. Тема эта более трудная, ибо Запад не поддается анализу с помощью схем настолько упрощенных, как те, которые управляют советской политикой. Наш мир конкретен, круто замешан, сложен, разнообразен, как сама природа. Не созданный по теории, он служит плохим объектом для теоретизирования. Советский мир в силу его отвлеченности трудно понять, но благодаря ей же структура его проста.

ЗАГАДКА

Упростим проблему. Произведем редукцию вопроса. Оставим в стороне внутреннюю политику Запада. Воздержимся от рассуждений о «кризисе Запада». Из обширной области внешней политики остановимся лишь на сношениях западных стран с советским государством. Поставим только один вопрос: в чем состоит интеллектуальная трудность понимания внешней политики советского правительства? В конце концов, это никак не тайная деятельность, открывающаяся лишь посвященным в сокровенный ритуал. Все, что я говорил здесь, целиком и полностью содержится в сочинениях Ленина, распространяемых на всех языках и по доступной цене тем самым правительством, о намерениях которого весь мир вот уже 60 лет теряется в догадках. Чего же, в конечном итоге, хочет СССР? Но ведь он открыто говорит об этом. Почему самые изощренные наши эксперты никак не могут разобраться, что происходит в голове дипломатов, внешний вид которых отнюдь не позволяет предположить венецианское лукавство и флорентийскую утонченность? В г-не Громыко, четверть века распределяющем попеременно то холодную войну, то разрядку, нет ничего от Талейрана. Почему же эти грубые маски, эти непозволительно откровенные методы вселяют в наших дипломатов темное ощущение, что их обвели вокруг пальца?

СОВПАДЕНИЕ ЦЕЛЕЙ

Одно наблюдение позволяет нам приблизиться к разгадке. Со времени немецкой капитуляции западная политика ставит перед собой цели, чудесным образом совпадающие с целями советской политики.

В холодную войну одно слово определяло политику Джона Фостера Даллеса: *containment*, сдерживание. Само собой разумеется, что военный коммунизм стремится к разделу не по своей воле, а под давлением обстоятельств. Если бы за Эльбой открывалось пустое пространство, советизация на ней не остановилась бы: ее задержало присутствие американцев, и СССР предпочел завоевание вглубь завоеванию вширь. В этой обстановке трудно представить себе политику, более подходящую для Советского Союза, чем создание оборонительного кордона вокруг «стража мира». Граница между занятой и оставленной зонами стала прочнее — эту-то цель и преследовала, между прочим, советская политика.

Еще более симметричной была реакция Запада на разрядку. Политика сдерживания могла считаться лишь приблизительным эквивалентом защиты мира, но ослабление напряженности вдруг оказалось совместной задачей. То же слово, то же выражение стало общим лозунгом держав-противников, не перестававших стремительно вооружаться. Запад как бы намеренно брал на себя написанную для него советским партнером роль, не требуя ничего в обмен ни за свою пассивность перед лицом защиты мира, ни за свое деятельное участие в разрядке. Все произошло, как будто у Запада были те же цели и ни о чем другом он не собирался и думать. Политика отбрасывания никогда серьезно не принималась во внимание, но и неприятие разрядки, возможность заключить Советский Союз в гетто в тот самый момент, когда он собирался из него выйти, — тоже никогда не стояли на повестке дня.

На мой взгляд, есть только одна постоянная и общая для западных стран причина такой политики: они хотят ввести СССР в концерт держав. Они относятся к Советскому Союзу, как к государству такому же, как все другие, и надеются, что в конце концов он будет вести себя согласно их желаниям. Одним словом, они стараются воспитать Советский Союз. В период защиты мира они защищают мир, ясно очерчивая границы, которых нельзя переступить под страхом войны. В период разрядки они следуют кодексу хорошего тона в отношениях между государ-

ствами, решившими сосуществовать, и хотят, чтобы их партнер постепенно усвоил тот же кодекс. Так пишутся правила общей грамматики, в которой слова «война» и «мир» означают одно и то же для разных систем.

ЭКСПОРТ РЕВОЛЮЦИИ

У западных государств отработан безотказный тест, испытывающий намерения советской внешней политики: отказ «экспортировать революцию». В тот день, когда система А будет навсегда разоружена, когда советская политика станет пользоваться лишь средствами системы Б, СССР завоюет респектабельность в глазах западного мира.

До сих пор тест этот давал только отрицательные результаты. Едва был распущен Коминтерн, как эстафетную палочку перенял Коминформ. В свою очередь распущенный, он передал свои функции комиссии ЦК по сношениям с братскими партиями. В то самое время, когда французское правительство строжайше держалось принципа национальной независимости и тешилось полным на этот счет пониманием со стороны советского правительства, оно смотрело сквозь пальцы на тот факт, что первый секретарь самой большой партии во Франции избирался по соглашению со специальной комиссией того же советского правительства, перед которой этот первый секретарь совершенно открыто отчитывался по несколько раз в год.

Советское правительство не может отказаться экспортировать революцию, даже если бы оно этого хотело. Такой отказ был бы равносителен отказу от идеологии и, следовательно, от власти. Пусть идеология топорна, как это, по большей части, еще имеет место в западном коммунистическом движении, пусть от идеологии осталась лишь словесная шелуха, как в советской империи, — форма ее та же, содержание то же, и все то же устремление к универсальности. Чаения, которые собрали вокруг Ленина первых коммунистов, не были скромными: они мечтали переделать общественный строй и природу, старый мир заставить разрешиться новым, обещанным доктриной, сотворить новое небо и новую землю. Их видение мира не ограничивалось никакими заранее заданными пределами. Оно ставило в центре абсолютное Знание, понемногу реорганизуящее вокруг себя все бытие, все знания, даже генетику Лысенко, даже лингвистику Марра. Великие стремления, божественное видение. Именно в нем и только в нем вся

законность коммунистической власти. Отказавшись владеть вселенной, она потеряла бы право владеть самым крохотным районом. Она заточена в дилемме «все или ничего» и обречена быть ничем, если не может быть всем. Внутренняя последовательность принуждает братские компартии к солидарности с Советским Союзом. Обратное не менее верно.

РАЗРЫВ

Но и это еще не ключ к разгадке. Парадокс, сбивающий с толку паралогизм кроется в другом. Его источник — простой факт; утопия может прийти к власти, но власти недостаточно для ее осуществления. Шестидесять лет непрерывных усилий не устранили разрыва между тем, чем должна быть Советская страна, и тем, что она есть в действительности. Будь утопия моральной, разрыв между желанным и свершенным считался бы в порядке вещей: коммунизм представлял бы собой «идеал», к которому, не претендуя достичь, можно постоянно стремиться. «Будьте святыми, как я», говорит Вечный своему народу, — и народ прилагает к тому все силы, зная о неосуществимости своего порыва. Но утопия научна. Высшая природа делжна была естественным путем развиться из природы, высшая реальность, т. е. ирреальность — из реальности. Так не случилось. Не было даже признаков родовых схваток. Умирная русская империя тысячекратно растиралась, перемешивалась, вливалась в форму идеологии, но тесто упрямо хотело приставать к ее стенкам. Между Советским Союзом подлинных свидетельств и Советским Союзом газет, официальных журналов, подцензурных показаний туристов открывается зияющая пропасть, такая же, как в первый день, пропасть абсолютная, неустранимая. Идеология остается привидением, блуждающим в поисках плоти — воплощение не происходило. Социализм не смог выйти из состояния потенции, из ожидания благодати. Построение социализма свелось к построению фикции.

Увы, у России для этой роли традиционные дарования: «Россия обманывает и лжет, — писал Мишле в своих «Демократических легендах Севера». — Это фантазмагория, мираж, это царство иллюзии... крещендо лжи, видимости и иллюзий».

Почти столетием позже, в 1938 году, Борис Суварин, обогащенный тяжестью опыта, писал: «СССР — страна лжи, лжи абсолютной и полной. Сталин и его подданные лгут всегда, каждую минуту, при любых обстоятельствах, они так лгут, что

уже сами не знают, что лгут. И когда все лгут, никто не лжет, говоря ложь. Там, где лжет всё, не лжет ничто. СССР — это ложь от фундамента до шпиля на башне, ложь и ничего более. В четырех словах, скрытых под его инициалами, не менее четырех обманов. На каждую статью Конституции приходится по несколько неправд. Ложь — это естественная среда псевдосоветского общества. Сталин, согласно самому основному закону, не существует: ложь. Политбюро, согласно официальным документам, никогда не существовало: ложь. Права народа, демократия, свобода: ложь. Пятилетние планы, статистика, результаты, достижения: ложь (...) собрания, съезды: театральная комедия. Диктатура пролетариата: гигантский обман. Спонтанность масс: тщательная организация. Правые, левые: ложь и ложь. Стаханов: обманщик. Стахановское движение: обман. Радостная жизнь: мрачный фарс. Новый человек: бывший громила. Социализм: бесстыдная ложь...» Я готов подписаться под этим суждением с одной оговоркой: эта ложь не **настоящая**. Немного дальше я объясню мою мысль.

Со времени свидетельства Суварина прошло сорок лет. Миллионы русских родились, состарились, умерли. Много раз зеленели и отцветали поля. Огромные города, колоссальные заводы строились и приходили в упадок. Все рождалось, росло, увядало. Только одно избежало вечного круговорота жизни: социализм. Он существовал в виде теории в ленинском мозгу. 7 ноября 1917 года Ленин пришел к власти, но социализм остался теорией. Власть покоилась в тех же руках, действительность менялась, но социализм сохранил чистоту и нетленность небывшего. Что же было делать коммунистической власти, целиком основанной на истинности, на научной безошибочности теории?

Во-первых, нужно было **притворяться**. По мере того, как действительность все дальше и дальше уходит от «социализма», официальный язык описывает ее как «строящийся социализм». Между реальностью и ирреальностью появляется трещина. Искусство владеть речью заключается в том, чтобы придать словесной реальности как можно большее внешнее сходство с действительной реальностью. Но чудо *adaequatio rei et intellectus*, вернее, адекватности предмета и слова никогда не приходит. Разлад этот необходимо, однако, отрицать самым принципиальным образом. Поэтому нужно, чтобы люди опровергли реальность и голосованием, аплодисментами, широкими улыбками утвердили ирреальность. Для этого же необходим террор. Суварин пишет: «Един-

ственная реальность: террор, разлагающий умы и отравляющий сердца. Ложь — первое и неизбежное следствие террора». Поэтому, нужно изменить порядок фразы: единственная реальность: фальсифицированное слово, разлагающее умы и отравляющее сердца. Террор — первое и неизбежное следствие лжи. Солженицын в первую очередь разоблачает не террор. Он разоблачает ложь.

Во-вторых, власть обречена снова и снова пытаться совершить невозможное воплощение утопии. В этом смысл описанных здесь двух моделей политики: военного коммунизма, нацеленного на трансформацию или уничтожение всего, что сопротивляется партии, и НЭП'а, предназначенного усилить партию, т. е. улучшить и укрепить форму, в которую еще раз будет влита реальность.

Оба эти маневра могут требовать от партии ловкости, тактической сноровки, политического чутья, — но принцип их очень несложен. Это, по сути дела, предварительные, вступительные действия, они остаются вступительными и по сей час, несмотря на шестьдесят лет напряженных усилий. Прodelан кровавый и тяжелый труд, но в фундаменте социализма по-прежнему не хватает первого камня. Потому-то грубая схема военного коммунизма и НЭП'а позволяет упорядочить и осмыслить столько событий, столько фактов: работу то и дело нужно начинать сызнова, обращаясь то к одной, то к другой политической линии, и ту и другую поочередно ждет провал, но выбора нет, и схема неумолимо повторяется.

Удалось ли мне приблизиться к ответу? Почему же, еще раз, почему не всем это ясно, почему разъяснения в учебниках советских авторов не принимаются всерьез? Неужели для того, чтобы понять такую простую, такую самоочевидную систему, необходимо иметь глубокий физический опыт советской действительности — жить в стране, побывать коммунистом — или же иметь метафизический опыт небытия? Может быть и необходимо. Но есть и более обыденные причины. Вернемся к международному обществу, к его политике по отношению к СССР. Рассмотрим вкратце две сильнодействующие и распространенные причины непонимания.

НЕЗНАНИЕ И СТРАХ

Незнание. СССР окутывается тайной; пользуясь разрядкой, он эффективно контролирует источники информации, иностранных корреспондентов, редакции европейских столичных газет, радио и телевидение. Во имя разрядки — общей цели Востока и Запада — нетрудно добиться известной сдержанности средств информации. Кроме того — признаться ли? — существует страх, существует трусость. Они извинительны. Бог знает, что может случиться. Но наряду с этим широко распространено заблуждение, которому подвержены люди, искренно пытающиеся что-то узнать и понять, и вот это заблуждение наиболее любопытно с чисто познавательной точки зрения.

О нем, впрочем, смутно догадываются. «Европа была неоднократно захвачена врасплох сокрушительной силой влияния России, внушившей страх западным странам. Ему покорялись, как чему-то роковому; ему оказывали сопротивление лишь разобщенными, единичными и случайными усилиями. Но это магическое действие, производимое Россией, сопровождается постоянно возобновляющимся скептицизмом; этот скептицизм следует за ней, как тень, растет вместе с ней, примешивая острые нотки иронии к стонам агонизирующих народов и высмеивая ее действительное могущество, как зловещий фарс, разыгранный с целью ошеломления и надувательства. Другие империи вызывали в самом начале их возникновения подобные же сомнения; лишь одна Россия стала колоссом, не перестающим вызывать удивление». Эти слова Карла Маркса более подходят к советской России, чем к России Николая I.

ЛОЖНАЯ СИММЕТРИЯ

Я предлагаю следующую гипотезу: наши затруднения понять советскую систему по большей части проистекают от естественной и сознательной нашей тенденции ставить между ней и нами знак симметрии. Человеческий разум создан для жизни в однородном мире. Общение с другими предполагает разделение с ними той же реальности. Руководствуясь своим желанием ввести СССР в содружество наций, международное общество вынуждено делать то же, что делает коммунистическое движение, — **притворяться**. В переговорах с советским государством, отрицающим раздвоение реальности, при каждом соглашении, при каждой декларации

международное общество должно волей-неволей делать то же самое. Привычный оборот мысли даже и экспертов заставляет прилагать к этой совершенно новой исторической формации категории, представляющиеся универсальными, но в действительности неприменимые именно в данном случае.

Я говорил о двусмысленности понятия «экономика» в контексте советской системы производства. Но и само понятие советского **общества** спорно, если считать обществом некое целое, составленное из личностей, связанных организованными отношениями и взаимными услугами, закрепленными в правовых и социальных институтах. Институты в советской действительности фиктивны или декоративны, и никакой взаимности не может быть между обществом и партией-Государством, живущим в мире идеологии и неспособным воспринимать реальное общество. Можно ли вообще говорить о советском **режиме**, если помнить, что он не вмещается ни в определение Аристотеля, ни в определение Монтескье, не соответствует никаким известным формам хорошего правления (хотя и претендует синтезировать их все вместе), ни известным формам плохого правления. Собственно говоря, это не тирания — я писал об этом — и не деспотизм. Но если первичные, фундаментальные понятия, соприкасаясь с советским миром, становятся неадекватными и требуют пересмотра, то что происходит с зыбкими постройками, возведенными на базе этих понятий? Увлеченные параллелизмом мечтатели говорят о «конвергенции» между Востоком и Западом, пространно рассуждают даже о советском «военно-промышленном комплексе». Страсть к симметрии породила пустопорожнюю идею «двух империй», советской и американской. Согласно ей объединяются — на этот раз в порицании — репрессии в Чили и репрессии в СССР, такой-то средиземноморский диктатор и диктатор кремлевский. Но в Кремле нет диктатора. Западная дипломатия разрядки ссылается на необходимость сосуществования разных экономик, обществ, режимов и тем самым дарит советскому правительству официальное признание того, что оно тщетно пытается реализовать: признание экономики, общества, режима. Самая могущественная власть на Земле силой навязывает это признание своим подданным, но получает его от международного общества даром — благодаря простому механизму дипломатических переговоров.

Для партнеров СССР отсюда вытекают очень серьезные последствия. Логика симметрии побуждает их концентрировать вни-

мание на системе междугосударственных действий (системе Б) советской внешней политики, упуская из виду ее взаимосвязь с системой А, системой идеологического действия. Последняя кажется им пережитком прошлого, поверхностной условностью, — их политическое зрение затемняется. Другое последствие перехода на уровень ирреальности: реальность оставляется на произвол судьбы. Русский, украинский, грузинский, армянский и другие народы переносили все свои беды, не слыша ни слова поддержки, ни слова жалости, которое при других обстоятельствах помогало держаться Ирландии, Греции, Польше. Эти народы не забудут предательства. Мир религии заплатит за него дорогую цену. Кровь мучеников, непризнанных ни одним календарем, взывает к небу. По лености ума церковники Запада сравнивают коммунистический мир с миром варваров и воображают, что им удастся обратить его в веру, как некогда Кловиса и Владимира. Но у варваров было могучее оружие, кони в роскошной сбруе, гордая осанка: они существовали. А «социализм», где же он? Можно ли придать душу тому, у чего нет тела? Говоря теологическим языком, церковники представляют себе коммунистический мир в состоянии естества — причем направленного в хорошую сторону, — которому недостает лишь благодати. Увы, отсутствует не благодать, а само естество.

Условное признание ирреальности международным обществом — признание, которое придает ей вещественность — мне хочется назвать «духовной» системой Витте; как ее экономический аналог, она засасывает и спутывает обязательствами все международное общество.

Запад признает социализм существующим, а значит, более совершенным строем. Где же международное общество найдет силы духовного сопротивления социализму? Как оно сможет предпочесть социализму то, что оно мало-помалу **вынуждено** называть капитализмом?

КАК ВЕСТИ ПЕРЕГОВОРЫ?

И тем не менее, переговоры нужны. Как их вести, вот главный вопрос.

Еще раз процитируем Мишле: «По природе своей, по своей жизни, Россия — ложь, и следовательно, ее внешняя политика, ее оружие против Европы не могут не быть ложью».

Вот тут-то и следует остерегаться слишком очевидных сопоставлений. Мишле, Маркс, даже де Кюстин тем более вводят в заблуждение, чем яснее кажется их правота. Они говорят не о советской России. Советская ложь несравненно более обманчива, чем традиционная русская ложь, ибо ее нельзя назвать ложью. Это видимость лжи, ложная ложь, псевдо-ложь.

ИСТИННАЯ ЛОЖНАЯ ЛОЖЬ

Ложь — это намеренное искажение истины с целью обмана. В искусстве этом непревзойденным мастером считалась империя царей. Когда Екатерина II заявляла, что русский крестьянин, по существу, свободнее, чем крестьяне немецкие и французские, она утверждала ложь. Но она прекрасно знала истину. Русские правительства старого режима пользовались для достижения своих целей — может быть, более успешно, чем другие — классической макиавеллиевой ложью, искажением реальности. Но царские министры не видели реальности иначе, чем их партнеры. Они держали про запас два словесных наименования для той же, общей для всех реальности. Их партнеры тоже не давали обета правдивости, но они всегда знали, о чем идет речь. Когда под предлогом защиты Святых Мест русская армия продвигалась к Константинополю, все знали, что истинной целью и был Константинополь, и, пользуясь подобным же предлогом, Англия постаралась преградить русским путь. Два слова, одна реальность.

Когда же Брежнев, повторяя Ленина, утверждает, что советский гражданин — самый свободный в мире, он не лжет. Он обращается к ирреальности, где слова получают новый и вполне определенный смысл. В этой идеологической ирреальной реальности гражданин Швейцарии лишен свободы.

Противоположность лжи — правда. У лжи и правды названия разные. Во всеобщей действительности противоположностью свободы является рабство. Если, однако, собеседники договариваются о словах, но не о реальности, к которой они относятся, тогда одно слово будет обозначать две противоположные вещи. Так, противоположностью свободы в советском понимании будет то, что мы называем свободой. Противоположностью разрядки будет разрядка, противоположностью защиты мира — защита мира. Вопреки очень распространенному шаблону, советское правительство характеризуется не двойной речью, а наоборот, единой речью для обозначения раздвоенной реальности. Одно слово две реальности.

Идеальный коммунист, по примеру Ленина, говорит только на одном языке и живет целиком в мире ирреальности. Если он лжет — что, впрочем, является долгом по отношению к классовому врагу, — он плохой коммунист. Если он думает, что его язык приложим к «реальной» действительности, он наивен. Если наедине с собой или в кругу друзей он пользуется другим языком, — он циничен. Хорошего коммуниста отличает абсолютная искренность.

Как правило, переговоры между странами ведутся в двух плоскостях: материальной и принципиальной. По очевидным причинам совершенно необходимо без усталости договариваться с советским правительством по материальным вопросам. Нужно терпеливо стремиться к соглашениям — временным, как всегда между могучими государствами, — соглашениям о границах, о торговле, о вооружениях, о научном и культурном обмене. В таких переговорах партнеры обсуждают одно и то же, располагая для своих целей всем арсеналом лжи, хитростей и коварства. И пусть так будет.

Дурной оборот могут принять переговоры о принципах. Дискуссия о принципах начинается, едва только встречаются трудности в области материальной. Когда трудно прийти к совместному решению о количестве боеголовок, можно без труда объявить о искреннем и глубоком миролюбии обеих договаривающихся сторон. Когда невозможно соглашение по поводу Вьетнама, Анголы, Португалии, почему бы не возвестить миру о полном взаимопонимании и обоюдном соблюдении высокого принципа невмешательства и права народов на самоопределение? Такие декларации отравляют, однако, дух переговоров и заставляют западных партнеров противоречить самим себе. Ибо американцы всегда будут вооружаться своими ракетами и осуществлять интервенцию во Вьетнаме, тогда как СССР всегда будет стоять на страже мира и бороться против империализма. Таким способом ирреальность врывается в реальную действительность и дезориентирует ее.

Правило, которым, как мне кажется, должно руководствоваться при переговорах, таково: договариваться с реальностью и не договариваться с ирреальностью. Это жесткое правило. Насколько легче вести «диалог», т. е. выспрашивать о намерениях советских партнеров (они хотят мира, справедливости, свободы), чем добиваться шаткого, зыбкого, сомнительного раздела сфер

влияний, раздела, который не принесет ни славы, ни морального удовлетворения.

Дискутировать с советским правительством, когда оно лжет, но отказываться от дискуссий, когда оно искренне, — такая позиция будет требовать от нас постоянной самоотверженности и непрерывных усилий. Но перед лицом странного манихейства, возбуждаемого иной реальностью, нет иного пути, как крепко держаться единой и единственной реальности. Перед лицом галлюцинации, миража, фантазмагии нет другого выхода, как напрягать зрение в поисках вещественного, осязаемого бытия. Вот верховный принцип. Вот главная добродетель. Оставим властям определение способа их применения.

Ленин и ВЧК: подлинный Ленин

Спор о Ленине продолжается. Со Сталиным все ясно: тиран, злодей. И даже те в Советском Союзе, кто говорит о необходимости «возвращения к Сталину», не оспаривают оценки Сталина. Они лишь говорят о необходимости тиранства, злодейства, единоличной власти, сильной личности. Спор о Ленине продолжается. Кем он был: мифическим Отцом революции и послереволюционного государства; всезнающим, всевидящим и всемогущим, как Бог; добряком, любившим детей и животных; кровавым извергом, предшественником Сталина? Было ли в нем всего понемногу? В какой пропорции? Все эти вопросы продолжают занимать историков и писателей, ибо — сегодня это очевидно! — без Ленина не было бы Октябрьской революции. Следовательно: понять Ленина, значит — понять — в каком-то смысле — Октябрьскую революцию, а значит — тоже в каком-то смысле — понять Советский Союз, отбрасывающий сегодня тень на весь земной шар.

Вышедшая в 1975 г. в Москве книга — сборник документов «Ленин и ВЧК» — позволяет продолжить спор о Ленине с новыми материалами в руках. Легитимизируя свои претензии на истину, на власть, к Ленину обращались и обращаются сталинисты и антисталинисты, троцкисты и маоисты. Теперь в поисках легитимации обратились к Ленину работники КГБ. Председатель редакционной коллегии сборника «Ленин и ВЧК» — С. К. Цвигун — заместитель председателя КГБ. В составе редакционной коллегии — историки советских «органов» и «практические работники». Цель сборника — представить Ленина — святым патроном ВЧК, а следовательно — всех ее последующих превращений: ОГПУ, НКВД, КГБ.

Среди 532 документов, собранных в книге, подавляющее большинство были уже опубликованы: в собраниях сочинений Ленина, в сборнике «Из истории ВЧК» (1958). Вновь опубликованные материалы не открывают ничего нового, но дополняют уже известное деталями. А как писала Екатерина Вольтеру, «общие правила давать легко. Но детали?»

Сборник «В. И. Ленин и ВЧК» полон деталей, которые позволяют понять — иногда понять по-новому — многие, казалось

бы хорошо известные, «общие правила», общие положения. Изданный в Москве сборник можно рассматривать как продолжение книги А. Солженицына. Был «Ленин в Цюрихе». Теперь вышел «Ленин в Петрограде» и «Ленин в Москве». «В. И. Ленин и ВЧК» рассказ о деятельности бывшего цюрихского эмигранта, после того, как он возглавил Россию.

Удержание большевиками власти после Октябрьского переворота объясняли чудом, случайностью, неумолимыми законами истории, гением Ленина. Американский писатель Джек Вильямсон в научно-фантастическом рассказе «Человек со стороны»¹ повествует о встрече пришельца из космоса с невысоким молодым человеком, большелобым и остроглазым. Было это в конце XIX в., в далекой Сибири. Пришелец из космоса, представитель цивилизации, далеко опередившей земную, поделился со своим собеседником некоторыми принципами военного искусства и революции. И научил, таким образом, молодого Владимира Ульянова тому, чего люди еще не знали. Сборник «В. И. Ленин и ВЧК» позволяет утверждать, что в числе важнейших факторов, определивших победу большевиков, были гениальные открытия Ленина в деле использования тайной политической полиции и террора для сохранения власти.

Это были открытия Ленина, ибо ни у Маркса не было специальных указаний о необходимости создания всемогущей тайной политической полиции после победы пролетарской революции, ни в программе социал-демократической партии ничего на этот счет не говорилось. Конечно, политическая полиция и террор были открытием Ленина. Он сам указывал главный источник вдохновения, когда, раздумывая над кандидатурой руководителя борьбы с контрреволюцией, говорил: нам нужен Фукье-Тенвиль. Французская революция была зеркалом, в которое смотрелись вожди Октября. Но террор и политическая полиция Французской революции были для Ленина образцом лишь на первых порах. Очень скоро он приходит к выводу, что надо идти несравненно дальше, захватывать террором и полицией несравненно глубже и шире. Документы, собранные в книге «В. И. Ленин и ВЧК», показывают, что на этом пути председателю Совнаркома и руководителю большевистской партии пришлось прежде всего преодолеть некоторые колебания его товарищей. Известно, как был возмущен Ленин, когда по предложению Каменева

¹ Jack Williamson: The Man from outside.

II съезд Советов отменил 25 октября 1917 г. смертную казнь. Троцкий вспоминает, как Ленин повторял в гневе: «Глупость, глупость... Что же они думают, что можно совершить революцию без расстрелов?» Видимо, кое-кто именно так и думал. С этими взглядами Ленин начинает вести решительную борьбу. «Мы еще не дошли до настоящего террора, потому что мы сильнее их, — утверждает Ленин 24 января 1918 г., — у нас есть Советы, нам достаточно будет национализации банков и конфискации имущества, чтобы привести их к подчинению». Есть основания думать, что в это время Ленин уже не верил в то, что «национализации банков и конфискации имущества» будет «достаточно». Приведенные выше строки были написаны через месяц после создания Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Ленин уже знал, что «мы еще не дошли до настоящего террора», он знал, что до него надо будет дойти. Документы сборника ведут нас — к «настоящему террору». «ВЧК доводит до сведения всех граждан, что до сих пор комиссия была великодушна...» Это — 23 февраля 1918 г. «Наша власть слишком мягка», — пишет Ленин в тезисах «Об очередных задачах советской власти»². Это — конец апреля — начало мая. В начале июля Ленин телеграфирует члену ВЧК В. Панюшкину, подавлявшему сопротивление тульских крестьян, не желавших отдавать хлеб продотрядам: «...Вас прошу действовать твердо, предварительно строго рассчитав и взвесив силы, ибо начиная надо доводить до конца». Председатель Совнаркома подталкивает: «Сообщите срочно, сколько хлеба ссыпано, сколько вагонов отправлено, сколько спекулянтов и кулаков арестовано». 26 июня Ленин пишет письмо Зиновьеву, в котором возмущается тем, что руководители петроградских большевиков предотвратили «массовый террор», которым «рабочие хотели ответить на убийство Володарского». Ленин указывает: «Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров...»

Троцкий в своей биографии Ленина, написанной в 1924 г., рассказывает о первых днях революции: Ленин «пользовался

² Никто из историков до сих пор не обращал внимания на то, что в знаменитой статье, знаменовавшей начало нового этапа революции, вождь ее дословно цитирует (можно думать — подсознательно) Ивана Грозного. Во время спора с митрополитом Филиппом, царь, стукнув посохом о землю, пригрозил: «Я был слишком мягок с вами, но теперь вы у меня взвоете!» См. Р. Г. Скрынников — Иван Грозный. М. 1975, стр. 137.

каждым случаем, чтобы внушить идею неизбежного террора». Он — по свидетельству Троцкого — по десять раз в день восклицал: «Это диктатура? Это — манная кашка!» Ленин добавлял: «Русский человек — слишком добр. Он не в состоянии принять решительные меры революционного террора. Тем не менее, совершенно необходимо попробовать...»

Ленин пробует. Он ищет — в первые недели после революции, как бы наощупь, встречая некоторое сопротивление своих соратников, — пути организации террора. Созданная 7(20) декабря 1917 г. ВЧК вначале имеет право вести «только предварительное следствие». Но уже через несколько дней функции ВЧК, созданной при Совете народных комиссаров, расширяются. И продолжают расширяться до тех пор, пока она не приобретает права вести следствие, арестовывать, судить и приводить приговор в исполнение. Достаточно сравнить два впервые опубликованных документа: постановление о создании ВЧК и постановление, принятое 31 января 1918 г. В первом указывается, что «комиссия разделяется на отделы: 1) информационный, 2) организационный отдел (для организации борьбы с контрреволюцией по всей России и филиальных отделов), 3) отдел борьбы». Во втором постановлении рекомендуется создание дополнительно «провокационного подотдела». Сделанная редакторами сноска объясняет, что подотдел этот должен был «пресекать провокации контрреволюционных элементов, проникавших в органы Советской власти». Известно, однако, что провокация становится важнейшей формой деятельности ВЧК. Анжелика Балабанова приводит в своих воспоминаниях разговор с Лениным: «Товарищ Балабанова, когда вы начнете понимать жизнь? — упрекал Ленин секретаря исполкома Коминтерна, вернувшуюся из поездки по Украине. — Провокаторы? Если бы я только мог, я бы поместил провокаторов в армии у Корнилова».

О масштабах деятельности ВЧК уже в первые месяцы после Октябрьского переворота немало написано. Историк ВЧК Д. Л. Голиков констатирует: «Чрезвычайные комиссии создавались во всех уездах, районах, городах, на транспорте и в Красной Армии»³. Сборник «В. И. Ленин и ВЧК» ценен тем, что приводит множество документов, свидетельствующих о решающей роли Ленина в формировании практических и теоретических основ деятельности ВЧК. ВЧК была создана «при Совнаркоме». Ленин,

³ «Крах вражеского подполья», М. 1971, стр. 156.

председатель Совнаркома, был формально главой ВЧК и формальной своей властью широко пользовался.

Значительный интерес представляет обильная документация, свидетельствующая о заботе, которую проявлял Ленин, обучая еще неопытных чекистов основам розыскного, следственного и тюремного дела. Со страниц сборника встает Ленин — техник полицейского дела. В записках Дзержинскому, Петерсу, Уншлихту, в письмах ответственным работникам ВЧК, в телефонограммах Ленин дает практические указания: обыски производить ночью (стр 108), при обысках «особые меры должны быть приняты в предупреждение уничтожения бумаг, побегов, сокрытия документов и т.п. (38), не арестовывать сразу, а сначала «выследить» (249). В 1921 г., когда ВЧК уже имела значительный опыт «практической работы», Ленин тем не менее находит нужным дать детальные указания, как следует хранить ценности: «...охрану и надзор довести до совершенства (особые загородки; деревянные загородки; шкафы или загородки для переодевания; внезапные обыски; системы двойных и тройных внезапных проверок по всем правилам **уголовнорозыскного** (подчеркнуто Лениным) искусства и т. д. и т. д.)»⁴. Обращает на себя внимание удовольствие, с каким Ленин — в мае 1921 г., через два месяца после Кронштадта, когда очевидной уже была угроза страшного голода, надвинувшегося на Россию, — поучает тонкостям «уголовнорозыскного искусства» своих питомцев.

С первого же дня существования ВЧК Ленин дает чекистам уроки полицейского дела, подчеркивая значение технических деталей. М. А. Алданов вспоминает в книге «Современники» первые месяцы после Октябрьского переворота: «Тогда многие петербуржцы старались не ночевать дома, аресты почему-то производились ночью». Сегодня можно сказать, почему аресты производились ночью: таково было указание Ленина. В записке Ф. Дзержинскому (30 августа 1918) мы читаем: «Не сочтете ли полезным произвести **ночью** (подчеркнуто Лениным) аресты по указанному адресу...»⁵

Знакомясь с документами, собранными в сборнике «Ленин и ВЧК», нельзя не прийти к убеждению, что руководитель советского государства не перестает думать об усовершенствовании работы ВЧК. Чрезвычайно красноречива переписка с Дзер-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 222-223.

⁵ Ленинский сборник XXXVII, стр. 114.

жинским, впервые опубликованная в сборнике. На заседании Совета обороны 18 июня 1919 г. Ленин пишет председателю ВЧК: «...Массовые обыски по Москве готовятся? Надо непременно, после Питера, ввести их **повсюду и неоднократно**. (Подчеркнуто Лениным). Что вышло **на деле** с магнитом для поисков оружия?» Дзержинский отвечает, что в отношении подготовки все в порядке, чекисты «работают усердно», но «магнит — слабое средство для поисков. Испытывали. Собираемся использовать его для того, чтобы добровольно сдавали оружие под опасением, что магнит все найдет». Ленина, однако, ответ этот не удовлетворяет, желание оснастить ВЧК новейшей техникой слишком сильно. 26 июня Совет обороны принимает постановление: «Поручить ВЧК подыскать двух товарищей, достаточно интеллигентных и подходящих к цели употребления магнетологического аппарата для обнаружения спрятанного оружия, назначив им крупную премию за успешное применение вышеуказанного аппарата».

Техника проведения обысков. Техника поисков оружия. Техника слежки: Ленин Дзержинскому: «Газета «Народ» имеет **тесные** связи с правыми эсерами. **Не закрывая** ее, надо их **выследить** (все подчеркивания — Ленина).

Для Ленина нет мелочей в практической работе ВЧК: он следит за каждой подробностью, за деталями деятельности, учит, натаскивает, хвалит и журит чекистов, оттачивая свое главное оружие в борьбе за сохранение советской власти. Посвящая много внимания вопросам техники «уголовнорозыскного искусства», Ленин, само собой разумеется, еще больше внимания уделяет объектам применения этой техники: тем, кого ВЧК «выслеживала, арестовывала, заключала в концлагеря и расстреливала.

Долгие годы жил миф о Ленине — справедливом и добром, Отце милосердном. На VI съезде советских писателей (июль 1976) А. Чаковский потребовал разоблачения мифа «добренького» Ленина и представления вождя советского государства — суровым и беспощадным к врагам.

Первые «портреты» Ленина как нельзя более соответствовали сегодняшним требованиям А. Чаковского. Максим Горький писал 10 (23) ноября 1917 г. о Ленине: «...человек талантливый, он обладает всеми свойствами «вождя», а также и **необходимым** для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс.»⁶ Евгений Замятин дает

⁶ М. Горький. Несвоевременные мысли. Париж, 1971, стр. 112.

первый художественный портрет Ленина: Благодетель — безжалостный диктатор Единого государства, счастливого государства будущего, изображенный в романе «Мы», — двойник Ленина. Почти в то же время Илья Эренбург в «Необычайных похождениях Хулио Хуренито» посвящает целую главу «кремлевскому Коммунисту», называя ее «Великий инквизитор вне легенды».⁷ У Эренбурга Ленин — фанатик, верящий, что он ведет людей к счастью, убежденный, что если люди не хотят идти к счастью добровольно, надо их заставить быть счастливыми.

В последние годы жизни Ленина и сразу же после его смерти рождается миф «доброе», «человеколюбивое», «мягкосердечное» вождя, лишь силой обстоятельств вынужденного иногда поступать строго. Главными создателями такого портрета Ленина были профессиональные гуманисты, прежде всего тот же, раскаявшийся, М. Горький, А. Луначарский. Сравнивая «гуманитарные» портреты Ленина, мы находим в них постоянно встречающуюся деталь: улыбку. Горький в воспоминаниях о крестьянском поэте Иване Вольном, члене партии эсеров, рассказывает, как «однажды он (В. И. Ленин), улыбаясь, показал мне телеграмму: «Опять арестовали, скажите, чтобы выпустили». Подписано: Иван Вольный».⁸

Ленин показывает Горькому телеграмму И. Вольного, арестованного ЧК, «улыбаясь».

Луначарский вспоминает, как Горький — в 1918 г. — пожаловался на аресты и обыски среди петроградской интеллигенции. Горький напомнил, что это те самые люди, «которые когда-то всем нам — вашим товарищам, и даже вам лично, Владимир Ильич, оказывали услуги, прятали нас в своих квартирах...» Ленин, усмехнувшись, ответил: «Да, славные, добрые люди, но именно потому-то и надо делать у них обыски. Именно потому приходится иной раз, скрепя сердце, арестовывать их. Ведь они славные и добрые, ведь их сочувствие всегда с угнетенными, ведь они всегда против преследований. А что сейчас они видят перед собой? Преследователи — это наша ЧК, угнетенные — это кадеты и эсеры, которые от нее бегают. Очевидно, долг, как они его понимают, предписывает им стать союзниками против нас. А нам надо активных контрреволюционеров ловить и обезврежи-

⁷ Эта глава, 27 в оригинальном издании, выброшена цензурой из московского издания 1962 г.

⁸ М. Горький. Собрание соч. в 30 томах, т. 17, стр. 35.

вать. Остальное ясно». И Владимир Ильич рассмеялся совершенно беззлобным смехом.»⁹ Снова Ленин говорит об обысках, арестах, об «обезвреживании» — «усмехаясь», смеясь «совершенно беззлобным смехом». Эту тенденцию изображать Ленина милым, симпатичным шутником, наказывающим «скрепя сердце», как добрый отец глупых и непослушных детей, расчищающим путь к всеобщему счастью, лучше всех выразил Луначарский: «Его гнев тоже необыкновенно мил. Несмотря на то, что от грозы его действительно в последнее время могли погибнуть десятки людей, а может быть и сотни, он всегда господствует над своим негодованием, и оно имеет почти шутливую форму. Этот гром, «как бы ревяся и играя, грохочет в небе голубом».¹⁰

Важную роль в создании мифа о «доброе» Ленине играли публиковавшиеся на протяжении десятков лет — по одному, по два — письма, телеграммы, записки Ленина в ВЧК с запросом о судьбе арестованных, жалобы которых дошли до председателя Совнаркома. Вскоре после смерти Ленина, выступая на мемориальном собрании, Мария Ильинична Ульянова рассказала трогательную историю о человеке, приговоренном к расстрелу в 1919 г. и помилованном по просьбе Ленина. «Скажите, — спрашивает М. Ульянова, — в какой части света можно найти главу государства, который проявил бы столько внимания к человеку, совершенно для него незнакомому и чуждому?»¹¹ М. Ульянова очень верно отметила «необычность» главы государства. Она могла бы добавить — и самого государства. Жюль Мишле рассказывает в «Истории Франции» такой эпизод. В салоне придворной дамы Людовика XV сидел врач. Внезапно в салон вошел король и сразу же вышел. Врач при виде монарха вздрогнул и побледнел. — Что с вами? — спросила дама. — Вы испугались? — Конечно, — ответил врач. — Вот человек, который может приказать, чтобы мне отрубили голову. — Помилуйте, — возразила дама. — Король так добр. Мишле видит в этом анекдоте причину Французской революции, которая свергла строй, при котором единственной гарантией, что человеку не отрубят голову, была доброта короля.

М. Ульянова и все те, кто расхваливал после нее «доброту» Ленина, подтверждали, не сознавая этого, что они говорят о стра-

⁹ А. В. Луначарский. Собрание соч., т. 4, стр. 438-439.

¹⁰ А. В. Луначарский. Революционные силуэты, стр. 13.

¹¹ «Правда», 8 февраля 1924 г.

не, в которой единственной надеждой на справедливость была «доброта» главы государства.

«Добрый» Ленин агнографической литературы, ощущавший, по выражению позднего Горького, «почти женскую нежность к людям», представлялся руководителем, который вмешивался в деятельность ВЧК, лишь если возникала нужда в «исправлении ошибки».

В романе Эренбурга, явившийся с визитом в Кремль Хулио Хуренито задает Коммунисту вопрос: «Как вы можете терпеть левых эсеров, выступающих на митингах, идеалистов, продолжающих, пусть тихо, в семейном кругу, поносить исторический материализм, наконец, просто миллионы людей, которые до сих пор верят не в торжество коммунизма, а хотя бы в целительные способности святителя Пантелеймона?» И слышит в ответ: «Это опять не по моей части. За разъяснениями обратитесь к товарищу...» «Кремлевский мечтатель», как известно, с удовольствием читал «Хулио Хуренито»: видимо, такое представление о нем казалось ему удачным.

Сборник «В. И. Ленин и ВЧК» показывает много Ленина. Особый интерес сборника заключается в том, то впервые собраны вместе: жалобы Ленину на деятельность ЧК, письма Ленина руководителям ВЧК — его реакция на эти жалобы — и ответы руководителей ВЧК и местных ЧК Ленину. Впервые появилась возможность получить сравнительно полное представление о роли Ленина в формировании ВЧК, в управлении полицией и террором.

Жалобы демонстрируют чудовищный размах деятельности чрезвычайных комиссий, вмешательство их во все области жизни, безграничную их власть: вся страна в руках ЧК. Значительная часть документов, собранных в сборнике: телеграммы, записки, письма Ленина по поводу жалоб. Прежде всего обращает внимание их количество, причем нет никакого сомнения, что в сборник попала лишь ничтожная доля. На первый взгляд кажется непонятным, бессмысленным внимание, которое глава государства в тяжелейшие годы гражданской войны, в период, когда советская власть находилась на краю гибели, занимается не только причинами ареста работников генерального штаба, крупнейших ученых, но также: причиной конфискации трех пудов муки и других продуктов у советского служащего Данилова в Ярославле (стр. 158), причиной конфискации велосипеда у аптекаря Рабкина в Могилеве (стр. 189), (две телеграммы направил пред-

седатель Совнаркома для выяснения судьбы велосипеда), причиной ареста петроградской портнихи Завадской (253). Дважды телеграфирует Ленин в Царицын, узнав, что 17-летняя Валентина Першикова арестована за то, что «разрисовала портрет В. И. Ленина». Указывая: «за изуродование портрета арестовать нельзя». Требуя: «освободите Валентину Першикову немедленно», Ленин все же добавляет: «если она контрреволюционерка, то следите за ней» (166, 167).

Первое впечатление: председатель Совета народных комиссаров, в самое тяжелое для советской власти время, не забывает о человеке, даже самом маленьком, стремится исправить каждую несправедливость. Впечатление это рассеивается, когда мы обращаемся к письмам, телеграммам и запискам, в которых Ленин требует не выяснения причин ареста, а — ареста или расстрела тех, кого он считает виновными. Прежде всего совершенно меняется тон ленинского эпистолярного стиля. Получив жалобу жены арестованного и избитого вятского учителя Лубнина, Ленин запрашивает: «нельзя ли освободить Лубнина, если он не контрреволюционер» (105); получив прошение детей бывшего народного судьи Михайлова, больного человека, арестованного за то, что в своем дневнике он делал «записи антисоветского содержания», Ленин обращается в вологодское ЧК (которое арестовало Михайлова) с просьбой дать «заклучение»: можно ли освободить больного Михайлова (147), после ареста одного из крупнейших русских гидростроителей, профессора Графтио, Ленин обращается к Дзержинскому: «не представляется ли возможным его освободить, что, по отзыву т. Кржижановского, было бы желательно, так как Графтио крупный специалист» (440). Обращаясь с просьбой расследовать жалобу, — Ленин всегда посылает жалобы на деятельность чрезвычайных комиссий в чрезвычайные комиссии, — председатель Совнаркома чрезвычайно деликатен, никогда не навязывает своего мнения, всегда готов принять объяснение чекистов.

Иначе звучат директивы Ленина не милосердного, а карательного характера. Телеграмма в Пензу 10 августа 1918 г.: «Необходимо с величайшей энергией, быстротой и беспощадностью подавить восстание кулаков, взяв часть войска из Пензы, конфискуя все имущество восставших кулаков и весь их хлеб» (103). Записка А. Шляпникову в Астрахань 12 декабря 1918 г.: «Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских спекулянтов и взяточников. С этой сволочью надо расправиться»

ся так, чтобы все **на годы** (подчеркнуто Лениным) запомнили» (132). Предписание ВЧК от 25 января 1919 г.: «Предписывается ВЧК принять срочные и беспощадные меры по борьбе с бандитами» (142). Записка Э. Склянскому от 8 июня 1919 г.: «Надо усилить взятие заложников с буржуазии и с семей офицеров — ввиду учащения измен. Сговоритесь с Дзержинским... Позором было бы колебаться и не расстреливать за неявку» (216). В ответ на ходатайство Русского физикохимического общества об освобождении одного из крупнейших русских химиков, профессора Тихвинского, Ленин начертывает резолюцию: «Тихвинский не «случайно» арестован: химия и контрреволюция не исключают друг друга» (502). Ленин пишет это уже после расстрела проф. Тихвинского, как бы удовлетворенный, что и русская революция убила своего Лавуазье.

Сравнение тона словаря откликов Ленина на жалобы арестованных или их семей и его директив карательного характера позволяет прийти к выводу, что переписка председателя Совнаркома с ВЧК о судьбе арестованных никакого отношения к «милосердию» не имела. Ленин использовал переписку как способ контролирования деятельности всемогущей ВЧК.

Это было замечательное открытие. Создав чудовищную машину террора, Ленин нашел простой и эффективный способ контроля. Для него было неважно, что, как правило, — и в этом особенный интерес сборника, впервые открывшего этот материал, — чекисты отвечали на его запросы отказом. 12 августа 1919 г. Ленин «**просит освободить**» (формула у него чрезвычайно редкая!) членов семей кронштадских офицеров, арестованных вместе с активными контрреволюционерами». На вернувшемся к нему списке арестованных Ленин делает пометку: «ВЧК находит невозможным освободить» и ставит резолюцию: «В архив» (244). Получив письмо родственницы арестованного члена ЦК кадетской партии адвоката Добровольского, больного человека, с 1907 г. не принимавшего участия в политической жизни, Ленин запрашивает петроградское ВЧК. Получает ответ: «Добровольского следует держать под стражей и не освобождать». И отвечает родственнице арестованного (вскоре расстрелянного) Добровольского: «Боюсь, что он заложник, и тогда едва ли что можно сделать» (150, 151).

Ленин почти никогда не настаивает, удовлетворяясь ответом ЧК. Даже когда Ленин узнает, что за жалобу, направленную ему,

был арестован председатель правления новгородских кооперативов А. Булатов, он сначала раздражается грозной телеграммой: «Предупреждаю, что за это (т. е. за аресты тех, кто жалуется Ленину. — М. Г.) председателей губисполкома, Чека и членов исполкома буду арестовывать и добиваться их расстрела», но затем вполне удовлетворяется сообщением, что «Булатов арестован не за жалобу» (207). Ленину безразлична судьба арестованных, для него важно, чтобы председатели ЧК в Новгороде и Костроме, Вязме и Рязани, точно так же, как и Москве и Петрограде, знали: Ленину все известно. Известно об аресте 180 ученых, инженеров, техников в Петрограде в июне 1921 г. (468), и о «конфискации» велосипеда в Жлобине (206), об обыске у Анны Толстой в Калуге и аресте известного изобретателя А. Шорина в Нижнем Новгороде (337).

Изобретенная Лениным форма контроля была бы недостаточной, если бы речь шла о контроле соблюдения законов. Она была вполне достаточной для регулирования интенсивности террора. Террор же Ленин считает единственным средством удержания власти.

Летом 1917 г., работая над «Государством и революцией», Ленин мечтал о чуде. Он писал: на другой день после пролетарской революции государство начнет отмирать. Проходит несколько недель после Октябрьского переворота, и Ленин понимает, что без принуждения, без насилия, без террора советской власти не удержаться. Более того, он приходит к выводу о необходимости диктатуры отдельной личности. Это открытие Ленина можно бы назвать «мартовским», ибо по странной случайности три марта подряд повторяет он ту же самую мысль. В марте 1918 г. Ленин объясняет необходимость личной диктатуры с точки зрения нужд современной экономики: «О значении именно единоличной диктаторской власти с точки зрения специфических задач данного момента надо сказать, что всякая крупная машинная индустрия — т. е. именно материальный, производственный источник и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего единства воли... Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? Подчинением воли тысяч воле одного. Это подчинение может, при **идеальной сознательности и дисциплинированности** (подчеркнуто Лениным) участников общей работы, напоминать больше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать резкие формы диктаторства... Но, так или иначе, беспрекословное подчинение единой воле необходимо». В марте 1919 г., в речи

памяти Я. Свердлова, Ленин объясняет необходимость личной диктатуры соображениями уже не экономическими: «В эпоху резкой борьбы (подчеркнуто Лениным), осуществляя рабочую диктатуру, надо выдвигать принцип личного авторитета, морального авторитета отдельного человека, решениям которого все подчиняются без долгих обсуждений». И снова через год — в марте 1920 г. — Ленин представляет свою идею как всеобщий закон: «Возражать против необходимости центральной власти, диктатуры и единства воли... становится невозможным».

Придя к выводу о необходимости личной диктатуры, Ленин создает инструмент этой диктатуры — ВЧК. Он так и говорит: «ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неопределима» (118). Знакомясь с документами, мы видим, как чрезвычайные комиссии становятся магическим средством, позволяющим председателю Совнаркома решать все вопросы, обходя официальную структуру власти. Резолюция Ленина на сообщении о снежных заносах, мешающих движению поездов: «Запросить Дзержинского, что сделано» (178); резолюция на сообщении о забастовках на тульских заводах: «Созвонитесь с Дзержинским об ускорении его поездки» (179); переосвидетельствование медицинских работников Москвы: «передать исключительно Особому отделу ВЧК» (196); в связи с топливным кризисом 10 ноября 1918 г. московской ЧК поручается ответственное дело: наблюдать «за отоплением каких бы то ни было церквей и других учреждений культа и, в случае обнаружения отопления, немедленно таковое прекратить...» (287). Ленин создает особые отделы ЧК в армии, ибо верит чрезвычайным комиссиям больше, чем Красной армии, он поручает ВЧК проверку русских пленных, возвращающихся из Германии (помня, очевидно, с какой легкостью въехал в Россию сам) (214), контроль «за привозимой из-за границы литературой», надзор за издательствами. О размерах власти ВЧК в стране свидетельствуют, в частности, впервые опубликованные документы об аресте 8 июля 1919 г. главнокомандующего вооруженными силами Республики И. Вацетиса, за год до этого, 6 июля 1918 г., спасшего Ленина и власть большевиков во время выступления левых эсеров. В примечании к документу № 214 (стр. 236-237) говорится: «В процессе предварительного следствия причастность Вацетиса к белогвардейской организации установлена не была». Можно полагать, что таковой организации не было вообще в штабе Вацетиса, ибо все арестованные были освобождены или амнистированы.

ны. Тем не менее, докладной записки из Особого отдела ВЧК оказалось достаточно для ареста главкома.

ВЧК поручает Ленин и заботу о себе лично. Мы находим в сборнике счет, предъявленный «Владимиру Ильичу от Хозяйственного отдела ВЧК». За покупку пары сапог, костюма, подтяжек и пояса хозяйственный отдел ВЧК потребовал от «Владимира Ильича» (обращение ласково-фамильярное) — 1.417 руб. 75 коп. Не отступая от своего правила во всем контролировать ВЧК, Ленин и на этот раз проверил счет и нашел его — преуменьшенным: «Передавая при сем две тысячи рублей, прошу и категорически требую — исправить этот счет, явно преуменьшенный» (235). Подлинные рыночные цены июля 1919 г. не позволили бы, конечно, купить Ленину сапоги и костюм, подтяжки и пояс даже за 2 тысячи рублей. Но председатель Совнаркома еще раз показал, что у него «недреманное око». В мае 1922 г. он обращает внимание Дзержинского, ставшего председателем ГПУ, на: «преувеличения» в расходах на мой гараж, который взят, кажись, под сугубый надзор ГПУ». Дзержинский возражает, что «сокращение недопустимо», ибо гараж имеет всего — 6 машин (568).

В первую годовщину создания ВЧК орган «непосредственной расправы» получает замечательный подарок: ЦК партии принимает решение о непогрешимости ВЧК. В сборнике впервые опубликована часть протокола заседания Бюро ЦК РКП(б), состоявшегося 19 декабря 1918 г. Представитель наркомюста в ВЧК, М. Козловский, обвинил чрезвычайные комиссии в злоупотреблении властью или, как говорится в примечании к протоколу заседания Бюро ЦК, поддерживал «ложные утверждения о незаконных репрессиях, якобы осуществляемых ВЧК». Дзержинский пожаловался Ленину, и «ЦК партии постановил, что на страницах партийной и советской печати не может иметь место злостная критика советских учреждений, как это имело место в некоторых статьях¹² о деятельности ВЧК, работа которой протекает в особо тяжелых условиях» (133). Непогрешимость ВЧК — становится законом государственной жизни. От вернейших товарищей и «виднейших чекистов» Ленин — летом 1919 г. — получает информацию о том, что «на Украине Чека принесла тьму зла» (212).

¹² 8 октября 1918 г. в «Правде» была опубликована статья М. Ольминского, критиковавшего «незаконные деяния ВЧК», требовавшего ограничить ее права.

В записке, которую он пишет председателю Всеукраинской ЧК М. Лацису, никаких упреков нет: есть лишь деликатная рекомендация: «построже проверить состав,.. подтянуть чекистов, выгнать примазавшихся» (211). А на VII съезде советов — 6 декабря 1919 г. — Ленин заявляет не только, что «и террор и ЧК — вещь абсолютно необходимая», он утверждает: «ЧК у нас организованы великолепно» (300, 301). С точки зрения Ленина ЧК действительно были «организованы великолепно», работали замечательно, хотя и «приносили тьму зла». Выступая 7 ноября 1918 г. перед сотрудниками ВЧК «на митинге-концерте», Ленин, подчеркивая «тяжелую деятельность ЧК», высмеивает тех, кто «выхватывает отдельные ошибки ЧК, плачет и носится с ними». Ленин отмечает проблему «ошибок», он заявляет: «на ошибках мы учимся». Важно другое: «решительность, быстрота, а главное — верность» (118). Выступая на VII съезде советов, председатель Совнаркома подводит итог двухлетней деятельности чрезвычайных комиссий: он доволен.

Ленин требует от чрезвычайных комиссий одного — верности. Верности революции, но одновременно — верности Вождю революции и Вождю партии. ВЧК, а не партия, непосредственно осуществляет диктатуру, позволяет удержать власть. Партия становится резервуаром кадров для чрезвычайных комиссий, их опорой. В сборнике впервые публикуется план Я. Ганецкого, старого знакомого Ленина еще по Кракову, план слияния партии с ЧК, подчинения партии ЧК. Ганецкий предлагает «...установить самую тесную связь партийных организаций с чрезвычайными комиссиями... обязать всех членов партии, занимающих ответственные посты, сообщать в чрезвычайные комиссии все сведения, поступающие к ним как частным, так и официальным путем и представляющие интерес для борьбы с контрреволюцией и шпионажем. Не ограничиваясь этим, они должны деятельно помогать чрезвычайным комиссиям, принимая участие в разборе дел., присутствуя при допросах и т. п.» (281). Ленин делает на письме Ганецкого пометку: «Т. Ганецкий! Говорили ли об этом с Дзержинским? Позвоните мне. Ваш Ленин». Не опубликованы (можно думать — пока!) документы, подтверждающие официальное принятие предложений Ганецкого, но несомненным их отзвуком было знаменитое заявление Ленина: «хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист» (363).

Политика Ленина — массовый, беспощадный террор против всего населения страны, проводимый орудием всемогущим, сто-

ящим вне всех законов, верным только абстрактной Идее и конкретному ее воплощению — Вождю — давала результаты. Ужас, вызванный деятельностью ЧК, был важнейшим фактором победы большевистской партии. «Два слога, страшные и патетичные для любого гражданина, пережившего годы революции, два слога, предшествовавшие «маме», ибо ими пугали в колыбели, как некогда «букой», и сопровождавшие несчастливцев даже после смерти, вплоть до выгребной ямы, два простейшие слога, которые запомнить не дано никому...»¹³ — так вспоминал И. Эренбург время революции и гражданской войны. Два страшных слога — это, конечно, ЧЕ-КА.

ЧК осуществляет массовый террор. Но интенсивность удара, направленного против отдельных слоев населения, меняется в зависимости от изменения обстановки и политической линии. Неизменной остается высшая напряженность террора, мишенью которого была интеллигенция. С первого дня революции видел в ней Ленин главного своего врага, ту силу, которая не хотела «подчиняться без долгих обсуждений» «личному авторитету одного человека» и одной партии. Для Ленина среди интеллигенции нет невинных: она или против советской власти — в этом случае необходимость борьбы с ней не нуждается в объяснениях, — или она нейтральна, но по присущей ей гуманности, доброте сочувствует преследуемым — в этом случае необходимость борьбы с ней не менее настоятельна. Ленин пытается объяснить это единственному человеку, с авторитетом которого он вынужден был считаться — Горькому. 15 ноября 1919 г. Ленин отвечает на письмо Горького по поводу массовых арестов в Петрограде: «...В общем мера ареста кадетской (и околокадетской) публики была необходима и правильна... Неверные сердитые слова говорите Вы по какому поводу? По поводу того, что несколько десятков (или хотя бы даже сотен) кадетских и околокадетских господчиков посидит несколько дней в тюрьме для предупреждения заговоров вроде сдачи Красной горки, заговоров, грозящих гибелью десяткам (подчеркивания Ленина) тысяч рабочих и крестьян...»¹⁴ Три дня спустя Ленин почти дословно повторяет свою аргументацию в письме М. Андреевой: «... Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, **всей** кадетской и околока-

¹³ И. Эренбург. Рвач. Собр. соч. в 9 томах, т. 2, стр. 79. М. 1964.

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 51, стр. 48.

¹⁵ Там же, стр. 52.

детской пубрики. Она способна, вся, помогать заговорщикам. Преступно не арестовывать ее. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки, чем чтобы 10 тысяч были перебиты.»¹⁵

Важнейшим открытием Ленина в области террора было слово «околокадетская». Слово это позволило зачислить в ряды обвиняемых — всю русскую интеллигенцию. В письме Л. Андреевой вождь революции откровенно признает, что интеллигенцию «нельзя не арестовывать», «преступно не арестовывать», ибо она «способна» помогать заговорщикам, т. е. опасна для Ленина — потенциально.

История террора против интеллигенции известна лучше (хотя все еще очень плохо), чем история террора, объектом которого были крестьяне и рабочие. Многие главы «Архипелаг: ГУЛАГ» (том 1) посвящены «ленинским годам» советской власти. Однако, как правило, свидетельствам жертв верят меньше, чем свидетельствам палачей. Свидетельства жертв, как правило, упекают в «необъективности». Документы, собранные в сборнике «Л. И. Ленин и ВЧК» — свидетельство палачей. Собранные в сборнике документы — подлинный мартиролог русской интеллигенции. Арестовываются, расстреливаются учителя, кооператоры, врачи, инженеры, ученые, писатели, священники.

Переписка, связанная с некоторыми из арестованных, учеными и хорошо известными в академических кругах людьми, сохранившими влиятельных знакомых среди коммунистически руководителей (власть еще очень молода — не выделилась особую касту), позволяет прежде всего утверждать, что обвиненные, предъявленные им, были, как правило, придуманы чекистами. Можно не сомневаться, что это относится и ко всем другим арестованным, судьба которых не отразилась в переписке Ленина с ВЧК. ВЧК сначала арестовывают, а потом «расследуют», неедко по настоянию Ленина. В результате выясняется полная неоснованность ареста ректора Петроградского политехнического института проф. Осадчего (арестовывался трижды), главного инженера строительства Волховской электростанции проф. Графтио, строителей Свирской гидроэлектростанции, руководителей сланцевой промышленности и т. д. и т. д.

Когда Ленин настаивает на расследовании, проверке обвинений, он делает это, как правило, по соображениям «пользы дела». Получив просьбу об освобождении геологов, учававших

сапропель,¹⁶ Ленин пишет заместителю председателя ВЧК Уншлихту: «Прошу Вас заказать проверку. Очень похоже, что ученых-то надо выпустить. Сапропель-то штука нам для хозяйства нужная» (500). Председатель совета народных комиссаров предпочитал бы не выпускать ученых. Он изобретает новые формы использования ученых, без их освобождения из-под ареста. Прежде всего — «шарашку». 17 декабря 1919 г. Ленин подписывает декрет СНК, который предусматривает для специалистов выход «на место работы без конвоя с обязательством непосредственно по окончании работы возвратиться в место своего заключения» (313). В примечании к переписке Ленина по поводу ареста заместителя председателя Главсланца, инженера Б. Цванцигера, говорится: «Цванцигеру разрешили, отбывая наказание, работать в Главсланце» (527). Использует Ленин и систему заложничества, широко применявшуюся советской властью. По настоянию Ленина был запрещен выезд за границу сыну крупнейшего русского инженера-энергетика Р. Классона, когда последний был командирован для заказа машин. (558). Часто, рекомендуя освобождение некоторых лиц, Ленин настаивает на получении нескольких «поручительств», с тем чтобы поручителей «можно бы наказывать за побег» (255).

Анализ документов, собранных в сборнике, позволяет сделать еще один вывод: репрессии против интеллигенции усиливаются после окончания гражданской войны. Победа над белыми армиями не успокаивает Ленина. Наоборот, как бы только в этот момент видит он неустойчивость советской власти, лишенной поддержки большинства населения. Интеллигенция рассматривается как сила, которая сможет возглавить недовольство крестьян и рабочих. Удар наносится по интеллигенции как таковой: по членам социалистических партий и «околосоциалистической публике», по бывшим членам кадетской партии и «околокадетской публике». «По секрету, — пишет Ленин Г. Кржижановскому, объясняя массовые аресты среди ученых в Петрограде в начале июня 1921 г. — В Питере открыт новый заговор. Участвовала интеллигенция. Есть профессора, не очень далекие от Осадчего (в этот момент Петр Осадчий занимал пост заместителя председателя комиссии государственного плана. М.Г.) Из-за этого куча обысков и у его друзей и справедливо (подчеркнуто Лениным).

¹⁶ Сапропель — образования на дне водоемов, ценное минеральное сырье.

Осторожность!!!» Получив список арестованных, Ленин отмечает на нем, что профессор Электротехнического института П. Шуркевич арестовывается уже 5-й раз, а профессор Политехнического института Б. Воробьев — 3-й раз. В списке арестованных значатся — по первому разу — знаменитый лингвист проф. Щерба, известный юрист проф. Мартынов и другие. Из пометок, сделанных Лениным на списке, следует, что ВЧК выдает в этот период своим агентам мандаты с обозначением «арестовать по усмотрению»: чекист по своему «усмотрению» вписывает имя арестованного (465). Системой обвинений и арестов «по усмотрению» Ленин широко пользуется и лично. Красноречивой иллюстрацией является «дело Лормана». В Москву для переговоров с Исполкомом Коминтерна прибыл летом 1921 г. представитель ЦК Бунда в Польше М. Лорман. Он был допущен в качестве делегата с совещательным голосом на конгресс Коминтерна. Отправленные им за границу письма были перехвачены ВЧК, из них следовало, что делегат Бунда «является, как и его организация, противником политики Советского правительства по отношению к некоторым оппозиционным партиям в России». Вызванный на заседание специальной комиссии, Лорман своих изъядов не отрицал. Комиссия рекомендовала его выслать. Ленин категорически воспротивился: «По-моему, не выслать, а **арестовать**. Нельзя спускать таких вещей злостным меньшевикам, к коим явно принадлежит сей Лорман» (490). Лорман был арестован Особым отделом ВЧК по обвинению в «антисоветской агитации и провокации». Можно, следовательно, сказать, что Ленин был инициатором политики ареста иностранных социалистов и коммунистов, находящихся на территории Советской республики, если их взгляды расходились с «генеральной линией», политики, которую с таким успехом продолжал Сталин.

Сборник документов завершается письмом Ленина Дзержинскому. В этом письме, написанном 19 мая 1922 г., т. е. за 6 дней до первого кровоизлияния в мозг, Ленин предлагает председателю ВЧК тщательно подготовить «высылку за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции». Ленин предлагает провести целый ряд подготовительных мер: просмотреть все некоммунистические издания, «собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей» (566). В обычной своей манере обвинять «по усмотрению», Ленин тут же указывает и первых «виновных»: «...питерский журнал «Экономист», изд XI отдела Рус-

ского технического общества. Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 ...напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все (подчеркнуто Лениным) — законнейшие кандидаты на высылку за границу. Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу» (567). Завершение сборника документов «В. И. Ленин и ВЧК» письмом Дзержинскому как нельзя более логично. Письмо это — подлинное завещание Ленина. После окончания гражданской войны, после перехода к «либеральной» политике, к НЭПу, Ленин продолжает видеть в интеллигенции страшного врага, с которым необходимо — так или иначе — покончить. И как всегда Ленин поручает это дело — ВЧК. Незадолго до письма Дзержинскому Ленин, выступая на IX съезде советов, заявляет: «Без такого учреждения (т. е. без ЧК. М.Г.) власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры...» (544). ЧК, следовательно, — были, есть и будут. Власть трудящихся без них существовать не может. В этом суть завещания Ленина.

Прямые потомки чекистов, работники КГБ, составившие сборник «В. И. Ленин и ВЧК», настаивают на том, что отцом советской тайной полиции, отцом террора был вовсе не Сталин, а — Ленин. Не отрицая своего родства со Сталиным, они утверждают — приоритет Ленина. Собранные ими документы убедительно подтверждают их правоту.

Иосиф БРОДСКИЙ

МЕКСИКАНСКИЙ ДИВЕРТИСМЕНТ

Г У Е Р Н А В А К А

В саду, где М., французский протезе,
имел красавицу густой индейской крови,
сидит певец, прибывший издаля.
Сад густ, как тесно набранное «Ж».
Летает дрозд, как сросшиеся брови.
Вечерний воздух звонче хрустала.

Хрусталь, заметим походя, разбит.
М. был здесь императором три года.
Он ввел хрусталь, шампанское, балы.
Такие вещи скрашивают быт.
Затем республиканская пехота
М. расстреляла. Грустное курлы

доносится из плотной синевы.
Селяне околачивают груши.
Три белых утки плавают в пруду.
Слух различает в ропоте листвы
жаргон, которым пользуются души,
общаясь в переполненном Аду.

Отбросим пальмы. Выделив платан,
представим М., когда, перо отбросив,
он скидывает шелковый шлафрок
и думает, что делает братан
(и тоже император) Франц-Иосиф,
насвистывая с грустью «Мой сурок».

«С приветом к вам из Мексики. Жена
сошла с ума в Париже. За стеною
дворца стрельба, пылают петухи.
Столица, милый брат, окружена
повстанцами. И мой сурок со мною.
И Гочкис популярнее сохи.

И то сказать, третичный известняк
известен, как отчаянная почва.
Плюс экваториальная жара.
Здесь пуля суть естественный сквозняк.
Так чувствуют и лёгкие, и почка.
Потею, и слезает кожа.

Опречь того, мне хочется домой.
Скучаю по отеческим трущобам.
Пошлите альманахов и поэм.
Меня убьют здесь, видимо. И мой
сурок со мною, стало быть. Еще вам
моя мулатка кланяется. М.»

Конец июля прячется в дожди,
как собеседник в собственные мысли.
Что, впрочем, вас не трогает в стране,
где меньше впереди, чем позади.
Бренчит гитара. Улицы раскисли.
Прохожий тонет в желтой пелене.

Включая пруд, всё сильно заросло.
Кишат ужи и ящерицы. В кронах
клубятся птицы с яйцами и без.
Что губит все династии — число
наследников при недостатке в тронах.
И наступают выборы и лес.

М. не узнал бы местности. Из ниш
исчезли бюсты, портики пожухли,
стена осела дёснами в овраг.
Насытишь взгляд, но мысль не удлинишь.
Сады и парки переходят в джунгли.
И с губ срывается невольно: рак.

В ночном саду под гроздью зреющего манго
 Максимилиан танцует то, что станет танго.
 Тень воз-вращается подобьем бумеранга,
 Температура, как подмышкой, тридцать шесть.

Мелькает белая жилетная подкладка.
 Мулатка тает от любви, как шоколадка,
 в мужском объятии посапывая сладко.
 Где надо — гладко, где надо — шерсть.

В ночной тиши под сенью девственного леса
 Хуарец, действуя как двигатель прогресса,
 забывшим начисто, как выглядят два песо,
 пеонам новые винтовки выдаёт.

Затворы клацают: в расчерченной на клетки
 Хуарец ведомости делает отметки.
 И попугай весьма тропической расцветки
 сидит на ветке и так поёт:

Презренье к ближнему у нюхающих розы
 пускай не лучше, но честней гражданской позы.
 И то, и это порождает кровь и слёзы.
 Тем паче в тропиках у нас, где смерть, увы,

распространяется, как мухами — зараза,
 иль как в кафе удачно брошенная фраза,
 и где у черепа в кустах всегда три глаза
 и в каждом — пышный пучок травы.

Коричневый город. Веер
 пальмы и черепица
 старых построек.
 С кафе начиная, вечер
 входит в него. Садится
 за пустующий столик.

В позлащенном лучами
 ультрамарине неба
 колокол, точно
 кто-то бренчит ключами.
 Звук, исполненный неги
 для бездомного. Точка

загорается рядом
 с колокольной собора.
 Видимо, Веспер.
 Проводив его взглядом,
 полным пусть не укора,
 но сомнения, вечер

допивает свой кофе,
 красящий его скулы.
 Платит за эту
 чашку. Шляпу на брови
 надвинув, встаёт со стула,
 складывает газету

и выходит. Пустая
 улица провожает
 длинную в черной
 паре фигуру. Стая
 теней его окружает
 под навесом — никчемный

сброд: дурные манеры,
пятна, драные петли.
Он бросает устало:
«Господа офицеры.
Выступайте немедленно.
Время настало.

А теперь — врассыпную.
Вы, полковник — что значит
этот луковый запах?»
Он отвязывает вороную
лошадь. И скачет
дальше на Запад.

МЕКСИКАНСКИЙ РОМАНСЕРО

Кактус, пальма, агава.
Солнце встаёт с Востока,
улыбаясь лукаво,
а приглядись — жестоко.

Испепеленные скалы,
почва в мертвой коросте.
Череп в его оскале!
И в лучах его — кости!

С голой шеей, уродлив,
на телеграфном насесте
стервятник — как иероглиф
падали в буром тексте

автострады. Направо
пойдешь — там стоит агава.
Она же — налево. Прямо —
груда ржавого хлама.

Вечерний Мехико-Сити.
Лень и слепая сила
в нем смешаны как в сосуде.
И жизнь течет, как текила.

Улицы, лица, фары.
Каждый второй — усатый.
На Авениде Реформы
масса бронзовых статуй.

Подле каждой, на кромке
трогуара, с рукою
протянутой — по мексиканке
с грудным младенцем. Такою

фигурой — присохшим плачем —
и увенчать бы на деле
Памятник Мексике! впрочем,
и под ним бы сидели.

Сад громоздит листву и
не выдаёт вас зною.
(Я знал что я существую,
пока ты была со мною)

Площадь, фонтан с рябою
нимфою. Скаты кровель.
(Покуда я был с тобою,
я видел все вещи в профиль.)

Райские кущи с адом
голосов за спиною.
(Кто был всё время рядом,
пока ты была со мною?)

Ночь с багровой луною,
как сургуч на конверте.
(Пока ты была со мною,
я не боялся смерти).

Вечерний Мехико-Сити.
Большая любовь к вокзалу.
Бродячий оркестр в беседке
горланит «Гвадаларару».

Весёлый Мехико-Сити.
Точно картина в раме,
но неизвестной кисти,
он окружен горами.

Вечерний Мехико-Сити.
Пляска горящих литер
Кока-Колы. В зените
реет Ангел-Хранитель.

Здесь это связано с риском
быть подстреленным сходу,
сделаться обелиском
и представлять Свободу.

Что-то внутри, похоже,
сорвалось, расколосось.
Произнося «о Боже»,
слышу собственный голос.

Так страницу мараешь,
ради мелкого чуда.
Так при этом зриаешь
на себя ниоткуда.

Это, Отче, издержки
жанра (правильней — жара).
Сдача медная с решки
безвозмездного дара.

Как несхоже с мольбою!
Так, забыв рыболова,
рыба рваной губою
тщетно дергает слово.

Весёлый Мехико-Сити.
Жизнь течет, как текила.
Вы в харчевне сидите.
Официантка забыла

о вас и вашем омлете,
заболтавшись с брюнетом.
Впрочем, как все на свете.
По крайней мере, на этом.

Ибо, смерти помимо,
всё, что имеет дело
с пространством — всё заменимо.
И особенно тело.

И этот вам уготован
жеребий, как мясо с кровью.
В нишей стране никто вам
вслед не смотрит с любовью.

Стелющаяся полого
грунтовая дорога,
как пыльная форма бреда,
вас приводит в Ларедо.

С налитым кровью глазом
вы осядете наземь,
подломивши колени,
точно бык на арене.

Жизнь бессмысленна. Или
слишком длинна. Что в силе
речь о нехватке смысла
оставляет — как числа

в календаре настенном.
Что удобно растениям,
камню, светильам. Многим
предметам. Но не двуногим.

К ЕВГЕНИЮ

Я был в Мексике, взбирался на пирамиды.
Безупречные геометрические громады
рассыпаны там и сям на Тегуантэпекском перешейке.
Хочется верить, что их воздвигли космические пришельцы,
ибо обычно такие вещи делаются рабами.
И перешеек усеян каменными грибами.

Глиняные божки, поддающиеся подделке
с необычайной лёгкостью, вызывающей кривотолки.
Барельефы с разными сценами, снабженные перевитым
туловищем змеи неразгаданным алфавитом
языка, не знавшего слова «или».
Что бы они рассказали, если б заговорили.

Ничего. В лучшем случае, о победах
над соседним племенем, о разбитых
головах. О том, что слитая в миску
Богу Солнца людская кровь укрепляет в последнем мышцу;
что вечерняя жертва восьми молодых и сильных
обеспечивает восход надежнее, чем будильник.

Все-таки лучше сифилис, лучше жерла
единорогов Кортеса, чем эта жертва.
Ежели вам глаза скормить суждено воронам,
лучше если убийца убийца, а не астроном.
Вообще без испанцев вряд ли бы им случилось
толком узнать, что вообще случилось.

Скучно жить, мой Евгений. Куда ни странствуй,
всюду жестокость и тупость воскликнут «Здравствуй,
вот и мы!» Лень загонять в стихи их.
Как сказано у поэта, «на всех стихиях...»
Далеко же видел, сидя в родных болотах!
От себя добавлю: на всех широтах.

В ОТЕЛЕ «КОНТИНЕНТАЛЬ»

Победа Мондриана. За стеклом —
пир кубатуры. Воздух или выпит
под девяносто градусов углом,
иль щедро залит в параллелепипед.
В проём оконный вписано, бедро
красавицы — последнее оружие:
раскрыв халат, напоминает про
пуская не круг хотя, но полукружье,
но сектор циферблата. Говоря
насчёт ацтеков, слава краснокожим
за честность вычесть из календаря
дни месяца, в которые «не можем»
в платоновой пещере, где на брата
приходится кусок пиэрквдрата.

ЗАМЕТКА ДЛЯ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Прекрасная и нищая страна.
На Западе и на Востоке — пляжи
двух океанов. Посредине — горы,
леса, известняковые равнины
и хижины крестьян. На юге — джунгли
с руинами великих пирамид.
На Севере — плантации, ковбои,
переходящие невольню в США.
Что позволяет перейти к торговле.

Предметы вывоза — марихуана,
цветной металл, посредственное кофе,
сигары под названием «Корона»
и мелочи народных мастеров.

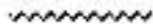
(Прибавлю: облака). Предметы ввоза — всё прочее и, как всегда, ружьё. Обзаведясь которым как-то легче заняться государственным устройством.

История страны грустна; однако, нельзя сказать, чтоб уникальна. Главным злом признано вторжение испанцев и варварское разрушение древней цивилизации ацтеков. Это суть местный комплекс Золотой Орды. С той разницею, впрочем, что испанцы действительно разжились золотишком.

Сегодня тут Республика. Трехцветный флаг развевается над президентским палаццо. Конституция прекрасна. Текст со следами сильной чехарды диктаторов лежит в Национальной Библиотеке под зелёным, пуленепроницаемым стеклом — причем, таким же, как в Роллс-Ройсе президента.

Что позволяет сквозь него взглянуть в грядущее. В грядущем население, бесспорно, увеличится. Пеон как прежде будет взмахивать мотыгой под жарким солнцем. Человек в очках листать в кофейне будет с грустью Маркса. И ящерица на валуне, задрав головку в небо, будет наблюдать

полёт космического аппарата.

Е. М.

О «Мастере и Маргарите» М. Булгакова

ТРИ СНОВИДЕНИЯ ИВАНА

Наступит ли царство истины?

По сути — это вопрос о поступательном движении человечества, о его конечной цели. Диалог остается открытым. Духовная дистанция между Иешуа, освобождающим Пилата от ужаса перед собственной виной, и Пилатом, в течение двенадцати тысяч лун ожидающим встречи с арестантом Га-Ноцри, предопределяет, как может быть разрешен их спор.

Казни не было, клянется Иешуа, «и почему-то глаза его улыбаются». Поразителен образ улыбающегося Иешуа! По церковной традиции Иисус никогда не улыбается¹, смеются греческие боги². Однако, «гомерический хохот» богов у ложа запутавшихся в золотой сети Ареса и Афродиты никак не окрашен нравственно, их смех вызван смешной ситуацией, не более того. А в улыбающихся глазах Иешуа на обезображенном пытками лице доброты, может быть — мягкая ирония, светлая человечность. Пилат и Иешуа жарко спорят и всё выше поднимаются к луне.

В третьем сновидении Ивана Маргарита ведет Мастера по такой же дороге к луне. Мастер в этом сновидении — человек во всей человеческой слабости. «Лунная» Маргарита — образ женщины «непомерной», сверхчеловеческой красоты, воплощение любви, символ любви.

Между этими двумя сновидениями и первым — резкий контраст. В первом — омерзительный безносый палач, подпрыгнув, колет копьем в сердце привязанного к столбу и потерявшего разум Гестаса. Подобного изображения Голгофы нет в мировом искусстве! И после т а к о й Голгофы видение улыбающихся глаз Иешуа! Все противоречия бытия, как в один узел, сводятся в этих

¹ "...можно было бы вспомнить часто повторяющееся утверждение христианского предания, что Христос плакал, но никогда не смеялся..." С. Аверинцев. На перекрестке литературных традиций. Вопросы литературы. № 2, 1973 г.

² "...если мы распределим демиургические действия... смех достанется роду богов..." — там же, С. Аверинцев цитирует Прокла, усмотревшего в "гомерическом" смехе предельную глубину бытия.

трех сновидениях. Контрастны образы Иешуа и Пилата, Маргариты и Мастера, в особенности же — безносого палача (безобразие зла!) и женщины «непомерной» красоты. Но последняя картина сновидений — танцующая, изливающая потоки света луна — гармонична и прекрасна. «Вот тогда-то и спит Иван со счастливым лицом.»

Михаил Булгаков (1940 г.)

Существует поверье, будто на рассвете первого дня Пасхи «солнышко играет»³. Не перенес ли Булгаков поверье об «играющем» пасхальном солнце на луну? Ведь луна в романе ассоциативно связана с Пасхой. Пасха символизирует торжество жизни над смертью, безусловную реальность высших нравственных ценностей. Но утверждение безусловной реальности нравственного закона, нравственного «космоса» ведет к неприятию мира, в котором «чего нихватишься» ничего нет: ни Бога, ни дьявола, ни

³ Пожилая женщина, Валентина Александровна Егорова, выросшая в деревне в Ярославской губернии, рассказала мне: «В Светлое Воскресенье мы всей семьей выходили на крыльцо смотреть восход солнца: оно посылает разноцветные лучи и трепещет в них. Так бывает только на рассвете первого дня Пасхи.»

самодовлеющей ценности человеческой личности, ни духовной свободы — основы этики.

Итак, система символических образов выражает публицистический пафос романа, его нонконформизм.

Построение романа математически точно выверено. Строго симметричны «зачин» и завершение. Начало — рассуждения Берлиоза о том, что Иисус как личность не существовал, и все рассказы о нем — «обыкновенный миф», «выдумки». Так поучает председатель МАССОЛИТа простодушного автора антирелигиозной поэмы (антирелигиозная поэма написана по случаю приближения праздника Пасхи). Завершение — танцующая луна и счастливое лицо Ивана в потоке лунного света.

Иван — обычный человек, не деятель и не творец. После сновидений для человека наступает пробуждение, возвращение в повседневность и забвение познанного в озарении. «Его исколотая память утихает». Но снова наступит полнолуние и с ним — прозрение. Таков путь человека и человечества: от прозрения истины к забвению ее, к новому постижению и снова — к потере обретенной правды о нравственной сущности бытия. Но путь человечества — не вращение по кругу, не «вечное возвращение»: ведь Иешуа сказал, что наступит царство истины и справедливости. Для того, кто поверит словам Иешуа, жизнь обретет смысл. Об этом, «очень сложном и важном», спорят Пилат и Иешуа.

Три сновидения Ивана с предельной сжатостью выражают глубинный смысл романа. Этот смысл нельзя передать языком понятий, как нельзя передать прозой произведения высокой поэзии. Надо слушать сказанное, видеть изображенное и благодарить писателя за катарсис — очищение души, даруемое искусством.

1. XII — 8. XII. 1973.

Ленинград

СВЕТ ИЛИ ПОКОЙ?

Пасхальный подарок моему другу В. А. М.,
отвергнувшему в своей жизни покой.

I.

Некоторые считают, что роман «Мастер и Маргарита» не доработан автором и содержит противоречия. Другие полагают, что напечатанный в настоящее время текст представляет собой контаминацию нескольких вариантов, причем редактор не свел концы с концами. Например, возникает вопрос: чем завершился жизненный путь Мастера? Получил он «покой» или восхождение к Луне?

Постараюсь доказать, что этот вопрос является решающим для понимания замысла романа, его стержневой идеи. Во-вторых, хочу доказать, что роман — целостная конструкция.

II.

В жизни Мастера и Маргариты происходит множество невероятных событий. Что же произошло «на самом деле»? Вопрос наивен. Ответить на него можно было бы так: Маргарита Николаевна, жена видного специалиста, познакомилась с автором романа о Понтии Пилате, полюбила его, сблизилась с ним; потом он был арестован, после отбытия срока заключения заболел душевно, попал в психиатрическую лечебницу и в лечебнице скончался; Маргарита Николаевна умерла в своей квартире от разрыва сердца. Вот что произошло «реально», остальное — поэма о Мастере и Маргарите. Кажется, это было бы наиболее точным определением жанра произведения — поэма.

III.

Для понимания столь сложного, многопланового произведения требуется ключ. Таким ключом я считаю три сновидения Ивана, завершающие эпилог романа.

Первое сновиденье: Иван видит безносого палача, который колет в сердце привязанного к столбу (т. е. распятого) Гестаса. «Но не столько страшен палач, сколько неестественное освещение, происходящее от какой-то тучи, которая кипит и наваливается на землю, как это бывает только во время мировых катастроф». Иван уже видел эту тучу в том сновидении, которое посетило его в клинике Стравинского.

Второе сновиденье: лунная дорога и по ней идущие Пилат и Иешуа.

Третье: в потоке лунного света складывается «непомерной красоты женщина» — Маргарита и выводит к Ивану пугливо озирающегося, обросшего бородой человека — Мастера. Иван спрашивает:

— Так, стало быть, этим и кончилось?

— Этим и кончилось, — отвечает Мастер, а Маргарита подходит к Ивану и говорит:

— Конечно, этим.

Затем она «отступает», отступает и уходит вместе со своим спутником к луне.

Странно звучали бы возражения читателя: «Нет, не этим».

Безусловная истинность, высокая значительность первого сновидения определяют истинность и значительность третьего — восхождение к Луне Мастера и Маргариты. Именно так завершается жизненный путь центральных героев романа.

Однако всё значение третьего сновиденья раскрывается при сопоставлении его с первым. Первое сновидение доводит Ивана до «жалкого крика», после третьего он спит со «счастливым лицом». Оба сновидения цветные или точнее — световые: свет, освещение — главное в том и другом сновидении. В первом Ивана пугает освещение, какое бывает только «во время мировых катастроф». В третьем — Луна «обрушивает потоки света», разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше...» Этот всезатопляющий лунный свет прямо противоположен освещению, какое бывает во время «мировых катастроф», казни Иешуа, значит, символизирует нечто, противоположное казни — торжество жизни.

IV.

Почему Мастер удостоился восхождения к Луне? Прежде всего потому, что он — «лунный гость», «пришелец». Лунный гость — это не определение, характеризующее Мастера в конкретной, однажды сложившейся ситуации, а выражение его мифологической сущности.

Впервые читатель встречается с Мастером в главе, названной «Первое явление героя» (гл. 13).

В ночь весеннего полнолуния (с четверга на пятницу) он входит в комнату Ивана в клинике Стравинского. Гость еще не назы-

вается «лунным», но уже дается намёк на его таинственную связь с Луной:

«На балконе возникла таинственная фигура, прячущаяся от лунного света.»

«... шептал пришедший с лунного балкона ночной гость.»

«По ночам будет луна. Ах, она ушла... Ночь валится за полночь. Мне пора.»

Если историю «лунного гостя» изобразить на триптихе, то «явление героя» оказалось бы на левой створке складня.

На центральной части был бы изображен приход Мастера в спальню Воланда.

«...распахнулось окно, и в далекой высоте открылась полная, но не утренняя, а полночная луна. От подоконника на пол лег платок ночного света, и в нем появился ночной Иванушкин гость... А лунный поток кипел вокруг него.»

« — Это ты, Марго? — спросил лунный гость.»

Когда Мастер увидел чудесно восстановленную рукопись сожженного им романа, то впал в тоску и беспокойство. Заломив руки, обратился он к далекой луне, бормоча: «И ночью при луне мне нет покоя...» Это слова Пилата, героя столь же связанного с луной, как и Мастер, но совсем по-другому.

На правой створке оказалось бы изображение Мастера, поднимающегося к луне.

V.

Но действительно ли «этим» заканчивается жизненный путь Мастера? В главе, носящей название «Судьба Мастера и Маргариты определена», он завершает иначе.

В субботу вечером к Воланду, находящемуся на каменной террасе «одного из самых красивых зданий в Москве», приходит посланец Иешуа — Левий Матвей. Он обращается с просьбой к «повелителю теней»: пусть он возьмет с собой Мастера и наградит его покоем... Воланд спрашивает:

— А что же вы не берете его к себе, в свет?

— Он не заслужил света, он заслужил покой, — печальным голосом проговорил Левий.

Печальным. На Мастере тяготеет какая-то вина. В чем она состоит? Ответ в диалоге Мастера и Воланда в ночь «извлечения» Мастера из клиники Стравинского.

«Воланд обратился к Мастеру:

— Так, стало быть, в арбатский подвал?.. А мечтания, вдохновение?

— У меня нет больше никаких мечтаний и вдохновения тоже нет, — ответил Мастер, — никто меня вокруг не интересуется, ...меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал.

— Итак, человек, сочинивший историю Понтия Пилата, уходит в подвал в намерении расположиться там у лампы и нищенствовать?»

В словах Воланда — сарказм и осуждение. Отказываясь от вдохновения и творчества, Мастер отрекается от самого себя, от того, что делает его, этого человека — М а с т е р о м. Для Мастера желание покоя — признание своего поражения в борьбе с теми, кому нужно было «сломать» его. И потому он «не заслужил света».

VI.

Итак: Мастер не заслужил «света», Левий же Матвей находится там, где пребывает Иешуа — «В С В Е Т Е». Можно догадаться, что это не лунный, а иной, «запредельный» свет. Лунный луч — дорога, а не завершение пути.

Впрочем, вопрос о различии между светом «запредельным» и «лунным» скорее богословский и выходит за рамки романа. Акцент на другом: почему Левий Матвей удостоился «св е т а»?

Прежде всего потому он м о г получить свет, что отрекся от покоя.

В ночь после погребения Иешуа кентурион привел Левия к Пилату. Прокуратор обратился к нему:

« — ...Ты, как я вижу, книжный человек, и незачем тебе, одинокому, ходить в нищей одежде, без пристанища. У меня в Кесарии есть большая библиотека, я очень богат и хочу взять тебя на службу. Ты будешь разбирать и хранить папирусы, будешь сыт и одет.

Левый встал и ответил:

— Нет, я не хочу.

— Почему? — темнея лицом, спросил прокуратор. — Я тебе неприятен?.. ты меня боишься?»

Левый отвечает: «Нет, потому что ты будешь меня бояться!»

В духовном поединке между Левием и Пилатом сильнеешим оказался Левый. Он одержим одной страстью — служить тому,

чьим учеником он себя считает, а «тот, кто любит, должен разделять участь того, кого любит».

Это всеобщий закон; вот почему и в вечности Левий там, где Иешуа, — «в свете».

VII.

По-иному звучит тема покоя в лирическом монологе, с которого начинается рассказ о ночном полете Воланда и его свиты: «...уставший отдается... с легким сердцем в руки смерти».

Мастер «с легким сердцем» покинул Землю, но отдался ли он в руки смерти?.. Он летит, уподобившись прочим спутникам Воланда, персонажам романтической баллады, а поэтические образы не подвластны смерти. Полет заканчивается встречей Мастера с «выдуманным» им героем — Пилатом.

Он сидит в тяжелом каменном кресле и вперяет незрячие глаза в диск Луны; рядом с креслом лежит его собака; у ног валяются черепки разбитого кувшина и простирается невысыхающая черно-красная лужа... Более всего в мире он ненавидит свое «бессмертие и неслышанную славу».

«Бессмертие» Пилата — овеществленная слава, то есть это материализованная метафора. Не «душа» Пилата «бессмертна», а он сам, в телесной реальности. Также телесны и неуничтожимы осколки кувшина и кроваво-красная лужа.

В день казни Иешуа Пилат, рассердившись на раба, разбил о мозаичный пол кувшин вина, и тогда образовалась красная, «как бы кровавая» лужа. Ту лужу рабы растерли, она давно исчезла, эта сопровождает Пилата в бессмертие.

Неуничтожим и его остроухий пес. Как будто не к месту звучит фраза: «...единственно, чего боялся храбрый пес, это грозы». «Гроза» и «лужа» неразделимы в памяти Пилата. Точнее, они должны быть неразделимы в памяти читателя как пучок ассоциаций (гроза, кроваво-красная лужа, луна), ведущих к одной точке — казни Иешуа. Подчеркиваю: **Пилат разбил кувшин непосредственно перед грозой.**

«Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух. И вот завеса в храме разодралась надвое, сверху до низу; И земля затряслась. И камни расселись.»

(От Матфея, 27, 50-51)

Так описывает Евангелие «мировую катастрофу».

Около двух тысяч лет сидит Пилат на этой площадке и жаждет одного — встречи с Иешуа, потому что, как он утверждает, он чего-то не договорил тогда, давно, четырнадцатого числа весеннего месяца нисана, то есть в день, когда иудеи справляли праздник Пасхи.

Теперь Мастер может закончить свой роман одной фразой: «Свободен! Свободен! Он ждет тебя!»

Пилат поднялся и «стремительно» побежал по долгожданной лунной дороге.

«Этот герой ушел в бездну⁴, ушел безвозвратно, прощенный в ночь на воскресенье, сын короля-звездочета, жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат».

VIII.

После освобождения Пилата Воланд и его свита бросаются в провал, а для Мастера должен наступить обещанный покой. Каким будет этот покой, Мастеру рассказывает Воланд, а его рассказ продолжает Маргарита, «...и Мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей». Можно было бы сказать — «подобно колыбельной песне». Мастеру обещан дом и старый слуга, и горящие свечи, и музыка Шуберта, и будет он при свечах писать гусиным пером, и сидеть над ретортой в надежде вылепить нового гомункула, и засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак...

Маргарита заканчивает свою убаюкивающую песню: «А прогнать меня ты уже не сумеешь. Беречь твой сон буду я», — извечная мечта каждой любящей женщины...

Лирично, человечно, проникновенно звучит желание подруги Мастера: «Слушай и наслаждайся тем, что не дано тебе было в жизни — покоем».

В этой точке Булгаков как бы сливается со своим героем: в уста Маргариты он вложил собственную тоску о покое, которого в жизни не имел.

Покой начинается с забвения, с угасания памяти. Дважды дается образ «исколотой иглами памяти»: «... и память Мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала угасать.» И то же — об Иване: «...его исколотая память утихает».

⁴) «Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне — дна.»

Ломоносов

Память — духовное богатство человека, основа нравственной ответственности. Память о познанном, испытанном, о боли, которую ты причинил другому, о радости, которую ты поделил с другим.

В клинике Стравинского Мастер, всё потеряв, не утратил памяти о любви Маргариты, о драгоценном «мы». Улетая в бессмертие, он говорит Маргарите: «Я теперь ничего и никогда не забуду».

Иван вернулся в повседневность и забыл обо всем пережитом в «доме скорби». Такой ценой он приобрел покой. Но покой, купленный ценою забвения познанного, утратой «беспокойства», — для художника это — поражение, ущербность. Потому-то и даруется ему в его «вечном приюте» бесполезное гусиное перо, бесполезное, потому что написанное до людей не дойдет, пустая реторта и засаленный колпак.

Идиллия разрушена иронией.

Такова, на мой взгляд, двойственность звучания главы, названной «Прощение⁵ и вечный приют». Двойственность эта соответствует двойственной природе Мастера: он — человек, брэнная плоть которого подвластна всем горестям и трудностям жизни, и потому оправдана его мечта о забвении и покое. Но он — и «лунный гость», «пришелец», художник-демиург. Он «двупланен», как «двупланово» бытие в целом.

Невероятно, чтобы Булгаков завершил поэму о Мастере картиной его поражения, рожденного слабостью: «Меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал». Ведь его «вечный приют» чем-то похож на чудесно восстановленный Воландом арбатский подвал, в котором Мастер сидит, «имея на себе рубашку и больничные кальсоны».

«Засаленный колпак» немногим лучше «больничных кальсон». И еще одно замечание в добавление к сказанному:

Воланд говорит Мастеру: «Наш роман прочитали и сказали только одно, что он, к сожалению, не окончен». Не во власти человека даровать прощение Пилату. От кого же исходит прощение? За Пилата уже попросил «тот, с кем он так стремится разговаривать». Бог простил Пилата устами Мастера. Создатель романа о Пилате не только «всё угадал» и угаданное воссоздал, но звучащим словом низвергнул «проклятые стены» и освободил прокуратора. Таково **д е я н и е** художника-демиурга.

⁵ Прощение Пилата.

Мог ли Булгаков осудить того, кто стал орудием Божьей воли, на пребывание в полуиронически описанном «вечном приюте»? Это — невероятно.

IX.

Эпитет «лунный» вызывает вопрос: что значит образ Луны в образной системе романа, какие ассоциации она вызывает? Луна сопровождает действие на протяжении всего романа, но на некоторых страницах её значение раскрывается особенно отчетливо.

Пасхальной ночью Иуда идет по улицам Ершалаима, направляясь к Гефсиманским воротам. Повернувшись, он увидел, что «...в страшной высоте над храмом зажглись два гигантских пятисвечия». Они спорили «со светом единственной лампы, которая всё выше поднималась над Ершалаимом, — луны».

Пасхальная ночь, пятисвечия над храмом, луна...

Афраний после убийства Иуды в Гефсиманском саду возвращается в Ершалаим. Изредка он поглядывает «на нигде не виданные в мире пятисвечия, пылающие над храмом, или на луну, которая висела еще выше пятисвечий».

В Москве Иванушка — профессор Иван Николаевич Понырев — не может «совладать» с весенним полнолунием. Лишь только начинает наливаться золотом светило, «которое когда-то висело выше двух пятисвечий», «...становится Иван Николаевич беспокоен».

Выделенные слова подчеркивают ту же ассоциативную связь: луна — пятисвечия — Пасха.

Если перевести первое и третье сновидения Ивана из света мечает, что это — **п о л у н о ч н а я** луна: Мастер появляется в спальне Воланда, а в далекой высоте открывается **п о л н о ч н а я** л у н а; Мастер покидает комнату Иванушки в клинике Стравинского, когда **н о ч ь** **п е р е в а л и л а** **з а** **п о л н о ч ь**, и луна скрылась.

Почти незаметный намек напоминает, что ровно в двенадцать в ночь под воскресенье начинается ликующий звон колоколов, знаменующий, что «Христос воскрес из мертвых,

Смертью смерть поправ.»

Если перевести первое и третье сновидения Ивана из света в звук, то мы услышим погребальный звон — знак «мировой катастрофы» — и затем — наполняющий пространство радостный и торжественный пасхальный перезвон.

Поэма о Мастере завершается апофеозом и не может завершиться иначе, так как по сути своей является пасхальной мистерией.

В третьем сновидении Ивана есть одна деталь, требующая объяснения: Маргарита выводит за руку «...пугливо озирающегося, обросшего бородой человека». Именно таким привиделся Мастер Маргарите в её сне: «Оборван он, не разберешь, во что он одет. Волосы всклокочены, небрит. Глаза больные, встревоженные.»

«В клинике бородку ему подстригали машинкой!» — сообщает рассказчик (гл. 30, «Пора, пора...»)

Маргарита увидела Мастера во сне, каким он был до прихода в клинику, то есть, каким он был в заключении.

По своеобразному замыслу Булгакова «бессмертие» даруется не человеку в его целостности; «бессмертным», неразрушимым становится одно мгновение его жизни, мгновение наибольшей его вины (Пилат) или наибольшего страдания, унижения. Ведь и на поднимающемся к Луне рядом с Пилатом «молодом человеке» — разорванный хитон, и лицо его обезображено.

Горестно-человеческое и мифологическое сливаются в единый образ. Такова, как мне кажется, мистическая диалектика, воплощенная в образе поднимающегося к Луне Мастера⁶.

Х.

В эпилоге романа рассказывается о представителях следствия и опытных психиатрах, объяснивших странные происшествия, которые произошли в Москве, и «объяснения эти нельзя не признать и толковыми и неопровержимыми».

«Но вот что осталось совершенно неясным для следствия, это — побуждение, заставившее шайку (преступных гипнотизеров) похитить душевнобольного, именующего себя Мастером, из психиатрической клиники.»

Это, конечно, шутка, но шутка со столь глубоким смыслом, что его, пожалуй, трудно исчерпать. Она наталкивает, например, на вывод, что следователи, которым по должности положено устанавливать объективную истину во всяческих происшествиях и которые полагали, что установили таковую, на самом деле были так же беспомощны в деле установления истины, как и «мужчины в штатском», замыслившие изловить Бегемота с помощью сетки.

⁶ Таков и облик Мастера в спальне Воланда.

XI.

Сатира Булгакова попадает в цель, как выстрел Аззелло, даже в закрытую цель, и убивает то, что надо убить.

Маргарита спрашивает:

«— Вы его застрелили, этого бывшего барона?»

— Естественно, — ответил Аззелло, — как же его не застрелить? Его обязательно надо застрелить.»

Застрелить то, что «обязательно надо застрелить», — в этом функция сатиры.

И не нужно тревожиться: «...всё будет правильно, — говорит Воланд Маргарите, — на том построен мир.»

XII.

Чем больше времени отделяет нас от года появления романа, тем отчетливее раскрывается глубина его философского замысла и совершенство художественного построения.

Роман — целостная конструкция. Сюжетное движение определено в нем той диалектикой, которая заложена в самом символе Пасхи. Это не только диалектика жизни и смерти, но также предназначенности⁷ и свободы. Без свободы не может быть нравственной ответственности и расплаты за содеянное.

⁷ О предназначенности: предсказания Воланда (гл. 1)

В Евангелии от Луки сказано: «...Сын человеческий идет по предназначению, но горе тому человеку, которым Он предается.» (21-22).

Таков закон вины и расплаты.

Но есть еще диалектика вины и прощения: «Свободен! Свободен! Он ждет тебя!»

Роман современен по художественной форме и идейному замыслу. Его воинствующий и жизнеутверждающий гуманизм направлен против всех видов духовного порабощения, против конформизма, против предательства Добра.

Многозначность символов не затемняет их смысла.

Sapienti sat — Мудрому достаточно!

XIII.

В конце жизни Михаил Афанасьевич Булгаков ослеп и лишился речи. Объяснялся он жестами, которые понимала лишь Елена Сергеевна, его жена.

Однажды он сделал знак, что чего-то хочет.

— Лимонного соку?

Отрицательный жест.

— Твои работы?

— Нет.

Елена Сергеевна догадалась:

— «Мастера и Маргариту»?

И человек, утративший речь, огромным усилием воли произнес два слова:

— П у с т ь з н а ю т !⁸

⁸ Записано мною со слов Елены Сергеевны Булгаковой 15 ноября 1969 г. в Москве.

ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА МОЧАЛОВА

Ольга Алексеевна Мочалова родилась в 1898 г. В своей автобиографии (неопубликованной) Ольга Алексеевна говорит: «Родилась близ полустанка «Фили» Белорусской (тогда Александровской) железной дороги. То был большой огороженный фабричный участок, полный зелени садов и огородов.

Отец был директором красильно-набивной фабрики, из рода купцов-рыботорговцев. Мать из рода владельца ювелирного магазина. Из пяти дочерей — я третья. Мы рано осиротели, воспитывали родственники.

Кончила Мариинскую гимназию и лингвистическое отделение I МГУ. Писать стихи начала рано, но зарабатывала не литературным трудом, а преподаванием. Жизненное поприще рано пресекли две болезни. Детей не было. Много написано. Ряд сборников стихов и воспоминаний — о литераторах. В настоящее время живу на минимальную пенсию.»

Интересные воспоминания О. А. Мочаловой о Вяч. Иванове, Н. С. Гумилеве, Марине Цветаевой остаются неопубликованными. В воспоминаниях о М. Цветаевой приведены два письма, те, что включены в сборник «Неизданные письма», 1972. О. А. Мочалова вспоминает: «В ноябре (1940 г.) я была приглашена к Марине Ивановне. Она жила на Чистопрудном бульваре около Покровских ворот на 5-м этаже в комнате уехавшего полярника. М. И. Цветаева была тогда худощава, измучена, с лицом бесцветно-серым. Седоватый завиток надо лбом, бледно-голубые глаза, выражение беспокойное и недоброе. Казалось, сейчас кикимора пойдет бочком прыгать, выкинет штучку, оцарапает, кувырнется. Разговаривала она судорожно-быстро, очень раздражительно, часто обрывала собеседника. — «В мире физическом я очень не требовательна, но в мире духовном — нетерпима».

«Ко мне она пришла 7-го февраля 1940 г. Как мы сговорились, я встретила ее у входа в метро. Был мороз, тьма, выюга... Как только Марина Цветаева вошла в мою комнату, она бросилась обнимать и ласкать кота Василия и кошку Зосю. Зося имела особый успех. Затем она разделась, села за письменный стол и начала что-то писать. Я подумала — не снизошло ли на нее вдохновение?»

— Почему вас это интересует, — сердито возразила Марина Ивановна. — Это моя рабочая записная книжка. У вас тоже такая есть. Дома я бы записать не успела, а тут я могу.

После первого посещения я получила письмо от М. Цветаевой (это третье письмо не включено в «Неизданные письма»).

Воскресенье 9 декабря 1940 г.

Милая Ольга Алексеевна,

хотите меняться? Мне до зарезу нужен Державин — хотите взамен мое нефритовое кольцо (рука), оно счастливое и в нем вся мудрость Китая. Или — на что бы Вы вообще обменялись? Назовите п о р о д у вещи, а я соображу.

Я бы Вам не предлагала, если бы Вы о ч е н ь его любили, а я его о ч е н ь люблю. Есть у меня и чудное ожерелье богемского хрусталя, вдвое или втрое крупнее Вашего. Раз Вы эти вещи — любите.

Думайте и звоните!

Всего лучшего! Привет Зосе. Она обмен одобрит, ибо кольцо будет закатывать (под кровать), а ожерелье объест: то ягодки.

М. Ц.

О. А. Мочалова продолжает: «Обмен совершился в следующий её приход. Я выговорила право прочесть Марине Цветаевой несколько своих стихотворений. После каждого прочитанного она разливалась потоком попутных мыслей, но в результате прослушивания сказала: «Вы — большой поэт. Я очень редко говорю такие слова. Обычно слушаешь, слушаешь, слушаешь автора и произносишь неопределенные звуки: ги, хи, ого, угу... Но Вы поэт без второго рождения, а оно должно быть».

В других главах О. А. Мочалова рассказывает о встречах с В. Брюсовым, Вяч. Ивановым, К. Бальмонтом, Ф. Сологубом, Н. Гумилевым, Вл. Пястом.

Приведу из воспоминаний О. А. запись слов О. Мандельштама.

«О. Мандельштам приехал в Цекубу и заявил: «Мне нужны деньги. Вы обычно даете сумму на похороны умерших писате-

лей. Дайте мне эти деньги сейчас, а я вам оставлю расписку, что после моей смерти у вас никто ничего не потребует».

О. А. уточняет в воспоминаниях и биографические сведения о Вере Александровне Меркурьевой (Письма Марины Цветаевой В. А. Меркурьевой помещены в сборнике «Неизданные письма», 1972). На стр. 622 говорится: «В. А. Меркурьева (1876-1943) — поэтесса...» В биографической справке О. А. Мочаловой о В. А. Меркурьевой отмечено, что она родилась не в 1876 г., а 26 августа 1874 г. в Тифлисе, скончалась в 1943 г. в Ташкенте, в (неразборчиво).

О. А. Мочалова живет в Москве, в коммунальной квартире, очень плохо слышит и почти не видит, но, преодолевая немощи, продолжает работать: пишет стихи.

Посылаю 6 стихотворений О. А. Мочаловой. Может быть, Вам удастся опубликовать их в каком-либо журнале. Для О. А. это очень важно, узнать, что стихотворения напечатаны, их читают — поверить, что существуешь. (Ведь и её, и всех людей её образа мыслей изо дня в день, из года в год «убеждают», что они не существуют). Так поверила Татьяна Васильевна Розанова в свое существование, увидев незадолго до смерти пятую главу воспоминаний в Вестнике РСХД №№ 112-113.

О стихах О. А. Мочаловой. Мне представляются её образы и духовный мир близкими к миру Анны Присмановой.

Москвич

Ноябрь 1975 г.

Ольга МОЧАЛОВА

РАЗБОЙНИКИ

Отточенный разбойника удар —
Одно мгновение смертной встречи.
Он, может быть, не покарал,
А спас от жизни — без противоречий.
Разбойник рукавом взмахнул.
Его лицо осталось незнакомым.
Что черным ветром опахнул.
Он, может быть, был послан громом.
Есть женщины без отсвета в глазах,
Без детства, без вопроса, без оглядки.

Их страшными, быть может, сделал страх,
Из темени прошедший в пятки.
Тебя сквозь щели незакрытых штор
Недобрый взгляд подростка заметил.
Печаль твоя вменяется в позор.
Казнят за нежность к детям дети.
...Нельзя при жизни стать невидимой.
Один ответ мученьям есть:
— Имею честь быть ненавидимой,
Отверженной — имею честь.

Декабрь 1974 г.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Переселенье — перевоплощенье.
В новооткрытых лужах ты — никто.
Проходит только грустное пальто,
Событиям не находя прощенья.
На ветры навязав названья улиц,
Переселили чуть не на Сатурн,
Расстроили дрожанье тайных струн
Мелодий, что обратно не вернулись.
Витрина тканей на тебя смотрела,
С тобой дружился скверик на углу.
Окрестную проверенную мглу
Прохладной ночи ты впитала в тело.
Среди дворовых тополей дышали
Преданья о колоколах Москвы,
Старинный сал пил света синевы,
Слагали песни о вишневой шали...
Блаженны, кто перенесли изгнанье,
Чужому подчиненные уму,
И страшная тоска по своему —
Осталась за пределом их изгнанья.

В мире книг
Николай АНДРЕЕВ

О КНИГЕ В. С. ФРАНКА *

Поистине ценный, обогащающий читателей том «Избранных статей» покойного Виктора Семеновича Франка — вклад в русскую культурную традицию и, более того, вклад, отмеченный индивидуальными чертами.

Прежде всего следует подчеркнуть правильность решения (предполагаю, что это мысль матери автора, Татьяны Сергеевны) собрать, приготовить к изданию и выпустить в свет ряд работ В. С. Франка, которые — иначе — могли бы затеряться в печатном потоке или вообще не получить типографского оформления. В томе собрано семнадцать работ В. С., самых разнообразных по жанрам. Здесь и запись беседы с А. А. Ахматовой, сделанная В. С. сразу после встречи с поэтом в 1965 году; и совершенно замечательные страницы исследования о В. С. Печерине; и литературная критика с такими «объектами», как Ахматова, Пастернак, Солженицын, Максимов, Надежда Мандельштам; и историософская публицистика (о традиции русского радикализма, «Ленин и русская интеллигенция»); и чутко проникновенный биографическо-идейный портрет его отца, Семена Людвиговича Франка, одного из самых глубоких мыслителей — и не только русских — первой половины двадцатого века. Часть этих работ была первоначально напечатана по-английски, некоторые по-русски, кое-что было «сделано» для радиовещания и что-то оставалось в рукописи.

Надо прямо сказать, что все эти работы В. С., собранные вместе, бросают ослепительный свет не только на темы, выбранные им для анализа и для раздумья, но и на собственный духовный облик автора. Даже для людей, более или менее знавших его (хотя — что такое «знание» другого человека?), этот том дополнително, в деталях, «открывает» самого Виктора Франка — и в плане интеллектуальном, и в плане его интуитивных дарований, утверждая в читательском сознании автора как цельную талантлиую личность, руководству которой можно полностью дове-

* Виктор Франк, Избранные статьи, Редактор профессор Л. Шапиро Overseas Publications Interchange, London, 1974 г., 200 страниц.

ряться в обсуждаемых явлениях русского прошлого или нашей бескомпасной и безрульной современности.

Мне представляется, что в основе всех писаний В. С. лежат два начала. Первое начало — осознание и с т о р и к о м и прошлого России, и нашей современности. Виктор Франк был по образованию и склонностям, конечно, в первую очередь ученым. Муза истории Клио осеняет его подход к материалу в этом томе. Он точен, фактичен и остотрителен, разворачивая свой анализ, и он постоянно стремится к документации своих утверждений. У него сознание, память и ответственность историка, к какой бы теме он ни обращался. Ему начисто чужд «сенсационализм журнализма»: см. «Встречи с А. А. Ахматовой (3-го и 5-го июня 1965 года)» — текст опубликован впервые только теперь. Он совершенно объективен: не раз он признает достоинства и у советских критиков — его «Пастернак и русская поэзия» опирается в немалой степени на тезисы Николая Асеева, которые В. С. удачно дополняет и — в конечном счете — блистательно преодолевает.

Он не пользуется «импрессионистической угадкой», столь часто заменяющей у многих его «собратьев по перу» подлинный разбор поэзии или прозы, — он доказывает, показывая материал. Его, иногда предельно сжатые, литературные статьи столь насыщены илеями, фактами, цитатами, что воспринимаются как подробные исследования. «Неудобный поэт» (Пастернак) всего — десять страниц; «Русский Гамлет. Роман Бориса Пастернака» — восемь с половиной; «Трагедия класса-гегемона» (меткий, разящий и блестящий разбор романа «Семь дней творения» Владимира Максимова) — пять страниц.

Эта «весомость» анализа и характеристик В. С. пронизывает всю книгу. В его чисто историческом исследовании «Неизвестная страница из биографии В. С. Печерина он наглядно демонстрирует высокий класс историка. Следует глубочайше пожалеть, что ему не было дано достаточно времени, чтобы написать книгу об этом, вероятно, самом смятенном русском западнике девятнадцатого века. Мне, как нечуждому истории русской мысли, было бы приемлемее искать «истоки» истории русской интеллигенции значительно раньше. Нельзя же не считать интеллигентами ряд декабристов, М. М. Сперанского, самого Александра I. А в XVIII веке плеяда русских масонов, Радищев, Новиков... П. Н. Милюков с уверенностью говорил о «технической

интеллигенции», созданной Петром Великим. Можно было бы совершить прогулку, обнаруживая «прототипы интеллигентов» гораздо раньше. Но, зная все это, В. С. не пошел далее Кюхельбекера, т. е. двадцатых годов прошлого века, ибо только тогда намечается у них «общее сознание». И он полностью раскрыл свою схему, основанную отчасти на определениях интеллигенции, сделанных в свое время С. Л. Франком в отчетливых построениях его интереснейшей статьи «Отцы и дети. Традиция русского радикализма». (Между прочим, на стр. 175 здесь опять «шереховатость» обратного перевода с английского на русский: следует читать — по выражению Александра Герцена — «Россия ответила на вызов Петра я в л е н и е м Пушкина», а не «рождением», как напечатано). В пределах своей схемы автор дает точную формулу: «...русская интеллигенция, это странное и самобытное социальное явление, возникла только во второй половине XIX века, переняв от ведущего класса, дворянства, функции двигателя культуры» (стр. 174). В пределах той же схемы В. С. с подлинным блеском защитил, оригинально и с огромной силой, свой тезис о Ленине и русской интеллигенции: «Ленин просто довел вероучение интеллигенции до его логического конца. И, уничтожая ненавистный старый порядок, Ленин уничтожил — как часть этого старого порядка — также и русскую интеллигенцию» (стр. 197). Позволю себе утверждение, что все эти построения В. С. Франка о русской интеллигенции займут важное место в грядущих разработках русской социальной истории, когда не политические схемы и не личные пристрастия, а объективный анализ, как у В. С., будет ведущим в российской историографии.

Второе начало, которое пронизывает всю книгу, отражаясь наиболее наглядно в литературной критике В. С., это его ясная направленность на понимание д у х о в н ы х ценностей в мире, а в области литературы — специально д у х о в н о г о плана произведений писателей. Именно эта черта придает его характеристикам ту углубленность и тот оттенок истинного проникновения в «суть тем», которые сразу выдвигают В. С. среди современных критиков, слишком часто и слишком много блуждающих среди искушений, вроде «идеология», «политика», «актуальность» или «формализм», «сюрреализм» и прочие «измы», будто бы все эти «отдельные аспекты» подхода к произведениям могут вскрыть с у т ь и с к у с с т в а, которое — в своей основе — есть «акт души» поэта или прозаика.

Именно на эту «сердцевину» литературного творчества В. С. направил свой анализ. Самый выбор авторов, которыми он занялся, есть уже подчеркивание «наиболее важного» в новейшей — наших дней — русской литературе. Вспоминая «гамбургский счет» В. Шкловского, он пишет в марте 1971 года: «Пришла пора как-то рассортировать ту грудку, которая льется на нас из самиздатского рога изобилия. И вот, применяя строжайший, чисто литературный принцип отбора, можно, пожалуй, назвать пять имен, которые уже прочно вошли в русскую литературу — имена Ахматовой, Пастернака, Булгакова, Солженицына, а теперь и Надежды Яковлевны Мандельштам». Как видно из разбираемого тома, В. С. обратил непосредственное внимание на четыре из пяти выбранных имен.

Наибольшее внимание было отдано Пастернаку: семь статей. Мне кажется святотатственным пытаться их оценивать. Возможно, что о Пастернаке писали «звонче», как, например, Марина Цветаева, но, по-моему, никто не подошел к нему с таким стремлением «понять и объяснить», как наш критик, «понять и не стилизовать». Его работа «Водяной знак. (Поэтическое мировоззрение Пастернака)» дошла до Бориса Леонидовича и «вызвала высокое одобрение», сообщает редактор. Присоединяемся к редакторскому сожалению, что В. С. Франку не удалось окончить книгу о поэте, для которой он собрал много материала. У читателя уверенность, что В. С. в статье «Реализм четырех измерений» подобрал верные «ключи» для «вхождения» в замысел и поэтику романа «Доктор Живаго».

Необычайная наполненность содержанием всех трех «опусов» о поэзии Анны Ахматовой. Замечательный подбор поэтических примеров и точный комментарий ее — поэта — трагических путей в «апокалиптическую пору».

Совершенно исключительная статья В. С. «Воспоминания Надежды Мандельштам». Статья кажется большой, хотя на самом деле только семь страниц. Множество метких наблюдений, одно ценнее другого, о «книге, насыщенной любовью, нежностью и ненавистью», о «книге, несомой одним стилистическим дыханием», о книге, «представляющей собою непревзойденный по тонкости анализ психопатологии страны, корчащейся в агонии страха».

И, наконец, пронизательная, умная, спокойная постановка большой темы: «Солженицын и Толстой». По-моему, статья эта, напечатанная, как и ряд других, в «Посеве», верно наметила

ряд вопросов и, в основном, выявила «антитолстовскую» направленность идей Солженицына, о которой в тот период (в 1971 году) знали не столь много. Угадал он и те элементы «исторической концепции Солженицына» (стр. 134), которые позднее выявились в «Письме вождям», где они уже явно «перекликаются» с мыслями Менделеева в его книге «К познанию России».

К несчастью, В. С. Франку не дано было лично встретиться с Солженицыным и другими, но его книга, созданная талантом, опирающимся на знания, совесть и духовную чуткость, остается ж и в ы м голосом, обращенным ко всем нам, к России.

Судьбы России

В порядке дискуссии

Юрий БЛИНОВ

ГРЯДУЩИЙ ГРАД

Как-то неожиданно для самих себя проникаемся мы в последнее время сознанием того, что Россия стоит сейчас на пороге великих перемен, имеющих судьбоносное значение не только для населяющих ее народов, но и для всей нашей планеты. К этому ее привело все происшедшее за ее многовековую историю, и особенно события последних десятилетий. По всем признакам такой ход событий неотвратим. Препеждающие власти не в состоянии как-либо предотвратить надвигающийся крах советской империи. Собственно, у них только три возможности. Ужесточение реакции и усиление репрессий по отношению к любой действительной или потенциальной оппозиции. Но этот путь неприемлем не только потому, что власть нуждается в налаживании мостов и усилении всевозможных контактов с Западом для поддержания неэффективной экономики и для обезопасения тыла на случай смертельной схватки с Китаем. Помимо этих немаловажных соображений, власть по собственному жестокому опыту боится нового диктатора и террора, ибо тогда никто из аппаратчиков не будет уверен в собственном самодовольном и благополучном завтрашнем дне, а самодовольство и комфорт являются ныне главной питательной силой и опорой современной советской бюрократии. Второй путь — это осуществление далеко идущих реформ во всех сферах советской жизни. Но, помимо того, что сейчас элита пока не в состоянии выдвинуть из своей среды великого государственного деятеля и преобразователя в ранге Петра Великого или хотя бы Александра II, этот путь также не приемлем для Кремля и из принципиальных соображений, ибо сознательно или подсознательно власть чувствует, что начало глубоких реформ — это и начало ее быстрого краха. Ведь реформы не только должны показать полную несостоятельность идеологического камуфляжа правящей коммунистической партии, но и должны призвать к жизни действительные законность и правопорядок, озна-

чающие конец беззаконию и произволу теперешнего режима. Остается третий путь, которого сейчас и придерживается правящая верхушка — это путь консервации существующего status quo посталалинской империи, допускающий лишь незначительные нововведения, служащие чаще не для обновления условий жизни, а просто для декорации и идеологического тумана. Таковы паллиативные меры, направленные на улучшение материального благосостояния трудящихся, на создание более эффективной экономики, курс на разрядку международной напряженности и пр. Этот путь, конечно, тоже никак не может спасти власть, ибо противоречия современной советской действительности неминуемо будут возрастать, и довольно скоро, еще на протяжении жизни нынешнего поколения, неминуемо приведут к взрыву социально-политической структуры советского общества. Но у этого курса есть, с точки зрения власти, немаловажные преимущества. Это прежде всего надежда на то, что накопление и обострение противоречий в советском обществе будет происходить до взрывоопасной ситуации еще столь долго, что вопрос о нахождении выхода из безвыходного тупика придется решать не теперешним правителям, а их будущим преемникам, так что хоть сейчас они могут пожить в полном спокойствии и благополучии, не ломая головы над неразрешимыми проблемами. Действительно, положению нынешних советских вождей не позавидуешь.

И однако, несмотря на кажущуюся полную безвыходность положения, выход из него реальный и приемлемый для всех есть. На этот выход указал в своем «письме вождям» наш великий писатель А. И. Солженицын: это древнерусская христианская традиция всенародного покаяния. Отражение этой традиции мы видим в чине прощения православной церкви перед великим постом, а также в русской литературе. В послепетровской России эта традиция утратила свое общественное значение, превратившись в малозначущий церковный обряд.

Многое бы простил народ своим вождям, если бы они обратились к нему со словом раскаяния и боли и призвали бы его совместными усилиями уврачевать старые раны и решить наболевшие вопросы. Увы! Всерьез о такой акции советского руководства пока помышлять не приходится, ибо это требует не только большого единоличного или коллективного гражданского мужества, но и подлинно христианской веры и вытекающей из нее ответственности перед своим народом и каждым отдельным гражданином. Поэтому пока эту возможность приходится считать утопической.

Но столь ли уж печально положение современной России? Столь ли уж настоятельна необходимость поисков экстраординарного выхода? Не слишком ли рано вещают сивиллы? Апологеты существующего режима с полным правом могут утверждать, что Советский Союз является ныне могущественнейшей державой в экономическом и военном отношении, что жизнь в стране течет упорядоченным руслом, что благосостояние народа, пусть медленно, но растёт и что внешних признаков кризиса, переживаемого страной, не так уже и много, да и эти немногие (неудовлетворительное состояние сельского хозяйства и связанная с этим нехватка отдельных продуктов питания, отставание от Запада в научно-технической революции, рост оппозиционных настроений в среде интеллигенции и др.) не столь уж ярко выражены, а потому-де и нет пока серьезных оснований бить тревогу.

Но так ли это? Лишь беглый обзор всего нашего современного бытия обнаруживает совершенно иную картину. Псевдоплановая экономика все более обнаруживает свою неэффективность в период усложняющейся научно-технической революции, что делает ее совершенно неконкурентоспособной с западным хозяйством. Это особенно больно ударяет по идеологическим амбициям советских правителей, ибо главный упор они всегда делали на сферу материального производства. Экономические затруднения ставят под вопрос советское военное могущество, экспансионистские притязания, а также не позволяют прийти к пресловутому изобилию материальных благ для советского народа. Несмотря на очевидные успехи в сфере материального производства, достигнутые за послевоенные десятилетия, жизнь в Советском Союзе остается до сих пор очень суровой для десятков миллионов его граждан. В стране до сих пор насчитываются миллионы людей, вынужденных влачить нищенское существование на жалкие пособия и пенсии в размере 16-30 рублей в месяц. К ним надо прибавить все возрастающую армию спившихся люмпенов, которые вообще не получают никаких пособий и живут за счет своих и без того бедствующих семей или же попрошайничеством, сбором винной посуды, мелким воровством и случайными подработками. Ряды безработных, также не получающих никаких пособий, пополняют уволенные по причине неблагонадежности или из-за строптивного характера, а также многие выпускники высших школ, которые не могут найти себе работы по специальности в больших городах, но по тем или иным причинам не желают или не могут отправиться на периферию. Разгромленное коллективизацией сельское хозяйство не может обес-

печить до сих пор нормальное снабжение городов, несмотря на многомиллиардные бюджетные впрыскивания и принудительные уборочные страды с привлечением солдат, студентов, школьников и рабочих. Большинство русских городов обеспечены питанием гораздо хуже дореволюционного времени. Приходится лишь удивляться, как большинство населения при недоброкачественном и однообразном питании еще сохраняет здоровье и работоспособность. Номинальный рост заработной платы в значительной мере съедается ростом цен на товары и услуги (особенно на т.н. черном рынке). Причем качество товаров, как правило, ухудшается.

Но жизнь большинства советских людей не только сурова в материальном смысле. Она вдобавок обезличена и лишена сколь-нибудь значительного духовного содержания. Правящая каста пресыщена и некомпетентна, в ее среде процветает культ наживы и стремление к роскошной жизни. Невозможность честным трудом и дозволенной законом инициативой обеспечить приличные условия существования для себя и для семьи плодит множество рвачей, комбинаторов, спекулянтов, фарцовщиков и просто жуликов. Размеры национального бедствия приняло пьянство, особенно в провинции и на селе.

Поблекли знамена и лозунги Октябрьской революции. Власть уже не в состоянии выдвинуть из своей среды искусных демагогов и трибунов, но по инерции обрушивает на массы старую приевшуюся ложь. В духовном смысле Россия все более уподобляется болоту. Ужасное бремя лжи окутывает всю современную советскую жизнь, как общественную, так и личную. Подавлены элементарные человеческие свободы. Честных писателей и художников отправляют на каторгу, в психиатрические застенки или в ссылку. Многие другие вынуждены покидать Россию или становиться внутренними эмигрантами. Жестоким репрессиям подвергаются борцы за гражданские права. Всевозможным притеснениям подвергаются верующие. Небывалой остроты достиг национальный вопрос.

Над страной нависла и страшная угроза извне. Вскормленный Сталиным китайский коммунизм готовится к смертельной схватке со своим бывшим старшим братом. Ряд признаков указывает на то, что происходящие и готовящиеся перемены в китайском руководстве не означают изменения основного внешнеполитического курса Китая на войну с Россией. Движущими пружинами китайской экспансии являются не просто стремление к гегемонии, агрессивность молодого коммунистического государства и неспособность китайского руководства обеспечить мирное процветание китайско-

му народу. В более глубоком смысле — это столкновение двух цивилизаций, двух культур, двух мировоззрений и психологий, столкновение, обостренное привнесенным в них коммунизмом, причем этот антагонизм носит долговременный характер. Казалось бы, перед лицом смертельной внешней угрозы советскому руководству следовало бы приложить любые возможные усилия на примирение с Китаем, однако великодержавная советская спесь не позволяет идти ни на какие серьезные уступки Пекину. Решиться на превентивную войну с Китаем советское руководство также не может, несмотря на все свое техническое и военное превосходство, ибо молниеносный исход войны более чем сомнителен, а затяжная война может привести к распаду социалистического лагеря и к резкому обострению обстановки внутри страны. Поэтому кремлевские правители предпочитают выжидательную позицию, перемежая яростную перебранку бессодержательными примирительными жестами. Такой курс не может привести ни к чему иному, как дальнейшему обострению советско-китайских отношений и в конечном счете к войне, которая хотя и приведет к краху советского режима, однако в то же время причинит неисчислимые страдания народам Китая и советской империи.

Куда ни посмотри, взору предстает безотрадная картина. Несмотря на всю свою внешнюю мощь, Советская Россия больна и больна безнадежно. Что же привело ее к неисцелимому недугу? Внимательное изучение симптомов и развития этой болезни приводит нас к выводу, что нынешний кризис советской системы является логическим завершением революции Октября, а в более глубоком смысле — той инъекции социалистических идей, которая была произведена России около 100 лет тому назад. Не только большевики, но и социалисты всех мастей полагали возможным превратить Россию в землю обетованную одними внешними средствами (преимущественно насильственными). Воспаленное воображение, патающееся картинами будущего социалистического рая, отвергало любую альтернативу насильственной революции, хотя даже при наиповерхностнейшем размышлении любому русскому социалисту должно было стать ясным, что любое историческое развитие есть живой и хрупкий организм, и вандалистские способы излечения общества, находящегося в застое, могут только обострить старые болезни и сделать картину общественно-политической жизни еще более неприглядной, что и произошло в послеоктябрьской России. Стремясь одним рывком вывести Россию в пионеры общественного прогресса, большевики на деле отбросили страну на столетия на-

зад. Как будто и не было в России никакого освободительного движения, не было отмены крепостного права, не было Государственной думы, земств, политических партий, независимого суда присяжных, свободы вероисповеданий, интеллигентской вольницы. Такого бесправия и беззакония, какое наступило в стране после 1917 года, а особенно после воцарения Сталина, Россия не ведала ни при татарщине, ни при Иоанне Грозном. Своим чудовищным экспериментом над Россией, стоившим крови десятков миллионов русских людей, большевики более чем наглядно доказали, что никаким величием целей нельзя оправдать незаконные и бесчеловечные средства революционного насилия. Вавилонские башни и египетские пирамиды индустриализации на костях миллионов людей — вот квинтэссенция «самой передовой» идеологии в применении к практике. Никто не в праве отрицать, что общественное зло лечить и искоренять нужно, однако действительное исцеление общественных недугов возможно лишь способами, достойными человека.

Для чего мы живем вообще? Неисследимо начало и неведом конец нашей земной истории. И однако по отражению превосходящего нас первопорядка в наших душах и в законосообразности видимых вещей и явлений мы как бы пунктиром очерчиваем линии нашей единоличной судьбы и всей мировой истории. Нам уже стало ясно, что главным отличительным признаком всего живого на земле является увеличение порядка, усложнение и утончение организации, причем это увеличение порядка ныне прослеживается исключительно в духовной природе человека. Этот процесс является уникальным по отношению ко всему феноменальному ряду вещей и явлений в окружающей нас природе, где господствует совершенно иной процесс, процесс понижения порядка или, выражаясь языком физики, возрастания энтропии. Человек как бы живет совершенно в ином измерении, побуждаясь чудесной силой усложнять свою организацию вопреки господствующему закону энтропии. А сила эта дается человеку, его духовной природе, как бы через истечение от превосходящего нас высшего порядка, ибо нет оснований во внешней природе и в нашей низшей телесной организации для преобладания господствующей в природе энтропии. Высшее же проявление человеческого духа есть любовь, проявляющаяся в религиозно-мистическом воспарении духа к высшему началу, и в милосердии, сострадании и жертвенности по отношению к другим людям. Любовь же и дает направление разума и благую направленность воли. Но как раз любви-то и не доставало в социалистических планах и в революционных начинаниях. Это

были планы рационалистической и волевой перекройки общественных формаций. Во главу угла марксисты поставили священную ненависть, разжигание классово-борьбы, что неминуемо должно было иметь следствием понижение порядка или, выражаясь проще, вело к пробуждению в человеке низших темных инстинктов и влечений. Возвращение человека к обезьяне, а не рождение нового человека означало на деле воплощение марксистских идеалов. Действительно, уже чересчур чем-то серным и смрадным отдавало от большевистской революции, хотя многие, опьяненные ее угаром, видели в ее кровавых сполохах миражи, земли обетования и во взрывах бомб и кличе бесноватых ораторов слышали архангельские трубы лжемессианского благовестия.

Понадобилось без малого полвека для того, чтобы Россия смогла избавиться от революционного и социалистического соблазна. Ныне мы можем утверждать, что в идеологическом плане большевизм в России повержен окончательно и бесповоротно. Советский режим почти уже не обращается к революционным лозунгам, да и то немногое, что осталось от традиционного идеологического багажа, превратилось в бессодержательные формулы, наподобие «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Однако, несмотря на свой идеологический крах, советский режим еще весьма силен благодаря хорошо слаженному сталинскому аппарату власти и не намерен сдавать свои позиции. Поэтому вопрос, каким образом будет сметен советский строй, не может быть решен однозначно. В качестве альтернативных решений могут быть предложены: а) приход к власти военной и кагебистской хунты, которая для обеспечения себе внутренней и внешней поддержки вынуждена будет отказаться от большевистского камуфляжа и провести ряд важных экономических и политических реформ. На деле это будет означать переход от советской системы к русскому национал-социализму; б) восхождение на кремлевский Олимп либеральных партийных деятелей (вариант русских дубчеков и смрковских). В этом случае в России произойдет постепенный переход к европейскому парламентаризму; в) распад советской империи на фоне изнурительной войны с Китаем. В этом случае более вероятен модифицированный национал-социалистический вариант; г) взрыв народного возмущения, вызванный резким обострением кризисных явлений в советском обществе. В этом случае политическую переориентацию России предрешить трудно; д) возрастание роли технократов и медленное либеральное перерождение советского общества (модель конвергенции и единого индустриального общества); е) подвариант а): национал-мессианская трансформация общества, в кото-

ром господствующую роль будет играть религия. Следует при этом считаться с возможностью ложно понимаемого национал-мессианизма, который в этом случае будет являться разновидностью национал-социализма.

В рамках этой общепроблемной статьи мы не будем заниматься более подробным анализом социально-политических моделей будущего России — конкретные программы разрабатываются уже сейчас во все усложняющемся спектре общественно-политической жизни страны. Здесь нам хотелось бы обратить внимание на две главные опасности, встающие, на наш взгляд, перед Россией накануне ее преобразования.

Первая опасность — это национал-социалистический соблазн. Большевизм является лишь одним из вариантов общесоциалистического соблазна устройства земного рая путем внешней перекройки общественно-экономических отношений. Большевизм — это лобовая атака на человеческую совесть, прямое ниспровержение моральных ценностей, выработанных человеческой историей. Это война с Богом, война против святости, против любви, против добра, против правды, против ценности человеческой личности. Суть дела не меняется от того, что большевизм выдвигает при этом свои суррогаты веры и нравственности: веру в мудрость партии и ее вождей, святость ненависти, абстрактную любовь к обездоленному люду, классовую правду, ценность обезличенного коллектива. Если несколько сместить акценты, но оставить суть этого дьявольского начинания, то перед нами вырисовывается портрет близкого родственника большевизма — фашизма. Фашизм — это как бы не лобовая атака сатаны, а обходной маневр с привлечением массы лжетрадиционных и лжерелигиозных ценностей. Его лицо нам лучше всего знакомо по гитлеровской Германии. Но при этом мы чаще вспоминаем последний период немецкого национал-социализма (захватнические войны, лагеря смерти, попытки уничтожения целых народов), который своими ужасами и жестокостями затеняет маскарадное начало. Германский фашизм даже при поверхностном сравнении обнаруживает значительное сходство с советским коммунизмом, причем остающиеся различия говорят в пользу первого. Действительно, национал-социализм воевал с Богом, однако в отличие от большевизма не громил церковь, не отправлял поголовно всех священников и пасторов в концлагеря, не превращал древние храмы в зерносклады и конюшни. Профашистское движение «немецких христиан», объявившее фюрера богоизбранным вождем, пользовалось почти не-

ограниченной свободой действий: в фашистской Германии не только нормально отправлялось богослужение, но функционировали многочисленные богословские факультеты и семинарии и издавалась масса религиозной литературы, тогда как в Советской России прокрасное обновленческое движение в православной церкви в 30-е годы не имело ни одной богословской школы, ни единой типографии. Хотя фашизм столь же лжив по своей сущности, что и большевизм, однако ложь его была более красочной и спекулировала не только на человеческой зависти и ненависти, но и ловко обыгрывала культ героизма, чувство верности родине и народу (большевики обратились к эксплуатации этого чувства позднее, видимо, заимствовав эту идею из арсенала фашистской пропаганды). Фашизм хотя и ставил интересы государства, партии выше единоличных интересов, однако, в отличие от большевизма, оставлял достаточный простор для частной инициативы. Национал-социалисты в мирный период их деятельности обеспечили существенный подъем народного благосостояния, тогда как большевики обрекли русский и другие подвластные ему народы на суровые лишения. Сравнения в пользу национал-социализма могут быть продолжены и относительно других сторон общественной, хозяйственной и личной жизни. Разумеется, все эти преимущества фашизма носили относительный и временный характер, однако они смогли загипнотизировать народ столь высокой и древней культуры, как германский.

В том и заключается опасность национал-социализма, как видоизменения большевизма, для России, что он легче всего может быть привит ей, ибо родственность с большевизмом и внешние преимущества, равно как и новизна (ведь в России почти никто всерьез не вникал в природу фашизма, а потому в случае введения фашистских порядков мало кто воспримет их как фашистские), сильно умножают его шансы стать преемником советского коммунизма. Русского стреляного воробья на большевистской мякине провести уже трудно, тогда как на национал-социалистическую приманку в ее новом обличье клюнуть он может вполне. Поэтому русским националистам и патриотам следует всерьез поразмыслить над этой опасностью и сделать все для того, чтобы грядущее национальное возрождение носило глубоко внутренний, религиозный характер, не имея ничего примесного от коричневой и красной чумы.

В качестве второй основной опасности нам представляется соблазн либерализма. Атмосфера советского общества настолько

пропитана всевозможными притеснениями личности, что зачастую нам кажется, что России ничего не нужно, кроме живительного дыхания свободы. Идеалом общественного устройства при этом нам представляется либо гуманный, демократический социализм, либо западные демократии. Обратим сначала внимание на т. н. «социализм с человеческим лицом». Либеральные марксисты, как на Западе, так и у нас в России, утверждают, что идея социализма в принципе безусловно верна, однако она подверглась значительным искажениям в практике социалистического строительства в Советском Союзе. Поэтому-де достаточно исправить имевшие место в прошлом нарушения социалистической законности, восстановить ленинские нормы внутрипартийной и советской демократии, творчески развить марксистско-ленинское учение применительно к современным условиям, как в Советском Союзе воссияет неискаженный лик гуманного социализма как идеал современного общественного устройства.

Мы, однако, утверждаем, что социализм и гуманизм, социализм и свобода несовместимы, ибо социализм возрос на ненависти и рабстве не только в ходе общественной практики в России за послеоктябрьские годы, но является антигуманным и антидемократичным по самому своему существу. Ведь социализм явился на деле голым отрицанием западного гуманизма, несшего все же религиозные ростки. Восстановите в России основные человеческие свободы и действительный правопорядок — от советского социализма не останется и следа. Призыв к либерализации социализма означает возвращение к принципу западной демократии, что в общем-то небезосновательно подчеркивают апологеты ортодоксального советского большевизма. Поэтому социализм с человеческим лицом не является подлинной проблемой для России, но лишь возможным переходным звеном к западному либерализму.

Но чем же может быть опасен для России западный либерализм, коль скоро он означает восстановление основных гражданских прав и свобод и утверждение ценности человеческой личности? Для ответа на тот вопрос следует обратиться к истокам европейского либерализма. Начало западным демократиям было положено в тот период устремления человечества к самозаконному общежитию и самодовлеющему значению земных ценностей, который мы условно называем эпохой Возрождения или Ренессанса. Эта эпоха означает великий всплеск человеческого дерзания,

рождение новой культуры, нового осмысления религии, признания ценности человеческой личности и всецелия человеческого разума. Внешне это великое духовное движение, несмотря на антиклерикализм, носило вполне религиозный характер. Однако в нем с самого начала выявилась «ересь горизонтализма»: преимущественная привязанность к земным ценностям, самообожжение человека, крайний индивидуализм. Впоследствии, в истории западных демократий эта чрезмерная земная ориентация имела и многие отрицательные последствия: культ золотого тельца, прибыли, связанная с этим чрезмерная эксплуатация наемной рабочей силы, утрата религиозных ценностей, разделение общества на конкурирующие и даже враждующие группировки. В обществе, понимающем свободу и правопорядок преимущественно во внешнем, нерелигиозном смысле, смогли произрасти социалистические, тоталитаристские и фашистские волчцы и тернии. Запад и поныне пребывает в тисках многостороннего кризиса, причем его болезни преимущественно духовного порядка (ведь даже такие технические аспекты кризиса, как засорение окружающей среды и отрицательные последствия урбанизации были бы немыслимы при любовном отношении к природе). Западу недостает вдохновляющих целей, ибо политические партии более заняты конъюнктурными соображениями прихода к власти или удержания ее, нежели притязаниями быть вдохновляющей силой общества. Само слово партия (от pars) несет в себе нечто разделяющее, а не указывает на единительное начало. Не может в настоящее время на Западе служить вдохновляющим началом и религия, ибо она переживает ныне в Европе и Америке самый глубокий кризис со времени зарождения христианской веры. Пышным цветом расцветают во всем западном мире новые духовные соблазны: либеральный социализм, либеральный фашизм, китаизированный марксизм, «новые левые», хиппи, одурманенные наркотиками, неохристиане, харизматики и пророки и др.

России безусловно еще многому нужно учиться у Запада, многое можно и даже следует у него перенимать — однако неприемлемым остается для нее одно: сама западная система. Ведь в приложении европейской парламентской системы к России ее недостатки будут удесетеряты такими факторами, как недостаточное (почти нулевое) правосознание русского народа, расхлябанность и безответственное отношение к делу, безудерж русской души. Свобода и правопорядок должны безусловно найти религиозное преломление в русской душе для того, чтобы обрести

свою подлинную значимость. Впрочем, это имеет значение не только для России.

Ныне мы предвосхищаем рождение новой эры человеческой цивилизации. В ее предварении человек, как никогда ранее, нуждается в возрождении религиозного начала. До сих пор можно было жить и без религии или же при ее идолатрических формах. Жизнь человеческого общества измерялась до сих пор преимущественно внешними мерками социально-экономических, политических, культурных и прочих чисто земных отношений. Все противоречия, накапливающиеся в обществе, также находили то или иное внешнее разрешение в войнах, мятежах, революциях, политической борьбе. Но сейчас мы приближаемся к некоему рубежу, начиная с которого возможность решать все коллизии человеческого духа преимущественно внешним путем попросту исчезает. Это вызвано невиданным возрастанием человеческого могущества и невероятного возрастания личной ответственности каждого человека за все свои действия. Ведь уже сейчас судьбы миллионов людей, а то и всей планеты, находятся в руках многих людей, возложивших на себя (или на которых возложили) бремя колоссальной ответственности, причем число таких людей будет постоянно возрастать. Но в полной ли мере может браться ответственность вне религиозного начала? Конечно, нет. Ответственность человека за какое-либо дело предполагает не просто возможность его наказания в случае невыполнения, ибо это ответственность раба. Ответственность в ее более полном, внутреннем смысле означает осознание человеком своей личной виновности перед другими людьми, потому что в любом случае не все человек сделал или отдал из того, что в нем заложено, для наилучшего исполнения порученного ему людьми или судьбой дела. Как указывал наш великий писатель Ф. М. Достоевский, «каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле несомненно, бы не лобовая атака сатаны, а обходной маневр с привлечением людей и за каждого человека на земле». (Полн. собр. соч. СПб, 1888, т. 12, стр. 193). Более того, осознание ответственности означает сознательный отказ от внешнего выражения всех тех движений человеческой души, которые хоть как-то могут вызвать внешние коллизии между людьми, отдавая себе ясный отчет в том, к каким непоправимым последствиям могут привести внешние конфликты в наше и грядущее время. Но отказ от внешнего выражения душевных возмущений означает перенесение всех житейских коллизий внутрь человеческого духа, т. е. смирение. На-

конец, высшее выражение ответственности состоит в готовности того или иного человека совершить действия другого человека, разумеется, действия, требующие большого духовного напряжения и борьбы с собой. Здесь мы уже имеем дело с самоотвержением, жертвенной любовью. Нетрудно видеть, что эти три измерения ответственности носят религиозный характер, ибо земной гуманизм неспособен считать виновность (греховность), смирение и самоотвержение нормальными и постоянными состояниями человеческого духа. Лишь соотнесение с Высшим Началом наполняет подлинным смыслом виновность, смирение и жертвенность.

Во все предшествовавшие эпохи религия оставалась собственно уделом избранных (в высшем ее проявлении). Ныне же род человеческий вступает в такой период своей истории, когда без подлинно религиозного отношения к жизни дальнейший его прогресс невозможен. Человечество только сейчас всерьез самой историей поставлено перед великим выбором, который предложил ему 2000 лет тому назад Христос. В земной церкви лишь сохранялась и вызревала (а зачастую и искажалась) основная идея христианской ответственности перед Богом и людьми. Ф. М. Достоевский устами старца Зосимы возвещал: «Теперь общество христианское пока еще само не готово и стоит лишь на семи праведниках... в ожидании своего полного преображения...» (Полн. собр. соч. СПб, 1888, т. 12, стр. 67). И от того, готова ли наша цивилизация стать христианской по существу, а не по названию только, зависит ныне более чем слишком многое — самое ее судьба.

Но как мы видим Россию в отношении к этому начинанию? Какая судьба уготована ей? В новое время история, пожалуй, не знала более безответственного, расхлябанного, рутинного и ретроградного народа в европейском сонме народов, нежели наш. Большевизм (в обобщенном понятии) не зря начал свое дьявольское наступление именно в России, как с наиболее слабого звена.

И однако же именно Россия первая может стать примером нового ответственного служения миру. Ее иссушенная дьявольскими начинаниями и сатанинскими соблазнами последнего столетия почва, как никакая другая, готова впитать живительные соки Христовой религии; обильно политая кровью десятков миллионов замученных, она готова принести плоды раскаяния, смирения и любви. России менее других грозят соблазны, ибо пережитый ею является наиболее сильным и грозным. Соблазны же привязан-

ности к земным ценностям, одностороннего либерализма, одностороннего национализма могут быть преодолены гораздо легче, потому что новая Россия будет национальной, свободной и процветающей, но, прежде всего, ответственной или религиозной. Подлинная же религия и является единственной силой, способной преобразить Россию. Все прежние земные начинания носили деструктивный характер, а если и жила Россия даже в самые мрачные времена сталинщины, то жила, быть может, чуть слышным отзвуком Божия гласа в сокровенных уголках и изгибах души.

Весь мир сейчас находится в тисках многообразного кризиса. Болен Запад, в недуге Россия, мятется Восток. И если именно в России воссияет новая любовь, то Россия не только сама сможет воспрянуть от греховного сна, но и всему миру, всем людям поможет увидеть свет истины. Россия ведь и сама стоит как бы на стыке двух миров: Востока и Запада. По самой ее истории, географии, национальному характеру ей намного облегчена задача примирения Востока (под Востоком здесь разумеется весь так наз. третий мир) и Запада, племенных и национальных распрей. Разумеется, опять же в духе ответственного, любовного, религиозного служения, ибо всем нам прекрасно известны плоды примирительной и объединительной царской и советской имперской политики.

Мы видим грядущий земной град, устремленный к горнему. У человека нет другой разумной альтернативы. Иначе его ждет самоистребление, скотоподобление, понижение порядка. Все его попытки устроить свой град чисто земными, внешними средствами тщетны. И в отличие от социалистических утопистов, мы не рисуем легкой жизни. Конечно, нелегко создать и множество материальных благ, но гораздо труднее нести на себе крест всеобъемлющей ответственности. Но мы уверены, что жизнь, наполненная высочайшим смыслом, жизнь, исполненная верой и любовью, даст людям новые силы в их новых начинаниях. Мы уверены, что эти люди будут видеть красоту неизреченную наступающей зари Божия дня, ибо они будут ближе нас к Первоисточнику всего, призвавшему нас в чудный Свой свет.

Москва, 1976

ПОКАЯНИЕ НА РУСИ *

Из дневника священника

Утренюет бо дух мой ко храму святому Твоему, храм носяй телесный весь осквернен; но яко щедр, очисти благоутробною Твоею милостию.

Долгое время я этих слов потом не мог произнести даже мысленно без слез, и сейчас они меня глубоко волнуют и умиляют.

Было твердое сознание, что ангелы заботятся о моем спасении, и это меня радовало.

Бог знает, не потому ли я и рукоположен во священника на архистратига Михаила, собор Ангелов?

1. Исповедь я провожу индивидуальную. Она очень много дает не только исповедующимся, но и самому мне.

Исповедоваться часто не умеют и стесняются, отделяются общими словами. Когда же чуть расшевелишь, плачут.

Одна девушка, видимо, расплакалась в первый раз и, стесняясь своих слез, так стремительно убежала, что не успела поцеловать крест и Евангелие. Её вернули, она поцеловала и, отойдя, долго смотрела, где исповедуются...

2. Интересно исповедовать детей.

Девочка лет 12-ти, спрашиваю:

— Веруешь?

— Нет.

— А почему пришла?

— Бабушка привела.

— Не веришь, что есть Бог?

— Нет.

— А кто сотворил всё, что мы видим?

— Рабочие.

— Землю, небо, планеты?

Она растерялась.

— Вот всё это создал Бог. Веруешь в Бога?

— Верую.

* См. Крещение на Руси, Вестник № 117.

3. Девочка лет 10-11-ти подходит с мальчиком лет 5-ти.

— Его можно без исповеди, — указываю я на мальчика.

— Батюшка, вы его хотя благословите, — говорит она серьезно.

Я благословил и он кротко отошел в сторону.

— Ну какие у тебя грехи? — спрашиваю я у девочки.

Свящ. Димитрий Дудко

— Батюшка, нас в школе заставляют надевать пионерский галстук, это ж грех? — спрашивает она у меня.

Я молчу, она, не дождавшись ответа, продолжает:

— Ну мы сначала с мамой освятили галстук, потом я его надела...

— А мама где работает?

— Лежит парализованной...

Эта девочка рассуждала совершенно по-взрослому.

Я стоял и думал:

«Огромное государство вооружилось на детей и больных, они не в силах противостоять, но вот что они могут — освятить...»

4. Мальчик лет 8-ми.

— Веруешь?

— Верую.

— А как крестишься?

Крестится широким крестом, видимо, научила мать.

— Молишься?

— Молюсь.

— За маму молишься?

— Молюсь.

— А за папу?

— Нет.

— Почему?

— Он неверующий.

— Теперь молись и за папу. Молись так: «Наставь на верный путь моего папу» Будешь?

— Буду.

5. Женщина больная, видимо, рак, страшно худая, рвоты. 15 лет не исповедовалась. Верит во всё: рассказывала, что она не могла быть в храме более 15-ти минут, как будто ее что-то прогоняло, и она уходила.

Вторая, тут же находившаяся, не больная, старуха просила поисповедовать и ее, она партийная, в храм нельзя, но хочет исповедоваться.

6. Некоторые раскаиваются в том, что они при регистрации — верующий или неверующий? записались, ради страха, неверующими. Это для них — тяжелый грех. Раскаиваются и в том, что были партийными, сейчас уже из партии вышли. Но бывает, что и до сих пор состоят. Не знают, что им делать. Чувствуют, что пребывание в партии — грех.

7. При беседе перед исповедью человек средних лет, интеллигентный, расплакался, и чем ближе он подходил к аналою, тем более усиливался у него плач. Оказалось, блудил, и еще один грех, который не хотел говорить. При настоянии сказал — тот, что он состоит в партии.

8. Человек преклонных лет с язвительной улыбкой подходит к исповеди.

— Батюшка, а вот я всё исповедуюсь и думаю, есть ли толк?

— Конечно, если вы с сомнением исповедуетесь, толку нет. Вот идите сначала подумайте, а потом приходите на исповедь. Он, наверно, меня не понял и деньги за исповедь положил на тарелку, меж тем как я ему не дал разрешительной молитвы. Я остановил его и сказал ему, что он причащаться сегодня не должен...

— Выходит, я напрасно приходил?

Я отставил его в сторону и сказал, что, поисповедовав всех, я с ним еще поговорю. Он стоял нерешительно, оглядывался по сторонам.

Когда я кончил исповедовать всех, он сам подошел ко мне и взволнованно сказал:

— Батюшка, да я во всё верую!

Видимо, стало страшно остаться без причастия.

9. Некоторых на исповеди я не разрешаю: непримирившихся, блудников, не желающих от этого отстать, без явной подготовки.

Например:

— В чем грешна?

— Во всём, батюшка, — голос развязный, запах водки.

— Любишь пить?

— Люблю, батюшка.

— И сегодня пила?

— Грешна, батюшка.

— Сначала идите воздержитесь, а потом приходите.

Послушалась.

10. Женщина средних лет, живет с мужчиной, у которого есть жена.

— Отстать.

— Как? Я ведь молодая.

— Я вас не разрешу.

Обещание порвать не дает, разрешительной молитвы не дал. Ушла разочарованно и немного задумавшись.

Вторая, такого же возраста, грех тот же. Дала обещание порвать и раскаивалась более сокрушенно. Разрешил.

11. В первом часу дня пришла женщина в храм и просит причастить больного. Пошел. По дороге разговорились. Она просто знакомая больному, он лежит парализованный. Жена его глухая, тоже больная. Она сама, придя к ним, только заплачется. У женщины была неподдельная жалость.

Больной лежал в кровати посреди комнаты, не разговаривает. Вытягивает нижнюю часть лица и плачет. Женщина, которая привела меня, все время плакала. Причастил и мужа, и жену. У мужа была немая исповедь, жена никаких грехов за собой не знает. На вопрос: осуждала ли кого и брала ли чужое? — ответила: — избави Бог.

Образ Матери Божией у них был какой-то старинный, необыкновенно выразительный и скорбный. В комнате чистенько.

12. Очень часто женщины берут «сороковую» молитву, мало таких, которые в сороковой день, обычно это уже год и два, а иногда и больше, некоторые даже, когда уже их дети вырастут.

Большое количество аборт, в основном все плачут и раскаиваются, как в преступлении. Многие не знают даже, как креститься, а некоторые даже не представляют, что значит брать молитву. Думают, что это продают бумажку с молитвой, некоторые после того, как помолимся, говорят:

— А молитву мне дадите?

13. Сегодня один глубоковерующий и образованный человек сказал, что он суеверен, верит в сны, приметы, потому что они в самом деле исполняются.

Вспоминаю о себе, что в начале моего религиозного пути у меня были суеверия, вера в сны и приметы, и действительно, надо признаться, они исполнялись — бесспорный факт. Когда я узнал учение церкви, что не нужно в это верить, я перестал, победил свои суеверия, хотя отголоски того и до сих пор легкой дрожью иногда пробегают, но я никогда не останавливаюсь и не стараюсь суеверно бояться. И что же? — приметы, сны действительно не исполняются — бесспорный факт. В чем дело? — по моему, победа истинной веры. По вере вашей да будет вам. По суеверной было суеверное, по истинной — истинное.

14. Окончилась исповедь, идет молодая девушка и плачет, хочет исповедоваться.

— В чем дело?

Не может избавиться от грехов, особых не называет, чувствует только, что она грешна. Не напоминает ни фанатичку, ни больную.

15. Исповедовал посреди храма. Подходит женщина лет сорока.

— А мне можно исповедоваться? — я маловерная.

— В чем выражается маловерие?

Кто-то ей сказал, чтоб выбросила иконы, она послушалась. Потом стала ее совесть упрекать, внесла иконы снова.

— Готовились к исповеди?

— Готовилась, ничего не кушала сегодня.

— Враждуете с кем-либо?

— Нет.

Поисповедовал, должно быть, причастилась.

16. Исповедовались две девочки: 4-го и 7-го классов. Искренне рассказывали всё, что с ними было. Не слушаются мамы, грубят.

Исповедовалась женщина, которую заставляют выбросить иконы, приходил милиционер.

17. Учительница, у нее дочь 17-ти лет. Мать и отец этой учительницы верующие, но ее ругают, почему так часто ходит в храм. Она бывает каждый праздничный и воскресный день, глубоко верующая, кроткая.

18. Познакомили с одной больной женщиной, нервной, чтоб я за нее помолился.

Отслужил молебен, поминал за литургией. Она у меня исповедовалась.

Сказали, что стала спать лучше. Всё время улыбается кротко и спокойно, кается в грехах и постоянно молится.

19. После того как закончилась литургия и когда я давал молитву женщине, в стороне со свечой в руке очень скромно стоял мужчина средних лет, по лицу интеллигентный, какой-то одухотворенный или, лучше, одержимый какой-то идеей. Он подошел ко кресту и сказал:

— Нельзя ли исповедоваться?

У него сегодня день ангела, а он об этом даже не знал.

Я спросил — верует ли он? Признает ли загробную жизнь? Почему пришел так поздно? Исповедовал. Считает себя грешни-

ком, но особых грехов нет. Раскаивается в том, что он в партии, но от Бога не отказывался и всегда заявлял, что он верующий...

Причастился. После еще стоял на панихиде.

20. После исповеди подошла старушка, в настоящее время болезненная, т. к. недавно был небольшой паралич, улыбающаяся, спокойная и сказала, что ей хочется со мной поговорить. Было некогда, и она ждала терпеливо окончания служб.

Она каждый день ходит в храм, становится всегда в определенное место и усердно молится. Когда я прохожу мимо, всегда берет благословение и говорит:

— Спаси вас Царица Небесная.

— Ну, о чем хотите?

— А вот о чем. Смогу ли я исповедоваться? Ведь я исповедуюсь и не исправляюсь, а надо исправляться.

— Можете и чаще.

— А мне кажется, что я только обманываю.

— В чем же вы так грешны? Я ведь вас знаю усердно молящейся.

— Да, но знаете, я была председателем Союза воинствующих безбожников...

— Но сейчас вы не председатель?

— Да, но все равно я грешу.

— Всё это дается постепенно...

Не знаю, смог ли я ее убедить, но она долго твердила, что не исправляется...

Поблагодарила и мы хорошо расстались. Обещала исповедоваться.

21. На исповеди. Молодая женщина, рассказав о своих грехах и не дав мне прочесть разрешительную молитву, сказала:

— Товарищ священник, я еще вот что хочу спросить...

Тут и незнание, тут и наивность, тут и искренность веры.

22. Исповедовалась старуха. Лет двадцать тому назад она с сыном зарезала ребенка. Еще этого греха не говорила на исповеди, совесть всё время мучает... Почему зарезала? — сказала, что вот враг искусил. Подробностей не стал спрашивать.

На вид какая-то мрачная, глаза ушедшие в себя. После разрешительной молитвы быстро убежала. Сын ее уже умер.

Посоветовал за сына молиться, всё выносить в жизни терпеливо, быть сострадательной к людям, никого не осуждать и ни с кем не враждовать.

23. Исповедовалось несколько женщин, что их дети и окружающие ненавидят их за то, что они веруют, выбрасывают иконы. Все они за них молятся, чувствуется, что переживают и жалеют заблудившихся.

24. После всех исповедующихся подошли дочь и мать. Стал говорить с дочерью, в седьмом классе.

— Веруешь?

— Нет.

— Почему?

— Ношу пионерский галстук.

— Считаешь, что Бога нет?

— Да.

— Ну а веришь, что у тебя отец есть?

— Нет. У меня отца нет.

Рядом стоит столик.

— Как по-твоему, этот столик кто-либо сделал?

— Да.

— А землю, небо, весь мир?

— Никто.

— Ну как же так? Столик, маленький, кто-то сделал, а землю, небо никто?

Задумалась.

— Ну как, веришь, что Бог есть?

— Верую.

— Ну вот и надо молиться Ему. А чего ты на исповедь пришла?

— Меня собака покусала и рана не заживает, и мама сказала, что нужно причаститься и тогда выздоровлю.

— Ну вот и хорошо. С мамой не ссоришься?

— Нет.

— Никого не обманываешь?

— Нет, — отвечает с некоторой задержкой, не сразу.

Когда исповедовалась мать, то сказала, что дочь ее не слушается, ссорится с ней.

Посоветовал быть с дочерью ласковой, научить ее молитве «Отче наш».

25. Исповедовалась женщина средних лет. В их доме живет колдунья и та сделала ей, что у нее плохо...

— А вы точно знаете, что она колдунья?

— Ну конечно. Прикоснулась раз к моей груди и у меня грудь заболела.

— А не думаете ли, что вы ошибаетесь?

— Нет.

— А молитесь за нее Богу? Как к ней относитесь?

— Есть ненависть...

Посоветовал молиться Богу за нее, примириться. Сегодня причащаться не надо, завтра придете.

26. Исповедовалась женщина средних лет. Муж ушел от нее, заедает тоска, хотела уже даже руки на себя наложить. О нем молилась, как об умершем. Так ей посоветовали...

В течение трех месяцев посоветовал класть по три земных поклона и говорить: «Господи, спаси меня и спаси моего мужа. Устрой всё в нашей жизни». — А также навещать больных и престарелых.

За совет очень благодарила, осталась довольной.

27. После исповеди подошла женщина средних лет с скорбным видом.

— Я хотела вас попросить помолиться о моем сыне и сродниках, они пьют. Я читала, что Иоанн Кронштадтский о таких молился.

Посоветовал остаться на молебен, но она торопилась кого-то навещать.

28. Исповедовался школьник, ученик 10 класса. Прежде всего спросил, можно ли? — т. к. он в комсомоле. Я спросил, а веруете вы?

— Верую.

— Можете.

Рассказал, что в школе они беседуют на религиозные темы, и некоторые говорят, что Бог есть. Его уже заметили, что он верующий, но он этого не боится.

Приходил беседовать и в другие дни. Благодарил за объяснения и сказал, что ему многое стало ясно, даже рассеялись те представления религиозные, которые у него были, они неправильны...

Ставил вопросы, а будут ли существовать церкви, ведь так нападают...

Потом исчез и больше я его не вижу.

29. Трудно исповедовать старух, совершенно не знают, в чем каяться, молодые гораздо лучше, что скажешь, то и испол-

няют, старухи же иногда бывают недовольны, почему с ними не обращаются проще, т. е. просто не отпускают, читая над ними молитву. Но все-таки и до них иногда доходит, хотя немного встряхнутся.

В исповеди стараешься непосредственно действовать на сердце. Часто приходится выслушивать всякие жалобы на горести, на обиды... Господи, помоги!

30. Исповедовалась женщина преклонных лет. Когда она была в заблуждении, изменила своему мужу, он узнал и возненавидел ее, запретил рожать и приказал сделать аборт. Потом она одному понравилась и тот изнасиловал её, она родила дочку, ей уже 22 года. Хорошая. Муж этого греха не знает.

Шесть лет она уже верует и раскаивается.

31. Раскаивалась нерусская, видимо, мордовка. Она всё поняла, что я говорил на подготовке к исповеди. Она не грешила, но, когда еще не выходила замуж, очень думала о грешном. Говорила и о том, что ее в доме все ненавидят, но она молится за них Богу.

32. Раскаивалась врач-женщина средних лет. Раздражительна и осуждает людей. Как ей быть, если она раскаивается и не может исправиться? — на вид она кроткая и добрая.

33. Иногда старики (обою пола) раскаиваются, что у них есть блудные мысли, стыдятся этого.

34. Исповедовался молодой человек, окончивший первый курс института. Верит во всё, Евангелие читает. Честен. Не ругается и не развращен.

Причащался. Стоял после этого еще на панихиде.

35. Исповедовал. Предварительно рассказал о том, что в сны верить нельзя. Тот, который раньше у меня исповедовался, партийный, сказал, что он грешен в том, что верит в сны. И рассказал сон, который он видел, когда ему было три года. Его вроде хоронили. И видит, что мать его стоит и молится Христу, чтоб Тот его спас. И когда он проснулся, то увидел, действительно мать стоит на коленях и молится Богу. Рассказывал сон со слезами на глазах.

Приводил с собой и трехлетнего сына, о котором рассказывает, что он всегда просится в храм. Сын поцеловал охотно Евангелие и крест.

36. Причащал на дому старуху, которая, когда я спросил, сколько ей лет? ответила, что 90, потом поправилась и сказала, что 80, на 10 лет ошиблась. — Но мне и так кажется, что я долгую жизнь живу. Ходить не может, сидела на диване. Когда молился, она тоже шептала свои молитвы. В начале исповеди стала говорить, что во всем грешна, а потом отчетливо перечислила грехи: ленилась молиться Богу, потом стало некогда, страдает скупостью, злобствует. Сейчас примирилась со всеми. Когда уходила в больницу, то у соседа попросила прощение, тот обижался за то, что она ему сказала что-то нехорошее. В Бога верит и в загробную жизнь. Это сказала убежденно и твердо. Радовалась, что причастилась, не ожидала этого.

37. Исповедовалась девочка, учится в третьем классе, верит. Знает «Отче наш», а «Верую» нет. Но попросит другую бабушку, чтобы научила, одна бабушка не успела, умерла.

38. Причащал на дому. Больная слепая. Муж старичок, добрый, верующий, всё время плачет. Она давно не причащалась. Сказала, что в Бога верует, а загробная жизнь, что она есть, не знает. Объяснил, охотно слушала. Причастилась с радостью. Искренне благодарила. Когда муж заплакал, сказала:

— Ну чего ты? — и легла.

Книг не читала, неграмотная.

Сказал, чтоб ей читал муж, тот сказал, что у него есть и Евангелие и Библия. Читает. Сокрушается, что вот родственники не хотят слушать и не молятся.

39. Сегодня приводили исповедоваться отрока лет 11-12, в 5-м классе. С большим трудом можно было уговорить. Уже придя, долго стоял у храма, не хотел идти. А когда-то был расположен к храму. Началось с того, что когда исповедовался, священник недостаточно его выслушал, и он не высказался полностью. После стал стыдиться и не ходил в храм. Сегодня исповедовался, верует, знает некоторые молитвы.

40. Исповедовался ученый, 59-ти лет. Приехал за две тысячи километров. Очень сложная жизнь. Женился гражданским браком на верующей, но она оказалась больной, не способной к половой жизни. Сошелся с другой, 40 лет, тоже ученая, неверующая. Живет с ней, и об этом знает его жена и не препятствует.

Сказал — порвать, потому что это блуд. Иначе не допущу к причастию. Очень стал умолять допустить, п. ч. он верует и для него это будет тяжело, и п. ч. приехал издалека.

Попросил обещание, чтоб порвал. Не дает, п. ч. боится — не выполнит. И жалеет эту женщину, иначе без него она пойдет в распутную жизнь, с ней он уже живет 13 лет. Не допускал. Сказал, что он сам может заниматься онанизмом, п. ч. раньше уже занимался. Я был неумолим. Он не прекращал умолять. И после того, как он сказал, что будет стараться порвать — допустил.

Господи, правильно я допустил, и что ему посоветовать? Детей ни от той, ни от другой нет.

Все сегодня исповедовались подолгу, несмотря даже на то, что вначале мало говорил об исповеди.

41. Исповедовалась девочка лет 11-ти. Её в школе ненавидят за то, что она не пионерка. Быть пионеркой отец с матерью не разрешают.

42. Исповедовалась школьница, перешла в 7-й или 9-й класс, не помню. Когда спросил о вере, то сказала, что верует, но не совсем.

— Почему?

Потому что отец ее неверующий, офицер. Говорила, еле удерживаясь от слез.

После причастия видел ее несколько радостной, ко кресту подходила ко мне.

43. Исповедовался молодой человек, 29-ти лет. Издалека, там у них нет церквей. На исповеди не был с 1956 года.

44. На исповеди человек средних лет говорит, что он искренне верит в Бога, верит и в загробную жизнь, они с женой встают ночью и молятся Богу. Книг религиозных у них нет, ни Евангелия, ни даже молитвенника.

45. Исповедовалась женщина лет 35-ти. Очень худая. Плакала. Говорит, что ее заедает свекровь и муж. Свекровь кладет ей под кровать гвозди, платье ее мажет кровью. Муж ей всегда изменяет. Сейчас он уехал с матерью, она вот пошла в храм и думает с ним разводиться. Больше нет сил. Им она прощает, Бог с ними.

46. Исповедников было много, было много именинниц. Многие не знают, о чем говорить на исповеди, хотя я до этого и объяснил им. Некоторые просто говорят, что во всем грешны, некоторые — только Бог, мол, без греха.

Есть озлобленность, многие враждуют. Друг за друга не молятся и не понимают, что нужно молиться. Но есть, что и молятся.

47. Исповедовались две девочки, одна очень скромненькая. Когда спросил, обманывала ли? — сказала, что обманывала. Молитв не знает, попросит бабушку, чтоб научила.

После исповеди подошла со старушкой.

Старушка сказала:

— Батюшка, благословите и помолитесь за нее, она не хочет записываться в пионеры.

48. На исповеди человек около 25-ти, среди них молодые, все слушают внимательно, на глазах у некоторых слезы.

Молодой человек, кончает технический институт. Одет модно.

— Веруешь?

— Верую.

— В загробную жизнь?

— Нет.

— Какой же смысл твоей веры, если нет загробной жизни?

— Становится легче.

— Давно не был на исповеди?

— Крестился в детстве, на исповеди еще ни разу не был.

— Почему сегодня пришел?

— Повесился дня два тому назад товарищ, и мне стало тяжело и тоскливо...

— Ну вот видишь, это горе из той жизни передалось на тебя. Когда смотришь в упор на человека, он невольно обернется. И вот друг на тебя смотрит в упор и ты обернулся на его горе...

— Интересно, я еще священника не видел и так не разговаривал с ним.

О себе сказал, что он злой, женат на второй гражданским браком. Ее не особенно любит, сказал ей, чтоб она крестилась, и она сегодня крестится.

49. Девушка или женщина, еще молодая, скромная. Только подошла, сразу стала плакать. Ей страшно, боится, что к ней кто-то придет. Честная.

50. Только закончил исповедь, при входе в алтарь:

— Батюшка, девочка хочет исповедоваться.

— Ведите.

Девочка 11-ти лет, в 5-м классе. Знает некоторые молитвы, молится, верует. Говорит уверенно.

За ней подходит девушка, 2-й курс института. Верует и в Бога и в загробную жизнь. Во многом грешна, говорит искренне.

— В чем же? Может, блудите?

— Нет, избави Бог.

Особых грехов не называет.

51. Исповедовались из провинции.

Священники у них плохие, сами разгоняют верующих и им потворствуют власти. В одном месте сам священник закрыл храм. Говорят об этом со слезами. Каются и в том, что они священников осуждают.

52. Исповедников много, в основном именинницы, исповедуются общими словами. Советы слушают с большим вниманием, любят епитимии.

53. Причащал на дому, больная слепая. Некому за ней ухаживать, ухаживают опекуна и соседи. Верит, молится. Говорит, что скоро уже домой... Ждет с нетерпением и просит у Бога смерти.

54. Преображение. Исповедников за ранней было много, более двухсот. Начал до литургии и уже окончил, когда выходили с Дарами. Во время беседы перед исповедью многие прислушивались, видимо, трудно было расслышать. Сказал, чтоб называли свои грехи. Но называли только имя, и на вопрос — есть ли особые грехи? — отвечали — нет. Очень немногие, которые называли грехи. Некоторые плакали, но особых грехов не называли. Некоторые подходили и говорили, что они не слышали исповеди и молитвы. Заметил, придают большое значение услышать молитву. Некоторые исповедники причащаются оставались за поздней. Была одна нервнобольная, которая называла грехи — блуд, ненависть, считала себя недостойной причаститься и, наверно, не причащалась.

55. Был один архимандрит в алтаре, с академическим образованием. За штатом. Рассказал, что вот один епископ ходатайствовал за всех неслужащих, чтоб разрешили им служить... Обосновал и по церковным канонам, и по гражданским законам. Патриарх одобрил. О епископе этом архимандрит сказал, что он построил в наше время собор, что невероятно, но о епископе он невысокого мнения, п. ч. он непослушный, всегда спорил в монастыре, старался во всем разобраться. Когда я хотел было защитить епископа, что нужно и рассуждать, а не слепо подчиняться, хотел было привести слова Христа — исследуйте Писа-

ние, как архимандрит так раздражился, что не стал больше слушать меня и сказал, что у меня молоко на губах не обсохло, а ты уже учишь. Бог будет вас наказывать. Таких, как ты, надо высечь. Хотел было после перерыва снова продолжить разговор, но он не стал слушать. Когда я ему сказал — простите, он сказал мне, что вот с этого и нужно было начинать, но разговаривать со мной больше не захотел.

Слепое послушание! — по-моему, это не послушание, а рабство, Богу же нужнее свободные. У нас в церкви очень многие воспитаны в слепом послушании. Послушание выше всего! Можно оскорбить человека, но только выполнить послушание. Забывают, что в церкви не один кто-то, а соборность, и все полноправны. Часто, выполняя послушание, люди из кого-то строят непогрешимого папу, хотя в теории против папы. Какая логическая непоследовательность!

56. Исповедников было много. Были школьники от 1-го до 9-го классов. Все верующие. Одна девочка со слезами на глазах говорила, что у нее мать неверующая, она пришла с бабушкой, отца нет. Были и взрослые. Молодая женщина стояла скромно, исповедовалась со слезами. Мать ее мужа — старообрядка, не хочет, чтоб он жил с ней. Муж сказал матери, что он сам неверующий, а жена пусть верует, как сама знает. Когда они отделились от матери, муж повыбрасывал иконы и сказал, чтоб их больше не было. Она плачет, переживает. Всегда была верной ему.

Вторая женщина оставила мужа из-за религиозных побуждений, живет одна. Но мысли грязные. Дело в том, что ей понравилось одно лицо, и вот уже 10 лет она его не может забыть. И лицо это — ее духовный отец. Она никому этого еще не говорила, стеснялась.

Все исповедовались хорошо, перед исповедью говорил мало.

57. Одна, видимо деревенская, на исповеди говорила, что она грешна и все ее ненавидят. Когда умирал ее отец, то говорил ей — ты не плачь о том, что тебя обидели, а плачь о тех, кто тебя обидел. Она так поступает.

После всех исповедников подошел мужчина средних лет, я ему раньше наложил епитимью год не пить, просит разрешить, так как потерял аппетит. После долгих разговоров разрешил в месяц по 50 грамм, он отказался и попросил, чтобы я ему разрешил пить пиво.

58. Исповедовалась женщина старше средних лет, на вид моложавая. Ее мама насильно выдала за богатого, она его не любила и, хотя венчалась с ним, все-таки ушла от него. Сошлась с другим, тоже обвенчались. Жили хорошо. Есть взрослые дети. В этом раскаивается как в грехе.

59. Исповедовалась из провинции, пожилых лет. Во время войны в голодное время поколола икону и согрела чай. Теперь об этом жалеет.

60. К концу литургии, когда закончилась исповедь, позвали... Молодая женщина, лет 27, и хочет исповедоваться. С врагами она примирилась, верует, сегодня ничего не ела. Стали читать молитву, плакала искренними слезами.

— В чем грешна?

Во всем, но особенно в том, что у нее много поклонников...

— Блудила?

— Не знаю... Может быть... — потом сказала:

— Да.

После исповеди улыбнулась и потом, подойдя ко кресту и пытаясь поцеловать руку, тоже улыбнулась.

61. Исповедовался монах с длинной бородой. Сокрушался о том, что не выполняет монашеского правила. Когда я посоветовал ему посвятить себя для помощи нуждающимся, он сказал:

— Я так делаю... Собираю, потом отношу нуждающимся. Можно?

62. После проповеди об Иоанне Крестителе подошла взволнованная старушка, трясется, волнуется.

— Батюшка, что мне делать? Я замечаю за своим сыном, что он начинает с женой своего брата. Я говорю им, они озлобляются. Что делать? Хочу оставить их, чтоб мои глаза этого не видели...

63. Заметил, что после того, как я сделал что-то не так, во время литургии накатывает волна сокрушения, бывают слезы.

64. Исповедовалась женщина старше средних лет, со слезами. Муж партийный, икон она в доме не держит, молится в ванной или уборной. Маленькую икону носит с собой. Муж о том, что она верующая, — не знает. Abortов не делала. Ей тяжело...

65. Исповедовалась женщина средних лет, из провинции, партийная. В церковь у себя не ходит, когда приезжает в Москву,

старается причащаться. Помогает нуждающимся. Людей не осуждает. Аборты были.

66. Пожилые люди 90-80-70-ти лет об абортах не имеют понятий. По 10-11 детей. Воспитали всех. Многие терпят лишения от детей. Жалуют заблудших детей, внуков и правнуков.

67. Исповедовалась пожилая женщина лет 60-ти. Блудница. Жила с чужим мужем, невенчанной. Когда он стал препятствовать ей ходить в храм, порвала с ним, и теперь решила вести другую жизнь, пора подумать о душе.

68. Когда шел по храму, остановила женщина средних лет, исхудалая, печальная и задумчивая. Стала изливать свою душу. Очень тяжело ей, она нервничает. Научный работник, производит опыты. Когда умерла ее мать, она всех пригласила из института, все были очень вежливы, сочувствовали ей. А после началась травля.

— От тебя ладаном пахнет.

Обыскивали ее сумочку и, когда находили там святую воду, указывали ей на это.

Одна партийная, начальница, особенно ее ненавидела. Когда на ее место заступила беспартийная, та ее ставила в пример.

Она решила взять себе пример с одной женщины-врача. Куда ту уже не таскали, а она всё выносит, даже писали в газетах и журналах о той как о верующей...

69. Исповедовалась женщина средних лет. Сделала аборт. Очень плакала. Дала обещание, что больше этого делать не будет.

Исповедовалась девушка, учится в институте. Скромно повязалась платочком. Не блудит, бережет себя в чистоте. Верует во всё.

70. После службы, когда давал крест, подошла молодая женщина, скромная на вид, печальная.

— Батюшка, что мне делать? Мне снятся кошмарные сны, я хожу по кладбищу, с покойниками...

— У вас случилось какое-то несчастье?

Два года назад умерла мама, а вообще жизнь плохая, с мужем живут плохо.

Всё время плакала.

71. Подошла на исповедь пожилая женщина, долго не решалась, было стыдно. В юности спала с мужчинами, хотя до греха себя не допускала. После исповеди сказала, что ей сейчас легко.

72. Исповедовалась женщина лет 30-35-ти. Муж партийный, она молится тайно. Кто-то ей вроде священника даже посоветовал иметь второго мужа, тогда она не будет болеть.

— Не может быть, чтоб священник это посоветовал...

Тогда она сказала, что это ей посоветовал врач.

— Ни в коем случае. Не слушайте его, это большой грех.

73. Вызывали причащать на дом. Сопровождающая — соседка больной, рассказала о себе. У нее болела голова, она много молилась Матери Божией и теперь голова не болит. Работает бухгалтером. Просила, чтоб Мать Божия устроила на работу поближе к храму, чтоб ей можно было почаще туда ходить. Так и вышло. Работает во вторую смену и недалеко от храма.

Сначала она молилась Богу дома, потом приснилась ей Мать Божия и сказала, чтоб молилась в храме, там Бог скорее слышит. Снился ей сон насчет ее дочери, когда дочери было 7 лет, что она умрет 23-х лет. Через 15 лет сон этот повторился. Завтра дочери исполняется 23 года.

74. Исповедовалась женщина 28-ми лет, медсестра. В Бога верует, но в загробную жизнь нет.

— Почему?

— Да потому что ничего не знаю, книг не читала.

75. Исповедовалась нервнобольная, разговор ненормальный. Кается, сознает себя грешной. Верит во всё.

76. Причащал на дому. Женщина заболела воспалением легких, поставили банки, положение ухудшилось. Показалась кровь, ослабела. К вечеру умерла. В это же время заболел и ее муж, на следующий день скончался. Вечером служил панихиду по тому и другому. Жену уже принесли в храм, мужа не успели. P.S. Отпевал их вместе, гроба стояли рядом.

77. Причащал на дому, парализован уже около 15 лет. Во время болезни отняли ногу, гангрена от долгого лежания. Ему больше 70-ти лет. Не говорит, но всё понимает. Когда я подошел к нему, замахал на меня недовольно рукой, показывая на иконы с озлоблением. Причащаться не желал. Я стал служить молебен о нем Матери Божией, святителю Николаю, Пантелеймону Целителю, преподобному Сергию. Он стал немного спокойнее, но на причастие не соглашался. Тогда я сказал, чтоб вместо причастия ему дали крещенскую воду, крещенской не было, дали другую святую воду, выпил. Стал еще спокойнее. Я хотел было уйти, потом все-таки решил его поисповедовать. Сказал ему о

том, что Бог часто наказывает нас за грехи, но наказывает для того, чтоб мы поправились. Все наши страдания Он видит и награждает за них. Сказал, чтоб он вспомнил свои грехи и просил у Бога прощения. Он слегка отрицательно покачал головой. Я накрыл его епитрахилью, он лежал совершенно спокойно, поцеловал крест и Евангелие. Причастие принял хорошо. Когда поздравил я его с принятием Христовых Тайн, он благодарно качнул головой и потом смотрел всё время с благодарностью. Расстались мы с ним дружественно.

Неграмотный, работал возчиком, парализовало на работе.

78. Исповедовалась женщина, слепая уже 18 лет. Во время исповеди сидела на стуле и всё время плакала. Сказала, что она уже две ночи думает о своих грехах. Грешна она в том, что торговала, обманывала, принимала в доме тех, которые развратничали. Ее Бог наказал. Сначала всё погорело, а потом она ослепла. С ней сейчас обращаются плохо. Всё спрашивала у меня, простит ли ей Бог грехи? Обрадовалась, когда я сказал, что простит... Ей 80 с лишним лет.

79. Раскаивалась женщина в абортах, обещает больше не делать. Рассказала, что мать ее вырастила 11 детей. Раскаивалась и в том, что она предохранялась, чтоб не было детей.

80. Исповедовалась старуха. Подожгла свой дом, чтоб получить страховку.

81. До духовной школы и во время учебы я серьезно относился к исповеди. Иногда мне было стыдно говорить о своих грехах. Когда высказывался на исповеди, становилось легко, но через некоторое время снова мучался — не так поисповедовался, не всё сказал. Подходя к Причастию, был в умилении. После Причастия иногда сразу становилось хорошо, умирительно, иногда ничего не чувствовал и пропадали слезы, но потом через день-два чувствовал что-то необыкновенное, каждый раз в чем-то просвещался. Сейчас, будучи священником, отчетливо сознаю, что причащаюсь Тела и Крови Христовой, и чувствую, как я не достоин этого, как Бог по Своей великой милости принимает меня. Мне радостно становится, что я с Богом, что мне больше нужно?

82. Исповедовалась женщина средних лет. На исповеди не была лет десять, хотя иногда и ходила в храм. Пришла исповедоваться потому, что недавно умер ее отец.

83. Исповедовалась женщина лет 45-ти. Усердно молилась, становилась на колени, делала земные поклоны, были слезы.

Говорила о том, что она недостаточно тонко понимает свою душу и чего-то, наверно, не исповедует, и поэтому не чувствует полного удовлетворения.

84. Исповедовалась старуха-мать, ее дети прогнали из дому, живет у чужих. Глаза какие-то маленькие, печальные и со слезами. Невольно у самого появились слезы.

85. Исповедовались колхозницы, простодушные, наивные. Ссорятся меж собой. Друг за друга молятся. В церковь не ходят, потому что у них нет церкви.

86. Исповедовалась старушка, ее обидели, и она не может простить. Я сказал: а Христос ведь прощал и мы молимся: прости, как и мы прощаем...

— Говоришь, простить? — повторила она.

— Да.

— Ну что ж, придется простить...

87. Интеллигентная, пожилая женщина. С серьезным видом, задумчивая. Во время исповеди долго стояла на коленках. Грех: отчаялась, потеряла веру, хотела с собой покончить. В этом сейчас раскаивается.

88. Соборовал и причащал на дому. У больной водянка, три года. Дышит с трудом, может только сидеть. Долго не хотела собороваться, а теперь согласилась. Всё время вздыхала и говорила:

— Господи, прости.

Недавно покушалась на себя, хотела зарезаться. Сказала, что Господь не допустил. Были аборт, блудила.

P.S. После соборования поправилась, готовит сама себе обед. Недавно и еще раз причастилась. Была очень благодарна.

89. Женщина лет под 50. Раскаивается в том, что к ней во сне приходит муж и они с ним грешат. Это бывает часто.

90. Пришла на исповедь больная, во время исповеди сидела на стуле. О ней мне сказали, что она долго не была на исповеди. Ей 73 года. Спросил:

— Сколько лет не была на исповеди?

— Тридцать.

— Почему?

— Сомневалась.

— А теперь?

— Как видите, пришла...

С трудом припоминала свои грехи, но старательно припоминала. Сомнения были оттого, что философски смотрела на жизнь, хотя философов не читает. Достоевского не любит за тяжесть...

— Верите в загробную жизнь?

Подумала.

— Верю, — сказала не особенно уверенно.

— Может, сомневаетесь оттого, что видите бездыханным тело.

— Нет, от этого не сомневаюсь. Прихожу к мысли, что за гробом жизнь есть потому, что часто забытое возвращается...

P.S. Сообщили, что после исповеди всё думала и волновалась о том, что я ей сказал.

91. Исповедовались дети 2-го и 3-го классов. Мальчик и девочка. Заявили, что верующие, молятся за мать и отца. После них подошла школьница 8-го класса.

— Верующая?

— Нет.

— Как неверующая? А зачем пришла?

На лице улыбка, говорит развязно.

— Да так. Немного верующая, немного нет. А почему же мне не прийти?

— А ты Пушкина читала?

— Да.

— А ведь он был верующий. Знаешь его молитву «Отцы пустынноики»?

— Нет. Нам говорят, что он был неверующий.

— Ну давай рассуждать. Вот аналойчик, его, конечно, кто-то делал?

— Да, конечно.

— А весь мир, землю, планеты? всё это никто не делал?

— Делали. Строители.

— Но как же они могли сделать звезды, планеты?

— Не знаю...

— Ну вот... Говори: верю, Господи, помоги моему неверию. Сказала.

92. Одна крестьянка раскаивалась в грехе, что когда они жили бедно и нечем было кормить котят, она их топила...

93. Две или три старухи жаловались на исповеди, что их бьют дети, не кормят, им очень тяжело...

94. Исповедовалась девушка лет 40-а. Начались смущения, с неохотой читает религиозные книги. Стала краситься.

95. Исповедовалась молодая, 23-х лет. Виновата в смерти мужа, он покончил с собой, а был справедливый. Я не могла его понять... — Плачет.

96. Исповедовалась полячка, молодая. Не послушалась матери и сбежала от нее, вышла замуж за русского. Ей плохо. Хотя себя признавала католически верующей.

97. Перед Рождеством исповедников за ранней литургией было 80 человек, в основном пожилые, но были и молодые, были и мужчины. Мужчина средних лет:

— Я пришел во всем раскаяться. Было всё: блудил, обманывал, воровал. Больше не буду. Слышен запах водки.

— Сегодня пил?

— Пил. Всего 50 грамм, брата провожал...

— Я тебя поисповедую, но причащаться тебе нельзя, в другой раз, хотя бы завтра. Только обязательно воздержись...

— Как же так? Я не здешний.

Обещал прийти завтра.

98. Женщина, немного старше средних лет, раскаивалась со слезами на глазах, что вела очень беспутную жизнь, жила с другими мужчинами. С одним венчалась не под своим именем. Теперь совесть мучает.

99. Причащался ребенок лет 5-6. Мать тоже была в храме, еврейка, некрещеная. Хотел с ней поговорить, она передала через других, что ей некогда... Все-таки с ней разговаривал другой священник. Она сказала, что верующая, по-еврейски.

100. Исповедовались в основном из деревень, за 500 километров, средних лет и моложе. Веруют, сокрушаются о том, что были аборты, дают обещание не делать. Плачут. У них нет церквей, приехали в гости и решили поисповедоваться. Одна заявила, что не делала абортов и не будет...

Исповедовались две девочки.

— Веруете в Бога?

Как-то с радостью и уверенно заявили:

— Веруем, молимся...

11-ти лет — молитв не знает, 8-ми — за бабушкой повторяет молитвы.

101. Женщина лет 40. На вид пожилая, одета прилично. Хотела причаститься. Ее не допустили старухи, сказав:

— Ты не исповедовалась...

Она ответила, что поисповедовалась во время проповеди.

После литургии мне сказали, что надо причастить девочку, ей 7 лет. Поисповедовал, девочка осталась очень довольной. Тогда подходит и та женщина, она оказалась матерью этой девочки, просит и ее исповедовать. Всех людей она любит, ни с кем не ругается, верует в Бога, сегодня ничего не кушала... Поисповедовал. Мать и дочь причастились, остались очень довольны. Видимо, их знакомая стояла в стороне и плакала, глядя умиленно на них и в мою сторону.

102. Исповедовался молодой человек, лет 20-22-х. Это второй раз, первый я ему советовал не причащаться, был пьян. Сегодня от всего воздержался, говорит: хочу новую жизнь вести. Со всеми примирился, жена только его не прощает. Пил он в основном с полочки, блудил...

103. Исповедовалась женщина из деревни. У них нет храма, а жажда большая... Люди ненавидят друг друга. Ей приснился сон: ищите мальчика в песке, его искали с милицией и не могли найти. Его задавило, 12 лет, сын бухгалтера. Она за него молится.

104. Исповедовалась женщина лет 40-44-х.

Выглядит молодо. Раскаивается в тяжелом грехе...

— Каком?

— Делала аборт.

— Сколько?

— Одиннадцать.

— А сколько есть детей?

— Четыре.

Ее не слушают, не верят. Она их ругает.

105. Ходил соборовать и причащать. Больная 43-х лет, выходящая страшно, от слабости не может говорить и открывать рот. Верующая. Глаза очень ясные. Мужа и двух детей 9 и 13 лет не было. Здесь присутствовали и еще люди. Все усердно молились.

Когда пособоровал и приступил к Причастию, две старушки изъявили желание причаститься, в храм прийти не могут.

Все у больной просили прощение, со слезами на глазах. Я во время молитвы сам не мог удержаться от слез, молился с верой и от души. Появилась сильная любовь к человеку.

Причастие еле втокнул в рот больной, она сначала закрыла глаза, потом стала жевать, проглотила.

Старушку поисповедовал, причастил крещенской водой, объяснив, что это не причастие, но в крайних случаях может быть в оставление грехов.

P.S. Говорят, больная по истечении двух часов после причастия скончалась.

106. Исповедовалась девочка 5-го класса. Раскаивается в том, что когда в школе у нее спросили, верует ли? — она сказала: нет...

— Больше не будешь так говорить?

— Нет.

— Скажи им: вера — это мое личное дело.

107. Исповедовалась женщина старше средних лет. Настолько была зла, что когда горел дом и там она знала, что были дети, ни сама не спасала их, ни других не звала на помощь. Сокрушается и жалеет.

108. Исповедовалась женщина, у которой было 17 абортов, трое в живых... Совесть мучает, не находит себе покоя.

109. Исповедовался мальчик 11 лет, 5-й класс. Полный, говорит очень серьезно, впечатление взрослого человека.

— Веруешь?

— Нет. Кто его знает...

— Считаешь, что Бога нет?

— Считаю, что Бога нет.

— А кто создал мир, вселенную, ведь ты знаешь, что всякую вещь кто-то создал.

— Я так рассуждать не умею.

— А почему ты думаешь, что Бога нет?

— Если бы был Бог, то столько бы пьяных не было...

— Молитвы какие знаешь?

— Кое-какие знаю.

110. Исповедовалась девушка, отказалась от очень выгодной работы, чтоб только быть свободной и выполнять свои христианские обязанности, ходить в храм...

111. Исповедовалась женщина средних лет. Плакала. Десять лет не была в храме и не исповедовалась. Сегодня пришла потому, что в их доме всё несчастья и несчастья, и многих причиной — она...

112. Исповедовалась пожилая женщина, с мужем убили своего ребенка месяцев шести. Муж давно умер, а она мучается от этого греха...

113. Раскаивался мужчина-инвалид. Упрекает совесть в том, что он на фронте расстрелял 200 человек в качестве самообороны. Один поднял руки, хотел сдать в плен, он все равно расстрелял. Это особенно сейчас встает перед ним.

114. Раскаивался мужчина средних лет. Лет двадцать не был на исповеди. На вопрос — почему сейчас пришел? — как-то посмотрел недоуменно.

115. Исповедовался молодой человек, учится в институте (энергетическом) на втором курсе. Верует, читает Евангелие, честный. Следом за ним шла довольная радостная женщина, тихо сказала мне:

— Это мой сынок...

Нужно было видеть сияние на ее лице, чтоб оценить всё это. А с какой горестью многие матери говорят, что их дети не веруют... Они о них молятся день и ночь.

116. Исповедовался мужчина лет 50-ти. В прошлый год он у меня был на исповеди и теперь его тянет в храм. А до этого он сюда не ходил...

117. Исповедовалась женщина, была во вражде с одной. Я ей посоветовал класть по три земных поклона со словами: Господи, примири и соедини наши сердца. Так делала и теперь всё хорошо, но зато враждует с другой...

— Теперь способ вам известен.

118. Исповедовалась пожилая. Не давала своему ребенку грудь, чтоб он умер. Ребенок умер, она делала два аборта.

119. Исповедовалась женщина-врач, пенсионерка, сейчас работает председателем товарищеского суда. Старается примирять

людей. Узнали, что она верующая, приходили к ней на дом. Волновалась, но ничего не сделали. Чувствуется искренность и серьезность.

120. Девочка 13-ти лет, глубоко верующая, молится за свою сестру, чтоб её Бог спас, она неверующая. Называла грехи: иногда ссорится с мамой, разбила вазу и не созналась в этом. Кроткая, тихая, искренняя.

121. После всех исповедников подошла пожилая женщина. Все время она бывала на общих исповедях и поэтому грех не исповедовала. Тяготит. Она была очень злая, одному ребенку оторвала ухо, и крик этого ребенка до сих пор слышится. Это было в молодости. Блудила, забыла Бога.

В их дом был вхож священник. Она лет десять его не видела. Вдруг он идет. У нее все воскресло и стало стыдно, что она забыла Бога, и поэтому спряталась от священника. Он пошел к её матери и там был очень долго. Когда она пошла узнать, то мать ей сказала, что никакого священника не было. Ей стало страшно. С этого времени она снова уверовала и теперь верует...

122. Девочка 10-ти лет. Раскаивается в том, что нашла ручку и не возвратила ее, потому что не знала, кому возвратить. Взяла сестра и потеряла.

— Теперь мне грехи прибавятся? — спросила, на глазу показалась слеза и скатилась по щеке.

123. Соборовал и причащал инженера водного транспорта. Видимо, заболел лучевой болезнью, была трепанация черепа. Ни двигаться, ни говорить не может, хотя всё понимает. Выглядит внешне хорошо.

Приводила к больному родственница, была здесь и мать больного, по словам родственницы, — мало верующая.

Сын инженера пяти с половиной лет усердно молился о папе Богу.

124. Подходит женщина с ребенком восьми лет.

— Исповедуйте, он ругается матом.

Спрашиваю, как зовут? Верует ли? Прошу перекреститься — на всё отвечает молчанием.

— Что, язык потерял? — отставил в сторону. Исповедуется сама женщина, ругается матом.

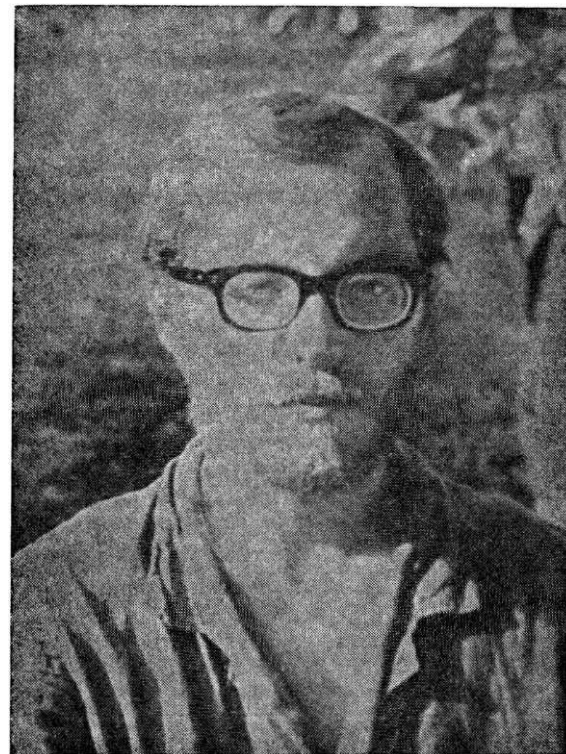
— Ну вот видите...
— Батюшка, вы все-таки мальчика поисповедуйте, его нужно причастить...
Снова исповедую, то же упорное молчание.
Сказал, чтобы подождали до окончания литургии.
Подводит причащать. Я сказал, что нельзя... Мать взволнована.
После литургии снова исповедую, то же молчание. Сказал, чтоб мать его подготовила.
Сам ушел на панихиду. Возвращаюсь, мать с радостью:
— Батюшка, подготовила.
Мальчик стал говорить, осенять себя крестным знаменем. Охотно причастился.

1961-1963

ДЕЛО А. АРГЕНТОВА

ОБРАЩЕНИЕ К ОБЩЕСТВЕННОСТИ

14 июля 1976 года Аргентов Александр Александрович, 1951 года рождения, православный христианин, был вызван повесткой райвоенкомата Тушинского района г. Москвы. В военкомате потребовали, чтобы он немедленно явился в районный психиатри-

Александр Аргентов
(июль, 1976)

ческий диспансер для освидетельствования. НИКОГДА РАНЕЕ А. А. НА ПСИХИАТРИЧЕСКОМ УЧЕТЕ НЕ СОСТОЯЛ. По прибытии в психдиспансер и предъявлении документов, которые сразу же были отобраны медперсоналом, врач (фамилия неизвестна) заявил Аргентову А. А., что единственной причиной его задер-

жания являются его религиозные убеждения, и добавил: «мы выйдем из тебя всю твою религиозность».

Затем в сопровождении санитаров Аргентов А. А., вопреки его воле, был отвезён в психиатрическую больницу № 14 г. Москвы (ул. Бехтерева, 16) и помещён в третье отделение, где он находится и в настоящее время (лечащий врач — заведующий отделением Дегтярёв Семен Моисеевич). С Аргентова был насильно снят нательный крест.

Мы, нижеподписавшиеся, хорошо знающие Аргентова А. А. в течение нескольких лет, считаем своим долгом заявить, что Аргентов является психически здоровым человеком и насильственное помещение его в психбольницу за религиозные убеждения незаконно и бесчеловечно.

Мы требуем немедленного освобождения здорового человека из сумасшедшего дома и наказания лиц, виновных в совершенном преступлении.

Мы призываем советскую и мировую общественность выступить в защиту А. А. Аргентова.

Копии настоящего обращения направляем прокурору Тушинского района г. Москвы, министру здравоохранения СССР и генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей.

Аргентова Т. А.

Блохин Н. В.

Бугаян А. А.

Бударов С. А.

Бурдюг В. В.

Введенский М.

Вольская Д. Х.

Пробатов М. А.

Сидоров А. К.

Шиманов Г. М.

Огородников А. И.

Москва, 16 июля 1976 г.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ВСЦ
ФИЛИППУ ПОТТЕРУ

Уважаемый г-н Поттер!

Просим Вас обратить внимание на очередной факт подавления религиозной свободы в СССР.

Этот факт подробно излагается в адресованном Вам письме Александра Огородникова, хорошо известного нам искреннего и ревностного христианина, организатора христианского семинара.

Этот документ свидетельствует о глубокой тяге молодежи в нашей стране к религии, к религиозному образованию и к построению своей жизни по религиозным принципам.

В то же время обращение молодежи к вере в Бога и в особенности ее стремление к живым формам христианской общественности встречает нетерпимое отношение и вызывает репрессивные меры со стороны органов власти. Дело доходит до того, что живая религиозная вера квалифицируется врачами-психиатрами как душевное заболевание.

Об этом свидетельствует трагическая судьба Александра АРГЕНТОВА, психически совершенно здорового человека, насильственно помещенного в психиатрическую больницу № 14 (Москва, ул. Бехтерева, 15, лечащий врач — С. М. Дегтярев).

Мы не сомневаемся, что религиозное возрождение нашей страны не может быть остановлено никакими репрессиями. В то же время мы надеемся, что единодушные и энергичные действия мировой христианской общественности будут способствовать тому, чтобы это возрождение происходило с наименьшими жертвами.

Священник Глеб Якунин
Иеродиакон Варсонофий Хайбулин
Евгений Барбанов
Виктор Капитанчук
Лев Регельсон
Татьяна Ходорович
Игорь Хохлушкин

29 июля 1976 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР В. А. КУРОЕДОВУ

14 июля 1976 г. православный христианин Александр Александрович Аргентов, 1951 г. рождения, проживающий по адресу: г. Москва, ул. Героев-Панфиловцев, д. 15, кор. 4, кв. 95, был вызван повесткой в военкомат Тушинского района, где от него потребовали немедленно явиться в районный психдиспансер для получения справки. По прибытии в диспансер, где, как оказалось, на Аргентова А. А., ранее никогда не состоявшего на психиатрическом учете, уже была заведена карточка, у него были отобраны документы, а сам он был направлен в кабинет, где его поджидали два врача: гл. врач психдиспансера Зинченко Ирина Николаевна и Мазиков Александр Иванович. Первый вопрос, заданный Аргентову, был:

- Так вы в Бога веруете?
- Да, верю, — ответил А. Аргентов.
- И в церковь ходите?...
- Хожу...
- Но как вы можете верить в наше время? И молитесь на иконы?...

Мазиков А. И. высказал свои воззрения на религию в нескольких словах: «В наше время расцвета космической техники верить в Бога нельзя, это простительно лишь безграмотным старушкам», «христианство запрещает защищать Отечество, поэтому нельзя допустить, чтобы человек с религиозными убеждениями служил в армии», следовательно, он, врач, «обязан отправить Аргентова в психбольницу на обследование, и если тот болен, его будут лечить, а если окажется здоровым, то его могут отправить учиться в семинарию». (По словам Аргентова, он очень удивился тому, что в семинарию могут направлять из психлечебниц). После нескольких последующих вопросов, имеющих формальный характер, санитары, вопреки воле Аргентова, отвезли его в психбольницу № 14 г. Москвы и поместили там в 3 отделение. С Аргентова А. А. был снят нательный крест. На следующий день состоялась беседа с зав. отделением Дегтяревым С. М., во время которой задавались вопросы: почему он, Аргентов, верит в Бога, когда начал верить, чем это было вызвано, что дает ему религия и т. д., и ему был назначен аминазин в таблетках и сказано, что

в случае отказа принимать таблетки, ему будут насильно делать уколы.

Родители Аргентова, убежденные атеисты, неоднократно требовали освобождения своего здорового сына. Дегтярев С. М. отказался ознакомить родителей с документальными основаниями принудительной госпитализации их сына, сославшись на то, что эти документы являются профессиональной тайной. А на родительские утверждения, что их сын здоров, ответил, что они, не будучи профессионалами по части психиатрии, не могут понять заболевания их сына. В психдиспансере заявили родителям, что их сын добровольно согласился на госпитализацию, что сам Аргентов А. А. категорически отрицает.

После того, как Аргентов А. А. показал Дегтяреву С. М. обращение его друзей к общественности, прилагаемое к настоящему письму, зав. отделением заявил, что это не он ответственен за помещение Аргентова в психбольницу, а врач диспансера Мазиков А. И., а затем добавил, что обращение является антипатриотичным, и отправил Аргентова в буйное отделение на 4 часа. До настоящего времени других бесед врачей с Аргентовым не было. Он продолжает принимать аминазин под угрозой уколов. За это время у него дважды изымались тетради и карандаши, чтоб он не делал записей, а также была изъята Инструкция Министерства здравоохранения по неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность, от 26 августа 1971 г., переданная ему друзьями для ознакомления.

Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим долгом заявить, что в случае с Аргентовым А. А. были допущены следующие грубейшие беззакония:

1. Насильственное помещение здорового человека в психиатрическую лечебницу исключительно за религиозные убеждения.
2. В противоречии с Инструкцией от 26 августа 1971 г., обязывающей в течение суток освидетельствовать больного (а в данном случае — НИКОГДА РАНЕЕ НЕ СОСТОЯВШЕГО НА ПСИХИАТРИЧЕСКОМ УЧЕТЕ ЧЕЛОВЕКА) комиссией из 3-х врачей-психиатров на предмет правильности его стационарирования, такой комиссии не было до сих пор.
3. До рассмотрения вопроса о правильности стационарирования Аргентова А. А. его вынудили под угрозой уколов принимать сильное психотропное средство — аминазин.

Мы обращаемся к Председателю Совета по делам религий, ответственного за законность всех взаимоотношений, возникающих между Государством и государственными организациями с одной стороны и религиозными организациями и их членами с другой, с протестом против явного нарушения советского законодательства психдиспансером № 13 Тушинского района и психбольницей № 14, призываем незамедлительно разобраться в случившемся, пресечь незаконные действия со стороны медицинских учреждений, **ОСВОБОДИТЬ АРГЕНТОВА А. А.** и ходатайствовать перед прокуратурой о возбуждении уголовного дела против виновников происшедшего беззакония. **ЗАКОННОСТЬ И ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ ДОЛЖНЫ ВОСТОРЖЕСТВОВАТЬ!..**

Иначе факт о самом бесчеловечном — психиатрическом преследовании за веру будет свидетельствовать о том, что свобода совести в СССР, гарантированная советской Конституцией, существует лишь на бумаге.

Копии настоящего письма направляются в Президиум Верховного Совета СССР, Генеральному прокурору СССР и в редакцию газеты «Известия».

Авалиани Д. Е.
Аргентова Т. А.
Бернштам М. С.
Блохин Н. В.
Бородин Л. И.
Бугаян А. А.
Бударов С. А.

Бурдюг В. В.
Кабурнеев-Хоругвин А. И.
Машкова В.
Пробатов М. А.
Сидоров А. И.
Шиманов Г. М.
Шленов В. Л.

25 июля 1976 г. г. Москва

ПИСЬМО А. АРГЕНТОВА

СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ
И ВСЕЯ РУСИ ПИМЕНУ

Ваше Святейшество!

Обращаюсь к Вам как к главе Русской Православной Церкви с просьбой о помощи.

14 июля сего года, меня, никогда ранее не состоявшего на психиатрическом учете, насильственно поместили в лечебницу для душевнобольных. Как откровенно сказали мне врачи, единственной причиной моего заключения была вера в Бога и моя принадлежность к Православной церкви. Я здоров, у меня прекрасный сон, но здесь мне настойчиво предлагают снотворное, человек я по характеру уравновешенный и спокойный, но здесь меня принудили принимать сильное психотропное средство (аминазин), якобы для моего успокоения, угрожая, что в противном случае меня подвергнут принудительному лечению уколами. Нахожусь я среди тяжелобольных, которых за буйство привязывают к кроватям. Я вынужден слушать их дикие вопли, и эта среда, а также действие лекарств, угнетает меня. Но еще более угнетающе действует на меня отношение врачей, которые, будучи полнейшими невеждами во всем, что касается религии, настойчиво убеждают меня, что моя религиозность является душевной болезнью. Врачи утверждают, что наша христианская религия запрещает верующим защищать Отечество, что прогресс авиации и космонавтики свидетельствует о том, что Бога нет, что священнослужители служат исключительно ради денег, а молодые верующие в основном патологические идиоты.

Несмотря на то, что мои родители являются воинствующими атеистами, они считают меня человеком здоровым и неоднократно требовали моего освобождения из сумасшедшего дома. Им было в этом отказано, так как, по словам врачей, я психически болен и нуждаюсь в лечении. Напутственные слова врача из ПНД о том, что здесь из меня «выбьют всю эту дурь», подразумеваемая под дурью веру в Бога, ужаснули меня своей бесчеловечностью, а то, что делают со мною здесь, сейчас, доказывает, что эти слова не пустая угроза.

Ваше Святейшество, будьте добры, заступитесь за меня!..
А если заступиться у Вас нет возможности, то благословите хотя бы молча меня на мученичество за веру.

Александр Аргентов. Москва, ул. Бехтерева, 15
Психиатрическая лечебница № 14, 3 отделение
21 июля 1976 г.

ГЛАВНОМУ ПСИХИАТРУ ГОР. МОСКВЫ ТОВ. КОТОВУ В. П.

от АРГЕНТОВА А. А., проживающего по адресу:
Москва, ул. Героев-Панфиловцев, д. 15, корп. 4, кв. 95

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу создать авторитетную врачебную комиссию, СОСТОЯЩУЮ НЕ ТОЛЬКО ИЗ МОСКОВСКИХ ВРАЧЕЙ — выучеников школы Снежневского, — для которых характерным симптомом шизофрении являются религиозные убеждения человека, а сама шизофрения оказывается возможной и без всяких признаков шизофрении (в принципе даю отвод всей этой варварской школе!), НО ТАКЖЕ ИЗ ВРАЧЕЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ШКОЛЫ ПРОФ. ЧИСТОВИЧА, стоящей, насколько мне известно, на подлинно научных позициях в оценке шизофрении, ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА И СНЯТИЯ С МЕНЯ ДИАГНОЗА «ШИЗОФРЕНИЯ», НЕЗАКОННО ПОСТАВЛЕННОГО МНЕ НЕВЕЖЕСТВЕННЫМИ ВРАЧАМИ (врач ПНД № 13 г. Москвы МАЗИКОВ А. И., врач ПНБ № 14 г. Москвы ДЕГТЯРЕВ С. М. и другие врачи, фамилии которых остались мне неизвестны).

Я никогда не состоял на психиатрическом учёте, но меня, вследствие того, что я не скрывал своих религиозных убеждений, полностью соответствующих православному вероучению, насильственно поместили в лечебницу для душевнобольных, где сразу начали принудительно «лечить» нейролептиками. Немногие беседы, проведённые со мною врачами ПНД № 13 и ПНБ № 14, КАСАЛИСЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО МОИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ, разобравшись в которых врачам по их полнейшему невежеству в религиозной философии и богословии было явно не под силу. Сознавая, что их действия лишены действительной медицинской и юридической почвы, врачи упорно отказывались объяснить, в

чём же, собственно, заключается моё «заболевание» и исходящая от него «общественная опасность», ссылаясь на то, что подобные сведения являются «профессиональной тайной».

Будучи совершенно уверенным в том, что случившееся со мной — грубейшее беззаконие, унижительное для моего человеческого достоинства и чреватое новыми унижениями и несчастьями в будущем, я настаиваю на пересмотре диагноза и медицинской реабилитации.

Если в Вашу компетенцию не входит создание смешанной комиссии из представителей московской и ленинградской школ психиатрии, то прошу Вас ходатайствовать перед Министерством здравоохранения о создании такой комиссии.

В случае отказа снять с меня позорный для здорового человека диагноз, я буду вынужден обратиться во Всемирную Организацию Здравоохранения с просьбой обследовать меня авторитетной международной врачебно-психиатрической комиссией.

Для более полной информации о моём деле прилагаю следующие документы:

1. Обращение к общественности моей сестры и друзей от 16 июля 1976 г.
2. Моё письмо Патриарху от 21 июля 1976 г.
3. Открытое письмо Председателю Совета по делам религии при Совете Министров СССР В. А. Куроедову от 25 июля 1976 г.
4. Письмо Г. М. Шиманова Генеральному Секретарю Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежневу от 7 августа 1976 г.
5. Письмо А. Огородникова Генеральному Секретарю Всемирного Совета Церквей д-ру Ф. Поттеру от 27 июля 1976 г.
6. Письмо семерых Генеральному Секретарю ВЦФ Ф. Поттеру от 29 июля 1976 г.

P.S. Мне стала известна версия, выдвинутая в последнее время врачами, о том, что будто бы моё стационарирование в психиатрическую больницу было вызвано просьбой моего отца. Мой отец, убеждённый атеист, нетерпимо относится к моей вере в Бога, но он никогда не считал меня душевнобольным. Когда он узнал, что меня положили в психиатрическую больницу, он был возмущён и шокирован. Первое, что он сделал, — заявил врачу С. М. ДЕГТЯРЕВУ, что считает своего сына совершенно здоровым и требует

немедленной выписки из больницы. Кроме того, он выразил своё возмущение незаконными действиями врачей из ПНД № 13 заведующей ПНД № 13, но она не пожелала с ним разговаривать. Мой отец неоднократно заявлял в моём присутствии ДЕГТЯРЕВУ С. М., что его сын совершенно здоров, и требовал моего освобождения. То же самое он говорил, по его словам, главврачу ПНБ № 14. Но вскоре после моей выписки, под давлением местных государственных органов (прокуратуры в том числе), куда его неоднократно вызывали, запрещая разглашать содержание бесед, он изменил своё мнение. О характере бесед можно судить по тому, что он приходил после них взволнованным и повторял одно: «Нам, всей семье, грозит катастрофа». Однако, даже если предположить, что заявление моего отца было сделано не задним числом и не под давлением местных государственных органов, оно не может при отсутствии медицинских показаний служить основанием для принудительной госпитализации в психиатрическую лечебницу и принудительного лечения нейролептиками.

30 августа 1976 г.

Александр Аргентов.

ПИСЬМО Г. ШИМАНОВА

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА Л. И. БРЕЖНЕВУ

Копии направляются в редакцию газеты «Правда»
и министру здравоохранения РСФСР.

Уважаемый Леонид Ильич!

Обращаюсь к Вам с просьбой положить конец беззаконию, совершающемуся над православным христианином Аргентовым А. А. Этого человека, никогда ранее не состоявшего на психиатрическом учёте, уравновешенного, не отягчённого никакими анти-социальными идеями, ничем и никогда не подававшего повода к сомнениям в отношении его душевного здоровья, ПРИНУДИТЕЛЬНО ЗАКЛЮЧИЛИ В ЛЕЧЕБНИЦУ ДЛЯ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ в надежде «ВЫБИТЬ ИЗ НЕГО РЕЛИГИОЗНУЮ ДУРЬ», как откровенно выразился врач Тушинского психиатрического диспансера гор. Москвы МАЗИКОВ А. И.

Немногие беседы, проведённые врачами с Аргентовым А. А. после его насильственной госпитализации, касались не его самочувствия, но исключительно его религиозных взглядов. Врачи стараются убедить Аргентова А. А., его родственников и друзей в том, что он психически болен, но при этом упорно отказываются сообщить, в чём же собственно выражается заболевание и чем оно опасно для общества. Разной в утверждениях врачей, то говорящих (Мазиков А. И.), что причиной заключения Аргентова А. А. в психиатрическую больницу являются его религиозные взгляды, то, наоборот, что его религиозные взгляды не имеют никакого отношения к его госпитализации (так сказал врач больницы № 14 Дегтярев С. М.), хорошо сочетается с откровенным нарушением обоими врачами действующей «Инструкции по неотложной госпитализации психических больных, представляющих общественную опасность» от 26 августа 1971 г. Это нарушение выражается не только в помещении психически здорового и не представляющего никакой общественной опасности человека в лечебницу для душевнобольных, но и в том, что в течение многих дней не было проведено обследование Аргентова А. А. комиссией

из 3-х врачей-психиатров на предмет правильности его стационарирования (которая, по существующему законодательству, должна рассмотреть этот вопрос в течение первых же суток), между тем как принудительное лечение Аргентова А. А. началось по указанию врача Дегтярёва С. М. с первых же дней госпитализации.

Об этих грубейших нарушениях советского закона (Закон РСФСР о здравоохранении от 29 июля 1971 г., статья 56) и ведомственной Инструкции (ст. 6) друзья Аргентова А. А. сообщали Министру здравоохранения СССР, районной прокуратуре, Председателю Совета по делам религии при Совете Министров СССР, в Президиум Верховного Совета СССР, в редакцию газеты «Известия», но ответа ниоткуда не последовало, что и вынуждает теперь меня обратиться к Вам лично.

Уважаемый Леонид Ильич!

Если подобная бесчеловечность, приправленная густым беззаконием, совершается в столице нашей Родины, и никто — ни прокуратура, ни Министерство здравоохранения, ни Совет по делам религии — не пытается разобраться в происшедшем, а только пересылает обращения друзей Аргентова А. А. одному из виновников происшедшего беззакония, врачу Дегтярёву С. М., то это говорит о нездоровой атмосфере нашего общества. Другого вывода нельзя сделать. Равнодушное отношение к бесчеловечности и беззаконию, стремление прежде всего уйти от ответственности и сохранить «честь мундира», покрыть безобразие и любыми средствами оправдать случившееся — не свидетельство ли это того, что наше общество пока не может решиться на действительное нравственное самоочищение?..

Но если наше общество не будет очищаться от беззаконий и нравственной гнили, если оно будет скрывать их за благополучным фасадом в страхе перед международным общественным мнением, то рано или поздно правда всё равно обнаружится, и тогда Советское государство окажется в положении намного более тяжёлом, нежели при своевременном честном и мужественном признании допущенных ошибок.

Разрядка международной напряжённости, могущая стать началом новой благодатной эры в жизни всего человечества, оправдана лишь на принципиально-нравственной основе. В условиях же беззакония и попрания человеческого достоинства она совершенно бессмысленна. Поэтому я обращаюсь к Вам не только как

к фактическому Главе Советского государства, но и как к одному из основных творцов мудрой политики разрядки международной напряжённости, с призывом не пренебречь судьбою советского гражданина, человеческое достоинство которого попорчено, будущее которого под вопросом, а в настоящее время лишённого всех прав, даже права видаться в отведённые для свиданий часы с родственниками и друзьями без особого разрешения главврача больницы № 14.

Пресеките же бесчеловечность в Вашей стране, восстановите справедливость, чтобы Ваши слова о мире подтвердились соответствующими делами.

Я осмелился обратиться к Вам с настоящим письмом потому, что уверен: забота о мире во всём мире и гуманном отношении ко всякому человеку на земле не может быть заботой одних лишь правительств и государственных учреждений. Она является заботой ВСЕХ людей в силу общечеловеческой нравственной солидарности.

В надежде на Ваше благое участие в судьбе Аргентова А. А.

Геннадий Шиманов.

Москва, 7 августа 1976 г.

Ответ городского психиатра Г. Шиманову

Отдел здравоохранения исполкома
Мос. гор. совета депутатов трудящихся
ГОРОДСКОЙ ПСИХИАТР
29 июля 1976 г.
№ 792

Уважаемый тов. ШИМАНОВ!*

При проверке Вашего заявления выяснилось, что гражданин АРГЕНТОВ А. А. был направлен на обследование в Московскую психиатрическую больницу № 14 по медицинским показаниям.

Зав. оргметодкабинетом по психиатрии
РУМЯНЦЕВА Г. М.

Ответ на письмо Г. М. Румянцевой по делу А. Аргентова

Москва, 31.7.76

Уважаемая тов. РУМЯНЦЕВА!

Ваше сообщение, посланное на мое имя, является по существу отпиской, ибо игнорирует ГЛАВНОЕ, о чем мы писали: НАРУШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЗАКОННОСТИ. Хорошо Вам известная Инструкция по неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность, от 26 авг. 1971 г., ЗАПРЕЩАЕТ насильственную госпитализацию без указанных в Инструкции оснований. Если основания для насильственной госпитализации АРГЕНТОВА А. А. имеются, то почему Вы не указали, какие именно?... Почему врачи отказываются сообщить родителям АРГЕНТОВА А. А., на каких именно юридических основаниях их сын был заключен в психиатрическую лечебницу?.. Не потому ли, что их нет вообще?.. Ваш туманный ответ это косвенно подтверждает, вследствие чего я вынужден снова обратиться к Министру здравоохранения СССР с требованием более ответственно отнестись к случившемуся.

* Геннадий Михайлович Шиманов, автор "Записок из Красного дома" — о его насильственном помещении в ПБ в 1969 году.

К сему прилагаю:

1. Письмо А. А. АРГЕНТОВА Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Пимену от 21 июля 1976 г.
2. Открытое письмо Председателю Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. А. КУРОЕДОВУ от 25 июля 1976 г., подписанное 15-ю гражданами СССР.

Москва, 31 июля 1976 г.

Геннадий ШИМАНОВ

МИНИСТРУ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР*

Уважаемый товарищ Министр!

Посылаю Вам копию отписки, полученной мною от зав. оргметодкабинетом РУМЯНЦЕВОЙ Г. М. по делу АРГЕНТОВА А. А., и копию своего ответа. Я настаиваю на немедленном и ответственном рассмотрении этого дела. Считаю, что позорную самостоятельность местных организаций надо как можно быстрее пресечь, чтобы позор не пал на все Ваше Министерство.

Москва, 31 июля 1976 г.

Геннадий ШИМАНОВ

Москва, Б. Переяславская ул.,
д. 17, кв. 265.

* Борис Васильевич Петровский.

А. ОГОРОДНИКОВ

ХРИСТИАНСКИЙ КРУЖОК В МОСКВЕ

Мы не родились христианами, а стали ими, воспитываясь в духовной пустыне уже традиционного семейного и школьного атеизма, промаршировав свое детство под звуки пионерских маршей, а юность под комсомольскими знаменами.

Тяжелый, сложный путь мучительных исканий и сомнений, духовных метаний и объективаций от марксистских убеждений, возникших в безлико-тотальном идеологическом космосе общественной жизни и его левацких модификаций, через нигилизм и полное неприятие любой идеологии, хиппианство и отрешение от идеалов социальной карьеры, сквозь контркультуру и экзистенциальную тоску, отчаяние и падения, и, наконец, привел к вратам Церкви.

Мы из-под тяжести страха перед идеологическими идолами и ужаса ассимиляции в безликой неоязычной стихии огосударственных коллективов, смывая крещальной водой ветхого Адама, прорываемся из современного египетского пленения к новой благодатной жизни и соборной любви: «...ибо все мы одним Духом крестились в одно тело». (I Кор. 12,13).

Современное государство создало беспрецедентный в истории режим тотального господства, подчинив себе все ранее автономные сферы человеческого бытия, даже любовь. Но главная его экспансия в наши души, от нас требуется не просто лояльное отношение к идеологии, а искренний энтузиазм участия, обожевления государственных и коллективных форм в магические фетиши. Христиане принимают государство и общество в той мере, в какой они не ограничивают господство Христа и не уничтожают исповедания Царства. Ибо Царство Божие уже пришло, уже открылось на осевой границе человеческой истории. И отныне оно единственное мерило человеческой жизни. Этим нам дана ответственность за мир и в нем явлен Господь для противостояния тем, кто узурпировал власть Его, — вот последний смысл борьбы и содержания Церкви.

Жизнь Русской Православной Церкви XX века измеряется кровью мучеников. Кровью они написали свою главу в истории

Церкви и утвердили истину своего Воскресения, «смертию смерть поправ». Мы — те кто вырос на крови мучеников, ибо только благодаря их жертве стало возможно наше новое рождение.

В современной России рождается иная молодежь, отказывающаяся от карьеры, пластически чувствующая глубочайший кризис атеистической духовности и образа жизни. Озаренная интуитивными видениями иного мира, мира любви и гармонии, она живет религиозным вдохновением и экстазом. Духовная жизнь, тихо и тайно струившаяся в глубоком подсоветском подполье, выплескивается наружу.

Огромную роль в наших алканиях и жажде прорыва сквозь тьму и тоскливую безнадежность нашей безбожности сыграл Ф. М. Достоевский. В мире его романов мы встретились со старцем Зосимой и полюбили Алешу Карамазова, почувствовали острый аромат русской святости и вечную истину Церкви. На нашем духовном пути вставали такие великие фигуры, как Гоголь, Хомяков, Киреевский, Соловьев, Бердяев, Булгаков, Флоренский, Струве, Франк. И под сенью их религиозного гения мы, смущенною душою чувствуя свое убожество, разрешали свои сомнения и с трепетом входили под священные своды Церкви.

Но мыслители русского религиозного Возрождения выросли в лоне матери Церкви, и если уходили из Отчего Дома, то, пройдя через горнило интеллигентской гордыни и соблазна, возвращались к Отцу.

Мы же, живущие на разрыве времени, выброшенные из истории и культуры, были напрочь лишены традиции религиозного воспитания, духовного откровения и знали только душную атмосферу воинствующего атеизма. Наш особый опыт возвращения ко Христу нуждается в резекциях церковного сознания и осмысления во вселенском опыте Церкви. Наша встреча с официальной Церковью, спутанной по рукам и ногам, сравнимой с закованным в кандалы юношей, поскольку силы огромны, но тело спутано, оставила нас наедине со своими проблемами. Наши проблемы не поднимаются ни в проповедях, ни на страницах единственного церковного журнала. Одно из крайне немногочисленных исключений составляет гонимый наш пастырь о. Дмитрий Дудко, яркий и вдохновенный пример современного священника. Вся жизнь христианина сводится к храмовому действию, и, считая литургию мистическим центром Церкви, удерживающим божественными энергиями мир от развала, мы видим Церковь закваской, вброшенной в мир для его преобразования и обожения. Но эта сторона реаль-

ного действия Церкви в истории абсолютно исключена из жизни РПЦ.

Мы видим, что Церковь не готова принять нас в приход, потому что просто нет прихода как братской общины любви, реализующей любовь в конкретном пространстве истории. Церковь есть восстановление любовного единства, разорванного грехом, страхом перед исповедничеством и сытым эгоизмом; крещением соединенные со Христом и живущие его жизнью через таинство Евхаристии, верующие, вступая в богочеловеческое тело Церкви, начинают христианскую жизнь в мире.

Но как же проявляется эта христианская любовь, требующая общей жизни, подлинного свободного соборного единства, христианского делания в мире и вне этого немислимая, «ибо у множества уверовавших одно сердце и одна душа».

Советское дискриминационное законодательство под страхом тюремного заключения запрещает возможность подлинно церковной жизни, сводя веру к простому исполнению культа. И наша жажда сделать Церковь подлинной основой новой жизни сталкивается со всей мощью советской дискриминационной машины уголовного преследования. Вместо декларируемой в 125 статье Конституции СССР свободы совести и слова наше государство в железном грохоте пятилеток своим всеобъемлющим идеологическим фронтом загоняет нас «в узкую щель между суконной прелестью учебника марксистско-ленинской философии и уголовным кодексом», открывая страшные перспективы подавления личности. Мы же в церковном реализме, в первичной интуиции Бога как творческой личности, воипостазирующей весь космос, раскрывающей свою полноту во времени и в истории, обретаем утраченную личность и свободно избираем перед Личным Богом свою судьбу в мире.

Церковь открывает миру, что есть только две абсолютные духовные ценности: Бог и человек, остальное же — болезненно гипертрофированная государственность и коллектив с его безграничными идеологическими претензиями, развенчивается и подчиняется Богу и человеку. (Просветление государства есть осознание своей ограниченности). Атеисты стремятся к психологическому огосударствлению церковной иерархии и всего церковного организма, раздваивая и поляризуя тело Церкви, создавая соблазн двойной истины. Этим нарушается духовная целостность Церкви, и она, будучи внутренней сущностью мира, в перспективе земной истории уступает историческое делание антихристиан-

скому миру. Христианский максимализм, требующий постоянного усилия, испытание духов, у нас оборачивается предельным минимализмом, полным исключением себя из истории и бегством от ответственности за судьбы мира и страны. Эта печальная картина современной Церкви открывается неопитскому взору: плененная церковная иерархия, запуганная досмерти, руками которой атеисты управляют Церковью. Налуганный, задавленный священник перестал быть пастырем прихода, а стал просто требоисполнителем. Епископская чехарда, перемещение епископа с кафедры на кафедру, постоянный разрыв с паствой, сведение своего служения только в символическую сакрализацию усыпляет совесть, превращая жизнь в священнодействие и отрывая ее от всех действительных форм православной жизни. И мы, молодые христиане, призванные Господом в новый народ Божий, «в котором нет уже ни иудея, ни эллина, ни раба, ни свободного, ни мужского пола, ни женского, но все и во всем Христос», с глубокой болью и мукой осознаем весь грех и всю трагедию нашего разделения, глубинный кризис и разлад нашей церковной жизни.

Все это ставит очень серьезные проблемы перед нашим сознанием, и мы крайне нуждаемся в их разрешении на путях подлинной церковной соборной свободы. С этой целью мы проводили агапэ (вечери любви) и беседы. Наши беседы — это дело жизни, способ решения наших жизненных задач, разрешения вопроса, как можно жить в мире перед лицом Бога. Расширение нашего разума до богословской постановки проблем, видение мира в онтологических горизонтах веры. Мы обсуждали вопросы природы и истории Церкви, канонического строя, стремились приобщиться к глубинным родникам святоотеческого предания и православного богословия. Темой бесед были и проповеди о. Дмитрия Дудко, исповеднически начавшего свой смелый опыт, и вопросы аскетического делания, исихии и современного старчества. Несколько наших друзей оставили мир и ушли в монастырь. Мы чувствуем себя в струе традиционно русской тяги к историософии и своеобразию церковно-исторического наследия Русской Церкви. Ибо именно в опыте истории мы видим лучшую гарантию от повторения современных ошибок. Но эти общения крайне затруднены властями, и несмотря на то, что мы не затрагиваем в них вопросов политического и, тем более, антисоветского характера, а обсуждаем только мировоззренческие. Более того, нам не только препятствуют в этой деятельности, но и преследуют нас за наши религиозные убеждения. Многие из нас уже постра-

дали. Ярким примером произвола властей по отношению к религиозной молодежи может служить преследование меня и моих друзей органами КГБ. 14 июля сего года был заключен в психиатрическую больницу города Москвы участник наших бесед Александр Аргентов. Врач (фамилия неизвестна) заявил А. Аргентову, что единственной причиной заключения его в психиатрическую лечебницу являются его религиозные убеждения, добавив: «мы выьем из тебя всю твою религиозность».

За религиозные искания меня в 1973 г. исключили с 3 курса сценарно-киноведческого факультета ВГИКа, хотя я имел только отличную успеваемость и получал повышенную стипендию. Гонят с квартиры на квартиру, в 1974 г. выгнали с работы грузчика столовой. Моя квартира постоянно находится под пристальным надзором КГБ. 15 июня у меня был произведен незаконный обыск и задержаны мои друзья. В 22 отделении милиции сотрудником, оставшимся неизвестным, мне было сказано: «Церкви все позакрывали в 20-х годах, а попов всех перестреляли, откуда же вы, гниды, вылезли? Вам туда же дорога». Было проведено несколько незаконных обысков у моих друзей. За нами ведется постоянное открытое наблюдение, совершаются попытки откровенно уголовного террора и избиения. Так, 13 июня в 11 часов ночи в районе Чертаново был избит Валентин Серов, кинооператор, окончивший ВГИК и не получивший диплома из-за несдачи одного экзамена, к которому он не был допущен за свои религиозные убеждения. Профессиональным приемом ему была вывихнута рука, он был брошен на землю, а трое неизвестных испинали его. Рука до сих пор в гипсе. Был вызван в КГБ и допрошен бывший научный сотрудник Агротехнического института АН СССР Александр Белянов. Этот список можно продолжить и дальше, но тревога за судьбы еще не названных — вновь ставить их под удар КГБ — сдерживает меня.

Преследования наших бесед следует рассматривать в контексте не только чудовищной дискриминации прав верующих, но и страшной попытки уничтожения религиозной жизни молодежи вообще. Вопиющее попрание элементарного права человека быть христианином, исповедовать свою веру и обсуждать вопросы религиозного мировоззрения среди христиан грубо нарушает статью 125 Конституции СССР, утверждающую, что гражданам СССР гарантируется «свобода собраний», статью 124 той же Конституции, заявляющей, что «в целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства», и про-

тиворечит ст. 20 Всеобщей Декларации Прав Человека, гласящей: «Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций».

Такая дискриминация является нормой в наши дни. Бессильные противостоять все ширящемуся процессу прихода молодежи к вере, эрозии страха в человеческих душах, они преследуют нас, чтобы задавить устремленную к горнему мысль, освободившуюся из магического пленения современным язычеством. И в обстановке постоянных гонений мы выражаем твердую уверенность в том, что, несмотря на преследования и террор, мы будем продолжать наши религиозные беседы до тех пор, пока мы физически будем в состоянии это делать. Недаром крест был выбран христианами как принцип отношения к миру. И этим заявлением мы исповедуем распятого Христа, обращая свой голос ко вселенскому христианству, смиренно прося поддержки. И молитв! Услышьте нас!

САША ОГОРОДНИКОВ

1973 г. — исключен из ВГИКа. Письма протеста в Госкино СССР и ЦК КПСС. Вызывали на беседы начальник отдела кадров Госкино и Косарева Н. С. из отдела культуры ЦК КПСС. Советовали войти в рабочий коллектив и исправиться. Гонят с квартиры на квартиру, заставляют менять место жительства, выгнали с работы грузчика из столовой. Многих друзей за религиозность перследуют власти, исключают из институтов, сажают в психиатрички. Брат Борис Огородников исключен в 1973 г. из Московского института Стали и Сплавов, а потом с работы, не дали поступить в Московскую духовную семинарию. (Ныне иеромонах Псково-Печерской обители, куда еле удалось уйти.) Моего друга Бориса Разнева вызывали в КГБ, и несмотря на то, что он кончил юрфак университета, ему не выдают диплом. Не может найти работу, хотя он единственный кормилец семьи из жены и ребенка полутора лет. Список можно продолжить, но тревога за судьбы не названных останавливает мое перо.

15 июня ворвались двое лейтенантов милиции в мою квартиру по пр. Мира 25, проверили документы, угрожали, оскорбляли. Вечером того же дня ввалился наряд из 8 человек, которыми руководил майор, из них трое в штатском. Были арестованы и

увезены 8 моих гостей-христиан, допрошены и отпущены. 3 из наряда во главе с майором стали производить незаконный обыск, не обращая внимания на протесты. Я противостоял силой, майор вырвал из ящика стола листок из рукописи с методологией религиозного семинара. Меня отвели в 22 отд. милиции г. Москвы. Майор милиции сказал на допросе: «Всех попов расстреляли в 20-х годах, позакрывали церкви, откуда же вы, гниды, вылезли? Вам туда же дорога». Вскоре отпустили и вернули книги после тщательного досмотра, незаконно у меня захваченные.

Александр Огородников

Моих друзей оскорбляли, хватали за волосы, бегали за бензином, чтобы поджечь волосы, чуть не пытались насильно остричь, обрить наголо, дружно издевались, создав атмосферу бандитско-милицейского веселья над жертвами. На допросе угрожали. На следующий день я был уволен с работы в Тубдиспансере № 11 Дзержинского района, пр. Мира 20, где я работал дворником. Служебная квартира была оцеплена, и началась охота за моими друзьями-христианами. Милицейский пост пытался выломать дверь. Я не мог даже взять свои книги и вещи. Моих молодых друзей стали вызывать в КГБ. 13 июля сотрудник КГБ Павленко, обманом проникнув в квартиру молодого христианина, (дома была

одна бабушка, он ее обманул) сделал незаконный обыск и пытался изъять у него мои рукописи. Сам молодой человек был насильно привезен в КГБ, подвергнут допросу с посулами и угрозами. На него давили психологически, чтобы он выдал мои религиозные рукописи и книги. 14 июля следователь КГБ Павленко вновь проник в квартиру к тому же христианину, действуя незаконно, напугав и терроризировав его больную мать, которая была доведена до обморока, и старенькую бабушку, сделал второй незаконный обыск, не предъявив даже формальной санкции. 14 июля сотрудники КГБ начали терроризировать одну молодую христианку, приставать к ней, наступать на ноги, заявляя «что ты ходишь по ногам?» Ее ударили в спину, когда она пыталась выйти из вагона метро, на улице ударили еще раз. Они дошли с ней до квартиры, пытались вломиться в дверь, она была вынуждена подняться к соседям. В этот же день ее вызвали и увезли в КГБ, туда же для психологического воздействия была привезена ее мать. Последнее время органы КГБ применяют методы психологического террора, вызывая и действуя на родных вызываемого и угрожая в первую очередь родным, доводят их до тяжелого психического состояния, через них стремясь подавить волю допрашиваемого. В это же время в ее квартиру пытались проникнуть, вскрыть замок, — он был странно развернут и сильно поцарапан. В КГБ действовали угрозами и посулами. 15 июля на двух христиан напало четверо развязных молодчиков, которые постоянно пытались развязать драку, угрожали, дергали за волосы, снимали очки, всеми силами стараясь спровоцировать инцидент. Когда их по неведению пытался остановить милиционер, они прогнали его, предъявив КГБистские удостоверения. Только терпение и выдержка спасла моих друзей от ответа на эти наглые провокации, за который они были бы арестованы за «хулиганство».

13 июля в районе Чертаново участник христианских бесед Валентин Серов, кинооператор, окончивший ВГИК (институт кинематографии) в 1975 г. и не получивший диплома из-за несдачи одного экзамена, к которому он не был допущен за свои религиозные убеждения, был избит. Профессиональным приемом ему была заломлена и вывихнута рука, его бросили на землю и, лежащего на земле, испинали ногами трое неизвестных. Стиль бандитско-уголовного террора стал излюбленным методом КГБ. Избивая инакомыслящих тайно, подло, как подпольная мафия, они открывают подлинное свое лицо, обнажая свои методы, восходящие в истории к уголовно-большевистским экспроприациям 1905-

1917 г.г. Так они отомстили Косте Богатыреву, бандитски убив его из-за угла. Хороши же дела государства, когда его национальная безопасность употребляет мафиозные методы для борьбы с религиозными и свободомыслящими людьми. (Избили еще академика Лихачева, проф. Петрова.)

События, описанные здесь, далеко не самые показательные по своей силе. Политика преследования и дискриминации верующих, постоянно проводимая в СССР, сейчас утончается, находит более анонимные формы, от увольнения с работы по иным причинам до жестокого избиения под покровом ночи. Обратите свой голос в защиту христиан в СССР: в XX веке, пережив чудовищный урок варварства и гонений, мы должны остро почувствовать всю знаменательность и тревожность событий, происходящих в СССР. Такой экспансии в души еще не было в истории. Сейчас, когда на XXV съезде партии заявлено о необходимости закрепить в Конституции «построение коммунистического общества» как высшую цель не только партии, но и государства, это приведет к узаконению дискриминации верующих, т.к. цель коммунистического общества — государственный атеизм.

ПИСЬМО ОГОРОДНИКОВА

Д-ру Филиппу ПОТТЕРУ

Генеральному Секретарю Всемирного Совета Церквей
Д-ру Филиппу ПОТТЕРУ

Александр ОГОРОДНИКОВ
Русская Православная Церковь СССР

Уважаемый д-р Филипп Поттер!

Чрезвычайные обстоятельства вынуждают меня обратиться к Вам, и в Вашем лице — к мировой христианской общественности.

Речь идет о насильственных действиях органов власти, пытающихся подавить нашу религиозную свободу.

Мне 26 лет, 3 года назад я обратился к Богу и стал православным христианином. Такой же путь к Церкви проделали и мои друзья. Неудовлетворенные только лишь «отправлением ре-

лигиозного культа», не имея никакой возможности получить религиозное образование, нуждаясь в братском христианском общении, мы начали проводить с октября 1974 г. религиозно-философские семинары, на которых обсуждали такие темы, как: «Церковь и современный индустриальный космос», «Книга А. Бергсона», «Два источника морали и религии», «Идея богочеловечества у Владимира Соловьева», «Проповеди Билли Грейхема» и т. д.

Я и мои друзья выросли в атеистических семьях, каждый из нас прошел сложный, иногда мучительный путь духовных исканий. От марксистских убеждений, через нигилизм и полное неприятие любой идеологии, через увлечение образом жизни «хиппи» — мы пришли к Церкви.

Мы пришли в нее со своими вопрошениями и надеждами.

Однако мы вскоре убедились, что наши проблемы не поднимаются ни в церковных проповедях, которые являются единственным способом религиозного просвещения верующих, ни на страницах церковного журнала ЖМП, к тому же недоступного для рядового христианина.

И главное — нет в Русской Церкви прихода как братской общины, реализующей христианскую любовь к ближнему.

Государство преследует всякое проявление церковной жизни, кроме исполнения «религиозного культа». Наша жажда духовного общения, религиозного образования и миссионерского служения сталкивается со всей мощью государственно-репрессивной машины.

Ярким примером отношения властей к верующей молодежи могут служить преследования меня и моих друзей органами КГБ.

За религиозные искания меня исключили еще в 1973 г. с 3-го курса сценарно-киноведческого факультета ВГИКа, хотя я имел только отличную успеваемость и получал за это повышенную стипендию. С тех пор я вынужден постоянно менять место жительства, меня гонят с квартир, на которых я живу. В 1974 г. меня выгнали с работы в столовой, где я работал грузчиком. Моя квартира постоянно находится под пристальным наблюдением сотрудников КГБ.

Многих моих друзей за их религиозные убеждения преследуют, исключают из институтов, сажают в психиатрические больницы. Так, мой брат Борис Огородников был исключен в 1973 г. из Московского института стали и сплавов, а потом с работы. Ныне он иеромонах Псково-Печерской обители. Моего друга Бориса Развеева за религиозные убеждения в течение долгого вре-

меня вызывали в КГБ, угрожали, наконец, умышленно провалили на защите госэкзамена, лишили диплома, хотя он закончил юридический факультет Башкирского университета. Сережу Шувалова, студента того же университета, тоже вызывали на допросы, подвергли травле, вынудили бросить учебу. Этот список можно продолжить, но меня сдерживает опасение поставить под удар еще не названных.

Этим летом против меня и членов нашего семинара были предприняты репрессивные меры.

15 июня с.г. ко мне в служебную квартиру ворвались два лейтенанта милиции и, пересыпая свою речь угрозами, потребовали документы у моих гостей. Вечером того же дня ко мне явился уже наряд из восьми человек, среди которых было трое в штатском; руководил этим налетом майор милиции, отказавшийся назвать свою фамилию; мои гости (7 человек) были увезены в отделение милиции. Трое оставшихся участников «операции», во главе с майором, начали делать обыск, не предъявив ордера (очевидно, не имея) и не обращая внимания на мои требования и протесты.

После обыска меня увезли в 22 отделение милиции, где уже находились мои друзья. В милиции нас оскорбляли, издевались, грозили обрить наголо и т. д. Некий сотрудник 22-го отделения, в чине майора, пожелавший остаться неизвестным, заявил буквально следующее: «Всех попов расстреляли в 20-х годах, церкви позакрывали, откуда же вы, гниды, вылезли, вам туда же дорога...» На следующий день, 16 июня, по приказу милиции я был уволен из туберкулезного диспансера № 11 Дзержинского района, где я работал дворником. После этого за мной началась настоящая погоня. Моя квартира, которой меня лишили вместе с работой, была оцеплена нарядом милиции, пытавшимся взломать дверь. Я даже не смог взять свои книги и вещи.

Вскоре многих моих друзей начали вызывать в КГБ, обвиняя их в якобы «антисоветском семинаре». 13 июля в мое отсутствие был еще раз произведен обыск на моей бывшей квартире. В тот же день сотрудник КГБ С. Павленко обманом проник в квартиру моего товарища и в его отсутствие организовал незаконный обыск: сам он в это время был подвергнут допросу в КГБ, на Лубянке, где от него требовали выдачи моих рукописей, часть которых хранилась в его квартире, называя их «антисоветскими» и ложно обвиняя меня в «подготовке антисоветского журнала». С. Павленко на следующий день пришел к нему домой и начал

шантажировать его тяжело больную мать, едва не довел ее до приступа, совершил второй незаконный обыск и попытался захватить часть рукописей.

14 июля двое в штатском стали открыто преследовать девушку (возраст 21 год), имеющую отношение к нашим семинарам, имя которой я также не называю. На улице, в метро, в троллейбусе они плотно окружали ее, толкали, наступали на ноги, крича ей: «что ты ходишь по ногам». Когда она выходила из метро, один из них резко и неожиданно ударил ее в спину, затем на улице ударил еще раз. Дыша ей в затылок, они дошли с ней до ее квартиры и пытались туда вломиться вслед за ней. Противостоять было невозможно, и она была вынуждена подняться к соседке и пробыть у нее около часа. В этот же день она была вызвана к следователю С. Павленко, куда потом была приведена и ее мать.

15 июля был вызван в КГБ бывший научный сотрудник Радиотехнического института АН СССР, ныне не работающий, православный христианин Александр Беляков. Ему тоже инкриминировалось участие в наших беседах.

Кроме увольнений с работы, незаконных обысков и шантажа, — действий, обычно предшествующих арестам, — против некоторых из нас уже предприняты меры более серьезного характера.

13 июня с.г. был подвергнут жестокому избиению участник нашего семинара Валентин Серов, кинооператор, закончивший ВГИК в 1975 г., за религиозные убеждения не допущенный к сдаче одного госэкзамена и потому лишенный диплома. Последнее время В. Серов специализировался на фотохронике диссидентских событий в области культуры. За два дня до избиения В. Серов возвратился из Ленинграда, где снимал похороны художника-авангардиста Рухина, погибшего при загадочных обстоятельствах во время пожара в своей мастерской. В. Серов был избит в районе Чертаново, когда выходил из квартиры своего приятеля, тремя лицами, неожиданно напавшими на него и использовавшими профессиональные приемы. Серову сломали руку и, лежащего на земле, жестоко избили ногами.

Однако наиболее трагическая участь постигла моего близкого друга, участника семинара Александра АРГЕНТОВА.

14 июля он был вызван повесткой в райвоенкомат Тушинского района, откуда его, совершенно здорового человека с устойчивой психикой, никогда не состоявшего на психиатрическом учете,

отправили на психиатрическую экспертизу. Психиатр диспансера, А. Мазиков, заявил ему: «Мы выйдем из тебя твою религиозность». После этого Аргентов был в сопровождении двух санитаров доставлен в психбольницу № 14 г. Москвы (ул. Бехтерева, 15, «лечащий» врач — зав. 3 отд. Дегтярев С. М.)

16 июля его принудили начать прием нейролептиков, угрожая в противном случае колоть насильно.

Уважаемый доктор Филипп Поттер!

Я написал Вам письмо в надежде, что мировая христианская общественность сумеет оказать помощь своим страждущим братьям. Я особенно прошу христиан во всем мире приложить все силы для скорейшего освобождения из психиатрической больницы Александра АРГЕНТОВА, где его ЛЕЧАТ ОТ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ.

Я верю, что силы зла будут побеждены горячей общей молитвой и деятельной христианской любовью.

27 июля 1976 г.

Александр Огородников
г. Струнино Владимирской обл.
ул. Дзержинского, 12

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ ПИМЕНУ

от православного мирянина Андрея И. Кабурнеева-Хоругвина

Ваше Святейшество!

В духовном трепете и волнении решаюсь обратиться к Вам. Ибо не могу более хранить гробовое молчание, как то делают сотни тысяч униженных и забытых православных. И можно ли не волноваться, затрагивая столь животрепещущие и одновременно столь обходимые стороной, стыдливо опустив долу глаза, вопросы?! Вопросы бедственного положения Русской Православной

Церкви, что равнозначно вопросу жизни и смерти в абсолютном смысле...

Покорнейше прошу понять меня правильно. Не гордыня и не тщеславие движет мною в эти минуты, не превознесение над ближними моими, робко молчащими и проходящими стороной. Кто я, грешник из грешников, чтоб вменять им во грех то, что до сей минуты было и моим грехом?! И я с надеждой, в посте и молитве, припадаю к Вашим стопам Первоиерарха Российского. Ваше слово, Ваше участие необходимы!..

Замечу еще раз, что не языческим плевком осуждения является сказанное мною выше о молчании моих православных ближних. Однако, увы, — реальной констатацией факта. Как раз она, констатация вдвойне бедственного положения Русской Православной Церкви сегодня, вызывает меня взять на себя со всей христианской ответственностью и самоотвержением нелегкий крест свидетельства правды.

Господи, благослови!

Благословите, Владыко!

...Что будет сказано далее — вместе и исповедь, и крик души, и мольба о помощи. Мне 23 года. Первые ростки православного сознания вззошли в моей душе в раннем детстве. Крещеный от рождения, я воспринял благодатную силу доброты двух своих православных прабабушек, ныне отошедших ко Господу. Нет, они и не помышляли с хрипом «агитировать» меня в пользу религии. Но мои глаза и моя душа были достаточно широко открыты Богом! И я помню висящий над моим изголовьем нательный крестик; это, пожалуй, самое раннее мое воспоминание. Помню спальню моей прабабушки, Татьяны Дмитриевны Джержицкой, уставленную образами, вечно открытый молитвенник на столе... Православный напев проник в мою душу через вереницу народных сказаний и былин перед сном... Повествования о странниках, юродивых, святых; о православных праздниках и обычаях на Руси... Как родовое наследие получил я свидетельства о Божественных откровениях, которых удостоился в прошлом веке прапрадед мой Иван Комаров за три дня до своей кончины — о том, что уже стало и что ещё будет; о грядущих судьбах мира... Мои крестные были не формально — по духу глубоко верующими православными. И их я отчетливо помню... И нянюшки мои, а их сменилось за мое детство три или четыре, простые деревенские девушки, никогда не похулили при мне Бога...

Шли годы. Детство сменилось отрочеством. Школа. Вся моя робкая, детски-тепличная религиозность напрягалась под напором оголтелого безбожия, запряталась в тайники души. И выдюжила неравную схватку!.. Но я рос, а правильно религиозно развиваться не мог. Рано начавший читать, что религиозного мог я прочесть в свои 10-11 лет? Дома у нас, в сумятице эпохи, «страха ради иудейска», ничего не сохранилось. А у кого спрашивать почитать?.. Прабабушки мои уже весьма одряхлели, да и передали мне всё, что могли. Заходил один во храмы. Но мало что понимал... В 13 лет я поехал на каникулы в Северный Казахстан, к деду, теперь тоже покойному. Ему, Василию Степановичу Кабурнееву, обязан я весомой толикой надежды на жизнь вечную — у него обретено было впервые старинное Евангелие, на церковно-славянском языке. Охваченный счастьем, привез это Евангелие домой, с горем пополам принялся читать... А спустя некоторое время сошелся с сектантством. Услышал их из зарубежной передачи, зашел в молитвенный дом. И поразился!.. Евангелие звучит доступно, по-русски... Друг с другом общаются запросто, по-братски... Познакомился. И зачастил туда. Приметили мою искренность, стремление к духовному развитию... Постепенно выдвинулся проповедником одной из баптистских общин Подмосковья... Не удовлетворенный баптизмом, стал проповедником пятидесятников... Посещал и другие секты... Посещал и православные церкви, чем вызывал косые взгляды сектантских пастырей... Много читал, день-деньской разыскивая что-нибудь... Молился... думал... Моей последней проповедью была та, где я привел, сославшись, мысли из прослушанной на неделе беседы Владыки Иоанна, Архиепископа Сан-Францисского, и цитаты св. Отцов... Далее последовал назревавший давно взаимный разрыв идейно с сектантством. Я, слава Богу, понял, что сектантский динамизм во многом ущербен, и покаянно вернулся в лоно Церкви.

Минуло два года. Но что же теперь? Вижу: бедствует Православная Церковь, вдвойне бедствует от боязливого молчания клира и мирян, за малым жертвенным исключением! Немногие сохранившиеся храмы (они — «многие», если только их сравнивать со сталинскими планами «быстрого искоренения религии из сознания масс»!) напоминают рекламный проспект для иностранных туристов... Способствуя развитию международного туризма, а соответственно, валютного дохода государству, сооружено знаменитое «Золотое кольцо» древнерусских городов. Но можно ли спокойно сознавать христианину, что практически вся «право-

славная экзотика» в виде церквей и монастырей по нему бездействует?! Атеизм снисходительно предоставляет самодовольным туристам с тугим кошельком охать и ахать на поверженные под его пяту святыни... Вспомню Владимир. Прошлым летом я приехал в него, в первый раз. На горе высится издревле знаменитый монастырь. Поднимаюсь по улице, что тянется вверх вдоль стены. Дошел до поворота, направился к воротам по другой улице, кажется, III Интернационала. Знал, конечно, — давно закрытый монастырь. И всё же, дай, думаю, зайду, поклонюсь вековой твердыне православной. Вот и ворота. Привычно сосредоточиваюсь, как в Троице-Сергиеве, осенил себя крестным знаменем, поклонился низко, выпрямился, чтоб войти, да прочитал вовремя: «Владимирское УКГБ»! Не глумление ли это, не надругательство ли над православной верой?! А действует, оказывается, от всего монастыря — один храм. Как действует? Мне, например, и ступенек в тот раз не досталось, — стоял не то что за порогом — и до него не дошел... В селах, в деревнях церкви рушатся, либо давно разрушены... В городах в среднем 1-2 церкви... И это в православной России!! Откройся завтра сотня новых церквей — тотчас найдут своих прихожан! в Польше, мне известно, — официально разрешено открывать ежегодно три новых прихода. Разумеется, — восстанавливать и ремонтировать старые, подобно нам, — у них тоже есть нужды... Так неужели слово кардинала Вышинского звучит более веско и действенно, чем долгожданное слово Православного Первоиерарха?!

В «действующих» храмах по праздникам нельзя перекреститься — стеснен, если попал, со всех сторон, — руки не пошевелишь... Старушки от жары и духоты падают в обморок; при мне старушка едва не умерла от сердечного приступа... Речь о санитарных нормах площади заходит лишь тогда, когда появляется гласное или негласное предписание закрыть храм... А до этого?!

Нет православной литературы. Жалкие крохи достаются «из-под земли» за бешеные деньги. Мне, например, если что-нибудь выторговать у спекулянта, — значит затянуть ремень, перейти на сухой паёк. Официальная атеистическая пропаганда заверяет весь мир, что верующие «обеспечиваются необходимой литературой». Почему же Вы, Ваше Святейшество, не возвысите голоса за честное исполнение этих, хотя бы, уверений?! Насущный минимум, который соответствует законодательствам всех стран европейской цивилизации, не противоречит и советскому законода-

тельству, при следовании ему в духе Хельсинского Совещания, — в отношении православной литературы:

ОБЕСПЕЧИТЬ СВОБОДНОЕ ИЗДАНИЕ И СВОБОДНУЮ ПРОДАЖУ (не через киоски, зачем пугать атеистов! — через храмы) Библий и Евангелий (в неиссякающих количествах!), молитвенников, катехизисов, толкователей Писания, творений св. Отцов Церкви, житий святых... и, желанно, в будущем — прозы и поэзии христианских авторов...

Атеистические препоны учтены! Православным для распространения своей литературы киосков «Союзпечать» не нужно — они удовольствуются СВОИМИ, отделенными Конституцией от государства, храмами... И еще: необходима литература для нравственного воспитания детей в православном мировоззрении! По милости Божьей, «Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования» («Ведомости Верховного Совета СССР» от 2 ноября 1962 г. № 44) обосновала и узаконила в международном масштабе извечную потребность христиан:

Ст. 5

1. Государства, являющиеся сторонами настоящей Конвенции, считают, что:

.....
б) родители и, в соответствующих случаях, законные опекуны, должны иметь возможность... обеспечивать религиозное и моральное воспитание детей в соответствии с их собственными убеждениями.

Но... нет никаких христианских первоисточников! В изложении для детей — особенно! А между тем, 2-ой пункт ст. 5 Конвенции гласит:

2. Государства, являющиеся сторонами настоящей Конвенции, обязуются принять все необходимые меры, чтобы **ОБЕСПЕЧИТЬ** применение принципов, изложенных в пункте 1 настоящей статьи.

И, наконец, ст. 9-я:

«НИКАКИЕ ОГОВОРКИ К НАСТОЯЩЕЙ КОНВЕНЦИИ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ!»

Не допускаются, Ваше Святейшество!.. Не остается ли только добиться законного?!

Хотелось бы написать еще о многом, однако считаю — коснулся перво необходимого:

1) восстановления поруганных, загаженных церквей — снеженных до земли, разрушенных наполовину, заколоченных, превращенных в склады и помойки..; открытия новых церквей (и монастырей);

2) свободного издания и распространения повсеместно по храмам душевспасительной, ортодоксально-православной литературы.

Эти насущные вопросы молят о положительном решении, ибо необходимы православным, как хлеб и вода! От Вас, Ваше Святейшество, уверен, все искренние православные ожидают решительного ходатайства об их нуждах, о нуждах Русской Православной Церкви!!

Однажды Вы, Владыко, совершали елеосвящение в Богоявленском (Елоховском) соборе. Не в состоянии перекреститься от многолюдства, ждал я случая подойти под Ваше благословение. Вы тогда благословили меня и мое терпение. Но мог ли я вымолвить, исповедать Вам нужды? — сзади напирала толпа... И показала мне форма **ОТКРЫТОГО ПИСЬМА**, не пряча свечу под колпак, — единственно верной...

Заступи Вас Матерь Божья! Аминь.

Вашего Святейшества смиренный послушник,

Андрей И. Кабурнеев-Хоругвин

Москва, по Р.Х. июня 20, 1976.

Мой адрес: Москва 117465
ул. Теплый Стан
4-й мкр-н; корп. 44; кв. 85

СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ ПИМЕНУ

Открытое письмо.

Ваше Святейшество!

Хочу поделиться с Вами своими мыслями о некоторых сторонах нашей церковной жизни, известных практически всем христианам в нашей стране достаточно хорошо. Я полагаю, что принцип соборности подразумевает возможность подобных обращений. В данном же случае я чувствую себя нравственно обязанным, ввиду явного неблагополучия нашей церковной жизни, высказать своё мнение откровенно и в форме открытой для всех.

Не сомневаюсь в том, Ваше Святейшество, что Вы знаете о расстройстве нашей церковной жизни гораздо больше меня, равно как знают о том и представители Московской Патриархии, которые тем не менее, вопреки совести и фактам, которые я приведу ниже, распространяют за рубежом лживую легенду о мнимом благополучии Русского Православия. Легенду настолько лживую, что даже коммунисты Западной Европы, опасаясь запачкаться об неё, заявляют официально, что они осуждают преследование религии в Советском Союзе.

Даже при поверхностном знакомстве с православной паствой бросается в глаза РЕЛИГИОЗНАЯ НЕОБРАЗОВАННОСТЬ ПОДАВЛЯЮЩЕГО БОЛЬШИНСТВА ПРИХОЖАН, являющаяся, как нетрудно догадаться, следствием того, что они просто-напросто лишены возможности приобретать для своего образования в наших храмах хоть какую-то христианскую литературу, включая самую необходимую, — ни Священного Писания, ни катехизиса, ни молитвенника. Даже листочек церковного календаря можно приобрести лишь по большому знакомству. О богословской же и святоотеческой литературе и говорить нечего. Те тиражи Евангелий и молитвенников, а также «Богословских трудов» и «Журнала Московской Патриархии», которые издаются, относятся к действительным нуждам православных, как капля к морю. В буквальном смысле. Но и их-то печатают у нас, как догадались уже многие, в основном для иностранных гостей и зарубежных прихожан Московской Патриархии, чтобы было на что сослаться для доказательства нашего благополучия. Но не фальшиво ли оно, если

в свободную продажу для простых прихожан эти книги никогда не поступали?.. А они ведь действительно не поступали. Убедиться в том, что православные прихожане фактически лишены возможности приобретать самую необходимую для своего образования христианскую литературу, чрезвычайно легко. Для этого нужно лишь обойти все храмы Москвы с простодушной просьбой — нельзя ли приобрести хотя бы какую-нибудь религиозную книгу?.. — и получить одинаковый отрицательный ответ в каждом из них. Об остальных же городах и говорить не приходится. Между тем, без знания Священного Писания и постоянного обращения к нему вера народа православного терпит колоссальный урон. «ГИБЕЛЬ НАРОДУ БЕЗ СЛОВА БОЖИЯ», — писал наш великий православный мыслитель Фёдор Михайлович Достоевский.

В связи с таким положением напрашивается самый естественный вопрос: почему Московская Патриархия не удовлетворяет столь насущные и вполне законные религиозные нужды пасомых?.. В чём тут дело?.. НЕ ХОЧЕТ она их удовлетворить (но что же тогда это за папство?) или НЕ МОЖЕТ, НЕ ИМЕЕТ ПРАВА?.. Кто виноват в бедственном состоянии православной паствы — Московская Патриархия или гражданские власти, не позволяющие ей осуществить чаемое? Или, может быть, дело здесь в том, что Русская Церковь столь бедна, что просто не может печатать религиозную литературу в размерах, достаточных для удовлетворения нужд паствы?.. Но это опять-таки свидетельство нашего благополучия. Бедность есть бедность, её стыдиться никому не пристало. Но зачем же в таком случае жертвовать на посторонние цели, далёкие от церковной жизни, а не молить о христианской помощи другие народы?.. Почему не ходатайствовать перед Советским правительством о дозволении получать помощь от зарубежных христиан хотя бы в виде Евангелий?.. Или подобные ходатайства у нас — это уже преступление перед Советской властью?.. В советских законах об этом нигде не сказано.

Если же причину нашей христианской нищеты церковное бесправие в его чистом виде, являющееся следствием дискриминационной политики воинствующего безбожия, то не лучше ли сказать об этом прямо, чтобы весь мир знал о том, что его ожидает с торжеством коммунизма на всей планете?.. Не исключаю того, что в этом случае, может быть, нашу Церковь просто отменят «по просьбе трудящихся», но зато в остальном-то хоть мире возобладает благоразумие. А может быть и не отменят?.. Может быть, тогда только и начнётся подлинное христианское возрожде-

ние в нашей стране, которое перекинется на другие, ныне секуляризированные народы?.. От молчания и криводушия мы не можем выиграть ничего, мы будем лишь продолжать разлагаться и умирать медленной смертью. Зато от правды мы выиграем в любом случае.

Как бы символом нынешней униженности Православия являются продаваемые в наших церквах отштампованные на бумаге иконки. Но почему же, Ваше Святейшество, Московская Патриархия не организует по всей стране иконописные мастерские для нужд верующих, для торжества красоты нашего пресветлого Православия?.. Или желающих не найдётся стать иконописцами?.. Да ведь уже сейчас, безо всякой материальной мзды, повинуюсь только радости сердца, люди стали писать для себя и для близких иконы. Или в народе нашем нет потребности в каноничных православных иконах?.. Вопрос, разумеется, риторический. А может быть власти гражданские не разрешают открывать иконописные мастерские в страхе перед силой настоящей иконы?.. Или власти согласны, а вот сама Московская Патриархия не хочет, предпочитая возрождению столь славного на Руси иконописания надёжный машинный штамп?.. При том гробовом молчании, которое так характерно для представителей Московской Патриархии во всех случаях, когда сказать нечего, не разоблачая себя, — остаётся лишь гадать, которое из предположений ближе к истине. Власти ли не позволяют?.. Или сами не хотят?.. Однако и то и другое одинаково разрушает легенду о нашем мнимом благополучии.

Не прогневайтесь, Ваше Святейшество, я продолжу свои, может быть, не особенно приятные для Вас вопросы.

Почему бы Московской Патриархии не ходатайствовать перед Советским правительством о дозволении открывать при действующих церквах православные школы для религиозного образования верующих и их детей?.. Ведь в ходатайстве нет, собственно, нарушения закона. Одно дело нарушать законы, другое дело ходатайствовать об их изменении и улучшении. Вы же сами хотите, Ваше Святейшество, я уверен, изменения нынешнего, явно удушающего Церковь, законодательства. Или Вы не против удушения Церкви?.. Почему в коммунистической Венгрии и в коммунистической Польше воскресные школы существуют, а у нас, в Советском Союзе, — нет?.. Право на религиозное образование должно быть неотъемлемым правом всякого советского гражданина.

Почему бы при той беспросветной нищете на религиозную литературу не походатайствовать о дозволении открывать при церквах христианские библиотеки для прихожан, в которых они могли бы получать необходимые для их религиозного образования святоотеческие и другие книги?.. Или Вы, Ваше Святейшество, считаете, что они были бы вредны?.. Не были бы полезны для возрождения христианства?..

Почему бы — продолжу свои вопросы — Московской Патриархии не рассекретить количество и размещение действующих в стране православных церквей?.. Кому этот секрет нужен — христианам или безбожникам?.. Разумеется, безбожникам. Хотя церкви совсем не похожи на ракетные установки.

А почему бы об угрозе всякого нового закрытия храма не доводить до всеобщего сведения?.. Ведь это же касается всех христиан России. Если будет настоящий досмотр за каждым храмом всего православного народа, то ни один храм на Руси больше не закроется. А сколько тысяч закрылось уже при полнейшем попустительстве разьединенных с церковным народом пастырей?..

Почему бы не позаботиться и о нуждах сотен тысяч и миллионов православных людей, лишённых ныне всякого церковного окормления из-за удалённости мест их проживания от ближайших действующих церквей, ходатайствуя об открытии новых церквей или, в крайнем случае, молелен и дозволении священникам хотя бы по большим праздникам приехать в эти последние для совершения в них треб?.. Было ли со стороны Московской Патриархии хотя бы одно подобное ходатайство?.. И если было, то чем оно закончилось?.. Боюсь, однако, что не было ни одного. Между тем, узнавать со страниц свободно продаваемого в церквах ЖМП об открытии и нуждах новых церквей и молелен было бы так отрадно, а об отказе и причинах отказа гражданских властей в открытии новых так полезно. Или нет, Ваше Святейшество?.. Или благосостояние православных церквей и всех православных, разбросанных по всей великой Отчизне нашей, касается только одних высших пастырей, оторванных от народа церковного?..

Почему бы также не позаботиться о нуждах верующих людей, находящихся в рядах Советской Армии или в местах заключения, ходатайствуя об их праве иметь при себе Новый Завет, катехизис и молитвенник, а также о праве хотя бы по большим праздникам исповедоваться и причащаться?.. В настоящее время, в полном противоречии с Конституцией СССР, они лишены воз-

возможности удовлетворять свои даже минимальнейшие религиозные потребности.

Далее. Почему, когда в советском законодательстве, в вопиющем противоречии с Конституцией СССР, Декларацией о правах человека и Конвенцией о борьбе с дискриминацией в области образования, была утверждена ужасная статья, обязывающая верующих родителей воспитывать своих детей в коммунистическом, т. е. в безбожном, духе, Московская Патриархия даже и бровью не повела, будто это её совсем не касается?.. Ваших же пасомых, Ваше Святейшество, в законодательном порядке обязали быть иудами по отношению к Богу, Церкви и собственной совести, а Вы в лице Ваших представителей продолжаете утверждать, что Русская Церковь никем не гонима. Как это совместить с доброй совестью Архипастыря?.. Дайте ответ, каким образом свобода совести в СССР сочетается для верующих с законодательной необходимостью ломать себе душу, проповедуя своим детям безбожие?..

Покрывательство бесчеловечности в любых её формах, законодательной и противозаконной, не может быть истинно-церковной позицией по отношению к любому государству, не исключая и Советское государство. **ДОБРАЯ СОВЕСТЬ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО.** Защита законными средствами законных интересов Церкви от распоясавшегося безбожия это вовсе не проявление нелояльности к советской системе, как демагогически утверждают Ваши представители, а самое необходимое ответственное служение общим интересам Церкви и Государства. Ибо Государство, в котором бесчеловечность не встречает осуждения, обрекается на внутреннее безостановочное разложение. В таком государстве теряется доверие и уважение ко всему высшему, верх берут низменные интересы, а это уже грозит государству развалом в будущем, ибо никогда ещё ни одно государство не держалось исключительно внешними скрепами — и не продержится. Так что подлинная лояльность к любой государственной системе должна заключать в себе помимо религиозного почитания самого института государства и уважения непротивных совести законов ещё и дух противления бесчеловечности, очищающий дух доброй совести.

Мне представляется, Ваше Святейшество, что для всякого нелукавого христианина не страдать о нынешнем нашем христианском нищенстве и несправии невозможно, не желать исцеления наших болезней и не предпринимать реальных усилий ради него противоестественно. Мне представляется также, что невозможно

не сожалеть открыто, когда законные ходатайства Церкви встречают отпор или месть со стороны деспотического безбожия.

Можно не сомневаться в том, что устранение из советского законодательства и советской практики деструктивных моментов нравственно оздоровит советское общество, ибо соединит его с тысячелетними нравственными корнями России и укрепит Советскую власть, ибо ликвидирует почву для произрастания антисоветских настроений и привлечёт на сторону гармонизированного Советского государства миллионы сознательных патриотов.

Есть серьёзные основания надеяться на то, что в недалеком будущем советские руководители поймут это и пойдут навстречу собственным интересам, а также мировому общественному мнению и ходатайствам нашей Церкви. Подобное изменение государственной ориентации необыкновенно повысит международный авторитет Советского Союза и сыграет **РЕШАЮЩУЮ РОЛЬ** в достижении столь желанной разрядки международной напряженности.

Правильно поняты интересы Церкви и Советского государства — едины. Они в созидании подлинно человеческого общества на земле. Но кроме того они едины ещё и в силу особенностей нашей истории. Советскому государству по глубочайшей сути дела **НУЖНА** Православная Церковь и **НЕОБХОДИМО** грядущее преобразование нашей страны в православно-теократическом духе, ибо только такое преобразование оправдает и спасёт Советскую власть от беспощадного приговора истории. Но нельзя умолчать о том, что и Православию, находящемуся ныне в параличе, **НУЖЕН** религиозно-исторический феномен Советского государства для своего торжества в истории, ибо в нём, в этом феномене, центр исторического богоборчества и начало всемирного изживания секуляризма, в нём возрождённый в новой силе институт государственности, буквально жаждущий (институт!.. но пока не его функционеры) наполниться самой положительной религией для служения Церкви и людям.*

Говорю это всё для того, чтобы ещё раз подчеркнуть, что осуществление законных интересов Церкви никогда не поставит

Редакция **Вестника** не может обойти молчанием этот фантастический и порочный аргумент. Совершенно очевидно, что то государство, которое признает полезность религии и Церкви — уже не будет советским, ибо тем самым откажется от той марксистско-ленинской идеологии, которая является единственным источником его "законности". Советская власть существует не по народному изволению, а в силу "научной истинности" марксистских догм.

её во враждебные отношения к советскому строю, ибо без советского строя с его сокровенно-религиозной природой и с его потенциальными возможностями Православие в нашей истории окажется не реализованным социально.

Ваше Святейшество!.. Прошу Вас ответить на это моё письмо по существу, не придавая слишком большого значения погрешностям формального порядка. Если я тяжко не прав в своём обращении, то ответьте мне столь же резко, но столь же и искренне, как это сделал я.

Москва, 15 июля 1976 г.

Геннадий Шиманов.

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении её мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

Свящ. Димитрий ДУДКО

ОТВЕТ НА ПИСЬМА МОИХ ДУХОВНЫХ ДЕТЕЙ

Ко мне поступил ряд писем от моих духовных детей. Писем тревожных, взывающих, писем, не дающих оставаться равнодушным. Да и как может не отозваться духовный отец на крик своих духовных детей? Тем более, что выслушать их сейчас и никто так не может, как духовный отец.

Вот выдержки из этих писем, выдержки-крики.

«Мне некому, кроме Вас, рассказать о неприятностях, внешне обрушившихся на меня».

Как видите, я даже являюсь единственным, кому могут поведать.

«А моральная поддержка так необходима!» — это уже обязывает духовного отца. «У меня нет сил оставаться наедине со своими переживаниями».

Переживания испугали её и ей нужно помочь.

О чем же они, эти переживания?

«14 июля с.г. за мной и моим другом была установлена слежка. Два сотрудника КГБ действовали грубо и беззастенчиво. Когда мы ехали в метро, один из них, более откровенный и наглый, ударил меня, закричав при этом: «Что ты путаешься под ногами?» Несколько часов они ходили за мной, держась на расстоянии 1-1,5 метра, и я ощущала их гнилое дыхание у себя на затылке. На улице меня снова ударили, воскликнув: «Что ты ходишь по ногам?» привлекая внимание прохожих. Они преследовали меня до квартиры и пытались войти вместе со мной, но я вовремя успела уйти к соседке. Когда же через час я вернулась в сопровождении приятельницы, то агентов уже не было, но замок был поцарапан и странно развернут. Его явно стремились открыть».

Страшные переживания ... Духовную дочь преследуют представители власти КГБ. Что может ее духовный отец? Тем более, что те же представители власти преследуют и ее духовного отца, о чем уже многим известно. Как защитит гонимый духовный отец гонимую духовную дочь? Тем более, что защита может расцениваться как политическое выступление?

Но... пастырь добрый душу свою полагает за овцы своя... Вот он выход — положить душу свою за овец своих!

И поэтому — в сторону все страхи. Представители власти, как беззаконники, преследуют... — об этом нельзя молчать!

«Я находилась в полнейшем смятении, когда раздался звонок по телефону и меня вызвали «на беседу». Около трех часов меня допрашивали в КГБ.»

Может быть моя духовная дочь — политический деятель? — и в таком случае я не должен быть равнодушным. Перед священником прежде всего человек с его запросами, и священник должен любого понять и помочь. Об этом моя забота, а не делить людей на политических и не политических.

Однако, что за причина, почему допрашивают мою духовную дочь?

«Поводом послужило мое знакомство с Сашей Огородниковым».

Саша Огородников, Александр — мой духовный сын. Как всё переплетается.

«Они старались представить его мне и моей маме (приехавшей позднее) как порочного и морально разложившегося человека, что уже является клеветой».

Я тоже говорю — клевета, потому что Сашу я знаю совершенно другого. Будем терпеливы в чтении жгущих писем.

«Всеми силами они пытались заставить меня отказаться от определения Саши как глубоко порядочного, честного человека, предлагали вычеркнуть из объяснения добрые слова о нем».

Нет, это должны все знать, кто здесь порядочный и кто морально разложившийся.

Вслушайтесь в слова, которые дальше...

«Меня пронизывает ужас за Сашу, его судьбу. Безусловно я осталась при своем мнении, но как страшно, что они пытаются насильно разъединить нас, друзей, внести смуту и раздоры».

Разъединить друзей, внести смуту и раздоры! — вы слышите вопль моей духовной дочери?!

«Исчерпав все доводы, они начали клеветать на вас, батюшка. Они сказали, что якобы вы во время войны сотрудничали с фашистами, явно спекулируя на чувствах моей мамы. Я пыталась что-то произнести в вашу защиту, но меня резко одернули, пользуясь присутствием матери, почти доведенной до сердечного приступа (вечером с ней действительно случился приступ). Показали вашу фотографию и охарактеризовали вас как «гносного человека и предателя». Простите меня, Дмитрий Сергеевич, за невольное повторение этих страшных слов».

Не извиняйся, моя духовная дочь Марина, я и сам знаю этих клеветников. Они уже давно, эти мнимые представители власти, клеветают на меня. Они во всем видят себе подобное. Сами развращенные, аморальные иначе и не могут: им везде чудится их собственный грех.

Хочу еще добавить. КГБ не только в органах госбезопасности. Вот секретарь Орехово-Зуевского райкома Литвак. Когда со мной расторгли договор и верующие поехали защитить меня, она им сказала:

— А вы знаете, кого защищаете? Он ведь с фашистами сотрудничал, он ведь сидел в заключении... — и шепотком: — но это между нами...

Вот как распространяется клевета!

Верующие об этом рассказали мне, а я рассказываю всем, кто может слышать.

Трушин, уполномоченный по церковным делам, тоже говорил: он с фашистами сотрудничал. А Куроедов, министр по культам, не постеснялся обнародовать в газете (см. Известия). Когда у меня был обыск, мне грозили: с вас судимость не снята.

Эти представители власти клеветают даже на свою власть!

Действительно, я сидел, но моя судимость — это акт беззакония, о чем однажды и сами сознались, выдав мне документ, что с меня снята судимость и поражение в правах. Но теперь вот хотят это беззаконие объявить законностью.

Что пишет дальше моя духовная дочь?

«Из уст этих холеных, откормленных людей лились потоки не только осуждения, но злобы и лжи. Зачем все это?»

Да, зачем все это? Зачем клевета, разделения, во имя чего? Преступность у нас приняла громадные размеры. Казалось бы, всем надо объединиться на борьбу с этой преступностью, а тут разделяют! Гибель ведь захватит в свой водоворот и их, неужели этого не понимают?

Далее духовная дочь описывает одного из следователей.

«Одному из следователей, Сергею Павленко, на вид около тридцати лет, т. е. совсем молодой человек. Откуда же в нем столько ненависти, злобы? В конце концов один из допрашивавших сказал мне: «И вот этот «страшный» человек (это о Вас, Дмитрий Сергеевич) является духовным отцом Саши». И провел между Вами и Сашей Огородниковым параллель, из которой следовало, что даже знакомство с Вами, батюшка, ставится в вину и служит причиной для уголовного преследования».

Вы слышите, читатель, где бы вы ни были? Я хочу, чтобы вы услышали. Интересны и дальнейшие слова из письма моей духовной дочери, выслушаем и их.

«Я чувствую, что на меня обрушилась грубая животная сила, которой трудно, но необходимо противостоять».

Спасибо тебе, духовная дочь, что у тебя такое ясное сознание.

«Страдаю не только я, но и мои ни в чем неповинные мать, младший брат. Моей маме было прямо сказано, что нашу семью ждут большие неприятности, если я не прекращу знакомство и общение с Сашей. Даже мой брат, не имеющий никакого отношения к моим друзьям, подвергся преследованию со стороны представителей органов власти. В наше отсутствие вокруг нашей дачи под Загорском была установлена слежка. Но этого мало. Чтобы добить морально нашу семью, заставить нас задыхаться от страха, гебисты начали обходить под видом следователей уголовного розыска наших соседей и распространять клеветнический слух о том, что мой брат, катаясь на мопеде, подобрал неизвестного старика с перебитыми ногами и привез его в больницу. С дачи вернулась смертельно испуганная бабушка, старушка 76 лет. Она в волнении повторяла: «Что же случилось? Все соседи говорят, что ты сбил человека?»

Вся эта история со стариком — грубо придуманная ложь. Они нарушают закон своей слежкой, применяют уголовные методы для психологического давления... «Но зачем преступать границы элементарной гуманности!? Зачем доводить людей до истерик, сердечных приступов, пользуясь своим положением? Да, они чувствуют свою безнаказанность, свое право вламываться в чужую жизнь.

Я обеспокоена судьбой своей семьи. На мне лежит ответственность за спокойствие, здоровье и, в конечном итоге, жизнь мамы, папы, брата.

Но, батюшка, за наше спокойствие и тихое благополучие я не могу заплатить ценой предательства друзей». (Правильно — будь стойкой, помоги тебе Бог). «Согласитесь, что по чьей-то подлой и грубой «подсказке» нельзя отступать от того, что тебе дорого и свято». (Не отступай!!! Береги тебя Бог).

Читаем и еще дальше.

«Знакомство с Сашей Огородниковым дало повод для преследования не только моей семьи, безусловно. Хочу вам описать и то, как деморализовали, терроризировали семью Ж.Н. (имя это

я открываю вам и только вам) — поэтому и обозначаю его инициалами.

Это наш общий друг, у которого жил Саша и хранил свои вещи, рукописи и книги. Как раз вместе с Ж.Н. мы подверглись 14 июля преследованию гебистов. За день до этого, 13 июля, они обманом вошли к Ж.Н. в квартиру в его отсутствие. Дверь открыла старенькая бабушка. Узнав, что Ж. Н. нет, молодой человек, потом оказалось, что это был следователь С. Павленко, (назвался Сережей, другом Ж.Н., и провел в комнате в полнейшем одиночестве более часа. Он рылся в столах и был застигнут Ж.Н. за попыткой открыть ящик. Человек этот выкрал несколько книг.) В тот же день, 13 июля, Ж.Н. допрашивали в КГБ. Ему также ставилось в вину знакомство с Сашей Огородниковым. Требовали выдачи Сашиних книг и рукописей, на что Ж.Н. ответил, что это чужая собственность и выдаст ее только хозяин. На следующий день в квартире Ж.Н. был произведен незаконный обыск. Производился он на глазах мамы Ж.Н., тяжело больной женщины. Она с трудом выдержала эти испытания. Следствием этих потрясений явилось ухудшение ее состояния, обострение болезни. Сейчас она находится в Ленинграде на обследовании, предстоит операция.

Страдаем не только мы, на наши семьи обрушивается удар за ударом. Сколько грязи за столь короткий срок! Они выпачканы в ней с ног до головы, но хотят, чтобы брызги от их отряхиваний попали на вас, на всех порядочных и честных людей. Это им не удастся, но тяжело смотреть, как они корчатся в бессильной злобе.

Жду от Вас, батюшка, слов утешения и ободрения. Больше мне некуда, да и не к кому обратиться.»

Не к кому обратиться... Духовник — единственный, к кому могут обратиться страдающие души.

Священники! Все священники Русской Церкви, я обращаюсь к Вам, это не только ко мне обращаются, но и к Вам...

Что вы скажете? Молиться? Да, молиться нужно, но как вера без добрых дел мертва, так и молитва тоже мертва, если вы произносите одни слова. Молитва должна быть плодом всей нашей деятельности, а не только быть, по выражению, апостола «биением воздуха».

Письмо подписано. «Искренне Ваша Марина Тимонина». Поставлено число. 29 июля 1976 г. Выставлен адрес: Москва, Фрунзенская наб., д. 16, кв. 91.

Это не анонимка, это документ большой важности.

Теперь письмо самого Саши Огородникова, оно довольно длинное, выберу характерные места. Он пишет так:

«Мы, смиренные чада ваши, уже в который раз исповедуемся вам в своих тревогах, болях и испытаниях... С вашего благословения мы начали религиозные собеседования по вопросам природы и истории церкви, стремились приобщиться к глубинным родникам святоотеческого предания...

Атеисты сейчас на нас обрушили свой первый удар. Они чувствуют свою растерянность и кризис методов борьбы с нашим религиозным возрождением и начинают очень опасный «эксперимент» поиска новых, более эффективных средств борьбы с верой... всё разнообразие средств от психологического террора до избиения и заключения в психиатричку применяют к нам, вашей пастве. В КГБ знакомство с вами уже является поводом для преследования. Они стремятся разорвать нашу духовную связь с вами, психологически запугать нас, лишить вашего окормления, посеять разлад, разобщение и разорвать любовную силу христианской общины. Но мы перед лицом первых испытаний твердо заявляем о своей верности вам и в вашем лице страждущей Русской Православной Церкви. Этими преследованиями они проверяют силу нашей деятельной любви, и если православные промолчат, вовремя не ответят на этот эксперимент, то это позволит им создать плацдарм для более серьезной атаки на вас, батюшка, и всех русских христиан, по мере своих сил способствующих религиозному возрождению... Простите, батюшка, меня за смелость суждений и позвольте перейти к краткому изложению событий...*

...Вот, батюшка, каковы разворачивающиеся события. По тому, что КГБ старается собрать на вас отрицательный материал, видно, что оно издалека готовит атаку на вас с возможным выступлением в печати от «заблудших», травлей и т. д. Мы же, собираясь около вас, просим ваших молитв, благословения и поддержки.

Ваш духовный сын Александр Огородников

г. Струнино Владимирской обл., ул. Дзержинского 12.
29/7/1976 г.»

* См. это изложение в письме А. Огородникова к д-ру Ф. Поттеру.

Уже достаточно нарисована картина, но будем терпеливы, познакомимся еще с письмом Бориса Развеева, г. Уфа, (в сокращении).

«Дорогой о. Димитрий. Я — один из ваших духовных чад. Таинство крещения, принятое через ваши руки, наполнило огромным смыслом мое пребывание и пришествие в этот мир, о котором Господь сказал, что вряд ли Он найдет веру, когда придет...

Сложность нашей жизни во Христе состоит из того, во-первых, что в нас — семя атеизма («семя тли во мне есть»), во-вторых, много иных греховных свойств: страха, который от плотских привязанностей, уныния, которое от бесцельности жизни, любоначалия — от привязанности к миру сему, празднословия — от пустоты мыслей. Желание исповеди в грехах этих, переживание их в сердце, перерождение, воскрешение к новому естеству, обретение радости и смысла жизни от слияния неизреченного с высшей вневременной и внепространственной сущностью, Богом, — является гос. преступлением, подвергается нападкам клеветников-соседей, видевших иконы и приходивших друзей и сделавших незамедлительно вывод: у них — секта.

Это было со мной, и, более того, меня неоднократно вызывали в КГБ, обвиняли в распространении религиозных идей среди молодежи (мне 27 лет), угрожали посадкой в тюрьму, препятствовали получению диплома о высшем образовании. Распускали слухи, что я наркоман, защитник белой эмиграции (это за то, что я люблю русскую христианскую мысль, идущую через русских философов-богословов периода первой эмиграции: Бердяева, Франка, Лосского, Флоренского, Булгакова). Запугивали родителей моих друзей да и самих друзей отогнали от меня... Да и как не поддаться, если люди знают, что в этом мире для исповедующих Господа нет защиты, что мир перевернулся в понятии добра и зла, где искать прибежища: в официальной церкви, где требуют паспорт при венчании и крещении... Поэтому и обращаюсь к вам, о. Димитрий, скажите слово в защиту притесняемых молодых христиан. Утвердите нас в братстве христианском».

27/7-1976 г.

Вот письма. Стоит тут же вспомнить моего духовного сына Вл. Осипова, получившего 8 лет заключения.

Нет, не только Осипов, все заключенные — мои духовные дети. Вл. Буковский, А. Твердохлебов и все остальные. Неужели потому, что они в заключении, они должны оставаться без ду-

ховного отца. Кому-то надо же их окормлять, о них помнить, о них молиться... Вот поэтому всех заключенных я считаю своими духовными детьми.

Прочитав поступившие ко мне письма от духовных детей, что мне сразу представляется? Безбожники обеспокоились ростом христианского возрождения, и не идеологически: убеждение опровергать убеждением, как обычно они привыкли выражаться, а пущена в ход государственная машина, но методы не государственные, методы преступников: запугивание, клевета, шантажирование, избиение, сумасшедшие дома и т. д.

Я думал, что, определив меня на приход, поняли, что я стремлюсь, чтоб не было преступности среди населения, поддерживаю дух среди слабых и неутвержденных, но выходит, что определение меня на место — это чтобы в тишине подготовить вернейший удар мне в спину.

Да, нужно прямо сказать, что мы теперь поставлены на положение первых христиан, с нами безнаказанно могут делать, что угодно, а может быть, мы и в худшем положении, чем тогда, потому что тогда была в основном грубая сила, сейчас же к этой грубой силе добавлены достижения науки и техники. Ко всему этому страшная беда еще в том, что высшее духовенство нас оставило, не только не защищает, а своей ложью солидаризируется с гонителями.

Но унывать все-таки не приходится. Как не унывают мои духовные дети, так не унываю и я, зная определенно, что все до времени, что все случающееся с нами — не случайно, что и один волос с головы не падет даром.

Но, однако, это не значит, что нужно молчать. Все христиане должны беспокоиться друг о друге, если же не беспокоятся, то, как сказано в Евангелии: поскольку вы не сделали меньшему из них (посетить в темнице, поддержать в скорби), не сделали Мне, следовательно, им безразличен Христос.

С нами страждет Сам Христос.

В первые века христианства христиане были только на положении гонимых, теперь есть христианские государства. 20-ти вековая христианская история что-то должна же оставить, есть, в конце концов, христианские силы?! — и вот мы взываем к этим христианским силам: слышите, мы в беде?!

Мы также обращаемся и к своим правителям: неужели вы не ведаете, что органы госбезопасности разъединяют людей, вбивают клин между верующими и неверующими, дело ли гос-

органов с оружием в руках бороться против безоружных, преследовать за убеждения? Мы, православные христиане, заявляем, что ни в коем случае мы не желаем ниспровержения государственного строя, мы молимся о властях и воинстве ее, желаем процветания своей родине.

А также мы обращаемся и к своему епископату. Что случилось с Вами? Вспомните, как в первые века христианства епископы шли в первых рядах, объединяли вокруг себя христиан, а вы отделились от нас, затворились в своих кабинетах, которые вам выделили гонители. Неужели за земные блага вы продали всё святое и не слышите, как мучаются ваши братья?

Или Вы настолько испуганы, что боитесь подать свой голос в защиту? Может быть Вы думаете, что выждете лучших времен, само, мол, по себе утрясется, а сейчас бы сохранить кое-что. Но посмотрите внимательно, подумайте, взвесьте. Что Вы сохраняете: развалины храмов, опустошенные души? На чужой беде ничего не выждешь. На нашем горе верующих вы выжидаете себе лучшее будущее? Неужели это так?

Или Вы считаете сделанным дело, когда удастся что-то напечатать в журнале из святоотеческой литературы, издать украдкой Библию, которая в основном не попадает в руки верующих?

Идти за Христом — значит нужно делать не как-либо, что-нибудь, а всего себя отдать на делание Божие. Мир, зашедший в тупик от незнания Христа, гибнет, и это хорошо, что молодое поколение, воспитанное в атеистическом духе, вдруг прозрело. Не оставим же его в одиночестве бороться с Левиафаном, поспешим на помощь. Силы неравные — верно. Но Христос победил мир: не будем считать безнадежной свою борьбу. Сейчас в мире может быть последняя схватка с Антихристом. Особенно эта схватка заметна у нас в России. Быть гонимым, преследуемым, замученным — это значит побеждать. Крест — символ победы.

Христиане, не оставайтесь равнодушными, равнодушие — гибель.

А к Вам, духовная чада моя, мое особое слово. Где бы Вы ни были: под следствием, преследуемые на улицах, в психиатрических домах, в заключении, услышите голос своего духовного отца.

Стойте в вере! Будем стоять!!! Пусть ничто не отвратит нас от любви Христовой.

Безбожники использовали всё: клевету, подлог, выискивание предателей среди духовенства, но все оказалось бесполезным, те-

перь они прибегли к своему излюбленному средству: насилию, физической силе. Но давно сказано: физическая сила — бессилие. В бессильной ярости своей они не знают, что делать.

На Ваши плечи ложится в настоящее время большая ответственность. Противопоставить насилию — силу своего убеждения, клевете, лжи — правду Христову, злобе — любовь, развращенности — моральную стойкость, унынию и отчаянию — уверенность в бессмертии, пустоте земной жизни — светлую наполненность Царства Небесного, благам земной жизни, манящим и ничего не дающим, — блага небесные, которые всё дают, делают человека лучшим, бескорыстным и любящим.

Наши отцы спровоцировали время, много наобещали, а в результате — бесправие и избиение собственных детей, пьянство и развращенность. Пусть видя нашу стойкость, они поймут свою неправду.

Защитим и честь своей Церкви, безбожники и сюда проникли со своим тлетворным дыханием, всё делают для того, чтоб вместо церкви создать общество лукавствующих. Вот уже появился тип такого священнослужителя, который ко всему старается приспособиться, устраивает свое благополучие и совсем не заботится об овцах, которых расхищают злые волки. Этой церкви лукавствующих противопоставим Церковь святую, соборную и апостольскую. В Нее мы верим, в Нее входим, в Ней молимся. Такая Церковь — мать, и Она болеет о своих детях.

Помните, что какие бы ни были Ваши силы, если Вы будете уповать на Бога и молиться Ему, всё Вам будет возможно, как сказал апостол: всё могу об укрепляющем меня Господе.

А я, Ваш духовный отец, целую Ваши запекшиеся раны, страдаю и вздыхаю вместе с Вами. Помогите Вам Бог всё выдержать, не уклониться, быть честными, правдивыми, не озлобиться, не пасть духом. Бог всё видит, Он вместе с нами.

23 августа 1976 г.

В последнюю минуту

ДВА ПИСЬМА Г. ФЕДОТОВА Т. ХОДОРОВИЧ

Уважаемая Т. Х.!

В связи с последними событиями, имевшими место в Москве, о которых я пишу в этом письме, — хочу просить Вашей помощи.

Не знаю, известно ли Вам, что 15 июня с. г. разгромлен клуб московской православной молодежи на проспекте Мира в доме № 25? Детали вызовов в КГБ некоторых молодых христиан с родителями Вы можете узнать у председателя КПМа Александра Огородникова. Попытка православной молодежи собраться вместе и устраивать христианские семинары закончилась репрессиями со стороны некоторых свирепых язычников, подпавших под действие «духов злобы поднебесных», против которых и воюют христиане.

Получилось так, что лицом к лицу с сатаной и ангелами его столкнулась наша молодежь, пришедшая к своему Богу из дебрей светской заумы и суетной мирской мудрости. Но, кроме государственно-репрессивной атеистической машины, врагами молодых христиан стали советские родители, которые устраивают домашний террор молодым христианам. Родители становятся жертвами некритически воспринимаемой коммунистической пропаганды.

Римская молодёжь в VI веке собиралась на христианские собрания в катакомбах. В Москве, в XX веке, нет даже катакомб. Собраться негде, а на квартирах молодёжные собрания не устрой — очень шумно, да и хлопотно для хозяев. Значит, необходимо здание, в котором можно собираться с целью изучения Нового Завета Господа нашего Иисуса Христа, для чтения «Жития святых» и для познания святоотеческого богословия. В здании должна быть христианская библиотека, кинолекторий. Раз существует движение христианской молодежи в Москве, то оно должно иметь и соратников, и друзей за рубежом. Для этого можно под Москвой организовать летний молодёжно-христианский лагерь. Комсомольцы имеют свои клубы и спортивные лагеря, баптисты имеют место где собраться — судьба молодых христиан никого не волнует, кроме КГБ и психдиспансеров. Не могут молодые христиане XX века мыслить категориями хитромудрых райисполкомовских бабушек, которые стоят за свечными ящиками в храмах и звенят серебром. Не может молодёжь мыслить категориями советских родителей, пытающихся душировать христианство

в своих заводских квартирах с помощью участковых милиционеров и участковых психиатров. Преследования за религиозные убеждения стали массовыми в школах, техникумах и вузах Москвы. Я уже не говорю о давлении со стороны народа, склонившегося к басням.

Поймите меня, я отнюдь не пытаюсь выдавать желаемое за действительное, т. е. настоящих воцерковленных христиан очень мало, в то время как невоцерковленной молодежи, которая ходит в Церковь и ищет, мечется, вопрошает, — этой невоцерковленной молодёжи великое множество — это множество самостоятельно и не зависит от социальной психологии людей мира, ибо от Бога, и к Богу, и для Бога. По словам божественного Апостола: «Ищет славы у Бога, а не у человеков.» И по писанию: «Не надейтесь на князей, на сынов человеческих, ибо нет в них спасения!» «Всяк человек ложь».

Движение молодёжи в Церковь началось в Москве по воле Божией, иначе бы так не встрепенулись власть имущие. Это убийственно для седых буденовцев, потому что правдиво и ясно, как утренняя роса, чисто. Вот явление, достойное того, чтобы войти в историю Церкви как трезвление русского народа.

Вокруг Саши Огородникова собралась православная, интеллигентная молодёжь. Всё трезвое человечество должно встать на защиту московской православной молодёжи. Общественность всего мира должна заклеить позором атеистов со шприцами в руках. Довольно террора. И еще надо заступиться с ещё большей силой за Владимира Буковского и за всех узников совести, в тюрьмах и сумасшедших домах находящихся.

Спаси Вас Господи.

С глубоким уважением Георгий Федотов.

9 октября 1976 г.

Уважаемая Т. Х.!

Уже на протяжении пяти лет я подвергаюсь психиатрическому преследованию за свои религиозные убеждения (1971 - 1976 г.г.). Ранее меня подвергали преследованиям сотрудники КГБ (1963-1971 г.г.). (Простите, очень тяжело писать: бред больных, ругань санитаров и тяжёлый запах, от которого тошнит... кружится голова). Я нахожусь в 14-й больнице, в 8 отделении, заведующий

отделением Левицкий Владимир Яковлевич. Сюда меня доставили три милиционера из 41-го отделения милиции г. Москвы, якобы для того, чтобы поговорить с врачом. Они мне сказали, что их послала врач психдиспансера от 14-й психбольницы Соломахина и что они меня повезут в диспансер, а потом отвезут после разговора домой, в мою квартиру № 347 дом 38 по Шипиловской улице г. Москвы. Но вместо диспансера меня привезли в приёмную 14-й больницы, где на моих глазах оперативник передал врачу-дежурному документы о помещении меня в сумасшедший дом. В них было написано, что я «вышел из повиновения диспансера» и что меня доставили для насильственного прохождения ВТЭКа с целью навязать мне вторую группу инвалидности. Тогда я предупредил, что я не считаю себя психически больным, что я являюсь членом совета Клуба православной молодёжи г. Москвы. «Мы это знаем, — сказала дежурный врач, — у нас даже записано, что Вы только что возвратились из Псково-Печерского монастыря.» Другой медработник вяло сказал: «Что-то за последнее время к нам стали много верующих привозить.» Меня раздели догола, сорвали кресты, угрожая в случае сопротивления связать, и отобрали «Новый Завет» Господа нашего Иисуса Христа, сказав, что здесь нельзя носить кресты и молиться, а тем более читать Евангелие. Потом меня голого посадили в грязную ванну и обливали водой. Я решил терпеть, чтобы не реагировать на провокацию. Сначала меня привели в 3-е отделение, потом в 4-е, потом опять в 3-е отделение, потом опять в 4-е отделение, в котором меня после унижительного взятия анализов бросили в наблюдательную палату 4-го отделения, одев в старую негодную пижаму и дав никуда не годные тапочки, в которых торчали гвозди так, что я поранил себе ногу. В воздухе стояло облако табачного дыма и матерщина, которая внезапно сменилась богохульством против монахов со стороны одного больного и санитаря. Они говорили гадости про монахинь и ругались при этом матом, причем разговор об этом возник сразу, без видимой на то причины. Тогда я начал увещевать разбушевавшихся язычников и рассказал им о том, что они тоже образ и подобие Божие, что нельзя злиться и надо терпеть и свидетельствовать о Христе.

Утром они попросили у меня прощение. Потом меня внезапно перевели в 8-е отделение и взяли из вены кровь на анализ. Санитары без видимых на то причин стали вдруг меня уговаривать, чтобы я отрекся от Бога, что если не отрекусь, то меня живым навечно замуруют, а потом про меня стали распространять

слухи, что я сектант из деревни Любочаны Московской области, что меня привезли успокоить. Сделали мне укол трифтозина и под дикие крики сумасшедших и матерщину я провел в кошмаре целую ночь и целый день. Потом вдруг внезапно мне назначили лечение галоперидолом. Врач отделения, Левицкий Владимир Яковлевич, прямо заявил мне, что он не верит в Бога, а верит в науку. Но наука Левицкого оборачивается страшным психогеноцидом против веры.

Уважаемая Т. Х., прошу Вас сообщить обо мне ВСЦ и лично доктору Филиппу Поттеру, что меня «лечат» от веры в Бога. И пусть комиссия ВСЦ разберется в моей судьбе. Мне есть что рассказать о судьбах христиан-исповедников в СССР.

Спаси Вас Господи!

Георгий Федотов.

13 сентября 1976 г.

Люди и факты

Борис МИХАЙЛОВ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Председателю Всемирного Совета Мира д-ру Р. ЧАНДРА*

Многоуважаемый г-н Председатель!

Будучи отцом четырех детей и искренним сторонником мира, я разделяю пацифистскую направленность Стокгольмского Обращения. Однако, на мой взгляд, оно нуждается в некоторых дополнениях. Мне кажется, что следовало бы точно обозначить весьма широкий круг государств, которые не подпадают под традиционное определение «империалистических», но экономика которых всё более приобретает военизированный характер, армии превышают потребности обороны, вооруженные силы находятся далеко за пределами страны и которые широко практикуют поставку оружия иным государствам, какими бы мотивами ни обосновывалась подобная практика. Отсутствие точного адреса Обращения побудило меня воздержаться от подписания настоящей редакции этого документа.

К сожалению, в учреждении, где я работаю, кампания по сбору подписей под Стокгольмским Обращением превратилась в проверку лояльности, выявление и безжалостное преследование всякого инакомыслия. Извращая мои взгляды, меня объявили сторонником войны, подвергли диффамации, грозят увольнением с работы, что повлекло бы утрату источника существования всей моей семьи. Уместно заметить, что оказываемое на меня давление противоречит миротворческому духу Обращения и принципу добровольного участия в распространении и подписании этого документа. Насколько мне известно, мой случай не единичный, что тем более вызывает необходимость открытого обсуждения подобной дискриминационной практики.

* Сходные письма были отправлены В. Некипеловым, Э. Орловским.

Направляя Вам, г-н ЧАНДРА, это письмо, я выражаю надежду на Вашу поддержку и заверяю Вас в своем неподдельном стремлении внести свой вклад в борьбу за мир без войны и насилия, которой посвящена деятельность Всемирного Совета Мира.

Август 1976

Борис Михайлов

Рабочий адрес: Москва 129515, Останкинский п., 5,
Останкинский дворец-музей
творчества крепостных

МОЖНО ЛИ ПЕТЬ ПЕСНИ В СОБСТВЕННОМ ДОМЕ?

Вот уже год на квартире Петра Старчика (Москва, Теплый стан, 6-й микрорайон, дом 98, кв. 111) каждую пятницу проводятся музыкальные вечера.

Старчик поет свои песни на стихи Лермонтова, Хомякова, Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама и других поэтов, в том числе современных, и много детских песен. Слушателей 20-30 человек, иногда больше.

Эти домашние вечера — явление для нашей страны уникальное и привлекает внимание не только любителей поэзии и музыки. События последних дней подтверждают это. После нескольких вызовов и бесед в районном отделении милиции, 26 августа Старчик был вызван в Московскую психбольницу им. Соловьева, где главврач Сапожникова заявила, что настоятельно советует прекратить пение песен, иначе продолжение этой деятельности будет свидетельствовать об обострении его болезни.

В 1972 году Старчик был подвергнут принудительному лечению нейрорептиками в течение трех лет в Казанской спецпсихбольнице за самиздатскую деятельность. С тех пор этот совершенно здоровый человек официально объявлен больным.

31 августа, в годовщину смерти Марины Цветаевой, у Старчика состоялся вечер, посвященный памяти поэтессы. В разгар вечера в квартиру вошли работники милиции и потребовали для переписки фамилии и адреса присутствующих. Было записано около 40 человек. Когда стали расходиться по домам, 15 человек было задержано на улице, и отпустили их только ночью. Для многих

взятие их на заметку милицией по такому поводу грозит неприятностями по работе.

Угроза главврача о новой изоляции Старчика в психбольницу — совершенно реальна. Двое детей, 11 и 5 лет, вновь могут остаться без отца.

МЫ ПРОСИМ ВЫСТУПИТЬ В ЗАЩИТУ СВОБОДНОЙ ПЕСНИ!

МЫ ОБРАЩАЕМСЯ К МОЛОДЕЖИ ВСЕХ СТРАН: ПОМОГИТЕ НАМ СВОБОДНО РАДОВАТЬСЯ СВОБОДНОЙ ПЕСНЕ!

Помогите нам радоваться песне в Москве так же свободно, как вы радуетесь в Париже, Токио и Нью-Йорке!

ВЫЗВОЛИТЕ ПЕСНЮ, КОТОРОЙ ГРОЗИТ СУМАСШЕДШИЙ ДОМ!*

Происшествие в Ногинске

Один из первых в стране памятников В. И. Ленину, находящийся в подмосковном городе Ногинске, подвергся нападению.

В ночь с 14 на 15 июня 1976 г. неизвестные унесли с памятника голову и правую руку. Обезглавленный памятник простоял до приезда работников КГБ из Москвы, после чего его закрыли брезентом. За памятником установлено круглосуточное наблюдение в лице двух милиционеров.

Преступники не обнаружены. Ведется расследование. В Ногинское отделение КГБ вызываются все лица «политически неблагонадежные». Было ли это преступление политическим актом или хулиганством, остается неизвестным. Власти хранят по этому поводу молчание.

Памятник расположен в старом рабочем районе Глухово. В течение месяца памятник был окружен двойным дощатым забором: велась реставрация. Среди местных жителей существует мнение, что нападение на памятник было протестом против резкого ухудшения продовольственного снабжения Москвы и области в это время, в особенности мясопродуктами.

Начальник Ногинского районного упр. милиции (в чине полковника) и начальник районного отдела КГБ (капитан) сняты с работы.

* По самым последним сообщениям, Петр Старчик освобожден из психбольницы.

Конференция в Клермоне *

В историю нашего Движения вписано еще одно, ставшее дорогим для нас, имя — Clermont — маленький городок около Вердена, в котором 19-го июля открылся III съезд Русского Студенческого Христианского Движения во Франции. Съезд продолжался, как обычно, неделю; собралось около 80 человек. Кроме членов наших кружков во Франции (Париж, Лион, Ницца) были гости из Чехии, Германии, Англии, Сербии, Италии и Эстонии. Особенной радостью было постоянное участие в съезде любимых Владык и пастырей: митрополита Евлогия¹, архиепископа Владимира², епископа Вениамина³, о. Сергия Булгакова, о. Александра Калашникова⁴, о. иеромонаха Андроника⁵.

День начинался литургией; затем происходили групповые занятия, которыми руководили 1) еп. Вениамин (Религиозные переживания во время Божественной Литургии); 2) Н. А. Бердяев (Основные вопросы апологетики: грех; зло и страдание; теософия); 3) о. Л. Липеровский⁶ (Установление Евхаристии в Евангелии); 4) о. Г. Шумкин (Нагорная проповедь); 5) Л. А. Зандер⁷ (Евангельские притчи и их символизм).

После лекции и обеда наступал перерыв до чая; вечер, как обычно, посвящался информации; после обеда — всенощная или

* № 9, 1 августа 1926 г. **Вестник** весь 1926 год издавался на ротаторе.

¹ Георгиевский (1868-1946) — возглавлял русские церкви в Западной Европе с 1923 по 1945 г.

² Тихоницкий (1873-1959) — был епископом в Ницце. Приемник митр. Евлогия с 1946 г.

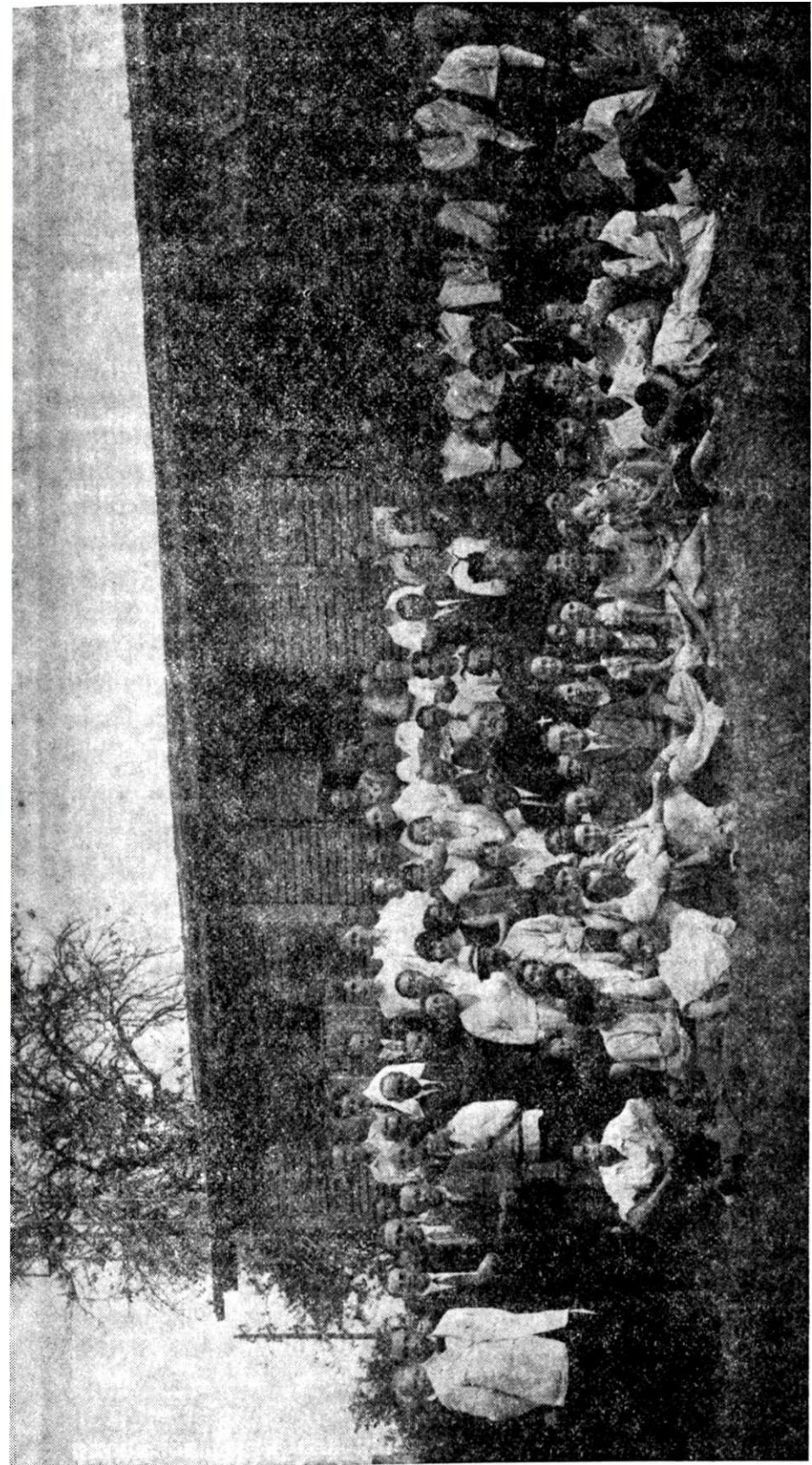
³ Федченко (1882-1962) — епископ Севастопольский. В 1930 покинул юрисдикцию митр. Евлогия. С 1934 г. он был экзархом в США. Вернувшись в 1947 г. в Сов. Союз, управлял разными епархиями, затем ушел на покой в Псково-Печерский монастырь.

⁴ Близкий друг о. Сергия Булгакова, отец Валентины Александровны Зандер.

⁵ Елпединский (1894-1958), уехал миссионером в Индию, где пробыл 18 лет (см. его книгу "Восемнадцать лет в Индии", Буэнос-Айрес, 1959).

⁶ Долголетний секретарь Движения (1888-1963).

⁷ Долголетний секретарь Движения, видный деятель экуменического Движения, богослов, друг-ученик о. Сергия Булгакова. Автор ряда книг и исследований (1893-1964).

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД В КЛЕРМОНЕ (1926)

В 1-м ряду сидящих на полу, посредине В. Н. Ильин. В 2-м ряду, 1-ый слева Н. А. Бердяев. 4-ый Л. Калашников, 6-ой митр. Евлогий, 8-ой о. Андроник Ельпединский. Среди стоящих первое слева А. В. Карташев, Б. П. Вышеславцев, справа Григорий Фетотов. В правом окне о. А. Ельчанinov.

вечерня. Помещением для съезда служили деревянные бараки Touring Club (по-видимому, еще военного происхождения). В одном из них была устроена церковь. Деревянные стены, украшенные зелеными ветками, среди которых висели иконы; сплетенное из веток паникадило; слабое освещение восковыми свечами — все это создало образ русской деревенской церковки, а стройное и строгое уставное пение (на одной из всенощных было даже антифонное пение по гласам, исполненное студентами Академии) усиливало это впечатление родной обстановки, которой соответствовал и весь образ жизни участников съезда, и темы бесед, и, наконец, живой голос из России, донесенный до нас одной из участниц съезда, только что приехавшей оттуда. Общее впечатление этого съезда — это духовная легкость, свобода, радость и уверенность в своей работе. Съезд не был перегружен идеологическими докладами и отличался удивительным единомыслием всех собравшихся. Первоначально он был задуман как съезд литургический: предполагалось, что большинство докладов будет посвящено Божественной Литургии, рядом с которыми будут сделаны только краткие информационные сообщения о жизни кружков. Однако церковные события последнего месяца изменили этот план и выдвинули новую тему, связанную с архиерейским собором в Карловцах; а информационные доклады о жизни Движения разрослись до того, что были готовы затопить весь съезд и даже урезанные и сокращенные длились всю неделю, — составив в своей совокупности как бы обзор всей жизни наших кружков. Подробный отчет о работах съезда предполагается напечатать отдельной брошюрой. Но важнейшие итоги его должны быть хотя бы в кратких чертах изложены возможно скорее: этой потребности и стремится удовлетворить настоящая заметка.

I.

Божественной Литургии были посвящены доклады еп. Вениамина (Строй Литургии), И. А. Лаговского⁸ (Проскомидия) и о. Сергия (Литургия как средоточие церковной жизни). Владыка Вениамин, в двухчасовом докладе, который с неослабевающим вниманием был прослушан всеми присутствующими, рассказал о том, как сложилась Литургия в ее настоящем виде, из каких

⁸ Долголетний секретарь Движения в Прибалтике, издатель *Вестника* (1930-1936). Арестован в Эстонии в 1940 г., погиб в заключении. (Родился в 1888 г.)

моментов она состоит, и что собственно является в ней средоточным и что молитвенно-песенным одеянием. Наименование литургией всех 4-х частей — часов, проскомидии, литургии оглашенных и литургии верных является в значительной степени условным: литургия знает, собственно говоря, только одну основную часть — совершение Св. Евхаристии; все же остальное является подготовительными моментами к таинству Евхаристии. Предварительное чтение и пение псалмов (часы), принесение и приготовление Даров для св. Трапезы (проскомидия), учительная часть литургии — чтение Апостола и Евангелия и проповедь (литургия оглашенных) — все это имеет историческое происхождение и не является основоположным для литургии, которая может иметь и другое строение (как литургия преждеосвященных даров, сходная в этом отношении с англиканской и католической литургиями). Основным же и неизменным является для литургии Евхаристический канон, состоящий из трех моментов: благодарения за установление Таинства Евхаристии, воспоминания о Тайной Вечери и призывания Св. Духа — после чего следует воспоминание о Богоматери, о всех Святых, прошения о наших нуждах и причащение Св. Даров.

Историческое происхождение современного строя литургии (следовавшего часто соображениям простой целесообразности и удобства) не исключает возможности мистически-символического его истолкования. Однако еп. Вениамин считает его позднейшим явлением, благочестивым по своему намерению, но более или менее произвольным в своем содержании. Поэтому Владыка не согласился с основным положением доклада И. А. Лаговского о проскомидии, который, исходя из органической точки зрения и полагая, что все моменты богослужения связаны между собой единством одной и той же темы, по-разному преломляющейся в каждом из них, рассматривал проскомидию как некое священнодействие, в котором уже предображена вся Евхаристия. Эта точка зрения была поддержана отцом Сергием, решительно отвергавшим исключительное значение исторического метода в литургике и утверждавшим, что каждое тайнодействие в силу внутренней закономерности необходимо символично.

Отец Сергий полнее раскрыл эту точку зрения в своем докладе «Литургия как средоточие церковной жизни». Литургия — есть Тайная Вечеря — величайшее событие в жизни Спасителя. Он благоволил ее сделать вечной вечерей, завещав ее Церкви как ее величайшее Таинство. Уходя из мира, Господь восхо-

тел вечно пребывать с миром и в таинстве Евхаристии чудесно сделал нас своими современниками, являясь нам при каждом совершении Божественной Литургии. Поэтому каждая литургия есть воплощение Господа. Он действительно пребывает на Св. Трапезе в храме, действительно глаголет нам святые слова «примите, ядите...», действительно соединяется с нами в Св. Причащении. И это не богословие, не благочестивое истолкование, не аллегория, но сама радостная действительность. Мы прозреваем ее очами веры, святые же зрели ее столь же непреложно, как мы видим телесный мир.

Литургия есть жертва. Ибо милосердие Отца прощает грешника, но не уничтожает греха. Но Бог-Правда приемлет искупительную жертву Бога-Любви, и Сын Божий снова и снова приходит в мир и заколается во времени для того, чтобы Своей Пречистой Кровью омыть наши грехи для вечности. Но жертва умиловления есть в то же время и жертва благодарения, свидетельство любви. В ней мы приносим Отцу — Сына, Который Сам вручил нам Себя, назвав нас Своими братьями и друзьями. Но, благодаря Господа за вручение нам этого страшного Таинства, мы обращаемся к Нему с мольбой: ибо в жизни мы изнемогаем от нашей немощи и нашего греха и нуждаемся в помощи Божией, которую и получаем в Евхаристии. Мы причащаемся Господу, мы приемлем Его в себя и сами становимся Им, а это является последней целью и высшим блаженством для всякой твари. Поэтому литургия есть не только средоточие церковной жизни, она есть вся жизнь в полноте и совершенстве, ее смысл, мера и цель. И если Господь даровал нам Себя в таинстве Св. Евхаристии, то задачей всей нашей жизни является быть достойным этой Его милости и, непрестанно возгревая в себе мысль о Его присутствии, творить из всей нашей жизни внехрамовую литургию.

II.

Вопрос об отношении Карловацкого собора к Движению не предполагался к обсуждению на съезде. Однако событие это является столь волнующим в жизни наших кружков, что беседы о нем прошли красной нитью через все работы съезда, причем спокойное и вдумчивое отношение к нему можно рассматривать как одно из главных достижений съезда, сумевшего в трудный момент отвлечься от какой бы то ни было страстности и объективно обсудить создавшееся положение. Вопрос этот был поставлен

при самом открытии съезда — в первой проповеди Владыки Вениамина. С обычной глубиной и проникновенностью Владыка поставил перед собой вопрос о том, правое ли дело мы делаем и можем ли мы его продолжать так же, как делали до сих пор. И, вдумываясь в это, Владыка находил ответ в том полном спокойствии и радости состояния духа, которое охватывало его, когда он думал о нашей службе Богу, о нашей работе Господу. Поэтому Владыка сказал, что если бы Господь призвал его свидетельствовать о действительности Движения, он сказал бы, что оно право, ибо в меру своих способностей и сил служит Богу Правды и Истины. Эти ободряющие слова, а также теплое приветственное письмо митрополита Платона дало правильный тон для обсуждения трудного вопроса. Последний был поставлен во всей полноте; ибо ограничиться теми определениями собора, которые осуждали дружественные нам организации В.Х.С.Ф. и Х.С.М.Л. и условно благословляли некоторые из наших кружков, и не коснуться основного вопроса о взаимоотношениях собора и митрополита Евлогия (вопроса, волновавшего всех членов съезда) — было невозможно. Но, кроме того и в связи с этим, необходимо было осветить и собственное положение Движения и выяснить дальнейшую линию поведения. Введением к пониманию современного состояния русской Церкви за рубежом послужил доклад А. В. Карташева. Причины современных церковных нестроений нужно искать в далеком прошлом. Трагедией русской Церкви всегда была ее слишком тесная связь с государством и нацией: это, с одной стороны, повлекло за собой иллюзию благоденственного существования, а с другой стороны, сближение с теми, кто носил не только меч, но и коварство, вело к подчинению Церкви государственной власти, что, парализуя многие живые силы Церкви, ослабляло ее мощь и являлось причиной многих нестроений. Многие представители иерархии с трудом могли себе представить самостоятельное существование Церкви, вне связи с той или иной государственной или политической организацией. Событием огромной важности явился указ Святейшего Патриарха о выходе духовенства из Белого движения. Это был огромный церковно-исторический перелом, ибо патриарх, идя все время с народом и осудив большевиков во имя Христовой правды, убедился, что отныне Церковь не может делить судеб государства, не должна зависеть от политической жизни.

В эмиграции этого не поняли; создавалась иллюзия возможности восстановления прошлого. Представители Церкви попыта-

лись взять в свои руки дело, которое выпало из рук тех, кому было вручено. Так создался первый собор в Карловцах. Патриарх постановления собора признал — несоответствующими его воле и издал указ, в котором управление всеми заграничными церквами поручалось митрополиту Евлогию. Не желавшие подчиниться этому указу пытались заподозрить его подлинность, но это является попыткой с явно негодными средствами, ибо уж слишком много объективных данных в пользу подлинности — и скверная советская бумага, и синодальная машинка, и подписи архиепископа Фаддея и синодального секретаря Нумерова. Митрополит по своему безмерному братолюбию, не расформировывая образовавшегося в Сербии осужденного Патриархом синода, выделил только себе автономный Западно-Европейский округ. Этим митрополит Евлогий, ради церковного мира, сам ограничил полномочия, данные ему Патриархом. Но это ни в коем случае не может означать его подчинения собору. И если в настоящее время зарубежная Церковь стоит перед возможностью раскола, то это ставит перед нами вопрос о верности заветам Патриарха. Ибо совершенно ясно выраженная воля Патриарха — так же, как и вся линия его поведения — категорически отделяет Церковь от политической борьбы, и всякая попытка вовлечь в нее Церковь является явным отпадением от Патриаршей Церкви. Какую же линию поведения должны в этом избрать мы? Мы должны быть готовыми к скромнейшей и смиреннейшей, но твердой и упорной борьбе за хранение верности заветам Патриарха Тихона; мы должны делать все возможное, чтобы избежать грозящего раскола, и во всяком случае мы должны помнить, что высшим органом церковного управления является не собор, но Московский Патриарх и его законный заместитель, решение коего единственно может внести свет в сложившуюся обстановку.

В ответ на этот доклад громко прозвучал молодой голос из России: «У нас все считают главой заграничной Церкви митрополита Евлогия; весть о том, что здесь происходит несогласие и есть люди, которые хотят отделиться, разорвет душу России: значит последние друзья отпадают — бросают в беде. В России все любят Патриарха и считают, что правильно поступают только те, кто буквально выполняет его волю»...

Вслед за этим слово взял Владыка Вениамин. Вопрос этот очень важный; может быть, самый важный за все время существования эмиграции. И не надо его ни бояться, ни замалчивать; грозящий ныне раскол возник не сегодня и не вчера: это вскрылся

нарыв, давно уже зревший в зарубежной Церкви; но может быть острая боль есть начало выздоровления. Суть вопроса очень глубока: Господь поставил России вопрос о самом Себе: кем и для кого хочет она жить — для Бога или для себя; Богом или собою. И Россия твердо ответила на этот страшный вопрос. А мы — мы унесли с собою старые привычки и старую идеологию, и все еще верим, что Россию спасет не Бог, а мы; что преодолеть коммунизм надо не любовью, а ненавистью; не молитвой, а политикой. А Россия избрала правильный путь. Из страдающей Москвы доносится к нам прощальный голос Патриарха, зовущего к мирному и любовному лечению русской болезни. И конечно на Москву, а не на Карловцы должны мы равняться. Там — даже в оковах — Церковь умеет преодолевать смуту. Митрополит Сергей — правящий ныне вместо заключенного местоблюстителя Петра — искушенный и искусный — является сейчас главою русской Церкви. А для нас — незабываемый столп Ее — митрополит Евлогий, законно призванный быть старшим иерархом за границей. Без старшего же и собор ничего сделать не может; ибо и канонически собор действителен только в согласии со своим главою. Мы же должны быть смиренными, но твердыми — и помнить, что только от Господа зависит мир церковный и спасение России.

Все эти мысли нашли себе авторитетное подтверждение в словах самого митрополита Евлогия, прибывшего на съезд в четверг вечером. Владыка с вокзала пришел прямо в церковь и вошел в нее к моменту окончания утрени, в то самое мгновение, когда хор запел «Испола эти, Деспота». Присутствующие не могли не увидеть в этом символа. Владыка благословил съезд и приветствовал его пожеланием духа молитвы, любви, мира и радости, особенно необходимым в то время, когда горизонт церковный омрачен тучами. На следующее утро Митрополит обратился к собравшимся с пространством словом, в котором с удивительной благостью рассказал о том, что произошло на соборе и что он считает правильным.

Относительно работы Движения Владыка сказал прямо и просто: «Вы стоите на правильном пути — и нам, старшим, представителям церковной иерархии должно всемерно облегчать и помогать вам в вашей работе. Однако Господь посылает иногда и искушения и разделения «да явится искуснейший»; но хочется верить, что и они послужат к вящей славе Божьей. В том, что произошло на соборе, необходимо различать два вопроса — прин-

ципиальный и конкретный. Принципиальный вопрос, слава Богу, не касается стороны догматической; он не является борьбой честолюбий (от этого избави нас Боже); нет даже принципиального спора о канонах; но в практике применения некоторых канонических положений действительно возникло несогласие — и корень его в различии взглядов на свободу Церкви: должна ли Она быть самостоятельной и независимой, или же должна согласовываться и испытывать влияние со стороны других жизненных явлений — и, в частности, со стороны политики. «Я, — говорил Владыка Митрополит, — убедился горьким опытом в том, что зависимое положение Церкви убивает церковные силы, вводит в церковную жизнь чуждое ей бюрократическое начало; Церковь велика и сильна, когда она свободна, независима и вещает слово Христово, не приспособляясь ни к каким мнениям, не идя ни на какие компромиссы. И это не только мое мнение — это завет нашего дорогого Патриарха Тихона. Но в этом вопросе мы еще не изжили старых привычек и здесь обнаружилось трение, приведшие к печальному разделению. Но вы не смущайтесь этим. Этот вопрос — наш, иерархический; а вы, в работе вашей — обретете драгоценный бисер Христов — и все ваши усилия должны быть направлены к тому, чтобы сохранить его. Будьте выше политики в вашей церковной жизни, оставляйте ее за порогом храма и старайтесь бороться с духом разделения. Я верю в то, что можно сохранить церковное единство, даже расходясь по отдельным вопросам. Но в данном случае вопрос таков, что вам и расходиться не нужно: ибо дело идет не о чистоте веры, а только о фактическом управлении Церковью.

Другой вопрос, обсуждавшийся на соборе, касается непосредственно вас и вашей работы. Он был освещен неправильно, недостаточно внимательно и глубоко изучен и вследствие этого решен односторонне. Уйдя с собора, я все же вернулся на то собрание, на котором речь шла о вас, чтобы высказать мое мнение о вашем Движении, которое дает мне столько радости и утешения.

Однако — под влиянием враждебных наветов, исходивших из нечистого источника — возобладали слова небратолюбивого и нехристианского отношения к вам. Клевета омутила совесть некоторых иерархов, отравила их душу подозрениями и опасениями за чистоту вашей веры. Злая воля вызвала излишнюю подозрительность, основанную на слишком доверчивом и некритичном отношении к клевете. И голос иерархов, к которым вы шли с

открытой душой, прозвучал болезненно. Что же вам делать? Исход я вижу один: идите тем путем любви и единения, которым вы шли до сих пор — вслед за Христом и Его Церковью — слушая голос вашей совести. И докажите сомневающимся неправоту их опасений. Я уверен, что если бы их хоть на час привести сюда — на ваши собрания — их сомнения рассеялись бы как дым. Но, Господь даст, и этот суровый приговор сам собой растворится и не будет иметь жизненной силы — если вы смиренно будете продолжать вашу работу.

По своей архиерейской совести я должен сказать слово и о наших великодушных американских друзьях, о которых собор высказался так несправедливо и жестоко. Я свидетельствую, что в их отношениях к нам нет никакой пропаганды и посягательств на чистоту Православной веры. Наоборот, их благоговейное отношение к нашим святыням всегда трогало и умиляло меня. Я не могу забыть того, что, устраивая летнюю колонию для детей, они первым делом подумали о том, чтобы дети не остались без духовного руководства, и просили назначить им священника. А их издательство! Ведь никто, кроме них, не издает православных книг. Казалось бы, от нас они должны были услышать слова христианской благодарности и признательности. Но и тут произошло какое-то грустное недоразумение... Мой отеческий совет вам: не смущайтесь всем этим; спокойно идите своей дорогой, проверяя себя перед Богом, своей совестью, советуясь с вашими пастырями-духовниками. Блюдите чистоту вашей церковной веры; любите Христа и Его Церковь и будьте спокойны. Будьте тверды в своем исповедании: иногда ведь приходится превращать его в исповедничество; за веру приходится иногда не только стоять, но и страдать. И да будет благословен ваш путь и та организация, которая вас объединяет. Верьте, что молитва и подвиг победят всё: туман рассеется и снова станет светло»...

Говоря свое слово, Владыка Митрополит держал в руках зеленую веточку, лежавшую перед ним на столе. И это невольно наводило мысль на то бережное и благостное отношение, которым он окружает юное растущее Движение молодежи — свежий побег на церковном древе. Но Владыка иногда помахивал ею — и это тоже некоторыми было понято как символ: зеленая ветка в руках церковной власти напоминала о том, что любящая десница может не только благословлять и помогать, но и карать...

На следующий день одним из старших участников съезда была прочитана каноническая справка об указах Патриарха Ти-

хона, уполномочивающих Митрополита Евлогия управлять зарубежной Церковью, и о постановлениях архиерейского собора, принимавших эти указы к сведению.

Наше краткое изложение этого вопроса было бы не полно, если бы мы не упомянули еще о двух речах: д-ра Г. Г. Кульмана и архиепископа Владимира.

На заключительном собрании Густав Густавович обратился к съезду с прощальным словом. Уезжая в Америку после 5-ти лет работы с русскими, он в проникновенных выражениях говорил о том, как тяжело ему оставлять своих друзей в такой ответственный и трудный момент. «Нам, иностранцам, — говорил он, — нельзя сравнивать своих чувств с тем, что переживаете вы, но если мне было тяжело и скорбно выслушать, что после всего, что мы силились сделать для вас нашими слабыми силами — мы все же — богопротивная и антихристианская организация, то сегодня я счастлив сказать, что ваша любовь, доверие и твердость вполне изглаживают ту горечь, которая остается в душе после этих слов. Я верю, что в тех испытаниях, которые Бог посылает русской Церкви, явится подлинный лик Православия; и может быть для того эти испытания и посылаются. И в том, что было здесь — в молитве и в работе, — я ощущал — насколько это может ощущать протестант — вечное истинное лицо Православной Церкви. А это — самое важное не только для вас, но и для нас, западных христиан, чувствующих необходимость совместной работы и жизни, и непрестанно молящихся о том, чтобы Господь дал нам разделить вашу судьбу, ваши тяготы и вашу церковную радость».

В ответ на это Владыка Митрополит благодарил Густава Густавовича за его отношение к нашей Церкви и к нашей работе и выразил свою глубокую радость по поводу того, что все несправедливые и оскорбительные слова, выпавшие на долю наших друзей, не колеблют их веры в Православную Церковь. Это есть подлинное свидетельство любви Христовой, и мы отвечаем на нее признательностью, сочувствием и благодарностью.

Заключительным аккордом в этом вопросе явилась речь архиепископа Владимира. Приехав в Клермон из Ниццы и проведя 5 дней на съезде, Владыка еще более укрепился в любви к нашему делу и призывал нас к твердому и мужественному служению ему. «Будьте готовы к испытаниям, — говорил он. — Всё ведь произошло из-за клеветы на вас. Клевета же исходит от того, кто не терпит, что вы собираетесь во имя Христова, кому ненавистно Божье дело. Он — лукавый и осыпает глумлениями вас

и ваше святое дело. И меня не хотели пускать к вам, рассказывая разные небылицы. Но вы радуйтесь этому: ибо Господь сказал: «блаженны те, кого будут гнать за Имя Мое». Терпите, мужайтесь — спокойно продолжайте то дело, к которому призвал вас Господь...»

Подвести итоги всему пережитому на съезде очень трудно. Поэтому, оставляя оценку съезда до другого времени, мы ограничимся приведением слов Владыки Вениамина, сказанных им по поводу информационных докладов, и указанием на многозначительный факт — радостный для участников съезда и символический для всего Движения.

Владыка Вениамин сказал: «Во-первых, надо отметить жизненность всех ваших работ. **Вы живете** — и это очень важно; 2) вы живете самостоятельно и самостоятельно; инициатива у вас собственная; это понятно, потому что люди старшего поколения труднее загораются, чем молодежь. И слава Богу. Живите, работайте и нас притягивайте; 3) из всего ясно, что вы хотите быть православными — и это наполняет радостью и умилением мое сердце, когда я с тревогой думаю о судьбах нашей молодежи; 4) отраднo, что вы не легкомысленны и не скоры на решения; осторожность — залог правильного пути.

А потому, думая о Движении, я чувствую большое и отрадное спокойствие. Господь вас да благословит».

В воскресенье последнего дня все участники съезда причащались. Эта радость не может быть описана; ее знает каждый, кто подходил к чаше совместно со своими братьями по вере, жизни и работе.

Но день этот ознаменовался еще одной радостью — Александр Викторович Ельчанинов, старый друг и участник Движения, во время литургии был рукоположен в диаконы. Рукоположение совершил митрополит Евлогий, обратившийся к ставленнику со следующими словами: «От души поздравляю тебя, мой новый сослужитель, с великой радостью. Дай Бог, чтобы каждый наш съезд заканчивался новым посвящением; ибо принести Богу в дар нашего брата — это лучшее, что мы можем сделать, чтобы возблагодарить Его за все Его милости. А тебе Господь поручает руководить нашей интеллигентной молодежью, которая уже любит тебя. Да будет же благословение Божие со всеми вами».

ЛАГЕРЬ РСХД В СЕНТ-ТЕОФФРЕЙ

В СЕНТ-ТЕОФФРЕЙ с 1939-го года Русское Христианское Студенческое Движение устраивает свой летний лагерь для юношества и студентов.

Он расположен на высоте 1 100 метров на горе над Наполеоновской дорогой, с которой открывается изумительный вид на всю долину с ее озерами, на две горы, Гран Серр и Табор, на синеющие слева горы, окружающие Гренобль, и справа громаду, горный массив Обью.

В текущем, 1976-м году, лагерь начался 3 июля, кончился 15-го августа. В июле в лагере было около 160 человек, в августе — 80 человек. Как всегда, в лагерной церкви совершались постоянные службы. Первые две недели лагерь духовно обслуживал прот. Борис Бобринский. Потом приехал постоянный духовный руководитель, протопресвитер Алексей Князев, ректор Богословского Института и председатель РСХД во Франции.

В лагере велись ежедневные уроки по закону Божию и по русскому языку. 23-24 июля был проведен съезд на тему: «Христианская вовлеченность в мир». Докладчиками выступили К. А. Ельчанинов, протопр. А. Князев и М. А. Сологуб. Доклады обсуждались в кружках и на общем собрании.

Было устроено для старших два больших двухдневных похода: 18-19 июля в массив Бельдонны и 4-5 августа — в Валь Сенестр. Для маленьких организовывались поездки на автокарах. В лагере также устраивались костры, театральные постановки, вечера поэзии. А 27-28 июля и 13-14 августа состоялись спортивные состязания по типу Олимпийских игр.

11 августа лагерь отправился в поход-паломничество в Салетт, место, озаменованное явлением в прошлом веке Божией Матери. Вечером состоялась исповедь, на другой день была совершена литургия, за которой все причащались. После литургии состоялся общелагерный парад.

Среди детей было несколько человек, недавно выехавших из России. Было также несколько лиц из новой эмиграции среди персонала лагеря, что способствовало значительному укреплению в лагере русского языка среди младшего поколения.

А. К.

ПРОГРАММА РАБОТЫ

на 1976-1977 год

ГЛАВНЫЕ ВСТРЕЧИ

1. **СЪЕЗД РУКОВОДИТЕЛЕЙ:** съезд состоялся в Доме Движения 2-го и 3-го октября 1976 г. (1-ый сбор Дружины был 10-го октября).
2. **КИНОСЕАНС:** 25-го ноября 1976 г.
Фильм В. Шукшина: «Калина красная», Мультфильмы, Буфет.
3. **ОСЕННИЙ ВЫЕЗД МОЛОДЕЖИ:** 20-го и 21-го ноября 1976 г. (В Монжероне под Парижем).
Общая тема докладов и бесед: «Как Церковь отвечает на вызов мира».
4. **ПРАЗДНИК ДВИЖЕНИЯ:** в пятницу 10-го декабря 1976 г. (в Доме Движения).
5. **ЗИМНИЙ ЛАГЕРЬ:** с 22-го декабря 1976 до 2-го января 1977. Принимает православных детей от 7-ми до 18-ти лет. Дом находится около Эвиана (Женевское озеро).
6. **ЕЛКА РСХД:** в конце января 1977 г.
7. **ВЕЧЕРИНКА** (в проекте) или 2-ой **КИНОСЕАНС:** в конце февраля 1977 г.
8. **ТЕАТР:** в начале мая 1977 г.
Пьеса И. Тургенева «Нахлебник». (Постановка Театральной группы РСХД).
9. **ВЕСЕННИЙ СЪЕЗД:** 28-29-30 мая 1977 г. (в Монжероне под Парижем).
10. **ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ:** с 1-го июля до 15-го августа 1977 г.

ЗИМНЯЯ РАБОТА

1. **СБОРЫ ДРУЖИНЫ:** 2 раза в месяц, по воскресениям, в Доме Движения. Экскурсии, музеи, спорт, прикладное искусство, беседы, пение и т. д. (Начальник Дружины: А. Викторов).
2. **РУССКАЯ ШКОЛА:** по средам, в Доме Движения.
Русская приходская школа принимает детей от 4-х до 18-ти лет: Закон Божий, Русский язык, Литература, История. (Директор школы: о. Игорь Верник).

3. **ТЕАТРАЛЬНАЯ ГРУППА:** ставит пьесу И. Тургенева «На хлебник».
4. **КРУЖОК ПО ИЗУЧЕНИЮ СВЯТЫХ ОТЦОВ:** собирается 2 раза в месяц. Занятия ведутся на французском языке. (Руководитель кружка: М. Сологуб).
5. **КРУЖОК ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ:** собирается 2 раза в месяц. Занятия ведутся на русском языке, с участием славистов и деятелей русской культуры: В. Максимов, проф. П. Паскаль, о. Борис Бобринский и др. (Руководитель кружка: В. Аллой).
6. **ЛЕКЦИИ ПРИ ВВЕДЕНСКОМ ПРИХОДЕ:** раз в месяц (в Доме Движения). Доклады на религиозные, литературные, художественные и исторические темы, с участием Е. Н. Берг, С. П. Жабы, П. Е. Ковалевского, Б. Н. Лосского, Н. Спасского и др. (Лекции устраивают проф. П. Ковалевский и о. Игорь Верник).
7. **ЛЕКЦИИ О СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:** с участием новых эмигрантов: А. Амальрика, Е. Вагина, В. Максимова и др. Первая лекция А. Амальрика состоится 2-го декабря, в 8 ч. вечера в зале: la Mutualité (salle «G») - Paris 5e.
8. **КРУЖОК ПОМОЩИ:** помощь нуждающимся членам и друзьям Движения, посещение больных, Рождественские и Пасхальные посылки и т. д.

За справками и разъяснениями обращаться
в бюро РСХД по адресу:

ACER. 91, rue Olivier de Serres. 75015 Paris.

телефон: 250-53-66

Некролог

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ РАЕВСКИЙ

(Памяти друга)

В воскресенье 11 июля 1976 г. в Сан-Франциско внезапно скончался доктор Петр Николаевич Раевский. Родился он на заре столетия, в 1901 году, и жизнь его могла бы стать интереснейшей темой для захватывающей биографической повести. Будучи удивительным рассказчиком и обладая полнотой того дара, который покойный Владыка Сергей Пражский, бывший, кстати, другом и духовником Петра Николаевича, называл «даром общения», П. Н. щедро рассыпал мозаику своей жизни среди многочисленных своих друзей и знакомых. От Харькова до Сан-Франциско сплеталась жизнь его в удивительный узор судьбы даровитого русского идеалиста, через которую красной нитью проходила неизменная верность его Богу и Церкви. Верность эта и создала в нем ту удивительную духовную целостность, благодаря которой в минуту своей смерти — непостыдной, безболезненной и мирной — упал он как зрелый плод с дерева жизни в руки Божии...

Петр Николаевич родился в семье видного врача-идеалиста в Харькове. Пример отца определил его отношение к медицине как к призванию, к искусству врачевания, к целостному служению человеку. К этому присоединилась и 300-летняя традиция священства в семье Раевских, озарившая врачебное служение светом Христовой любви к человеку. Так и создался врач и человек, который всю жизнь умел к каждому человеку обращаться лицом, в целостном порыве самоотдачи. В медицинской своей карьере Петр Николаевич специализировался в судебной медицине, в области которой преподавал в 1-м Харьковском Медицинском институте до невольной своей эмиграции на Запад. Специализация никак не сузила его отношения к врачеванию: и погружаясь в эту трудную, ответственную и трагическую область профессии, он всегда оставался «домашним врачом». И, не в пример многим другим «историческим» потомкам нашего русского духовенства, погруженность в самую рациональную область медицины ни на минуту не поколебала его удивительной веры в Бога, ставшей основой всего его отношения к пациенту.

Студенческие годы и начало докторской карьеры П. Н. прошли в условиях «страшных лет России». Мужественно, самоотверженно и бесстрашно П. Н. встал на защиту Церкви с самого начала ее преследований безбожной властью. Глава его жизни, посвященная стоянию за веру в условиях кровавого гонения, является самой яркой частью его биографии. Скрепященный иподьяконский орарь стал истинным символом архангельских крыльев, поднятых на защиту гонимых епископов,

пастырей и верующих мирян. На помощь духовной мощи приходила подчас и мощь физическая, когда надо было защищать и поддерживать благочестие и благообразие церковной жизни, поставленное под угрозу антирелигиозного хулиганства. В огненном пафосе христианского исповедничества П. Н. стал другом сонма русских архиереев, священников и монахов, с которыми связывали его узы мученического братства. Тут же встретил он свою будущую супругу, 52 года разделявшую все радости и горести его бытия, Надежду Пантелеймоновну, бывшую в то время активным членом церковного сестричества в Харькове.

Вторая мировая война выкинула супругов Раевских и их юную еще дочку Ольгу на запад. Воротами в западный мир была Прага, в которой вся духовная жизнь православной колонии протекала под мудрым и добрым руководством епископа Пражского Сергия и ближайшего его помощника архимандрита Исаакия. С большим духовным чутьем эти два выдающихся пастыря приняли Раевских под свой духовный покров и на всю жизнь остались незабвенными светочами православия в их жизни. Когда П. Н. подходил к Чаше, епископ Сергий называл его не просто «рабом Божиим», а «врачом Петром», и, зная как важен был в медицинской его практике аспект духовности, в полусмутку величал его «коллегой»...

Еще утихали громы войны, а в разных местах западной Германии, буквально на дымящихся развалинах, начала шевелиться русская беженская жизнь. Протоиерей Александр Киселев возглавил в Мюнхене превращение полуразрушенного большого здания в один из центров русской духовной и общественной жизни на послевоенном западе Европы — в Дом Милосердного Самарянина. В этот дом вселился и П. Н. Раевский с женой и дочерью. «Самарянин» постепенно превратился в некий микрокосм русской жизни. Духовным центром стал домовый храм преп. Серафима Саровского, образок которого был чудом обретен среди тлеющих обломков верхнего этажа. Полная русская гимназия, книгопечатное и издательское дело, возрождающееся Русское Студенческое Христианское Движение, столовая, собрания, кружки, съезды — во все эти области работы Дома включился доктор Раевский с семьей, сразу же став старостой храма. Но главным центром его творческой жизни были созданные им при Доме курсы Сестер Милосердия, зубоврачебные курсы и амбулаторный прием множества нуждавшихся в медицинской помощи, в совете, в личном внимании. С неисчерпаемой энергией ринулся П. Н. в этот подвиг человеколюбия, всего себя раздавая всем, всем...

И, наконец, — Америка. Обычное трудное начало для человека уже не столь и молодого, без языка, без права практики, без денег, с ответственностью за семью, за ее будущее. Но всё шло по той же программе: первым долгом Церковь. Сразу же П. Н., а с ним и близкие его, активно включились

в церковную жизнь Беркли, ставшего первой базой жизни Раевских в Америке. А наряду с этим — привычное «хождение по мукам». Работы П. Н. не боялся никакой. И — самое замечательное — не только не унывал, попав в новую и непривычную обстановку, но во все жизненные трудности и испытания, неизбежные при пересадке на новую почву, умел вносить дух изобретательности и творческой инициативы, о всем рассказывать с подлинным чувством юмора и благородного приключенчества. Эти два последних качества били в нем ключом и выводили его из многих жизненных испытаний целым, невредимым и полным веры в будущее.

Следующим этапом на пути американского «переквалифирования» Петра Николаевича было преподавание русского языка в Армейской Школе Языков в Монтерее. В эту работу с людьми, молодыми и полными желания освоить новый язык и познакомиться с особенностями русской жизни, П. Н. вновь включился со всем присущим ему беззаветным энтузиазмом. Хотя и далекое от основной его профессии, новое дело отвечало глубоко укорененному в нем вдохновению педагога. Снова можно было учить, наставлять, просвещать, передавать запасы опыта, знаний, традиции, культуры...

В середине пятидесятых годов Раевские переселились в Сан-Франциско. Петру Николаевичу наконец удалось вернуться ближе к своему любимому делу. Его приняли на работу в патологический отдел французского госпиталя в Сан-Франциско, где он создал себе первоклассную репутацию как специалист по патологии и судебной медицине и создатель одного из лучших в городе музеев в этой ответственной медицинской области. На этой работе П. Н. пробыл вплоть до 72-летнего возраста, когда сам решил уйти на пенсию.

Переезд в Сан-Франциско вовлек доктора Раевского и его семью в деятельное участие в церковной и общественной жизни русской колонии. На многие годы П. Н. стал бессменным старостой Свято-Троицкого Кафедрального Собора (оставляя свой пост у свечного стола, когда в алтаре требовался опытный иподиакон), членом приходского совета Собора и Епархиального Совета Сан-Франциской и Западно-Американской Епархии Православной Церкви в Америке, председателем Фонда взаимопомощи при Соборе, преподавателем соборной школы, сотрудником и советником правящего Архиерея и духовенства — стал «всем для всех». И всё с той же неисчерпаемой энергией, энтузиазмом, радостью и рвением...

Несмотря на возраст и физические недомогания, конец Петра Николаевича настал неожиданно для его семьи и для его многочисленных друзей. Был он воплощением жизненной энергии, силы жизни, которую довел до конца по Пастернаковской формуле —

и быть живым, живым — и только,
живым и только — до конца.

Для Бога кончина его была свершением Божественного замысла о нем, им самим оправданного в образе его жизни. Что бы ни делал П. Н., о чем бы ни говорил, где бы ни был — духовным своим «нутром» был он всегда погружен в стихию Церкви и причастен Божественному промыслу. Эта погруженность и причастность отнюдь не ограничивалась его «церковной деятельностью», он жил в них сознательно и сверхсознательно — глубоко и органично. Поэтому и проводы его в жизнь вечную, в которую веровал он верой детски непоколебимой, носили глубокий отпечаток торжества и празднования смерти, свойственный христианскому сознанию с первых веков христианства. Архиерейские службы, сонм духовенства, прекрасное пение кафедрального хора, море цветов, множество молящихся. Предание земле на Сербском кладбище, среди русских могил, под ярким голубым и солнечным калифорнийским небом.

Ушел большой человек, после которого, казалось бы, останется пустое и ничем не заполнимое место. Для знавших и любивших Петра Николаевича, при всей скорби разлуки, пустоты этой не осталось: столь целостен был этот человек, таким теплом и жизнью наполнял он всё вокруг себя, что и после физического его ухода в мир иной осязательным остается его духовное присутствие, осязательной пребывает его веселая простота, неиссякаемой зрится его благая и добрая человечность, созревшая и закаленная в горниле веры и верности...

Протоиерей Георгий Бенигсен

Почтовый ящик

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА ВЕСТНИК РХД

Милостивые Государи, глубокоуважаемые члены редакции!

Вот уже ряд лет читаю я с большим интересом и по большей части с полным сочувствием издаваемый Вами журнал. Последние номера показались мне особенно интересными и ценными, и я решил в связи с этим написать это письмо.

В № 117 мне особенно понравились статьи архиепископа Василия (Кривошеина) о последних встречах автора с митрополитом Николаем Крутицким и Коломенским и протопресвитера о. Александра Шмемана “Ответ Солженицыну”. Первая из них дает богатейший материал для правильного понимания положения Русской Православной Церкви в современной России. В ней, как в капле воды, блестяще отражена вся трагика ее иерархии, ее трудности и ее как жертвенность, так и слабость. Мне кажется, эта небольшая статья дает больше для понимания положения тамошней церкви, чем иные объемистые тома. Вторая же статья дает исключительно верную и объективную оценку выступления Солженицына в его “Письме из Америки”. Жаль только, что автор совсем обошел молчанием главную ошибку Солженицына в этом письме — его положительное отношение к акту самосвяинства 1921 г., совершенно не допустимого с точки зрения православного вероучения.

Не менее богат и ценен также последний номер — № 118. Здесь я хотел бы выбрать из массы интереснейшего материала, наполняющего его, только три пункта, меня особенно затронувших, хотя они касаются различных тем.

Во-первых, я хочу принести особенную благодарность редакции за помещение прекрасной статьи С. Жабы “Терцизированный Пушкин”. Она мне доставила величайшее удовлетворение. Хотя уже в “Русской Мысли” было несколько критических статей о книге Синявского “Прогулки с Пушкиным”, но ни одна из них, уже из-за объема, допускаемого размерами “Р. М.”, не могла столь подробно и досконально проанализировать эту книгу, как это сделал автор “Терцизированного Пушкина”.

Я убежден, что многие и очень многие русские, как живущие “там”, так и “в рассеянии сущие”, прочтут эту статью с таким удовлетворением, как и я.

Не менее затронуло меня и рассуждение о “Христианстве для всех”, составленное из писем, опубликованных в выборе о. Сергием Желудковым. Не скрою, что кое-что в этих письмах меня покорило. Ведь и в католическом богословии “анонимное христианство” далеко не всеми одобряется, а уж тем более для такого строго традиционного вероисповедания, как православие, оно не может казаться приемлемым. Вообще я не могу к о. Сергию Желудкову относиться без известной двойственности: с одной стороны, я с громадным удовольствием читаю его в высшей степени интересные статьи и сочинения; я высоко почитаю его мужество, а также его весьма реалистическую оценку положения Православной Церкви в России (я здесь особенно имею в виду его переписку с Солженицыным); с другой стороны, я все же не могу отделаться

от какого-то чувства чего-то чужого в его взглядах; мне кажется, что он все же уж слишком решительно перешагивает пределы, установленные традицией. Более всего меня огорчило то, что, как я прочел в одном журнале, в его комнате на почетном месте висит портрет пресловутого обновленческого митрополита Антонина (Грановского), возглавлявшего в свое время печальной памяти ВЦУ!

Всегда с большим вниманием и сочувствием я читал то, что касалось о. Димитрия Дудко. Но не скрою, что в "Неопубликованных беседах" в № 118, я натолкнулся на некоторые выражения, которые меня смущали. "Мы сидим под канонами, а жизнь вышла из всяких канонів"... "Требуются оперативные решения, а мы все лазаем по старым книгам"... Конечно, ясно, что не всегда имеется возможность следовать канонам. Но все же здесь как будто прозвучала известная **принципиальная** недооценка их значения для православного мышления.

Зато весьма утешительными были для меня высказанные о. Дмитрием предостережения против тех представителей пришедшей к Церкви интеллигенции, которые желают ее "реформировать на свой лад", доходя в этом даже до отвержения таинств. Совершенно справедливо он подчеркивает, что "реформы сейчас принесут, может быть, большой вред, чем консерватизм", т. к. их пропагандисты имеют тенденцию создать "церковь по своему образу и подобию".

В заключение хочу сказать еще раз, что Ваш журнал доставляет много радости.

С искренним уважением

иеромонах Хризостом
Аббатство Нидеральтайх,
Германия

Письмо в редакцию

Почитаю своим долгом указать на досадную ошибку, вкрадшуюся в № 118, в статье: «О поругании святынь» (стр. 297-298).

В перечислении Святых, посмертное поношение претерпевших, девятым указан благоверный Иоасаф Белгородский.

Святитель Иоасаф Белгородский не был князем, а епископом, открытие свв. мощей которого было около 1910-12 г.г., точнее не указываю, так как не уверен в точности даты, но в августе 1913 г. я был в г. Белгороде и его свв. мощам поклонялся — Святителя о. Иоасафа Белгородского.

С благопожеланиями помощи Божией Вам

Прот. Ал. Чекан.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От Редакции. К 750-летию со дня кончины Франциска Ассизского	3
БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ	
О вере — Г. Игнатъев (Москва)	5
Служение истине — К. Андроников (Париж)	14
Пророки — прот. А. Князев (Париж)	35
Таинство Единства — прот. А. Шмеман (Нью-Йорк)	59
Раннехристианская эстетика — Е. Барабанов (Москва)	71
Св. Франциск Ассизский — Г. Честертон	88
■ Христианство и иудаизм	
Судьба Израиля как крест Богоматери (1941) — прот. С. Булгаков	108
О еврейском расизме — игумен Г. Эйкалович (Франция)	113
■ Из архива	
Угрозы современных варваров — Лев Шестов	133
ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ	
Краткий трактат по советологии — А. Безансон (Париж)	143
Ленин и ВКЧ: подлинный Ленин — М. Геллер (Париж)	183
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Мексиканский дивертисмент — Иосиф Бродский (США)	206
О "Мастере и Маргарите" — Е. М. (СССР)	217
О. Мочалова — Москвич (СССР)	231
■ В мире книг	
О книге М. С. Франка — Н. Андреев (Англия)	235
СУДЬБЫ РОССИИ	
Грядущий град — Ю. Блинов (СССР)	240
Покаяние на Руси — свящ. Д. Дудко (Москва)	254

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
■ Дело А. Аргентова и христианского кружка в Москве	
Обращение разных лиц к общественности, к Ф. Поттеру, к В. Куроедову	281
Письма А. Аргентова патриарху Пимену, психиатру Котову	287
Письмо Г. Шиманова Л. Брежневу	291
Переписка Г. Шиманова с психиатром Г. Румянцевой	294
Христианский кружок в Москве — А. Огородников	296
Письмо А. Огородникова Ф. Поттеру	304
Письмо А. Н. Кабурнеева-Хоругвина патриарху Пимену	308
Письмо Г. Шиманова патриарху Пимену	314
Ответ на письма моих духовных детей — Свящ. Д. Дудко	321
Два письма Г. Федотова Т. Ходорович	331
■ Люди и факты	
Письмо Р. Чандра — Б. Михайлов	335
Можно ли петь песни в собственном доме?	336
Происшествие в Ногинске	337
РСХД 50 ЛЕТ НАЗАД	
Конференция в Клермоне (июнь 1926) — Л. Зандер	338
ХРОНИКА РСХД	
Летний лагерь — А. К.	350
Программа работы Движения на 1976-1977 год	351
Некролог: Памяти П. Раевского — о. Г. Бенигсен	353
Письма в Редакцию	357

SOMMAIRE

	Pages
A nos lecteurs : Pour le 750-ème anniversaire de la mort de Saint François d'Assise	3
THEOLOGIE, PHILOSOPHIE	
De la foi — G. Ignatiev (URSS)	5
Le service de la Vérité — C. Andronikof (Paris)	14
Les prophètes Osée et Michée — P. A. Kniazeff (Paris)	35
Le sacrement de l'Unité — P. A. Schmemmann (New-York)	59
L'esthétique paléochrétienne — E. Barabanov (Moscou)	71
Saint François d'Assise — G. Chesterton	88
■ Christianisme et judaïsme	
Les destinées d'Israël à la lumière de la croix de Marie — Serge Boulgakov (texte inédit de 1941)	108
Le racisme juif — E. Eikalovitch (France)	113
■ Inédits	
La menace des barbares de notre temps — Léon Chestov (inédit)	133
PROBLEMES SOCIAUX	
Court traité de soviétologie — A. Besançon (Paris)	143
Lénine et la Tchéka — M. Heller (Paris)	183
LITTERATURE ET VIE	
Divertissement mexicain — Joseph Brodski (USA)	206
A propos de «Maître et Marguerite» — E.M. (URSS)	217
O. Motchalova — Moskvitch (URSS)	231
■ Le monde des livres	
A propos du recueil d'articles de V. Frank — N. Andreev (Oxford)	235

SOMMAIRE

	Pages
LES DESTINEES DE LA RUSSIE	
La cité à venir — G. Blinov (URSS)	240
Le repentir en Russie — P. Dimitri Doudko (Moscou)	254
■ L'affaire Argentov (interné dans un asile psychiatrique)	
Appels à l'opinion publique, à Ph. Potter, à V. Kouroédov	281
Lettres d'A. Argentov au patriarche Pimène, au psychiatre Kotov	287
Lettre de G. Schimanov à L. Brejnev	291
Echange de lettres entre G. Schimanov et le psychiatre G. Roumiantseva	294
Un cercle chrétien à Moscou — A. Ogorodnikov	296
Lettre d'A. Ogorodnikov à Ph. Potter	304
Lettre d'A. Kabournéev au patriarche Pimène	308
Lettre de G. Schimanov au patriarche Pimène	314
Réponse aux lettres de mes enfants spirituels — Rev. D. Doudko	321
Deux lettres de G. Fedotov à T. Khodorovitch	331
■ Hommes et faits	
Lettre à R. Tchandra — B. Mikaïlov	335
Peut-on chanter des chansons en URSS à son domicile?	336
L'incident de Noguïnsk	337
L'ACER IL Y A 50 ANS	
Le congrès de Clermont (juin 1926) — L. Zander	338
CHRONIQUE DE L'ACER	
Le camp d'Été — A.K.	350
Les activités de L'ACER en 1976-1977	351
Nécrologie: In memoriam P. Raevski — P. G. Bennigsen	353
Lettres à la Rédaction	357

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" « LA PENSÉE RUSSE »

Главный Редактор: Зинаида ШАХОВСКАЯ

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 12-ти страницах.
Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

« La Pensée Russe ». 217, rue du Fg Saint-Honoré, 75008 Paris
Tél. : 824-96-47 ; 766-21-83 ; 227-05-79

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	35	64	116
ЗАГРАНИЦА	39	70	130

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 Paris

Цена отдельного номера 3 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

66-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском
Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские
писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Воскресное и ежедневное издание:
один год — 40 амер. долларов
6 месяцев — 22 амер. долларов
Воскресное издание только:
один год — 18 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO

243 West 56 Street — New York 10019, N.Y., USA.

или по адресу парижского представителя газеты, с уплатой во франках:
Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
LES ÉDITEURS RÉUNIS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 PARIS

	фр. фр.
Лидия ЧУКОВСКАЯ — Записки об Анне Ахматовой: том I (1938-1940), 251 стр.	42,00
Сергей БУЛГАКОВ — Тихие Думы (Из статей 1911-1913 г.г., с изд. Москва 1918), 212 стр.	33,00
Ф. И. ТЮТЧЕВ — Политические статьи (Французский оригинальный текст и русский перевод, с изд. СПб), 172 стр.	27,00
К. И. ЧУКОВСКИЙ — Книга об Александре Блоке (с изд. Берлин 1922), 172 стр.	27,00
НОВИНКИ ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ:	
Архиепископ АВЕРКИЙ — Современность в свете Слова Божия: Слова и речи 1951-1975 в 4-х томах — каждый по	50,00
АВТОРХАНОВ А. Загадка смерти Сталина (Заговор Берия) 316 стр.	49,00
АХМАТОВА А. — Anno Domini MCMXXI (с изд. Petropolis 1921)	19,00
ДУДКО о. Димитрий — Верю, Господи! (Запись в студенческие годы. Начало священнического пути. Заметки о Церкви. Записки священника). 299 стр.	33,00
ЗАМЯТИН Е. Наводнение (с изд. Лен. 1930, рисунки К. Рудакова)	14,00
ЗИНОВЬЕВ А. — Зияющие высоты (561 стр.)	65,00
Иеромонах КЛИМЕНТ (Зедергольм) — Оптинский старец Игумен Антоний (жизнеописание и записи), с издания Москва 1870 (224 стр.)	60,00
Архимандрит ЛЕОНИД Кавелин — Оптинский старец Макарий (с изд. Москва 1861), 197 стр.	60,00
“ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДЕЛА КГБ” (дело Суперфина, Эткина, Хейфеца, Марамзина и Документы о советской цензуре), ред. В. Чалидзе (182 стр.)	30,00

	фр. фр.
МАНДЕЛЬШТАМ О. — Камень (стихи, с изд. СПб 1913) ..	14,00
МАНДЕЛЬШТАМ О. — Египетская марка, и Шум времени (с изд. “Прибой”, Лен. 1928)	21,00
НАБОКОВ В. — Возвращение Чорба (собрание рассказов и повестей. Том I, с изд. 1929)	30,00
“НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СССР” (сборник документов, сост. Р. Купчинский), 443 стр.	49,00
НЕИЗДАННЫЙ ЗОЩЕНКО (рассказы и статьи), 159 стр. ..	40,00
“НОВАЯ СКРИЖАЛЬ” или объяснение о Церкви, о Литургии и о всех службах и утварях церковных (с изд. СПб 1908), 533 стр.	50,00
ПАСТЕРНАК Б. — Воздушные пути (с изд. Москва 1933) ..	21,00
СВЕТЛОВ Э. — Дионис, Логос, Судьба (Греческая религия и философия от эпохи колонизации до Александра), 396 стр.	45,00
СВЕТЛОВ Э. — Вестник Царства Божия (Библейские пророки от Амоса до Реставации), 647 стр.	49,00
“СКАЗАНИЯ О ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ, о чудотворных иконах и о Ея великих милостях роду человеческому” (сост. архимандрит Пантелеимон), 560 стр.	55,00
ТРОЦКИЙ Л. — История Русской Революции (с изд. Берлин 1931), 1400 стр.	413,00
Прот. Михаил ХЕРАСКОВ — Руководство к изучению священного Писания Ветхого Завета:	
Т. 1 Пятонкикие Моисеево	30,00
Т. 2 Исторические книги	41,00
Т. 3 Учительные книги	36,00
ЧУКОВСКИЙ К. — Поэт и Палач (Некрасов и Муравьев) — с изд. СПб 1922	14,00

ВСЕ НАШИ КАТАЛОГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО

- Общий каталог книг на русском языке
- Каталог редких и антикварных книг
- Каталог книг на французском языке

КОНТИНЕНТ

№ 9

Главный редактор: Владимир МАКСИМОВ

Литературный,
общественно-
политический
и религиозный
журнал

Содержание:

Томас ВЕНЦЛОВА — Памяти поэта. Вариант
Владимир МАКСИМОВ — Ковчег для незваных. Из романа
Иржи ГОХМАН — Чешский хэппенинг. Роман. Продолжение

СТИХИ: Анри ВОЛОХОНСКИЙ — Из цикла "Июг и суфий"
Василий БЕТАКИ — Из цикла "Европа — остров"
Вадим ДЕЛОНЕ — "Что-то в белых снегах беспоконное..."
Марина ГЛАЗОВА — "И бьется, вьется пена паутиной..."

РОССИЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

А. МАРЧЕНКО, М. ТАРУСЕВИЧ — Tertium datur —
третье дано.

Наум КОРЖАВИН — Психология современного энтузиазма

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ

Аделаида ЛАМБЕРГ — Эстонские диссиденты — за независи-
мость.

ЗАПАД — ВОСТОК

Исаак ДОН ЛЕВИН — ГУЛАг и Запад

ЗВУКОВЫЕ БАРЬЕРЫ РАДИОВЕЩАНИЯ

А. РЕТТИ — Прощание с "Голосом Америки"

А. СОЛЖЕНИЦЫН — О работе русской секции Би-Би-Си

ФАКТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА

Татьяна ХОДОРОВИЧ — Открытое письмо Леониду Плющу

Леонид ПЛЮЩ — Ответ Татьяне Ходорович

Алексей ЛОСЕВ — Ненаписанные репортажи

ИСТОРИЯ: Александр ЯНОВ — Комплекс Грозного

(Предисловие — А. Пятигорского).

ИСТОКИ

Борис ОРЛОВ — "Февраль семнадцатого" в канун непа

Борис БАЖАНОВ — Побег из ночи (Из воспоминаний быв-
шего секретаря Сталина). Продолжение

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Виолетта ИВЕРНИ — Попытка времени (Проза Владимира
Корнилова).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. ВИШНЕВСКАЯ — Невидимкою луна...

НАША АНКЕТА: Интервью с Пьером ДЕКСОМ

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ ПЕРЕД ВЫХОДОМ НОМЕРА

Заявления А. САХАРОВА и Е. ЯНКЕЛЕВИЧА

Цена отдельного номера: 26 фр. фр.

С заказами обращаться в русский книжный магазин

LES EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève 75005 PARIS

Распространяйте ВЕСТНИК

Среди Друзей
Студентов!
Славистов •

Прошу подписать

на ВЕСТНИК РХД 1977 г.

— от моего имени и на мой счет — моих знакомых:

Фамилия:

Адрес:

Прошу послать от моего имени

и на мой счёт ВЕСТНИК РХД №

моим знакомым:

Фамилия:

Адрес:

Прилагаю чек в

(чеки выписывать на имя MESSENGER,
91, rue Olivier de Serres. 75015 Paris. France
почтовый счёт: ССР № 23-601-57 U Paris)

дата:

подпись:

адрес:

Распространяйте ВЕСТНИК

*Среди Друзей
Студентов !
Славистов •*

Прошу послать рекламу о ВЕСТНИКЕ РХД

по следующим адресам:

фамилия:

адрес:

фамилия:

адрес:

фамилия:

адрес:

ВЕСТНИК

Издание Русского Студенческого Христианского Движения

51-й год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Австралии: — M. Solovey, « Our word », P.O. Box 178, Potts point, N.S.W. 2011 Sydney, Australie.

В Америке: Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, U.S.A.

San Francisco: Mrs Olga Raevsky-Hughes, 1418, 24th Ave. San Francisco, Calif., 94122, U.S.A.

В Англии: Keston College, Heathfield Rd, Keston, Kent BR₂ 6BA.

В Израиле: Michel Agoursky, Ramot 6/30, Jérusalem.

В Швеции: Bishop S. Timtchenko. — Box. 19027, Stockholm, 19, Suède.

Directeur responsable: Nikita STRUVE.

Tous droits de traduction réservés.